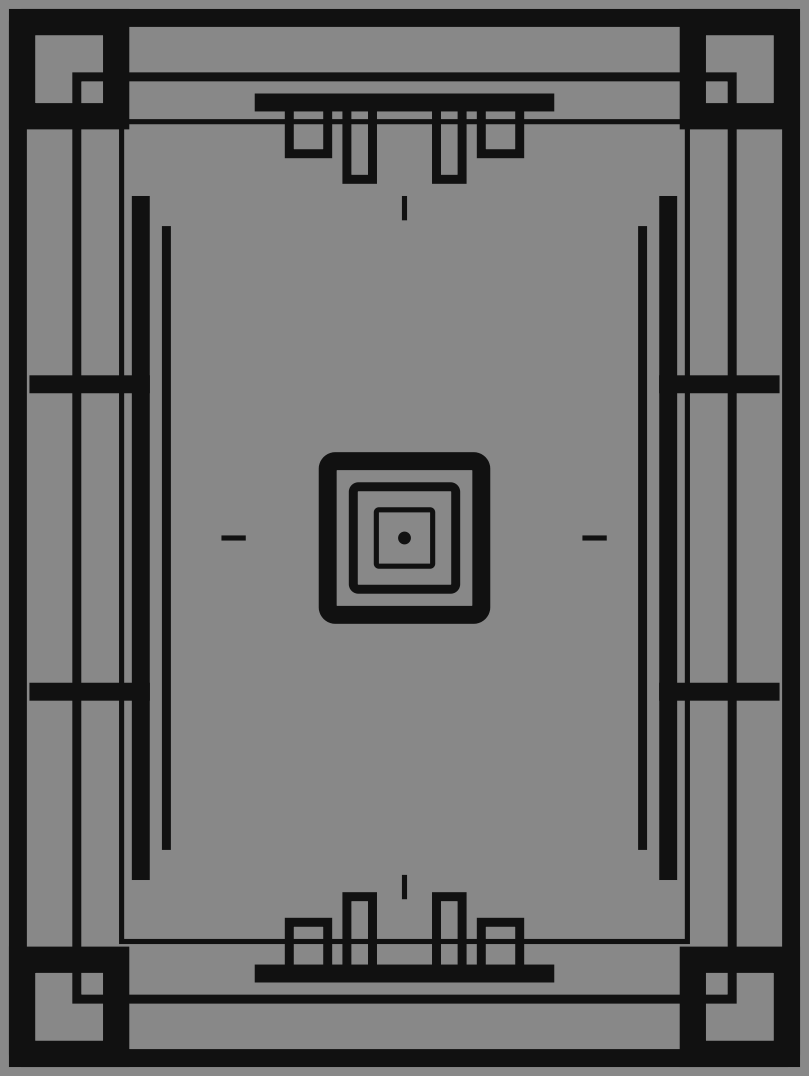

Проект «Ватикан»
Клиффорд Дональд Саймак

Аннотация
Клиффорд Саймак. Проект «Ватикан»
Пролог
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19

Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Глава 43
Глава 44
Глава 45

Глава 46
Глава 47
Глава 48
Глава 49
Глава 50
Глава 51
Глава 52
Глава 53
Глава 54
Глава 55
Глава 56
Глава 57
Глава 58
Глава 59
Глава 60
Глава 61

Аннотация

Роботы решили построить свой Ватикан, чтобы в нем иметь своего Папу Но все оказалась не так просто, как они думали вначале…

Клиффорд Саймак
Проект «Ватикан»

Пролог

До дома оставалось ещё полчаса ходьбы, когда Томаса Декера остановил Шептун.

— Декер, — проговорил Шептун внутри сознания Декера. — Я поймал тебя. На этот раз я тебя поймал.

Декер одним прыжком отскочил в сторону с лесной тропинки, резко вскинул ружьё и приготовился встретить опасность лицом к лицу.

Ничего и никого. Густые заросли деревьев и кустарника вплотную примыкали к тропинке с обеих сторон. Ни дуновения ветерка, не шелеста крыльев вспорхнувшей птички. То есть — ничего. Все замерло, как будто так было вечно.

— Декер!

Окрик прозвучал внутри его сознания. Прозвучал? Нет, он не слышал, конечно, ни крика, ни шёпота. Сколько раз он встречался с Шептуном и так до сих пор самому себе не мог ответить — действительно ли он слышал что-то. Он просто улавливал и понимал слова, возникавшие в определённом участке мозга, ближе ко лбу, повыше глаз.

— Ничего у тебя не выйдет, Шептун, — «сказал» он невидимому собеседнику, разговаривая с ним точно так же, как тот с ним, не произнося слов вслух, но выстроив фразу внутри сознания, чтобы Шептун мог «услышать» её. — Сегодня я с тобой не играю. Прошлый раз был последним… Все, хватит, наигрался я с тобой.

— Трусишка Декер! — не унимался Шептун. — Трус, трус, трусишка!

— Пошёл ты знаешь куда со своими трусишками? — воскликнул Декер. — Выйди-ка, покажись, вот тогда и поглядим, кто из нас трус. Все, Шептун. Конец тебе нынче.

— Ты трус! — не унимался Шептун. — В прошлый раз я от тебя был всего-то на расстоянии выстрела, а ты стрелять не стал. Трус, Декер — трус.

— Мне незачем убивать тебя, — буркнул Декер. — И вообще я не охотник убивать. Но, бог свидетель, Шептун, я сделаю это — только для того, чтобы избавиться от тебя наконец.

— Да? А если я тебя опережу?

— Навряд ли. У тебя для этого возможностей было предостаточно, и ты их все упустил. Все, хватит торговаться. Ты хочешь меня убить не больше, чем я тебя. Тебе охота ещё поиграть — а

я устал, проголодался, домой хочу и не собираюсь гоняться за тобой по лесу!

Теперь он понял, где прячется Шептун, и сделал несколько осторожных шагов по тропе к густым колючим кустам.

— Повезло тебе сегодня, Декер, — заискивающе проговорил Шептун. — Сколько камешков нашёл хороших. Может, даже алмазов.

— Знаешь же отлично, никаких алмазов я не нашёл. Сам же рядом был. Я тебя чувствовал. Ты все время за мной следил.

— Ты так упорно ищешь, — продолжал Шептун. — Тебе должны время от времени и алмазы попадаться.

— Я алмазы не ищу.

— А если найдёшь — что с ними делать будешь?

— Шептун, ну что пристал? Будто не знаешь, что я с камнями делаю?

— Ты отдаёшь их капитану корабля, чтобы он продавал их на Гастре. А он тебя надувает. А сам их втридорога загоняет.

— Похоже, — согласился Декер. — Мне-то что? Ему деньги нужнее, чем мне. Он хочет капитал скопить, мечтает участок купить на Померанце. А тебе что за дело, Шептун?

— А ведь ты не все камушки ему продаёшь?

— Это точно. Лучшие себе оставляю.

— А мне могли бы пригодиться кое-какие камушки из тех, что ты себе оставляешь.

— Вот это новость, Шептун! Тебе-то они на что?

— Ну… Обтачивать там, шлифовать, изменять…

— Ты ювелир, Шептун?

— Не то чтобы такой уж опытный. Так, любитель.

Теперь он был просто уверен, где именно прячется Шептун. Если бы тот хоть чуть-чуть пошевелился, он бы его прикончил. Его не проведёшь этой болтовнёй об алмазах и их обработке. Зубы заговаривает, подразнить хочет. Не выйдет.

«Давно пора было покончить с ним, — думал Декер. — Таскается за мной везде, дразнится, смеётся надо мной, грозит, заставляет играть в салочки, совсем уж дурачка из меня сделал!»

— А вот я бы мог показать тебе ручеёк один, — сказал Шептун, — где камушков много-много, Один там большой такой лежит — изумруд. Уж как мне его заполучить хочется… Возьми для меня этот изумруд, а сам можешь брать все остальные, а?

— Сам возьми, — отрезал Декер. — Знаешь где — пойди да возьми.

— Не могу я, — пожаловался Шептун. — У меня рук нет дотянуться, пальцев нет схватить, сил нет поднять. Ты должен сделать это для меня, Декер. Почему нет? Мы же товарищи с тобой, правда? Мы так долго вместе играли, разве мы не товарищи? Мы так давно знакомы. Ну что тебе стоит?

— Ох, доберусь я до тебя, — проворчал Декер. — Вот только покажись ещё разок, увидишь!

— А то, что ты видел в прошлый раз, был вовсе и не я, — сообщил Шептун. — Это была тень, призрак, очертания, которые я принял, чтобы ты подумал, что это я. Но вот когда ты увидел это и не выстрелил, я понял что ты — друг.

— Вот уж не знаю — призрак или что другое, только учти — в следующий раз пальну, уж ты не сомневайся.

— А мы могли бы дружить, — проговорил Шептун. — Считай, детство вместе прошло. Гуляли, играли. Узнали друг дружку. А теперь, когда мы выросли…

— Выросли?

— Наша дружба выросла, Декер. Больше играть не надо. Это была просто шутка. Наверное, зря я так шутил с тобой. Но шутка была дружеская,

правда-правда, честно.

— Шутка? Ты спятил, Шептун.

— Да-да, шутка. Ты не понимал этого, а все-таки играл со мной. Не всегда от души, не всегда весело, но играл. Знаю, часто ты проклинал меня, ненавидел, был готов убить, а все-таки играл. Но теперь шуткам конец, и мы вместе пойдём домой.

— Домой? Вместе? Только через мой труп. В хижину я тебя не пущу, и думать забудь!

— А я много места не займу. Мне бы в уголке пристроиться, и все. Да ты меня и не заметишь. А мне так нужен друг! Мне трудно найти друга. Такого, чтобы на меня настроен был…

— Шептун, зря время теряешь. Чего бы ты ни добивался, говорю тебе — зря время теряешь.

— А нам было бы хорошо вместе… Я бы камушки твои точил и разговаривал бы с тобой одинокими ночами, и мы много чего могли бы рассказать друг другу. Ты, к примеру, мог бы помочь мне с Ватиканом…

— С Ватиканом?! — изумился Декер. — Господи, Ватикан-то тебе зачем?

Глава 1

Погони не было, но Джейсон Теннисон спешил. Его флайер перелетел через невысокую горную гряду, амфитеатром окружавшую Гастру с запада. Разглядев первые огоньки ночного города, он нажал кнопку и катапультировался. Толчок оказался неожиданно резким. На мгновение его окружила полная, беспросветная темнота, но вскоре поток воздуха изменил направление, и он снова увидел огни. Ему показалось, что вдали промелькнул силуэт его флайера. Так ли это было или только показалось — неважно. Он знал, что флайер пролетит над Гастрой, слегка захватив поверхность океана, омывавшего побережье около крошечного городка, и возьмёт курс от берега. Миль пятьдесят от силы — и флайер упадёт в воду. А вместе с ним исчезнут все следы доктора Джейсона Теннисона, бывшего придворного врача маркграфа Давентри. Радар на космической базе Гастры наверняка уже засёк флайер, но, поскольку тот летит очень низко, радар вскоре потеряет его из виду.

Парашют замедлял падение. Восходящий поток

воздуха подхватил его, повлёк обратно, в сторону мерцавших в отблесках городских огней пиков гор. Крепко держась за стропы, Теннисон пытался сообразить, где приземлился. Похоже, что его относит к южной границе космопорта. Он затаил дыхание и мысленно взмолился, чтобы это было именно так. Просунув руку под стропы, он крепко прижал к груди чемоданчик с медицинскими инструментами.

«Пусть все будет хорошо! — мысленно повторял он. — Пусть все идёт как идёт!»

А до сих пор все шло на удивление гладко. Всю дорогу ему удавалось вести флайер низко, он нёсся в ночи, старательно облетая феодальные поместья, откуда его могли засечь неусыпные лучи радаров — в этом мире, где кипели непрерывные междоусобицы, каждый все время был начеку. Никогда нельзя было предугадать, откуда в следующий раз нагрянут райдеры.

Теннисон пытался сообразить, близко ли земля, но было так темно, что он ничего не мог разглядеть. Он заставил себя расслабиться. Приземления можно ожидать в любой момент — расслабиться нужно обязательно.

Город остался где-то севернее; прямо перед ним сияли огни космопорта. Внезапно огни накрыла

чёрная мгла — и Теннисон ударился о землю. Ноги в коленях подогнулись от толчка. Он повалился на бок, прижимая к груди драгоценный чемоданчик. Парашют медленно опал. Теннисон поднялся на ноги, быстро отстегнул стропы и сложил парашют.

Было темно. Огни космопорта закрывали огромные здания складов. Все сходилось — это был южный край космопорта. Если бы он все заранее планировал, лучшего места для приземления и придумать было нельзя.

Глаза постепенно привыкали к темноте, и он увидел проход между двумя складами. Кроме того, он разглядел, что складские здания покоятся на невысоких сваях. Вот где можно спрятать парашют. Сложить получше и засунуть как можно дальше. Если удастся отыскать какую-нибудь палку, можно и поглубже затолкать. Только это и было нужно — запихать парашют под склад, чтобы его не заметил случайный прохожий, вот и все. Тогда он сумеет выиграть время. Он-то сильно опасался, что придётся рыть яму либо искать заросли погуще, а тут — такая удача. Нужно было спрятать парашют так, чтобы его не смогли найти хотя бы несколько дней. А под складом его не найдут несколько лет.

«Теперь, — подумал Теннисон, — нужно найти корабль и каким-то образом попасть на борт. Может быть, придётся подкупить кого-нибудь из команды, но это как раз нетрудно. Немногие корабли — большей частью, грузовики, прилетевшие на Гастру, — возвращаются сюда не скоро, а кое-какие и не возвращаются вовсе».

Только бы попасть на корабль — и он в безопасности. Если только кто-нибудь не разыщет парашют, никаких других доказательств того, что он спрыгнул с флайера, не будет.

Надёжно упрятав парашют и отцепив от груди чемоданчик, он пошёл между складами. В конце прохода он резко остановился. Прямо перед ним стоял корабль. По спущенному трапу вверх карабкались пассажиры — инопланетяне всех мастей, которых встречали и провожали внутрь корабля странные, похожие на громадных крыс, существа. Цепочка пассажиров загибалась за корабль, и крысы-охранники покрикивали, поторапливая с посадкой.

«Корабль, похоже, скоро стартует», — подумал Теннисон, глядя на него и удивляясь. Пассажирский лайнер на Гастре — явление редкое, их тут по пальцам можно сосчитать, а этот… он и на лайнер похож весьма отдалённо! Старая та-

кая развалина, закопчённая, корявая какая-то. Название было намалёвано чуть повыше люка, и Теннисон с большим трудом разобрал буквы. Посудина носила гордое имя «Странник». Краска местами облупилась, а кое-где её покрывал толстенный слой ржавчины. В общем, так себе кораблик. Не тот, который выбрал бы уважающий себя путешественник. Но, взирая на это чудовище без восторга, Теннисон прекрасно отдавал себе отчёт в том, что ему-то как раз выбирать не приходится. Главное, что корабль вот-вот должен взлететь, так что нечего рассуждать о том, как он выглядит. Только бы попасть на борт, а все остальное неважно. Если удача будет сопутствовать ему и дальше…

Теннисон вышел из прохода между складами. Справа от него, за складом, луч света выхватывал из мрака дорожку, параллельную периметру лётного поля. Осторожно пройдя несколько метров вправо, Теннисон увидел, что свет горит в окнах портового бара.

В цепочке пассажиров произошло смятение. Инопланетянин, смахивавший на паука, — сплошные руки и ноги — заспорил о чем-то с крысоподобным членом команды, ответственным за посадку, за что немедленно поплатился:

Теннисон увидел, как его бесцеремонно выкинули из очереди и один из крыс-гигантов шёл за ним следом, подгоняя несчастного палкой.

Складское здание окутывала мгла. Теннисон быстро скользнул вдоль стены и остановился. Надо обойти его и подобраться к кораблю спереди: в темноте можно приблизиться к трапу и дождаться удобного момента.

Он решил пройти мимо бара уверенным шагом, будто имел на то полное право. Даже если его заметят — все равно идти и не обращать внимания.

Паукообразный чужак исчез, а охранник, прогнавший его, снова встал на свой пост у трапа.

Миновав угол склада, Теннисон двинулся по дорожке, ведущей к бару. За баром лежало пятно чёрной тени от второго склада. Добраться бы незамеченным, тогда авось, и до корабля удастся добежать. Теннисон не боялся, что его не пропустят, — в таких портах, как Гастра, охрана особой строгостью не отличалась.

Ну, вот он, бар. Заглянув в одно из трех окон, Теннисон заметил вешалку, на которой висела чья-то куртка. Он остановился как вкопанный и уставился на надпись «Странник», вышитую золотом на нагрудном кармане. На крючке чуть

повыше висела фуражка с такой же надписью на околыше.

Повинуясь внезапному озарению, Теннисон рванул дверь бара и вбежал внутрь… За столиками вперемежку сидели люди и инопланетяне, некоторые выстроились у стойки. Все были заняты своими делами.

Двое-трое людей повернули головы, рассеянно посмотрели на вошедшего, и больше никто не обращал на него внимания.

Он быстро схватил куртку и фуражку и выскочил за дверь. Ожидая окрика, он весь сжался, но было тихо. На ходу нахлобучив фуражку, он сунул руки в рукава куртки.

Пассажиров около корабля уже не было — судя по всему, посадка была окончена. Единственный крысоподобный матрос стоял около трапа. Быстро и решительно Теннисон зашагал по лётному полю к кораблю.

Охранник, конечно, мог остановить его, но вряд ли. Куртка и фуражка надёжная маскировка. Вряд ли охранник заподозрит в нем «зайца». Люди ведь с трудом различают инопланетян одного рода, для них они все на одно лицо. То же самое и с чужаками — для них все люди одинаковы.

Теннисон подошёл к трапу. Крысоподобный

отсалютовал.

— Пожалуйте, сэр, — сказал он хрипло, — Капитан уже про вас спрашивал.

Глава 2

Через некоторое время Теннисон был обнаружен одним из крыс-матросов в тесной каморке, куда он забился, ища, где бы спрятаться. Матрос без лишних слов отвёл его к капитану, который сидел один в отсеке управления, развалившись в кресле пилота. Рядом стояли ещё два кресла. По всей видимости, необходимости работать за пультом лично у капитана не было — корабль летел сам.

— Что это значит? — поинтересовался капитан.

— «Заяц», сэр, — ответствовал матрос-крыса. — Я нашёл его в маленькой кладовой на корме.

— О'кэй, — кивнул капитан. — Оставь его тут. Ты свободен.

Матрос направился к двери.

— Мою сумку, пожалуйста, — напомнил ему Теннисон.

Тот повернулся, не выпуская сумку из лап.

— Дай мне сумку и проваливай, — буркнул капитан. — Убирайся, слышал?

Матрос отдал сумку и поспешно ретировался.

Внимательно изучив содержимое сумки, капитан поднял голову и в упор посмотрел на Теннисона.

— Так, значит, вы — Джейсон Теннисон, доктор медицины?

Теннисон молча кивнул.

Капитан опустил сумку на пол рядом с креслом.

— Нечасто мне попадаются «зайцы», а уж врачи точно ни разу не встречались. Ну, доктор, поведайте мне, голубчик, что же такое у вас приключилось?

— Долгая история, — ответил Теннисон. — Не хотелось бы вдаваться в подробности.

— Если я не ошибаюсь, вы сидели в кладовке с самой Гастры. Вы же там прошмыгнули на корабль? Зачем же вы там так долго сидели?

— Я, собственно, уже подумывал выбраться, — проговорил Теннисон. Ваш крысоподобный друг просто немного поторопил события.

— Он мне не друг, — отрезал капитан.

— Простите, ошибся.

— Людей тут маловато, — сообщил капитан, почесав затылок. — Чем дальше, тем меньше людей. Такие дела. Приходится пользоваться услугами этих ублюдков — как ни крути, корабль-то кто-то должен вести, правильно? Ну, и потом я

ещё целую кучу этой нечисти везу на Харизму.

— Простите — куда?

— На Харизму. Именно туда, куда мы направляемся. А вы разве не туда собрались?

— До этого мгновения я даже не слыхал о такой планете.

— Значит, вам просто нужно было убраться с Гастры куда-нибудь подальше, так?

— Вы абсолютно правы, капитан.

— Попали там в беду?

— Не то слово. С жизнью мог расстаться.

— И кинулись на первый попавшийся корабль?

Теннисон кивнул.

— Садитесь, — сказал капитан, указывая на одно из свободных кресел. — Что стоите? Выпьете чего-нибудь?

— Не отказался бы, — признался Теннисон. — Было бы неплохо.

— А скажите, — поинтересовался капитан, — кто-нибудь видел, как вы забрались на корабль?

— Не думаю.

— Вы совершенно в этом уверены?

— Понимаете, я заскочил в бар. Там, в космопорте. И… ну, в общем, прихватил по ошибке чужую куртку и чужую фуражку. Я ведь очень

торопился.

— Ага. Теперь понятно, куда девались куртка и фуражка Дженкинса… Дженкинс — мой первый помощник, — добавил капитан.

— Я верну куртку и фуражку, — пообещал Теннисон. — Они там остались, в кладовке.

— Да… странновато все-таки выходит, — покачал головой капитан. — Даже не поинтересовались, куда корабль летит. А ведь вы, похоже, не в восторге от того, что окажетесь на Харизме.

— Господи, да куда угодно, лишь бы подальше от Гастры! — воскликнул Теннисон. — За мной гнались. Впрочем, может быть, и не гнались, но мне так казалось.

Капитан взял стоявшую рядом с ним на столике бутылку и протянул её Теннисону.

— Ну, стало быть, так, мистер, — сказал он. — По идее, в мои обязанности входит процитировать вам выдержку из свода законов. В статье тридцать девятой, пункте восьмом, говорится, что всякий безбилетник должен быть задержан и доставлен в тот порт, где он проник на корабль и где его положено сдать с рук на руки портовой администрации. Во время пребывания на борту корабля он обязан беспрекословно выполнять распоряжения капитана, дабы оправдать свой

безбилетный проезд. Знакомы ли вы с таким порядком, сэр?

— Смутно, — покачал головой Теннисон. — Я знаю, что без билета летать нельзя. Но, должен вам сказать…

— Сначала я вам ещё кое-что скажу, а вы послушайте, — прервал его капитан. — У меня такое, если хотите, чувство, что… В общем, как бы я ни увяз в делах с инопланетянами, я считаю, что люди при любых обстоятельствах должны держаться друг за дружку. Нас тут мало, потому я и думаю, что нам следует поддерживать друг друга в беде, невзирая на прегрешения, если они, конечно, не слишком гнусны…

— Прекрасно сказано, сэр, — улыбнулся Теннисон. — Так вот что я хотел вам сказать, но не успел. Видите ли, сэр, я не просто безбилетник.

Капитан устремил на него стальной, непроницаемый взгляд.

— А кто же? Не безбилетник, так кто же вы?

— Ну, скажем так — у меня просто не хватило времени, я очень торопился и не успел купить билет, чтобы отправиться в путь честь по чести. По ряду причин, которые я вам вкратце объяснил, я никак не мог пропустить старт вашего корабля, а посему попал на борт не совсем обычным пу-

тём: меня пропустил ничего не подозревающий член команды, который принял меня за вашего помощника…

— Да, но вы спрятались.

— Это как раз объяснить легко. Я опасался, что вы не дадите мне времени объяснить причины такой поспешности и выбросите меня с корабля ещё до старта. Поэтому я прятался и ждал, когда такая возможность исчезнет.

— Исходя из всего, что вы тут наговорили, должен ли я сделать вывод, что вы согласны оплатить свой проезд?

— Безусловно, Только цену назовите.

— Ну, — ухмыльнулся капитан, — это мы с удовольствием. И будьте уверены, лишнего не запрошу.

— Вы необычайно благородны, сэр.

— Доктор Теннисон, — сказал капитан, — вы бы лучше выпили. Сидите, понимаете, бутылку держите. Просто зло разбирает на вас смотреть. Ну, давайте, давайте, вперёд!

— Прошу прощения, капитан. И в мыслях не было расстраивать вас. — Теннисон поднял бутылку и осторожно глотнул. — Потрясающе. Что это?

— Штука такая — «скотч» называется. Сорт виски. Впервые произведено ещё на матушке Земле.

— Вы имеете в виду Древнюю Землю?

— Именно, — подтвердил капитан. — Прародину человечества.

— Признаться, меня страшно интересует Древняя Земля. Вы там бывали, капитан?

Капитан медленно покачал головой.

— Мало кому из людей выпало счастье ступить на её священную поверхность. Нас мало, мы рассеяны по Вселенной, и лишь немногие отваживаются на паломничество, о котором каждый из нас мечтает всю жизнь.

— Ну да, — кивнул Теннисон и снова отхлебнул из бутылки.

— Ну, вернёмся к нашему разговору, — предложил капитан. — Боюсь, у меня не найдётся для вас приличного места на корабле. Каюты, а их у меня в обрез, набиты до отказа. Даже моя личная занята целой компанией этих страхолюдин, которых я везу на Харизму. После полёта надо будет обязательно дезинфицировать весь корабль, чтобы и духу их тут не осталось. А, пустое дело, — сказал он, махнув рукой. — Годы пройдут, а эта вонь, наверное, все ещё будет тут держаться.

— Зачем же вы их туда пустили?

— Деньги, — проворчал капитан. — Эти сволочи жутко богатые и за лучшие каюты кучу денег

отваливают без разговора. Вот и все. С каждого из этих чудищ я тройную цену имею. Только теперь я уже почти готов пожалеть о своей жадности, ей-богу. Мне-то пришлось переселиться в каюту к своему помощнику. А он страстный любитель чеснока. Считает, что это очень полезно для здоровья. Как вам это нравится?

— Ваш помощник — единственный, кроме вас, человек на корабле?

— Как правило, да. Нас всего двое, Команда набрана из этих… ну, вы видели, на крыс смахивают, и ещё есть пара-тройка мерзких чужаков. А уж пассажирский отсек под завязку набит тошнотворными созданиями.

— Но, послушайте, если вы их так ненавидите, зачем вы вообще этим занимаетесь? Вы же спокойно могли бы заняться перевозкой грузов.

— Ещё пять лет, — проговорил капитан, изрядно хлебнув из бутылки. — Пять лет и все, баста. На грузовых рейсах, кстати, настоящих денег не заработаешь. Перевозить этих вонючих паломников очень выгодно, если нервы, конечно, крепкие. Я думаю, лет пять продержусь ещё с горем пополам. Подкоплю деньжат, потом оставлю дела и вернусь на розовую планету под названием «Померанец». Название, прямо скажем,

идиотское, но оно очень подходит этой планетке. Вы на розовых планетах бывали, доктор? Их не так много.

— Да нет, не доводилось.

— Жаль.

В открытую дверь легонько стукнули. Капитан обернулся.

— Ах, это вы, дорогая, — сказал он с искренней радостью.

Теннисон тоже обернулся. На пороге стояла женщина. Высокая, стройная, широкобёдрая. На выразительном лице горели умные, живые глаза. Губы пухлые и влажные, вокруг головы нимб золотистых волос.

— Входите, прошу вас, — пригласил капитан. — Как видите, у нас ещё один пассажир. Входите, не стесняйтесь. Итак — четверо людей на одном рейсе! Думаю, это рекорд.

— Если не помешаю, — сказала женщина.

— Не помешаете, что вы, — успокоил её капитан. Мы рады вашему обществу. Джилл Робертс — это доктор Теннисон. Доктор Джейсон Теннисон.

Женщина протянула руку Теннисону.

— Рада видеть ещё одного человека, — улыбнулась она. — А где вы прятались до сих пор?

Теннисон застыл на месте: женщина повернула голову, и он увидел, что другую её щеку почти полностью покрывало уродливое багровое пятно.

— Простите, доктор, — сказала она спокойно. — Такая уж я есть. Мои близкие друзья пугались меня много лет.

— Умоляю, простите меня, — покраснев, выговорил Теннисон. — Моя реакция непростительна. Как врач…

— Как врач, вы с этим ничего не поделаете. Это неоперабельно. Пластическая операция невозможна. Ничего нельзя сделать. Приходится жить с этим, и я научилась.

— Мисс Робертс, — доверительно сообщил капитан, — писательница. Пишет статьи для журналов и книжки. У неё целая полка собственных книг, представляете?

— Если эта бутылка не приросла к вашей руке, — улыбнулась Джилл, — не хотите ли на минутку избавиться от неё?

— О, конечно, — смутился Теннисон. — Позвольте, я только горлышко оботру.

И протёр горлышко краем рукава.

— Похоже, на борту этой развалюхи неважно со стаканами, — съязвила Джилл. — Но мне все

равно. Можно и из горлышка. Подумаешь, ерунда какая, ну, подхватишь парочку микробов.

Она взяла бутылку и устроилась в третьем кресле.

— А где вы собираетесь разместиться? — поинтересовалась она. — Помнится, капитан говорил мне, что все каюты заняты. Неужели он поместил вас с этим стадом инопланетян?

— Доктор Теннисон, — строго сказал капитан, — появился поздновато. Мне некогда было его разместить. Все случилось в последние минуты перед стартом.

Джилл отхлебнула из бутылки и вопросительно глянула на Теннисона.

— Это правда? — спросила она.

Теннисон усмехнулся.

— Капитан выразился весьма дипломатично. На самом деле я — безбилетник, Что же до моего размещения, не стоит об этом волноваться. Я в любом уголке смогу пристроиться. Я просто жутко рад, что попал на корабль.

— Это не совсем так, — возразил капитан, обращаясь к Джилл. — Доктор действительно безбилетник, но он готов оплатить проезд. Так что, строго говоря, он уже и не «заяц» вовсе.

— Вы, наверное, проголодались, — сказала

Джилл. — Если только не взяли завтрак с собой.

— У меня и подумать об этом времени не было, — признался Теннисон. — Я так торопился. Но я бы не отказался от одной отбивной.

— Нету здесь никаких отбивных, — сказала Джилл. — Но кое-что найдётся червячка заморить. А, капитан?

— Конечно, — кивнул капитан. — Сейчас сообразим. Что-то наверняка осталось.

Джилл встала, зажав бутылку под мышкой.

— Пришлите еду ко мне в каюту, — попросила она капитана и повернулась к Теннисону. — Пошли. Помоетесь, причешетесь, и посмотрим, на кого вы в самом деле похожи.

Глава 3

— А теперь об основных правилах поведения, — объявила Джилл. — Это необходимо, поскольку мы мало знакомы. Я не намерена делить с тобой постель, но кровать поделю, вернее, койку, — какая это кровать! Спать будем, как капитан с помощником, по очереди. Можешь пользоваться туалетом; впрочем, на подобных кораблях его называют гальюном. Обедать будем вместе; посидеть, поболтать, послушать музыкальные кристаллы — это пожалуйста. Поскольку у меня слишком добрый нрав, из-за чего всю жизнь страдаю, пару приставаний вытерплю, но, если станешь слишком назойливым, выставлю вон!

— Я не буду слишком назойливым, — пообещал Теннисон, — как бы мне этого ни хотелось. Чувствую себя бродячим псом, которого подобрали и приютили.

Отломив кусок хлеба, он очистил тарелку, подобрав остатки тушёнки.

— Знаешь, — сказал он, — я был так голоден, что это блюдо показалось мне совсем недурным на вкус. Но все-таки какой то у него странный

привкус. Тушёнка это ясно, но — из чего?

— Не спрашивай, лучше закрой глаза и доедай. Иногда можно и нос заткнуть. У меня сильное подозрение, что это приготовлено из одного из отошедших в мир иной паломников. В такой тесноте некоторые из них отправляются на тот свет — дело обычное.

Он беспомощно замахал руками.

— Прошу тебя, Джилл, не надо. Моему организму нужна пища, и мне хотелось бы, чтобы она удержалась внутри.

— Вот уж не думала, что у врача может быть такой слабый желудок.

— Врач, голубушка, — это не обязательно грубое животное.

— Оставь тарелку в покое. Ты так её вылизал, что мыть не придётся. Между прочим, капитанская бутылочка ещё не допита…

— Я заметил. Ты её так по-свойски прихватила из рубки!

— А она, строго говоря, не ему принадлежит. Он их просто-напросто таскает из груза, а помощник закрывает на это глаза. Он набирает с собой гору ящиков в каждый полет. Спецзаказ для гномов, занятых в Проекте «Ватикан».

— Гномы из Проекта «Ватикан»? Что за ерунда?

Что за гномы, что за проект такой?

— Как, разве ты не знаешь?

— Понятия не имею.

— Ну, по правде говоря, никакие они не гномы, хотя их так частенько называют. Некоторые там — люди, но большинство — роботы.

— Это не ответ. Объясни поточнее. Звучит загадочно, и…

— Что с тобой, друг мой? Какие загадки? Загадки у тебя. Капитан сказал, что ты безбилетник, но оплатил свой проезд, Но если ты ничего не знаешь о Проекте «Ватикан», зачем летишь на Харизму? Там нечем заняться, кроме этого проекта.

— Ну так просвети меня, — попросил Теннисон. — Пока я не попал на этот корабль, я слыхом не слыхивал ни о Харизме, ни о Проекте «Ватикан». Что за планета?

— Всему своё время. Сначала — ты. Я тебя приютила, не забывай. Давай выпьем и начинай.

Они выпили по очереди. Теннисон взял бутылку из рук Джилл, глотнул и отдал обратно.

— Просто потрясающий напиток, — проговорил он.

— Давай.

— Ну, начнём с того, что я действительно врач.

— Не сомневаюсь. Я в твой чемоданчик загля-

нула.

— Ты знаешь, что за местечко Гастра — планета, с которой мы стартовали?

Она поёжилась.

— Мерзкая дыра, но я довольна, что попала туда. Это ведь последняя стоянка на пути к Харизме, а у меня уже было столько пересадок… Я, конечно, не представляла, что попаду на такой кошмарный корабль. Пришлось навести справки. И, представь себе, выяснилось, что это — единственный корабль, совершающий рейсы между Гастрой и Харизмой. Наш капитан специализируется на перевозке паломников…

— Да, кстати, насчёт паломников…

— Нет. Сначала ты мне рассказываешь про Гастру, а потом я тебе — про гномов, Папу и паломников.

— Да все очень просто, — пожал плечами Теннисон. — Гастра, как ты, наверное, успела заметить, планета феодальная. Множеством отвратительных феодов управляет горстка не менее отвратительных личностей, некоторые из них люди, но не все. Я был придворным врачом маркграфа Давентри. Он, как ты, видимо, догадываешься, человек. Доктор — человек, специалист по человеческой медицине для инопланетян

совершенно бесполезен. Не та работа, о которой я мечтал, но в то время я был рад и ей. Молодой врач, только что выпущенный из колледжа, обычно с трудом находит место, если у него нет хоть какого-нибудь начального капитала. У меня денег, естественно, не было, да и клиник, которые бы остро нуждались в новоиспечённом таланте, тоже как-то не наблюдалось. Да, нужно угробить целое состояние, чтобы открыть собственную практику, а после этого ещё несколько лет сидеть, медленно помирая с голоду, ожидая, когда больные смилостивятся и начнут к тебе обращаться. Поначалу на Гастре мне было несладко, но постепенно я пообвык. И к зубной боли, в конце концов, можно привыкнуть. В общем, я остался. Платили мне неплохо. То есть для меня это были прямо-таки королевские деньги. Маркграф был по-своему человек неплохой. Мы с ним ладили. А потом… он вдруг взял да помер. Без всяких видимых причин. Умер, и все. Инфаркт, скорее всего, хотя никаких признаков его приближения вроде бы и не было. Мне так и не удалось точно установить причину смерти, и…

— Но разве кто-то мог обвинить тебя в случившемся? Это же не ты.

— По всей видимости, — оборвал её Тенни-

сон, — ты плохо представляешь себе ситуацию в феодальных поместьях. Стая волков, которых сдерживает один человек. Только ослабь хватку, и они перегрызут друг другу глотки. Я лично ни в какую политику не вмешивался, но меня считали помощником и советником маркграфа — неофициальным, естественно, поэтому я вызывал понятную неприязнь. Почти сразу же пополз слушок, что маркграф якобы был отравлен, и, пока страсти не разгорелись, я предпочёл оттуда убраться. Защитить меня было некому. Они заклевали бы меня, как цыплёнка. Поэтому я быстренько собрал неправедно нажитые сбережения, которые предусмотрительно хранил в надёжном месте и в транспортабельном виде, украл флайер — и был таков. Дело было ночью, я летел низко, стараясь не попадать в поле зрения радаров. Я знал, что на всей планете нет места, где я мог бы укрыться…

— И поэтому ты направился к космопорту.

— Естественно. Я знал, что времени у меня в обрез. По моим следам могли пустить погоню. Мне нужно было быстро разыскать корабль. К тому времени, когда мои преследователи добрались бы до порта, он уже должен был взлететь.

— Вот так, значит?

— Да, вот так, — кивнул он. — А теперь меня больше всего беспокоит капитан. Мне пришлось рассказать ему кое-что из того, что я рассказал тебе. Можно было, конечно, наврать с три короба, но у меня не было времени сочинить что-нибудь правдоподобное, и…

Она покачала головой.

— Насчёт нашего драгоценного капитана можешь быть совершенно спокоен. Если его спросят, он ответит, что ничего про тебя не знает. Ему ни к чему неприятности. Он дорожит монополией на полёты к Харизме и не захочет терять её ни за какие коврижки. Для него это золотое дно. Он везёт полный корабль паломников, высаживает их там, забирает тех, которых доставил предыдущим рейсом и отбывает на Гастру.

— А что, они все летят с Гастры? Странно. Там я не слыхал ни о каких паломниках.

— Нет, думаю, непосредственно с Гастры они не летят. Это просто последний перевалочный пункт перед Харизмой. На Гастру они прибывают со всех концов Галактики, собираются в группу и ожидают рейса. Потом наш капитан подбирает всю компанию и везёт на Харизму.

— А ты случайно не паломница?

— Что, похожа?

— Нет, — уверенно сказал он. — Одолжи-ка бутылочку на минутку.

Она вручила ему бутылку.

— Я знаю не так уж много, — начала Джилл. — Как раз, собственно, собираюсь разведать все поподробнее. Надеюсь собрать материал для нескольких статей. А может, и на книжку хватит.

— Но, наверное, у тебя хоть приблизительное представление есть, а это как-никак побольше того, что знаю я.

— По правде говоря, представление самое приблизительное. Слухи, тысячу раз перевранная дребедень на манер испорченного телефона. Слухи чаще всего слухами и остаются, но… тут не тот случай. Что-то есть во всей этой истории с паломничеством. Для начала я попыталась выяснить, откуда именно прилетают паломники, но это, увы, оказалось дохлым номером. Статистики никакой. Немножко с одной планеты, чуть-чуть с другой, пара-тройка с третьей — и так далее. Все они не люди, но трудно утверждать, что они принадлежат к какому-то одному роду инопланетян. Скорее всего, все они — приверженцы тайных культов или члены каких-то религиозных сект. Не исключено, что у каждой из этих сект — своя

особая вера, но все они, так или иначе, каким-то образом связаны с Проектом «Ватикан». Что опять-таки вовсе не означает, что паломники что-то знают о самом Проекте. Что-то в нем есть такое, на чем, по всей вероятности, зиждется их зыбкая вера. Ведь все существа тянутся к вере, стремятся ухватиться за что-то, что было бы либо таинственным, либо зрелищным, а лучше всего — и тем и другим сразу. Но больше всего меня волнует и интересует то, что во всем этом ощущается твёрдая рука человека. Место, где осуществляется разработка Проекта, именуется «Ватикан-17», и…

— Минуточку, — прервал её Теннисон. — Ну, естественно, тут самая прямая связь с людьми. На Земле же был Ватикан.

— Он там существует до сих пор, — продолжала Джилл. — Центр римско-католической религии, до сих пор распространённой на Земле и некоторых других населённых людьми планетах. Там до сих пор во главе церкви стоит Папа, и позиции этой церкви сильны, как прежде, а может быть, даже сильнее. Её приверженцы верны ей, как никогда. Но я все-таки сомневаюсь, что «Ватикан-17» напрямую связан с Землёй. Что-то там не так. Во-первых, там — роботы…

— Да, но зачем роботам древняя земная рели-

гия?

— Не знаю — и не думаю, что это земная религия. Кто-то, не исключено, что сами роботы, позаимствовал терминологию…

— Но… роботы!

— Знаю, знаю. Именно это я и собираюсь выяснить.

— А Харизма?

— Харизма — на краю Галактики. Затеряна меж звёздами, которых там не так много. Огромное пустое космическое пространство. И ничего больше. В общем, на самой границе межгалактического пространства. Что касается самой планеты, я о ней не знаю ровным счётом ничего, кроме того, что она похожа на Землю. Людям там жить нетрудно. Этот корабль, как мне сообщили, летит туда один стандартный месяц или чуть подольше. Насколько его скорость превышает скорость света, я понятия не имею. Эта старая развалюха оборудована инерционным двигателем — так сразу и не поверишь. Практически безопасный перелёт: корабль большую часть времени летит в открытом космосе. Шесть рейсов в год — туда и обратно, а это значит, что за год туда попадает великое множество паломников. Капитан человек загадочный, У него есть и необходимая квали-

фикация, и звание, чтобы командовать одним из лучших межзвёздных лайнеров. А он водит это старое корыто и перевозит паломников, которых ненавидит лютой ненавистью.

— Да, но он на этом неплохие денежки имеет. Мне он сказал, что поработает ещё пять лет и уволится, чтобы поселиться на розовой планетке под названием «Померанец».

— Да, мне он то же самое говорил. Похоже, он всем рассказывает одну и ту же байку. Трудно сказать, насколько ему можно верить.

— Думаю, верить можно, — сказал Теннисон. — На пути к своей мечте люди порой совершают странные поступки.

— Джейсон, — улыбнулась Джилл. — Ты мне нравишься. А знаешь почему?

— Ну… во-первых, я честный и откровенный, — ответил он. — Потом я умею слушать, сочувствовать, то есть — хороший собеседник.

— Нет, не поэтому. Ты мне нравишься, потому что смотришь на меня без отвращения. Я тебе не противна. Люди, с которыми я встречалась до сих пор, все до единого испытывали ко мне отвращение. Сама-то я давно привыкла к своему уродству, и мне хотелось бы, чтобы другие его тоже не замечали.

— А я почти и не замечаю, — пожал он плечами.

— Ты — милый лжец. Все ты отлично замечаешь. Попробовал бы кто-то не заметить!

— Понимаешь, я поначалу оттого так изумился, что во всем остальном ты просто красавица. Если забыть о твоей щеке, то… у тебя классические черты лица и прекрасная фигура. Одна половина твоего лица прекрасна, а вторая изуродована.

— Ты говоришь об этом как-то необидно. И говоришь так, будто все в порядке. И не жалеешь меня. Это замечательно. То, что ты принимаешь меня такой, какая я есть. А ведь я столько сил потратила. Моталась по разным клиникам. Сколько специалистов смотрели меня. И всегда один и тот же приговор: капиллярная гемангиома. Медицина бессильна, Один умник, правда, нашёл выход: предложил мне маску носить, вернее — полумаску, которая прикрывала бы половину лица. Он уверял меня, что можно очень хорошо её пригнать, подобрать так, что ничего не будет заметно…

— Ну, если тебе нужна маска, — усмехнулся Теннисон, — то ты уже имеешь самую лучшую — это твоя манера себя вести, твоя уверенность в себе.

— Ты действительно так думаешь, доктор?

— Клянусь.

— Дай бутылочку, пожалуйста. За это надо выпить.

И они торжественно выпили по очереди.

— Один вопрос, — сказал он. — Не для того, чтобы сменить тему разговора, но вопрос сугубо практический. Когда мы прибудем на Харизму, где там можно остановиться?

— У меня там место забронировано, — сказала Джилл. — Нечто вроде гостиницы. Называется «Дом Людей». Я про него ничего не знаю, кроме того, что там жутко дорого. Уж не знаю, критерий это или нет.

— Когда мы туда доберёмся, можно пригласить тебя на обед в первый же вечер? Чтобы запах этого кошмарного корабля навек покинул нас.

— Благодарю вас, сэр, — церемонно кивнула она. — Это ты просто замечательно придумал!

Глава 4

Все трое удобно устроились в креслах отсека управления.

— Только не делайте ошибки, — посоветовал капитан, — и не думайте, будто роботы из Проекта «Ватикан» — это униженные, безропотные прислужники. Это мощные электронные устройства. Кое-кто поговаривает, что их электронные мозги — не хуже наших с вами, но в этом я сильно сомневаюсь. Правда, не исключено, что моё мнение выражает предрассудки, свойственные существу биологическому. Но если взглянуть на вещи реально, в принципе трудно понять, согласитесь, зачем мыслящему аппарату, созданному на основе последних достижений техники, делать шаг назад и придумывать себе человеческий мозг. Да эти роботы столько столетий подряд только тем и занимались, что модернизировали себя именно с технической стороны, ну, как механик возится с двигателем, начищая его до блеска, подкручивая гайку за гайкой, чтобы тот лучше работал.

— Вы с ними близко знакомы? — поинтересовался Теннисон.

— Деловые контакты, не более, — ответил капитан. — Исключительно в рамках бизнеса. Друзей у меня среди них нет, если вы это имели в виду.

— Простите, если обидел, — извинился Теннисон. — Чистое любопытство. Видите ли, я наверняка окажусь в ситуации, где все для меня будет ново, незнакомо. Хотелось бы хоть как-то подготовиться морально.

— Я слыхала, — вступила в разговор Джилл, — что там люди работают на роботов.

— Не уверен, что это именно так, — сказал капитан. — Может быть, они работают вместе. Но люди там есть, это точно, и немало. Но с людьми по работе я там никогда не сталкивался. Дела у меня только с роботами и лишь тогда, когда они сами желают меня видеть. Проект «Ватикан» — штуковина исключительно грандиозная. За пределами Харизмы мало кто знает, что там к чему. Ходят слухи, что роботы пытаются создать непогрешимого Папу — электронного, компьютерного Папу. Выходит, что Проект представляет собой что-то вроде продолжения христианства, древней земной религии.

— Мы знаем, что такое христианство, — сказала Джилл. — И сейчас на свете много христиан — может быть, даже больше, чем когда-либо. Правда,

наверное, сейчас христианство не так важно, как до завоевания космоса. Но это опять-таки относительно. Религия не стала менее значительной, просто рядом с ней возникло множество других верований, ныне существующих в Галактике. Просто удивительно, до чего универсальна вера! Самые противные инопланетяне во что-то верят.

— Не все, — заметил капитан. — Далеко не все. Я бывал в местах, сплошь населённых чужаками, на планетах, где никто сроду не задумывался ни о религии, ни о вере. И должен честно сказать, хуже они от этого не стали. Иногда даже лучше.

— Создание Папы… странная цель, — задумчиво проговорил Теннисон. — Интересно, откуда у роботов эта идея и какого результата они ожидают?

— О роботах, — сказал капитан, — никогда нельзя сказать, что, зачем и почему. Они разные. Поболтаетесь в космосе с моё, так вообще перестанете удивляться чему-либо и интересоваться, чего они от чего ожидают. Никто из чужаков и роботов не думает так, как мы. Чужаки — стадо мерзких ублюдков. Даже роботы по сравнению с ними — больше люди.

— А так и должно быть, — вмешалась Джилл. — Это же мы их придумали. Никто больше до такого

не додумался. Кое-кто обязательно скажет, что роботы — наши преемники, нечто вроде продолжения рода человеческого.

— Не могу не согласиться, — кивнул капитан. — Какими бы занудами они ни были, временами, как я уже сказал, они приятнее любого из чужаков.

— Да, не жалуете вы инопланетян, — усмехнулся Теннисон.

— Разве это удивительно? А вы их разве обожаете?

— И все-таки вы их возите на своём корабле. Даже в качестве членов команды.

— Только потому, что не могу набрать людей. Я же вам говорил, здесь, на задворках Галактики, людей по пальцам сосчитать можно.

— И единственный рейс — «Гастра-Харизма»? Не скучно?

— Ну кто-то же должен этим заниматься, — пожал плечами капитан. — А мне за это неплохо платят. Да, я вожу их, но никто не сказал, что я обязан иметь с ними что-то общее. И вообще, что это мы переливаем из пустого в порожнее? Главное то, что мы, люди, должны держаться вместе. А то неровен час, они возьмут, да и одолеют нас.

Теннисон внимательно, пристально разгляды-

вал капитана. Ничего особенного. Не фанатик. Неопределённого возраста — ни молодой, ни старый. Чувства юмора ему явно недоставало, все разговоры — только о деле.

«Странный человек, — думал Теннисон. — Один из тех людей с изломанной психикой, которые часто встречаются в такой глуши. Скорее всего, холостяк. Одиночка. Столько лет подряд возит чужаков на Харизму, и за эти годы одиночества его тяга к людям и отвращение к своим пассажирам вросли в его суть, стали второй натурой».

— Расскажите нам, пожалуйста, о планете, — попросила Джилл. — Мы немного говорили о ней, как только я попала к вам на корабль, но вы так и не рассказали мне подробно о Харизме. Это аграрная планета, или…

— Не аграрная, — ответил капитан. — На территории Проекта есть кое-какие сады и поля, где трудятся роботы, чтобы снабжать продуктами своих биологических собратьев. Но за пределами этой территории сущая глухомань, пустоши, леса — нетронутая, девственная земля, такая, какой она была до начала эксплуатации планеты. Землю там не обрабатывали — рук не хватало. Единственным человеком, проживающим за территорией Проекта, насколько я знаю, является

некий Томас Декер. Декер — человек загадочный. Живёт отшельником в своей хижине, возится на клочке земли.

— Вы с ним дружите?

— Не сказал бы. С ним не очень-то подружишься. У нас с ним маленький бизнес. Когда я прилетаю, он почти всегда приносит мне немного полудрагоценных камней. Аквамарины там, аметисты, топазы, гранаты… Ничего особо ценного и редкого. Иногда попадаются низкопробные опалы. Как-то раз принёс немного изумрудов, и мы оба неплохо заработали. В общем, большого дохода это не приносит. У меня почему-то такое чувство, что он это не ради денег делает, хотя я могу и ошибаться. Говорю вам — загадочный человек. Никто про него толком ничего не знает, хотя он там уже давно живёт. Похоже, он и камни-то разыскивает только ради удовольствия. Камни, которые он мне приносит, я переправляю одному знакомому скупщику на Гастре. Мне он платит десять процентов.

— И где же Декер добывает камни? — поинтересовался Теннисон.

— Где-то в лесах. Ходит в горы, ищет в ручьях, перемывает породу.

— Вот вы сказали, будто он делает это не ради

денег, — сказала Джилл. — А для чего тогда?

— Трудно сказать, — пожал плечами капитан. — Может, просто ради того, чтобы что-то делать, — нечто вроде хобби. Но я вам не все сказал. Лучшие камни он оставляет себе. Некоторые из них обрабатывает. У него есть один потрясающий жадеит — чистейшей воды. Он один стоит целое состояние. Он его отлично обработал. Но не желает с ним расставаться ни за какие коврижки. Заявил, что камень — не его, не ему принадлежит.

— А чей же он может быть?

Капитан покачал головой.

— Понятия не имею. Может, и никому. Просто у него такая манера разговаривать. Одному Богу известно, что у него на уме. Он очень странный самолюбивый, замкнутый, старомодный какой-то — будто из другого времени, не из нашего. Самое смешное, что я, убей бог, не смогу вам объяснить толком, отчего у меня сложилось такое впечатление. Не то чтобы он что-то такое необычное делал, как-то не так вёл себя или как-то не так говорил, просто у меня такое ощущение. Вот я говорю вам, что он странный, даже перечисляю кое-какие из его странностей, но из чего они следуют…

Капитан развёл руками.

— Похоже, вы все-таки близкие друзья. То есть вы много о нем знаете.

— Нет, не друзья. У него нет близких друзей. Он человек очень симпатичный во многом, но на Харизме он ни с кем не общается. Не могу и не хочу сказать, что он всех презирает, или ненавидит, или избегает, но общения явно не жаждет. Я ни разу не встречал его в баре Дома Людей, в посёлке он появляется крайне редко. У него есть полуразвалившийся автомобиль, жуткая колымага — как он только ухитряется на ней ездить, я все время поражаюсь. Купил эту развалюху у кого-то в посёлке. Ездит на ней куда-то, всегда один. Когда отправляется за камнями, машиной не пользуется. Пешком ходит. Как будто ему ничего на свете не нужно, кроме одного — бродить в одиночку по лесам и сидеть бобылём в своей хижине. А в хижине я у него однажды удосужился побывать — вот тогда-то я убедился в его мастерстве ювелира. Он меня, правда, не приглашал, я сам явился, но он вроде бы даже рад был моему приходу. Был вполне гостеприимен. Посидели у очага, поболтали о том о сём, но мне порой казалось, что он где-то далеко, в каком-то другом пространстве, и что он забыл о моем присутствии. Вроде бы говорил со мной, а сам в то же

время слушал ещё кого-то и с кем-то ещё говорил. И опять-таки — не могу вам ни объяснить, как это происходило, ни доказать. Когда я уходил, он сказал, что был рад моему приходу, но ещё раз зайти не пригласил, и я больше ни разу у него не был. Сильно сомневаюсь, что решусь ещё раз зайти к нему.

— Вот вы сказали, — напомнил Теннисон, — что он не бывает в баре в Доме Людей. А другие любят там собираться?

— Ну, конечно, — ответил капитан. — У чужаков, наверное, есть другие места, но люди собираются именно там. И ни один чужак, смею вас уверить, туда не сунется.

— А люди из Ватикана ходят туда?

— Из Ватикана? Вообще я как-то внимания не обращал. Дайте припомнить. Пожалуй, нет. Нет, не ходят. Они не слишком разгуливают, эти из Ватикана — и люди, и роботы. Такое впечатление, что они не очень-то общаются с людьми из посёлка. Их немного в Ватикане, и они все держатся вместе. У большинства людей из посёлка работа так или иначе связана с Ватиканом, может, и не штатная, но там все вертится вокруг Ватикана. Если уж на то пошло, то можно сказать, что Харизма и есть Ватикан. В посёлке живут

несколько чужаков. Они общаются с паломниками. А паломники практически все до единого — инопланетяне. И мне не приходилось возить ни одного паломника-человека. Да и вообще люди туда почти не летают. В прошлый раз был один пассажир-человек, но он не был паломником. Он был врачом. Похоже, в последнее время мне везёт на врачей.

— Не совсем понял, — прищурился Теннисон.

— Ну, тот, предыдущий доктор, он летел на работу в Ватикан. Фамилия его была Андерсон, молодой парень, нахальный такой, щёголь. Со мной не слишком церемонился, но я старался с ним не ссориться. Он мне не очень нравился, но я старался быть с ним вежливым, благо он обременял меня недолго. Он должен был сменить старого дока — Истон была его фамилия, он много лет работал в Ватикане, людей лечил, естественно. Роботам доктора ни к чему, это понятно. А может, у них тоже есть кто-то вроде врача, я не знаю. В общем, Истон помер, и Андерсон летел, чтобы занять его место, поскольку больше докторов в Ватикане не осталось. Ватикан ещё до смерти Истона несколько лет подряд искал врача, роботы же понимали, что Истон человек немолодой, долго не протянет. А соблазнить работой на

Харизме врача, да и вообще кого бы то ни было, трудновато. Но как бы то ни было где-то нашли этого молокососа, и через несколько месяцев после смерти старого дока я его доставил в Ватикан и теперь страшно рад, что избавился от него. Так что считайте, что это единственный сотрудник Ватикана, летавший когда-либо на моем корабле. Они вообще не летают — ни туда, ни обратно.

— Все-таки интересно, — задумчиво проговорила Джилл, — что все паломники — инопланетяне. Ведь, судя по всему, этот Ватикан должен быть сориентирован на человеческие представления о религии. Заправляют там роботы, а они, по большому счёту суррогатные люди. Ну и терминология сама — «Ватикан», «Папа». Это же напрямую взято с Земли. Может быть, все-таки это действительно нечто вроде искажённого христианства?

— Не исключено, — сказал капитан. — Я, честно говоря, никогда не интересовался. Может быть, в основе и христианство, только на него накручено, наверчено бог знает сколько инопланетянских культов и верований, и все это приправлено представлениями роботов о религии людей.

— Пусть так, — согласилась Джилл. — Но все равно должны же быть паломники-люди, хоть

какой-то интерес со стороны людей, за пределами Проекта, я хочу сказать.

— Может, и не должно быть никакого интереса, — высказал предположение Теннисон. — Люди, покинувшие Древнюю Землю много тысячелетий назад, заодно покинули и христианство, оставили его на Земле. Но как бы ни перепуталось у них в голове, как бы сильно ни повлияли на них любые другие культы, все равно что-то должно остаться в памяти, в душе — некое инстинктивное чувство, тяга к религии предков. Если в религии Ватикана есть элемент ереси, люди могли это уловить, почувствовать и отказаться от такой религии, решить, что она им ни к чему.

— Согласен, — кивнул капитан. — А чужаки, не имея возможности судить о христианстве, могли найти в нем что-то привлекательное, и неважно, истинно оно или переврано. Вообще, у меня сильное подозрение, что весь Проект очень зависит от материальной поддержки инопланетян. Некоторые из них просто сказочно богаты — настоящие денежные мешки. От них прямо-таки пахнет деньгами. Правда, другие запахи сильнее.

— Я опять спросила вас про планету, — напомнила Джилл, — и вы мне опять толком не

ответили. Снова мы перескочили на другое.

— Как я уже сказал, она земного типа. Хотя небольшие отличия есть. Ватикан — единственное поселение. Вся остальная поверхность — нетронутая природа, похоже, там и карты до сих пор никто не удосужился составить. Пару раз облетели вокруг планеты на исследовательском катере, и все. Само по себе наличие единственного поселения на колонизированной планете явление не уникальное. На многих пограничных планетах существует один-единственный посёлок, рядом с космопортом. И планета, и поселение, как правило, называются одинаково. Ну, взять Гастру, к примеру. То же самое и на Харизме. Самое главное, что о планете никто толком ничего не знает; кроме Декера, никто носа не высовывает из посёлка. А Декер, я думаю, далеко в горы забирался. Гастра, конечно, исследована получше. Но и там полно необработанной и неизученной земли. На Харизме, похоже, нет туземной разумной жизни, но это не более чем предположение. Просто её там никто не искал, а она там, может быть, есть, только хорошо прячется. Там есть травоядные; животные и хищники, которые питаются травоядными. Некоторые из хищников, если верить болтовне в колонии,

очень страшные. Я как-то спросил Декера про них, но он мне ничего не ответил. А я больше не спрашивал. Ну, а вы, — спросил капитан, обернувшись к Теннисону, долго прожили на Гастре?

— Три года, — ответил Теннисон. — Чуть меньше трех лет.

— И попали там в переделку?

— Можно сказать и так.

— Капитан, — вмешалась Джилл. — Вы на себя не похожи. Что это вы взялись выпытывать? Никто не видел, как он попал на корабль. Никто не знает, что он здесь. Бояться вам нечего, дело это не ваше.

— Если это хоть как-то успокоит вашу совесть, — добавил Теннисон, — то я могу совершенно честно сказать, что никакого преступления я не совершил. Меня, правда, в этом подозревают. Вот и все. А на Гастре быть под подозрением означает, что тебя могут запросто пристрелить на месте без суда и следствия.

— Доктор Теннисон, — торжественно проговорил капитан, — когда мы прибудем на Харизму, вы можете сойти с корабля в полной уверенности, что мы с вами никогда ни о чем не говорили. Думаю, так будет лучше для нас обоих. Я уже говорил и повторю ещё раз: мы, люди, должны

держаться друг за дружку.

Глава 5

«Самое замечательное время», — думал Декер. С ужином покончено, посуда вымыта, огонь в очаге полыхает вовсю, дверь в мир закрыта; Шептун пристроился за столиком в уголке: трудится, шлифует кусок топаза, принесённый домой неделю назад, Декер поудобнее устроился в кресле, стащил с ног мокасины, забросил ноги на тёплый камин очага. Полено, самое большое, прогорело, и пламя перекинулось на другие, поменьше, разбрасывая во все стороны брызги искр. Огненные язычки вспыхивали и пробегали по поверхности горящих ветвей, В дымоходе гудело, и этому гулу вторило завывание ветра в верхушках деревьев, окружавших хижину.

Покачиваясь в кресле, он взглянул в угол, где работал Шептун, но того не было видно. Шептун порой был виден, а порой — нет. На уголке стола стоял замысловато огранённый кусок бледно-зеленого жадеита.

«Работа была тяжёлая», — подумал Декер. Камень выглядел необычно — человек бы так не обработал его, картина огранки совершен-

но не соответствовала законам человеческого мышления и видения: начнёшь разглядывать и растеряешься. Наметишь линию, а она тут же переходит в другую; представишь себе некий образ камня, но он у тебя на глазах рассыпается; только успеешь подумать, что разгадал загадку огранки, как немедленно убеждаешься, что ошибся. И так бесконечно, как ни верти камень, с какой стороны ни разглядывай. Да, можно было запросто провести остаток дней своих, держа в руках этот камень, рассматривая его, пытаясь понять его тайну, но так и не находя ответа…

В центре стола стоял большой кристалл топаза. Его обработка немного продвинулась со вчерашнего дня. Но Декеру никогда не удавалось угадать, что будет делать Шептун с камнем дальше. Камень время от времени менялся, вот и все. Это не было огранкой в прямом смысле слова, потому что Шептун работал без инструментов, не было заметно ни крошек, ни пыли, и все-таки на камне проступали сглаженные, отшлифованные места. Да, конечно, у Шептуна и в помине не было никаких инструментов — он ими не мог пользоваться и не умел. Он ничем не пользовался — абсолютно ничем. А работа была налицо. Он умел разговаривать мысленно, телепатически, он умел изменять

очертания камней, он приходил и уходил, он умел быть везде и нигде одновременно.

Не отводя взгляда от стола, Декер заметил, что там появилось маленькое облачко сверкающей пыли — это и был Шептун.

— Опять прячешься, — мысленно обратился он к Шептуну.

— Декер, ты же отлично знаешь, что от тебя я не прячусь. Просто ты меня не всегда видишь.

— А ты не мог бы хоть когда-нибудь появляться как-то более чётко? Ну, скажем, светиться немножко поярче? Вечно ты таишься.

— Обижаешь, Декер. Вовсе я не таюсь. Ты же знаешь, что я здесь. Всегда знаешь, когда я здесь.

«Это точно», — подумал Декер. Он действительно всегда знал, когда Шептун был здесь. Он чувствовал его присутствие, но как, не смог бы объяснить даже себе. Ощущение ли, чутьё ли, сознание ли — неясно, знание того, что это крошечное облачко алмазной пыли где-то рядом. Хотя он догадывался, что Шептун — нечто большее, чем скопление пылинок.

Догадывался и вечно мучился вопросом: что же такое на самом деле Шептун? «Можно было бы спросить, — думал Декер. — Можно было бы спросить хоть сейчас».

Но почему-то он чувствовал, что как раз этого вопроса задавать и не следует. Поначалу ему казалось, что достаточно того, что он думает об этом, интересуется этим — и Шептун может прочитать его мысли, этот его немой вопрос — он думал, что все творившееся у него в сознании должно быть ясно Шептуну. Но прошли долгие месяцы, и он понял, что это не так, что это странное создание не могло или не хотело читать его мысли. Для того чтобы общаться с Шептуном, ему приходилось концентрировать слова, которые он хотел сказать, в определённом участке мозга и направлять их Шептуну. Это было для Шептуна равносильно разговору, а мысли, высказанные вслух, для него речью не были. Само то, как он говорил с Шептуном, как понимал сказанное в ответ, до сих пор было для Декера загадкой. Не было этому объяснения, не было человеческого объяснения возможности такого общения.

— Последнее путешествие было удачным, — сказал Декер. — Топаз превосходный, ради него одного стоило сходить. А ведь это ты его высмотрел. Ты показал мне, где его найти. По породе невозможно было догадаться. Ни единого признака, сплошная галька. Но ты показал мне, где надо покопаться. Будь я проклят, если понял, как

ты узнал, что он там.

— Удача, — ответил Шептун. — Просто удача, и все. Иногда твоя удача, иногда — моя. В прошлый раз ты сам нашёл рубин.

— Маленький, — сказал Декер.

— Зато — чистой воды.

— Да, точно. Просто красавчик. Маленький, но красивый. Ты уже решил, будешь его обрабатывать или нет?

— Искушение есть. Но надо ещё подумать. Он и так мал, а после обработки ещё меньше станет. Для тебя мал, я хотел сказать. Тебе придётся в лупу на него смотреть, чтобы увидеть красоту огранки.

— Мал для меня. Ты прав. Мал для меня. Ну, а для тебя?

— Для меня, Декер, размеры значения не имеют. Мне все равно.

— Оставим рубин как есть, — решил Декер. — Для капитана у меня кое-что другое найдётся.

Шептун исчез. Маленькое облачко искрящейся пыли пропало.

«Может быть, — подумал Декер, — это не сам Шептун пропал, а изменилось освещение в хижине?» Однако он знал, что Шептун здесь, в хижине, его присутствие было очевидно. Он его

чувствовал. Но что он чувствовал? Что такое Шептун, что это за существо? Он, конечно, сейчас в хижине, где же ещё он мог быть? Какого он размера? Большой или маленький? Крошечная вспышка блестящих пылинок или существо, способное заполнить всю Вселенную?

Бестелесное создание, порой невидимое, зыбкое нечто, почти ничто, может быть, связанное какими-то узами с этой планетой, а может — только с какой-то её частью. Размышляя подобным образом, Декер все более и более понимал, что все дело — в выборе Шептуна. Он сам решил, он сам почему-то хотел быть здесь. Скорее всего, ничто не мешало ему находиться где угодно — блуждать в верхних слоях атмосферы или за её пределами, в открытом космосе, поселиться внутри сияющей звезды, зарыться в гранит гор планеты. Весь космос, все состояния вещества могли быть доступны Шептуну.

«А может быть, — думал Декер, — тот Шептун, которого знаю я, — только маленькая частичка, только кусочек какого-то громадного Шептуна? Может быть, настоящий Шептун — что-то непостижимо огромное, величественное, существующее на протяжении всего пространства, а быть может, и всего времени — настоящее по-

рождение Вселенной? Скорее всего, — думал он не без сожаления, — я так никогда и не дознаюсь правды, так ничего и не пойму».

Именно поэтому он и не спрашивал Шептуна ни о чем таком. Что толку спрашивать о том, чего понять не в силах, обременять себя тайной, которая ляжет на тебя непосильным, тяжким грузом, который породит новые бесконечные мысли и вопросы, из-за которых будешь просыпаться среди ночи в холодном поту, которые не дадут спокойно жить днём, из-за которых просто потеряешь разум. Чужак, непостижимое создание, порождение Вселенной…

Шептун снова заговорил с ним.

— В лесу приключилась беда, — сообщил он. — Трое из Ватикана погибли.

— В лесу? А ты не ошибаешься, Шептун? Люди из Ватикана в лес не суются. Дома сидят.

— Эти на охоту ходили. На глухоманов охотиться вздумали.

— На глухоманов? Кому в здравом уме в голову взбредёт на глухоманов охотиться? В лесу самое разумное — это молиться, чтобы на тебя самого глухоман не поохотился.

— Один из них — новичок в Ватикане. Больно гордый, заносчивый. У него было оружие — он

думал, что с таким оружием ему ничего не страшно, бояться нечего. А зря он так думал.

— Ну, и нашли они глухомана?

— Нет, это глухоман их нашёл. Он знал, что они придут на него охотиться.

— И они погибли? Все трое?

— Да. Умерли ужасной смертью.

— Когда это случилось?

— Несколько часов назад. В Ватикане ещё не знают.

— Может, стоит сообщить в Ватикан?

— Зачем? Не стоит. Сделать все равно уже ничего нельзя. Пройдёт время, их хватятся, другие пойдут, разыщут их и принесут домой.

— А вдруг глухоман не ушёл и ждёт там, на том месте?

— Может, и не ушёл, — сказал Шептун. — Но тем, кто выйдет на поиски погибших, он ничего плохого не сделает. Они же не будут на него охотиться.

— А он убивает только тех, кто на него охотится?

— Да. А ты разве не знал? Ты столько лет бродишь по лесам, Декер.

— Мне везло. Ни разу в жизни на глухомана не напоролся. Ни разу даже не видел ни одного.

— А они видели тебя, — сказал Шептун. — Много, много раз видели. Они не докучали тебе, потому что ты им не докучал.

— Докучать им? — удивился Декер. — Вот уж никогда бы на такое не решился.

— У тебя есть оружие. Штуковина, которую ты зовёшь винтовкой.

— Есть. Но я ею очень редко пользуюсь. Только в тех случаях, когда мне нужна дичь для еды.

— Да и то нечасто.

— Нечасто, это точно, — согласился Декер.

Он поднял с пола кочергу и поворошил поленья в очаге, собрав их в кучку. Камин сердито заворчал. За стенами хижины выл ночной ветер. Вспышки пламени в очаге отбрасывали тени на стены — они взлетали к потолку и опускались, потом снова взлетали.

— Ватикан, — сообщил Шептун, — очень взбудоражен.

— Из-за этого несчастья? Из-за глухомана?

— Нет, не из-за глухомана. Я же сказал тебе, про это они пока ничего не знают. Там что-то необыкновенное одна Слушательница узнала.

— Слушатели всегда узнают что-то необыкновенное.

— Да, но на этот раз она узнала что-то очень

необыкновенное.

— В каком смысле необыкновенное?

— Пока точно не знаю. Но там большой переполох. Кое-кто перепугался, кое-кто настроен скептически, а кое-кто даже посмеивается. Если это правда, то, наверное, что-то очень важное случилось. Как у них принято говорить, показатель веры поднялся очень высоко.

— У них всегда есть маленькие триумфы, — улыбнулся Декер. — И маленькие поражения. Там всегда о чем-нибудь болтают.

— Конечно, — согласился Шептун. — Но триумф на этот раз вряд ли такой уж маленький. Великая надежда. Много разговоров.

Глава 6

Стоя на посадочной площадке, Джилл и Джейсон с некоторым разочарованием разглядывали кучку низеньких, невзрачных на вид строений. Это и была колония на Харизме. Невысокий горный гребень за городком был увенчан ослепительно белой постройкой — не то группой зданий, не то единым зданием — с такого расстояния понять было трудно. За белой постройкой возвышались горы, гордо царившие над колонией, высокие, скалистые, издалека казавшиеся фиолетовыми, украшенные белыми шапками снегов. Снежные вершины, казалось, существовали отдельно, сами по себе, как бы парили в небе.

Теннисон указал на здания на нагорье.

— Ватикан, надо полагать?

— Скорее всего, — кивнула Джилл.

— Я видел фотографии Ватикана на Древней Земле. Ничего общего.

— Ты слишком буквально воспринимаешь название, — возразила Джилл. — А это просто название, ничего больше. Сомневаюсь, что тут существует реальная связь с Ватиканом.

— А Папа?

— Кто знает, может быть, какая-то связь есть все-таки. Но воображаемая, выдуманная. Но тут не может быть ничего такого, что могло бы быть признано земным Ватиканом официально.

— И ты собираешься взять приступом эту высоту?

— Джейсон, не надо сгущать краски. Что за трагический тон? Ничего я не собираюсь брать приступом. Здесь есть какая-то история, и я её хочу узнать. Поищу какие-нибудь знакомства. Буду изображать предельную вежливость и обходительность, но ни от кого не собираюсь скрывать, кто я, что я и что мне нужно. Ну, а пока я буду делать свои дела, что ты собираешься делать?

— Если честно, даже не представляю себе. Я ведь не думал о планах. Просто бежал, и все. Придётся тут остановиться на бегу. На Гастру я все равно вернуться не могу, по крайней мере — пока.

— Звучит так, будто ты собираешься бежать дальше.

— Ну не прямо сейчас. Это место — не хуже любого другого, где можно остановиться, отдохнуть и оглядеться.

Длинная вереница паломников, высадившихся из «Странника», растянулась по лётному полю

— судя по всему, они направлялись к пункту таможенного контроля.

Теннисон кивнул в их сторону.

— Нам тоже нужно пройти эту процедуру, как ты думаешь?

Джилл покачала головой.

— Думаю, нет. Никакие бумаги тут не нужны, по крайней мере — людям. Харизма официально считается планетой людей, а потому на них тут распространяются некоторые привилегии. Колония маленькая, и особых формальностей быть не должно. Пройдёт дня два, и ты можешь обнаружить, что завтракаешь с шефом местной полиции или с шерифом — неважно, как он тут называется, — он для порядка задаст тебе несколько вежливых вопросов и разглядит тебя поближе. Я не знаю, как именно здесь проходит этот ритуал, но обычно в колониях людей все бывает именно так.

— Ну, тогда все должно быть просто отлично.

— Единственное, что тебе придётся объяснить, почему у тебя с собой нет багажа. В Доме Людей могут проявить законное любопытство. Думаю, лучше всего будет ответить, что ты опоздал на корабль на Гастре и каким-то образом потерял багаж.

— Ты все продумала, — сказал Теннисон. — Что бы я без тебя делал просто не представляю!

— А как же иначе? Я же тебя вроде бы опекать взялась?

— Нынче же вечером начну расплачиваться, — пообещал Теннисон. — Обед в Доме Людей. Свечи, белоснежная скатерть, фарфор, серебро, хрусталь, обширное меню, бутылка хорошего вина…

— И не надейся. Не фантазируй. Дом Людей может оказаться заурядным постоялым двором с паршивой столовкой.

— Как бы то ни было, надеюсь, там будет все-таки получше, чем в той норе, где ты меня приютила.

— Эта нора не так уж плоха, — возразила Джилл.

— Смотри, — оборвал её Теннисон, — похоже, кто-то наконец появился, чтобы доставить нас в гостиницу.

Глава 7

Столовая в Доме Людей оказалась на редкость цивилизованной: на столе красовалась ослепительно белая скатерть, сияли хрусталь и фарфор, в меню было пять блюд и приличное вино.

— Просто восторг, — сказала Джилл Теннисону. — Я и не ожидала, что тут будет так вкусно. Вообще, наверное, после месяца на корабле все, что бы нам тут ни подали, казалось бы деликатесом.

— Итак, завтра ты начинаешь действовать, — сказал он. — Как часто мы сможем видеться?

— Так часто, насколько будет возможно. Я буду возвращаться каждый вечер. Если, конечно, меня не выгонят из Ватикана завтра же или вообще на порог пустят.

— Хочешь сказать, что раньше с ними не общалась?

— Пыталась, но ничего не вышло. Я отправила им несколько писем, но ни на одно ответа не получила.

— Может, они не хотят огласки?

— Вот и выясним. Поговорю с ними. Я могу быть

очень настойчива, когда нужно. Ну, а ты?

— Осмотрюсь. Выясню, что тут и как. Если здесь нет врача, я мог бы открыть практику.

— Это было бы здорово, — кивнула она. — Джейсон, тебе действительно этого хотелось бы?

— Не знаю, — пожал он плечами. — Пожалуй, я тебе ответил, не подумав, — как-то само вырвалось. В Ватикане есть свой врач, и, вероятно, он обслуживает и тех людей, которые живут в посёлке. На то, чтобы открыть собственную практику, может уйти много времени. Городок похож на поселение пионеров, но этого не может быть. Если капитан сказал правду, получается, что роботы живут тут уже почти тысячу лет.

— Но совсем не обязательно, — возразила Джилл, — что посёлок такой же старый. Роботы могли тут появиться задолго до его основания.

— Ты права, наверное, но все равно он должен тут существовать уже очень давно. Однако создаётся такое впечатление, что люди начали тут жить совсем недавно. Может быть, все из-за того, что тут всем заправляет Ватикан. Все и каждый тут должны быть связаны с Ватиканом.

— Не думаю, что это так уж плохо. Все зависит от того, что за народ — люди и роботы — управляет Ватиканом. Если они неглупы, то, по идее,

должны порадоваться появлению нового человека, не дурака и с новыми идеями.

— Поживём — увидим, — сказал Теннисон и вздохнул — Спешить все равно некуда. Поживу с неделю, узнаю получше, что меня тут ждёт, если ждёт что-нибудь.

— Такое впечатление, что ты не прочь остаться. Как минимум, на какое-то время.

Он покачал головой.

— Ничего определённого не могу сказать. Мне нужно временное прибежище. Но, думаю, в Давентри вряд ли додумаются, что я сбежал на корабле, улетевшем на Харизму.

— Есть вариант, — сказала Джилл, — они могут подумать, что ты утонул в море. Если радар засёк твой флайер. Они же при всем желании не смогут доказать, что ты с него спрыгнул?

— Нет, не смогут, если только кто-нибудь не найдёт парашют. А это, я думаю, маловероятно. Я его надёжно спрятал под складом.

— Значит, можешь быть спокоен. Неужели они так злы на тебя, что помчатся за тобой в эту дыру?

— Нет, конечно. Вся эта история — более или менее из области политики. Просто некоторым это помогло бы обвинить меня в смерти марк-

графа, и все.

— Им нужен козёл отпущения.

— Вот именно, — кивнул Теннисон. — Очень может быть, что моё исчезновение их в этом убедит ещё больше. И все будут довольны. И сейчас мне, по правде говоря, совершенно безразлично все, что происходит на Гастре. А ты? Наверное, выложила немалые денежки, чтобы добраться сюда?

— Да, потратиться пришлось изрядно, но в моем деле всегда есть известная доля риска. Но в любом случае, думаю, я потратилась не зря. Думаю, тут можно накопать такого, что результат в конце концов оправдает все затраты. Даже если я не сумею пробраться в Ватикан, я все равно что-нибудь да разузнаю. Не столько, сколько хотелось бы, но все равно.

— Это как понимать?

— Ну, смотри: я иду к ним, а они, допустим, меня не пускают. Даже не хотят разговаривать. То есть полный от ворот поворот. Могут даже, если сильно рассердятся, вышвырнуть меня вон с планеты. Спрашивается, почему они это сделают? Почему они откажутся со мной говорить? Почему им понадобится вышвыривать меня вон? Что вообще происходит? Что происходит в этом громадном

секретном учреждении, чего нельзя вытащить на свет божий? Что они пытаются скрыть?

— Понятно, — кивнул он. — Ты права, из этого можно сделать кой-какой материал.

— Уверяю тебя, к тому времени, когда они меня вышвырнут, у меня материала не то что на статью — на книгу хватит.

— А как тебе это в голову пришло?

— То тут, то там что-то слышала. Несколько лет подряд. Слухи, сплетни, болтовня всякая. Достоверной информации — почти ноль. Но, если собрать все воедино, было бы весьма интригующе.

— В общем, ты несколько лет пыталась найти разгадку?

— Точно. Я упорно трудилась. Не все время, конечно, но как только выпадала возможность. И чем больше я об этом думала, тем больше убеждалась, что тут можно многое найти, стоит только копнуть поглубже. Хотя не исключено, что я сама себя убедила. Вполне может оказаться, что тут ничего серьёзного и нет просто кучка тупых роботов вовсю трудится над каким-нибудь совершенно бессмысленным проектом.

На какое-то время они умолкли, целиком поглощённые едой.

— Как тебе твой номер? — поинтересовалась Джилл. — У меня — вполне приличный.

— У меня тоже, — кивнул Теннисон. — Не роскошный, но жить можно. А одно окно выходит на горы.

— Тут оказывается нет телефонов, — сообщила Джилл. — Я спросила, и оказалось, что на планете вообще нет телефонной связи. Электрическое освещение есть, и я удивилась, что телефонов нет. Похоже, никто не знает почему.

— Ну мало ли почему. Может, им тут не нужны телефоны, — высказал предположение Теннисон.

— Прошу прощения, сэр, — раздался мужской голос у него за спиной. — Извините, что помешал, но это очень важно…

Теннисон оглянулся.

Рядом со столиком стоял мужчина. Высокий, чуть старше средних лет. У него были резкие черты лица, чёрные гладкие волосы, слегка тронутые сединой, и узкие усики.

— Если я не ошибаюсь, сэр, — сказал незнакомец, — вы — доктор. По крайней мере, мне так сказали.

— Верно, — ответил Теннисон, недоумевая. — Меня зовут Джейсон Теннисон. Моя спутница

— мисс Джилл Робертс.

— Моя фамилия Экайер, — представился мужчина, слегка поклонившись. Я из Ватикана. Наш врач погиб несколько дней назад. Несчастный случай на охоте.

— Ну, если я могу чем-нибудь помочь…

— Прошу извинить, мисс, — прижав руки к груди, проговорил Экайер, что я вынужден прервать ваш обед и увожу вашего спутника. Но одна женщина у нас очень больна. Доктор, если бы вы согласились осмотреть её…

— Мне нужно сходить за чемоданчиком, — сказал Теннисон. — Подождите, я только поднимусь к себе в номер.

— Доктор, я взял на себя смелость, — сказал мужчина из Ватикана, — и попросил управляющего распорядиться, чтобы ваш чемоданчик доставили сюда. Он ждёт вас в вестибюле.

Глава 8

Женщина была очень старая. Её изборождённое морщинами лицо напоминало сморщенное яблоко. Рот ввалился, на щеках играл нездоровый, лихорадочный румянец. Чёрные, похожие на пуговки, глаза глядели на Теннисона, не видя его. Она тяжело, с хрипом, дышала. Истощённое тело с трудом угадывалось под простыней. Сестра в сером халатике подала Теннисону историю болезни.

— Эта женщина очень много значит для нас, доктор, — шепнул Экайер.

— Давно она в таком состоянии?

— Пять суток, — ответила сестра. — Пять суток, после того как…

— Не надо было Андерсону ходить на охоту, — проговорил Экайер. — Он меня уверил, что с ней все будет в порядке, что ей нужен только покой…

— Андерсон — это тот, который погиб?

— Он и ещё двое. Они пытались отговорить его. Он тут новичок был, не представлял себе, чем это грозит. Я вам сказал, что это из-за глухомана, или

не говорил?

— Нет, не говорили. Что за глухоман?

— Это страшный хищник. Свирепый, кровожадный. Увидев человека, сразу нападает. Остальные пошли, чтобы защитить нашего врача…

— Температура держится уже трое суток подряд, — отметил Теннисон. — И ни разу не падала?

— Ни разу, доктор. Совсем незначительные колебания.

— А одышка?

— Все хуже и хуже.

— Какие препараты она получала?

— В карте все указано, доктор.

— Да, вижу, — сказал Теннисон.

Он взял руку женщины, чтобы пощупать пульс. Рука была тонкая, вялая. Пульс — частый и неглубокий. Взяв из чемоданчика стетоскоп, он выслушал грудную клетку. В лёгких были слышны сильные хрипы.

— Питание? — спросил он у сестры. — Её кормили?

— Последние двое суток — только внутривенно. А до этого — немного молока и бульона.

Теннисон посмотрел на Экайера, стоявшего по другую сторону кровати.

— Ну? — нетерпеливо выговорил тот.

— Пневмония, скорее всего, — нахмурился Теннисон, — Судя по всему, вирусная. У вас есть лаборатория, чтобы сделать анализы?

— Лаборатория есть, — вздохнул Экайер, — лаборанта нет. Он был вместе с Андерсоном и Олдриттом.

— И все трое погибли?

— Да, все трое. А вы, доктор, не могли бы?

— У меня нет опыта, — покачал головой Теннисон. — Я могу только лечить. Как у вас с лекарствами?

— Лекарств у нас много, самых разных. Да и с персоналом до сих пор проблем не было. У нас было двое лаборантов. Но один уволился месяц назад. И мы никого не смогли найти на его место. Харизма, доктор, не то место, которое привлекает хороших специалистов.

— Самый точный диагноз, который я могу поставить при таких обстоятельствах, — сказал Теннисон, — вирусная пневмония. Чтобы типировать вирус, нужно, чтобы поработал опытный лаборант, иначе просто невозможно, Ведь сейчас так много новых вирусов, которые подхватываются и переносятся с планеты на планету, что крайне трудно вслепую определить специфи-

ку возбудителя. Но я вычитал в медицинских журналах, что пару лет назад появилось новое лекарство — противовирусный препарат широкого спектра действия…

— Вы имеете в виду протеин-Х? — спросила сестра.

— Точно. У вас он есть?

— Нам доставили немного последним рейсом «Странника». Вернее, предпоследним.

— Это лекарство может помочь, — сказал Теннисон Экайеру. — Но действие его пока изучено мало, чтобы можно было сказать что-то наверняка. Этот препарат оказывает специфическое воздействие на белковую оболочку вируса и разрушает вирус целиком. Мы пойдём на определённый риск, если решим воспользоваться этим лекарством, но выбора у нас, похоже, нет.

— Вы хотите сказать, — проговорил Экайер, — что не можете гарантировать…

— Ни один врач не смог бы гарантировать.

— Не знаю, — пожал плечами Экайер. — Так или иначе мы должны спасти её. Если не дать ей этот протеин…

— Она может выжить, — сказал Теннисон. — Её организм вынужден будет самостоятельно бороться с вирусом. Мы сможем поддержать её, но с

вирусом ничего поделать не сможем. Ей придётся сражаться в одиночку.

— Она такая старенькая… — покачала головой сестра. — Сил у неё совсем мало.

— Ну, а если дать ей протеин-Х, — спросил Экайер, — можно быть уверенным, что?..

— Нет, нельзя, — ответил Теннисон.

— Насчёт лекарства… Вы хотите ещё подумать? Доктор, вам решать. Но мне кажется, что времени у нас совсем немного. Что вы порекомендуете, доктор?

— Как врач, я могу сказать совершенно определённо: если бы я один принимал решение, я бы прибегнул к протеину-Х. Он может не помочь. Но насколько я знаю, это — единственное средство, способное одолеть неизвестный вирус. Должен откровенно сказать: протеин-Х может и убить её. Даже если он поможет, он может не помочь до конца.

Он обошёл кровать, встал рядом с Экайером, положил руку ему на плечо.

— Эта женщина — близкий вам человек? Она для вас лично много значит?

— Не только для меня. Для всех нас. Для всего Ватикана.

— Я искренне желал бы быть вам полезным. Я

не имею права ни на чем настаивать. Могу ли я сделать что-нибудь, чтобы помочь вам принять решение?

Женщина пошевелилась, приподняла голову и плечи с подушки, попыталась сесть, но снова упала на подушку. Лицо её скривилось, губы зашевелились. Сквозь булькающие хрипы послышались слова.

— Башни! — выкрикнула она. — Чудная, высокая лестница до небес! Слава и покой! И парящие ангелы…

Гримаса боли исчезла с её лица. Она закрыла глаза и умолкла.

Теннисон поймал взгляд сестры. Та смотрела на старуху как заворожённая.

Экайер схватил Теннисона за плечо.

— Мы воспользуемся протеином, — сказал он. — Мы должны им воспользоваться.

Глава 9

В номере, куда Экайер привёл Теннисона, было довольно уютно. Пол в гостиной был устлан пушистым ковром. Мебель — почти элегантная, половину одной из стен занимал камин, в котором ярко полыхал огонь. У другой стены стоял обеденный стол и стулья, ближайшая к столу дверь вела в кухню. Напротив была расположена спальня. Стены украшали зеркала в изящных резных рамах и неплохие картины. На каминной полке выстроились затейливые статуэтки, похоже — из слоновой кости.

— Присаживайтесь, доктор, отдыхайте, — сказал Экайер Теннисону. — Чувствуйте себя как дома. Кресло очень удобное. Выпьете чего-нибудь?

— Не найдётся ли у вас скотча?

— У вас неплохой вкус, — улыбнулся Экайер. — Где вы отведали скотч? Этот напиток мало кому известен. Разве что немногим старикам…

— С этим божественным напитком, — сказал Теннисон, — познакомил меня капитан «Странника». Он сказал, что это напиток Древней

Земли.

— А, капитан. Он снабжает нас. Привозит несколько ящиков с каждым рейсом. У нас — постоянный контракт на поставку с планетой, называемой «Солнечный Танец», — планета эта, как вы, вероятно, догадываетесь, населена людьми. Единственная, кстати говоря, планета, на тысячи световых лет в округе. Того, что он доставляет, вечно не хватает. Мало того, ещё и сам в ящики руку запускает. Но мы помалкиваем, не возражаем. Его можно понять, правда?

Экайер сходил на кухню, принёс два стакана с виски, передал один Теннисону, сам пригубил из второго.

— Выпейте, — сказал он. — Думаю, нам есть за что выпить.

— Надеюсь, — кивнул Теннисон. — Времени прошло немного, конечно, но больная неплохо реагирует на лечение. Нужно внимательно наблюдать за ней.

— Скажите, доктор, вы всегда так заботливо выхаживаете больных? Вы оставались у постели Мэри, пока не появились первые признаки улучшения. Наверное, вы очень устали? Я вас долго мучить не буду. Вам надо отдохнуть.

— Ну… если у вас найдётся для меня уголок…

— Уголок? Доктор Теннисон, это ваши комнаты. Столько времени, сколько вы пожелаете тут остаться, они — ваши.

— Мои комнаты? А я думал, что это ваше жилище.

— Моё? О нет. У меня почти такие же апартаменты, а эти — для гостей. Мы знаем, что вы потеряли свой багаж, поэтому решили снабдить вас гардеробом. Вещи будут тут утром. Надеюсь, вы не возражаете?

— Это совершенно ни к чему! — резко ответил Теннисон.

— Вы зря обижаетесь. Поймите, мы не знаем, как благодарить вас…

— За что? Пока трудно судить, добился ли я чего-нибудь. Мэри может и не поправиться, даже несмотря на протеин-X.

— Но улучшение есть.

— Да, пульс нормализовался. И сил у неё как будто прибавилось. Температура несколько снизилась, но все же не настолько, чтобы быть уверенным…

— Я верю в вас, — сказал Экайер. — Я думаю, вы обязательно вытащите её.

— Послушайте, — прищурился Теннисон, — давайте будем друг с другом честными до конца.

Вы говорили с капитаном или ещё с кем-то из ваших людей. Вы прекрасно знаете, что я не потерял багаж. У меня не было никакого багажа, так как не было времени уложить вещи. Я спасался бегством.

— Да, — согласился Экайер. — Да, все это нам известно. Но мы не собирались говорить вам об этом. Мы не знаем, что с вами приключилось, и, если вы не хотите об этом рассказывать, — дело ваше, и мы интересоваться не намерены. Это неважно. Важно, что вы врач. Сначала я не был в этом уверен, но теперь знаю это точно. Пока вы здесь, у Мэри есть шанс выжить, а без вас…

— Скорее всего, никаких, если только ваша маленькая сестричка не решилась бы сама…

— Не решилась бы, — уверенно заявил Экайер. — Она и не знала как и не осмелилась бы.

— Ну, ладно, хорошо. Допустим, я спас больную. Но послушайте, это, в конце концов — моя работа. То, чему меня учили. Я пытаюсь спасти каждого, но не могу при всем желании. Вы мне ничего не должны. Самая обычная оплата — все, что я имею право просить у вас. Да и это, пожалуй, слишком. У меня с собой даже документов нет. Я не могу доказать, что я врач, даже если бы от этого зависела моя жизнь. Не уверен, что могу легально

практиковать. Существуют же такие вещи, как лицензия на врачебную практику?

Экайер замахал руками.

— В этом смысле можете не волноваться! Если вы говорите, что вы врач, значит, вы врач. Если мы разрешим вам практиковать, вы будете практиковать.

— Ну, ясно, — улыбнулся Теннисон. — Как Ватикан скажет…

— Да, на Харизме как Ватикан скажет, так и будет. И никто не имеет права оспаривать наши решения. Если бы не мы, то и Харизмы бы не было. Мы и есть Харизма.

— Ладно, — сказал Теннисон. — Хорошо. Я с вами не спорю. Не имею ни малейшего желания. Один из ваших людей болен, я его лечу. Это мой долг, и давайте больше не будем об этом.

— Надеюсь, — сказал Экайер, — вы теперь лучше понимаете, каково положение дел. У нас нет врача. А врач нам очень нужен. Мы бы хотели, чтобы вы остались здесь в качестве нашего штатного доктора.

— Даже так?

— Даже так. Разве вы не понимаете? Положение у нас отчаянное. На поиск врача уйдёт не один месяц. Да, потом ещё неизвестно, что за врач

попадётся.

— Вы не знаете, что я за врач.

— Я знаю, что вы преданы своим больным. Вы честный человек. Вы откровенно рассказали, как попали сюда, а когда я спросил вас о результатах лечения, вы сказали, что ничего не можете гарантировать. Мне по душе такая честность.

— Да, но в один прекрасный день сюда может вломиться кто-то с ордером на мой арест. Не думаю, что это случится, но…

— Тот, кто решится на это, горько пожалеет. Все, что нам принадлежит, мы защищаем. Если вы действительно в беде, доктор, я могу гарантировать вашу безопасность. Правы вы или виновны, я могу вам это гарантировать.

— Ну, допустим. Не думаю, что я нуждаюсь в защите, но приятно сознавать, что я защищён. Но насчёт работы… Что вы мне предлагаете, можно поинтересоваться? Вы называете это место Ватиканом, а я слыхал всякие рассказы про ваш Проект, про то, что всем тут заправляет шайка роботов. Можете вы мне хотя бы вкратце объяснить, что тут происходит? Ваша больная, Мэри, говорила про ангелов… Что это — старческий маразм или предсмертное видение?

— Ни то ни другое, — ответил Экайер. — Мэри

нашла Рай.

— Так… — сказал Теннисон. — Можно ещё разок, помедленнее? «Мэри нашла Рай». Сказано так, будто вы хотели сказать именно это.

— Конечно, — кивнул Экайер. — Она действительно нашла Рай. Все свидетельствует о том, что она его действительно нашла. Нам нужно обязательно подтвердить это, а для этого необходимы её дальнейшие исследования. Только она способна на это. Правда, у нас есть её клоны — целых три, и они потихоньку подрастают. Но мы не можем быть уверены, что клоны…

— Наблюдения? Подтверждения? Клоны? С ума можно сойти! Какие могут быть подтверждения, не понимаю? Если я правильно понимаю, Рай не место. Это состояние. Состояние сознания, души, вера…

— Доктор, послушайте. Придётся вам кое-что объяснить.

— Да, похоже, придётся.

— Для начала постараюсь дать вам некоторую ретроспективу. Ватикан-17, здешний Ватикан, начался почти тысячу лет назад, когда сюда, на Харизму, прибыла группа роботов с Земли. На Земле роботы никакой религии не исповедовали, — вернее, им не было позволено исповедовать

никакой религии. Думаю, сейчас в этом плане наметились кое-какие перемены. Роботы могут быть приняты в лоно религии — не везде, но на некоторых планетах. Тысячу лет назад такого не было и в помине. Роботы были изгоями по отношению к любому вероисповеданию. Чтобы стать прозелитом в любой вере, у новообращаемого должна быть душа или некий её эквивалент. У роботов души не было, или считалось, что её нет, и они были лишены возможности приобретения какого бы то ни было религиозного опыта. Хорошо ли вы знакомы с роботами, доктор?

— Практически совсем не знаком, мистер Экайер. За всю жизнь я, пожалуй, видел их всего дюжину, а разговаривал — даже считать не стоит, хватит пальцев на одной руке. Я родом с планеты, где было совсем немного роботов. В том медицинском колледже, где я учился, было несколько роботов, но люди с ними мало общались. Близко знаком я ни с одним из них не был. И не ощущал потребности…

— Так, как вы, на мой вопрос ответили бы девяносто процентов людей. Людей не интересуют роботы, если они не связаны с ними в жизни. Вероятно, они считают их механизмами, машинами, подобием человека, Могу совершенно

определённо заявить вам, что они представляют собой нечто гораздо большее. За последние тысячи лет роботы эволюционировали, они стали существами, которые могут обходиться без людей. Однако в процессе эволюции они ни на минуту не забывали, кто их создатель, и они вовсе не отрицают того факта, что они существа искусственного происхождения, как бы сильно ни казалось обратное. Короче, они до сих пор ощущают некую нерасторжимую связь с людьми. Я мог бы ночь напролёт рассказывать вам, что я думаю о роботах и что собой представляют здешние роботы. Сюда они прилетели, потому что им не был позволен никакой религиозный опыт, потому что они были вычеркнуты из этой части жизни людей, которая как раз и представляла предмет их непреодолимого влечения. Нужно очень хорошо знать роботов, чтобы понять, откуда у них такая тяга к вере, к религии. Может быть, это всего-навсего попытка компенсации комплекса неполноценности, желание приблизиться к человеку, насколько возможно, во всем. Робот лишён многого, чем обладают люди, — огромное число ограничений заложено в него по определению. Робот не может плакать, робот не умеет смеяться. У него нет полового влечения, хотя он умеет

производить на свет других роботов. По крайней мере наши роботы конструируют собратьев и делают это с такой тонкостью и совершенством, до которых, пожалуй, не додумались бы люди. Здесь, на Харизме, родилось новое поколение роботов, новая раса, я бы сказал. Но я, пожалуй, отвлёкся…

— Объяснение тяги к религии как компенсации комплекса неполноценности я вполне могу принять, — сказал Теннисон. — Религия могла быть для роботов тайной, которую они хотели разделить с человечеством.

— Верно, — согласился Экайер. — Я мог бы многое вам порассказать об этом, но главное сейчас то, что тысячу лет назад группа роботов прибыла сюда, на эту планету, и создала здесь свою собственную религию. Когда-нибудь, если вам будет интересно, мы можем вернуться к этой теме.

— Конечно, очень интересно. Если у вас найдётся время.

— Итак: роботы прибыли сюда, — продолжал Экайер, — и основали свой Ватикан. В основу они положили религию людей, которая была для них очень привлекательна, но не только и не столько самим вероучением. Скорее, думаю, их восхищали её догматы, её структура, организация,

иерархия, долгая традиция. В нашем Ватикане вы встретите многое — литургию и другие ритуалы древнего Ватикана — это нечто вроде модели, хотя мне кажется, что у роботов не было намерений слепо принимать земное католичество. Роботы никогда не притворялись и не утверждали, что их религия — земное вероисповедание, украденное и перенесённое на самый край Галактики. Наверное, если бы кто-то удосужился провести скрупулёзный богословский анализ, то назвал бы эту религию синтетической: ведь роботы усвоили многие аспекты инопланетных религий или того, что называют инопланетными религиями…

— То есть фактически, — сказал Теннисон, — роботы сконструировали собственную религию, позаимствовав в процессе её создания все то, что им понравилось?

— Вот именно. Возникла вера роботов — вера, как на неё ни посмотри. Все зависит от того, как вы лично для себя определяете религию.

— Мистер Экайер… вы уж меня простите, может быть, у вас есть какой-то титул или звание? А то я все «мистер» да «мистер»?

— «Мистер» — вполне достаточно. Зовут меня Пол. Зовите меня по имени, если хотите, мне будет только приятно. А титула у меня никакого

нет. Я к религии никакого отношения не имею.

— Я как раз хотел спросить вас, как вы связаны со всем этим.

— Я — главный координатор того, что принято именовать Поисковой Программой.

— Простите, но мне это ни о чем не говорит.

— О Программе вы тут мало что услышите. Но это часть Проекта «Ватикан». Порой мне, честно говоря, кажется, что весь Ватикан сейчас — не более чем прикрытие для осуществления Поисковой Программы. Только… прошу вас, если вам случится беседовать со святыми отцами, не рассказывайте им о моей точке зрения. Многие из них продолжают очень ревностно относиться к религии.

— Знаете, честно говоря, я просто обескуражен.

— На самом деле все предельно просто, — улыбнулся Экайер. — Я бы сказал, даже логично. Идея Папы, верховного владыки, стоящего во главе церкви, имеет огромное, определяющее значение для основателей религии. Но где было найти Папу? Им казалось, что сделать обычного робота Папой было бы святотатством. Человека сделать Папой они тоже не могли, даже если бы вздумали рукоположить его — когда они прибыли сюда, такой возможности у них не было. Человек — су-

щество, живущее, по меркам роботов, слишком недолго, чтобы стать во главе их церкви, члены которой теоретически могут жить вечно. Если за ними, конечно, как следует следить, ухаживать. И это было то существенное ограничение, из-за которого человек в роли Папы их никак не устроил бы. Идеальный Папа, по их представлениям, должен быть бессмертным и всезнающим — непогрешимым, гораздо более непогрешимым, чем Папа-человек. И они принялись конструировать Папу…

— Конструировать… Папу? Не понял.

— Да. Компьютерного Папу.

— Боже милосердный! — воскликнул Теннисон.

— Да-да, и ничего удивительного, доктор Теннисон. Они конструируют его до сих пор. День за днём, год за годом. Уже несколько столетий подряд. Практически ежедневно Папу питают новой информацией, и с каждым годом он становится все более непогрешимым…

— Невозможно поверить… Это просто…

— Вам и не нужно в это верить. Я лично не верю. Хватит того, что в это верят роботы. Это их вера, если на то пошло. Но если посидеть и спокойно поразмыслить, то все сказанное мной

обретёт глубокий смысл.

— Наверное. Да, вы правы, Пол. Их вера зиждется на немедленных — то есть «непогрешимых» ответах Папы. Да, если подумать, получается, что смысл есть. А данные, информация, как я понимаю, обеспечивается Поисковой Программой?

Экайер кивнул.

— Верно. Но прошу вас, не обращайте внимания на то, что я так прагматичен в своём рассказе, и не записываете меня с ходу в безбожники, может быть, я и не совсем верующий человек, но есть вещи, в которые я верю.

— Я оставлю своё мнение при себе, если позволите. Насчёт информации… Каким образом ваша Поисковая Программа осуществляет её поиск? Вы здесь, на краю Галактики, а данные, за которыми вы охотитесь, разбросаны по всей Вселенной!

— У нас работают люди, называемые Слушателями. Не слишком хорошее определение, но мы их так привыкли называть.

— Экстрасенсы, что ли?

— Да. Но совершенно особого рода. Мы прочёсываем Галактику, чтобы отыскать таких, какие нам подходят. У нас есть вербовщики, и работают они тихо и незаметно. Роботы разработали методы, позволяющие нашим Слушателям

работать просто на фантастическом уровне. Их естественные способности, благодаря этим методам, усиливаются во много раз.

— Ваши Слушатели люди?

— Да. Все до единого. По крайней мере, пока. Мы пытались работать с инопланетянами, но ничего не вышло. Может быть, когда-нибудь получится. Один из аспектов Программы как раз этому посвящён. Не исключено, что инопланетяне могли бы нас снабдить такой информацией, которая людям просто недоступна.

— И все данные, которые вы добываете, поступают в Папу?

— Большая часть. В последнее время мы стали более избирательно подходить к отбору полученной информации. Мы не вводим в Папу всю без исключения необработанную информацию. Но все полученные данные хранятся в файлах. Все данные записываются — я хотел сказать: на магнитные ленты, но это не совсем магнитные ленты. Так или иначе все данные хранятся. Мы собрали такой информационный банк, которым гордилась бы Галактика, если бы узнала о нем.

— Но вы не хотите, чтобы об этом узнали.

— Доктор Теннисон, мы бы не хотели, чтобы Галактика вмешивалась в нашу работу.

— Мэри — Слушательница. Она думает, что нашла Рай.

— Верно.

— Ну, а вы, наполовину верующий, что об этом думаете?

— Я не склонен это оспаривать. Мэри — одна из лучших Слушателей. Если не самая лучшая.

— Но… Рай?!

— Послушайте и постарайтесь понять. Мы знаем и отдаём себе отчёт, что имеем дело не только с физическим пространством. Давайте, я вам один пример приведу. У нас есть один Слушатель, который уже несколько лет подряд путешествует в прошлое. Но не только в прошлое и не просто в прошлое, а, по всей вероятности, — в своё собственное прошлое. Почему он выбрал такое направление для поиска, мы не знаем, да и сам он не знает. Настанет время, и мы это выясним. Похоже, он следует по линии своих предков все дальше и дальше вглубь веков, разыскивает сородичей по плоти и крови. Шаг за шагом, тысячелетие за тысячелетием. Вчера, к примеру, он был трилобитом.

— Трилобитом?

— Древняя форма земной жизни, вымершая почти триста миллионов лет назад.

— Но… человек и… трилобит!

— Зародышевая плазма, доктор. Источник всего живого. Стоит немного уйти назад, и…

— Пожалуй, я понял, — медленно проговорил потрясённый Теннисон.

— Согласитесь, это потрясающе, — улыбнулся Экайер.

— Одно мне непонятно, — признался Теннисон. — Вот вы мне все это рассказываете. И в то же время не хотите, чтобы об этом знали. Когда я покину Харизму…

— Если покинете.

— То есть?

— Мы надеемся, что вы останетесь. Мы можем сделать вам очень выгодное предложение. Детали можно попозже обсудить.

— Но я могу отказаться.

— Сюда прилетает один-единственный корабль. Отсюда вы можете попасть только на Гастру.

— А вы абсолютно уверены, что на Гастру я возвращаться не хочу?

— У меня сложилось такое впечатление. Если вы действительно захотите улететь, сомневаюсь, что мы станем вас удерживать. Но могли бы, если бы захотели. Одно слово капитану, и он вам

объявит, что у него на корабле не осталось свободных мест. Но я думаю, разумнее было бы дать вам спокойно улететь. Даже если бы вы кому-то пересказали все, о чем мы с вами беседовали, вряд ли бы вам поверили. Сочли бы очередной космической байкой.

— А вы, похоже, здорово в себе уверены.

— Абсолютно, — сказал Экайер.

Глава 10

Когда Теннисон проснулся, было ещё темно. Потеряв счёт времени, он лежал в мягкой, уютной, обволакивающей тишине и тьме — не спал уже, но до конца не проснулся, плохо понимая, что с ним произошло. На какое-то мгновение ему даже показалось, что он ещё на Гастре. В комнате было темно, но откуда то проникала тонкая полоска света, и, когда глаза немного привыкли к мраку, он смог разглядеть очертания предметов. Кровать была мягкая, удобная. Чувство благостной дремоты охватило его целиком, ему захотелось ещё поспать, понежиться в тёплых объятиях сна… Но неожиданно он понял, что что-то не так, что он не на Гастре и не на корабле. Корабль! Он рывком сел в кровати. Сон как рукой сняло. Он все вспомнил. Корабль, Джилл, Харизма…

Харизма, Боже праведный! Он сразу все вспомнил.

Руки и ноги, казалось, онемели. Он не мог пошевелиться.

«Мэри нашла Рай!»

Он понял, что свет идёт из-под двери, за которой

гостиная. Полоска света колебалась, становилась то шире, то уже, исчезала совсем и появлялась вновь. «Это свет камина, — догадался он. — Дрова, наверное, уже давно догорели, это последние угли вспыхивают прощальным пламенем сквозь слой серого пепла…»

В тёмном углу комнаты шевельнулась тень, отделилась от остальных теней.

— Вы проснулись, сэр? — прозвучал дребезжащий голос.

— Да… проснулся вроде бы, — отозвался Теннисон плохо слушавшимися губами, — а ты… или вы, кто такой?

— Я Губерт, — ответила тень. — Я — ваш денщик и буду вам прислуживать.

— Я знаю, что такое «денщик», — сказал Теннисон. — Это слово мне встречалось, когда я кое-что читал по истории Древней Земли. Что-то такое, связанное с британскими военными. Слово было такое странное, что осталось в моей памяти.

— Потрясающе, сэр, — сказал Губерт. — Я вас поздравляю. Никто не знает, что это такое.

«Денщик» вышел из комнаты. В дверном проёме его можно было разглядеть получше. Странная, угловатая, человекоподобная фигура — сочетание силы и уверенности.

— Не пугайтесь, сэр, — сказал он, обернувшись. — Я робот, но я не причиню вам вреда. Единственная моя цель — вам прислуживать. Включить свет? Вы готовы?

— Да… готов. Пожалуйста, включи свет.

На столике, стоявшем у дальней стены гостиной, зажглась лампа. Гостиная как гостиная, все, как вчера: солидная, крепкая мебель, сияние металлических кнопок на обивке, мягкий блеск старого дерева, картины на стенах.

Теннисон отбросил одеяло и обнаружил, что раздет догола. Свесил ноги с кровати и встал на ковёр. Потянулся к стулу, на который ночью бросил одежду. Одежды не было. Поднял руку, откинул со лба волосы, потёр щеки и почувствовал, что оброс щетиной.

— Ваш гардероб пока не прибыл, — пояснил Губерт. — Но мне удалось раздобыть для вас смену одежды. Ванна вон там, завтрак готов.

— Сначала ванну, — сказал Теннисон решительно. — Душ у вас тут есть?

— Есть и ванна, и душ. Если желаете, я приготовлю ванну.

— Не стоит. Обойдусь душем. Это быстрее. А мне надо спешить. Есть работа. Что слышно о Мэри?

— Поскольку я предполагал, что вам это будет

интересно, — продребезжал Губерт, — я навестил её примерно час назад. Сестра сказала, что дела идут на лад и протеин-X ей помогает. В ванной, сэр, вы найдёте полотенца, зубную щётку и принадлежности для бритья. Когда вымоетесь, я дам вам одежду.

— Благодарю, — сказал Теннисон. — Да ты просто профессионал. Тебе часто приходится выполнять такую работу?

— Я — денщик мистера Экайера, сэр. Нас у него двое. Так что он меня вам одолжил.

Выйдя из ванной, Теннисон обнаружил, что кровать аккуратно прибрана и на ней стопкой сложена его одежда.

Робот Губерт, которого он теперь мог разглядеть как следует, был очень похож на человека — идеализированного такого, с иголочки. У него была лысая голова, и полированная металлическая поверхность не оставляла никаких сомнений в том, что она именно металлическая, но вся фигура робота была выполнена исключительно декоративно, — даже иллюзия была, что он одет.

— Желаете позавтракать? — поинтересовался робот.

— Нет, пока только кофе. Позавтракаю попозже. Погляжу, как там Мэри, и вернусь.

— Кофе будет подан в гостиной, — сообщил робот, — Перед камином. Сейчас разведу огонь получше.

Глава 11

Обойдя здание клиники, Теннисон обнаружил, что позади него находится сад. Всходило солнце, и горы, подступавшие к Ватикану с запада, казались ещё ближе, чем были на самом деле. Громадная стена, синева которой менялась от основания к вершинам: внизу горы были темно-синие, почти чёрные, а вершины искрились алмазным блеском в первых лучах утреннего солнца. Сад поразил Теннисона аккуратностью и ухоженностью. Сейчас, в эти первые утренние часы, здесь царили тишина и нежность. По саду разбегались в разные стороны вымощенные гравием дорожки, обрамлённые ровно подстриженными кустиками и изящно составленными композициями цветов на клумбах. Многие кустарники и цветы цвели или отцветали. Разглядывая растения, Теннисон с трудом вспоминал названия. Вдалеке, по правую сторону, он различил три фигуры в коричневых балахонах, которые медленно, как бы в глубоком раздумье, двигались по дорожке, склонив поблёскивающие в лучах солнца головы, опустив на грудь сталь-

ные подбородки. Прохлада ночи постепенно уступала теплу лучей утреннего солнца. В саду было так спокойно и красиво, что Теннисон поймал себя на мысли: «Мне тут нравится». На том месте, где пересекались сразу три дорожки, он обнаружил каменную скамью и присел на неё, чтобы полюбоваться на синюю стену гор.

Он сидел, смотрел и сам себе удивлялся — такого ощущения он не испытывал долгие годы: покой, удовлетворение своим трудом. У Мэри дела шли неплохо, возможно, она была на пути к полному выздоровлению, хотя наверняка судить было ещё, пожалуй, рано. Но лихорадка отступала, пульс становился все лучше, одышка пошла на убыль. Может быть, ему показалось, но однажды он заметил кратковременный проблеск сознания во взгляде Мэри. Она была очень стара, конечно, но в её изможднном, жалком теле он чувствовал волю и силы сражаться за жизнь.

«Наверное, — думал он, — ей есть за что бороться». Она нашла Рай — так сказал Экайер. Пусть это полная бессмыслица, Но если она так думает, это может быть для неё смыслом возвращения к жизни: желание узнать о Рае побольше. По крайней мере то, что рассказал ночью Экайер, приобретало какой-то смысл: жизнь Мэри должна быть

спасена, чтобы она могла побольше узнать о Рае.

«Логики в этом нет никакой, — продолжал он беседу с самим собой. Может быть, это какой-то местный анекдот, привычная шутка — ватиканская, а может, и не ватиканская, а хорошая исключительно в кругу тех, кто занят работой в Поисковой Программе».

Хотя… нет, не похоже, чтобы Экайер шутил, рассказывая об этом. Он сказал Экайеру, и сейчас, сидя здесь в саду на скамейке, снова повторял себе то же самое: Рай, Царствие небесное — это нечто такое, что существуй оно даже на самом деле, «найдено» в прямом смысле слова быть никак не могло. «Царствие небесное — это состояние души», — так он сказал Экайеру, и тот не нашёл что возразить. Однако было очевидно, что Экайер, человек неглупый и имевший собственное мнение, не совсем разделявший веру Ватикана, почему-то все-таки полагал, что Рай может быть обнаружен.

«Бессмыслица, чушь, — твердил про себя Теннисон. — Ни капли логики. И все же, — думал он, это, по всей вероятности, не исключительное проявление бессмыслицы, а закономерный итог целых столетий царствования бессмыслицы».

Логики не было никакой, а ведь робот всегда,

во все времена был знаменит именно логикой. Само понятие роботехники напрямую основано на логике, Экайер сказал, что роботы трудились над самоусовершенствованием, эволюционировали. Трудно поверить, что процесс эволюции мог привести к снижению уровня логики — краеугольного камня в создании роботов.

«Чего-то я не понимаю, — думал он. — Есть во всей этой кажущейся нелогичности нечто такое, какой-то фактор, а может, и не один, которые мне неизвестны. Ватикан, судя по всему, — крепкий орешек, так сразу не расколешь».

Десять столетий беззаветного труда вложено в него, и труд продолжается: уникальная попытка создать непогрешимого Папу, исследование, направленное на поиск всех составляющих, из которых, как из кирпичиков, должно быть воздвигнуто могучее здание универсальной религии.

«Да, — думал он, — слишком резво взялся я судить обо всем этом. Пожалуй, жизни одного человека не хватит, чтобы обнаружить хотя бы намёк на какую-то точность и справедливость. Придётся думать, смотреть, слушать, спрашивать, где можно, пытаться почувствовать, что тут происходит, познакомиться с теми, кто тут

работает».

Размышляя подобным образом, он вдруг изумлённо поймал себя на том, что принял решение, хотя никакого решения вроде бы принимать не собирался. Если он решил смотреть, слушать, спрашивать, какой из этого вывод? Один единственный: он решил остаться здесь.

«Ну а почему бы и нет?» — спросил он самого себя. Путь с этой планеты был только на Гастру, а в обозримом будущем именно туда ему хотелось попасть меньше всего. Здесь же было совсем неплохо — по крайней мере, пока. Оставшись тут, он обретал возможность заняться своим прямым делом, и работа обещала быть ему по силам: следить за здоровьем людей, работавших в Ватикане. Ну, может быть, иногда нужно будет помочь кому-то из посёлка. Жильё ему предоставлялась совсем неплохое, к нему приставлен робот-слуга, скорее всего, его тут ждут встречи с интересными людьми. Когда он бежал с Гастры, он думал только о том, чтобы найти убежище, а здесь нашёл такое убежище, о котором даже мечтать не мог. Место, конечно, странное, но со временем можно привыкнуть. Не хуже Гастры, по крайней мере.

Он сидел на скамье и лениво водил носком

туфли по гравию дорожки.

«Да, — думал он, — решение я принял гораздо быстрее, чем ожидал».

Пожалуй, он ещё вчера ночью согласился бы на предложение Экайера, не прояви тот такую настойчивость и не намекни, что у Ватикана есть средства, с помощью которых его могут заставить тут задержаться. И с чего это Экайеру вдруг понадобилось угрожать ему?

«Ну, ладно, — решил Теннисон, — угроза это или нет, но остаться стоит. Деваться-то все равно некуда».

Он поднялся со скамейки и пошёл дальше, вглубь сада.

«Погуляю ещё немного и вернусь, — решил он, — а Губерт пока завтрак приготовит».

Но дело, конечно не в том, чтобы потянуть время до завтрака, и он это отлично понимал. Просто пройдёт ещё немного времени, и все здесь, в саду, изменится — солнце поднимется повыше и все станет другим. Исчезнет это мягкое, нежное очарование, чудо раннего утра исчезнет и не вернётся, то есть, может, и вернётся для кого-то другого, но не для него. Здесь, именно здесь, к нему пришло верное решение. Без мучений и душевных метаний, без сожаления он решил, что

должен остаться здесь.

Впереди дорожка круто поворачивала, и на углу, на самом повороте, красовались заросли невысоких кустов с алыми цветами. Свернув по дорожке, Теннисон остановился как вкопанный. Около кустов присел, работая садовыми ножницами, робот. Алые цветы изумительной красоты были усыпаны алмазными капельками утренней росы. Драгоценными бриллиантами сверкали они на красном бархате лепестков.

Робот взглянул на него снизу вверх.

— Доброе утро, сэр, — поприветствовал он Теннисона. — Вы, вероятно, врач, который прибыл вчера вечером.

— Да, именно так, — сказал Теннисон. — А ты откуда знаешь?

Робот покачал головой.

— Не я один, — сообщил он. — Все уже про вас слышали. Тут это дело обычное. Стоит чему-нибудь произойти, и все сразу знают.

— Понятно, — кивнул Теннисон. — А скажи-ка мне, это, случайно, не розы?

— Вы не ошиблись, — ответил робот. — Это цветы с Древней Земли. У нас их тут, как видите, немного, и мы их очень бережём. Они очень редкие. Вы их узнали, — наверное, видели раньше?

— Однажды, — признался Теннисон. — Очень, очень давно.

— Вы, конечно, знаете, — сказал робот, пощёлкивая ножницами, — что мы и сами с Земли. Связи с планетой-праматерью давно прерваны, но мы старательно сберегаем все, что нам осталось в наследство. А вы, сэр, когда-нибудь бывали на Земле?

— Нет, — признался Теннисон. — Ни разу. Не многие люди там бывали.

— Ясно, — кивнул робот. — Это я просто так спросил.

Он щёлкнул ножницами, срезал один цветок с длинным, ровным стеблем и протянул его Теннисону.

— Примите, сэр, от меня на память этот кусочек Древней Земли.

Глава 12

Енох, кардинал Феодосий, был такого маленького роста, что, казалось, — ещё чуть-чуть, и его совсем не станет видно под лиловой мантией, в которую он был облачён. Он бы выглядел совсем как человек, если бы его лицо под алой митрой не отливало стальным блеском. Только этот отблеск и выдавал в нем робота.

«Хотя, — сказала себе Джилл Робертс, — “выдавал” — не то слово. Ни кардинал Феодосий, ни остальные его собратья вовсе не старались подделываться под людей. Пожалуй, — решила она, — они даже гордятся тем, что роботы». Если судить по тому, чего они добились, чего достигли здесь, на Харизме — им было чем гордиться.

Робот-послушник, который провёл её в кабинет кардинала, закрыл за ней дверь и встал там, заслонив дверной проем широченной спиной, расставив ноги и заложив руки за спину. В кабинете было темно, единственная свеча мерцала на столе, за которым восседал кардинал.

«Почему свеча? — удивилась Джилл. — Зачем она понадобилась, когда есть электрическое

освещение? Показуха, — решила она. — Столько здесь показушного, витринного».

Алые, расшитые золотом занавеси свисали со стен. Если тут и были окна, они скрыты тяжёлыми портьерами. Пол был покрыт ковром, в полумраке невозможно различить его цвет. Может быть, он тоже был красный, хотя в тусклом свете свечи казался чёрным.

«Нет, не может быть, чтобы ковёр был чёрный, — решила Джилл. — Кому придёт в голову стелить чёрный ковёр?»

Вдоль стен была расставлена какая-то мебель, но какая именно, было неясно — призрачные тени, похожие на притаившихся перед прыжком чудовищ.

Джилл медленно пошла вперёд, к столу кардинала, стараясь соблюдать этикет, с которым её с утра ознакомили. Ей следовало подойти, опуститься на колени, поцеловать кольцо на протянутой руке кардинала, не вставать с колен, пока он не позволит, а затем стоять, пока он не разрешит сесть. Обращаться к кардиналу следовало «Ваше Преосвященство», но после первого обмена любезностями его можно было именовать просто «Преосвященный». Что-то ей ещё передали, но теперь у неё все вылетело из головы.

«Но я справлюсь, — уговаривала она себя, — бывали у меня в жизни переделки и похуже. Ну, подумаешь, нарушу немножко этикет, что такого ужасного может случиться? Не убьют же, в конце концов. Самое большее сочтут глупой бабой, у которой ничего дурного на уме нет».

Она шла медленно, надеясь, что в таком её шествии есть некая торжественность, но и это вызывало у неё сомнения. Кардинал запросто мог решить, что она так медленно идёт, потому что у неё дрожат коленки. Но она вовсе не дрожала. Бояться робота, пусть даже кардинала, на самом краю Галактики — ещё чего не хватало! Кардинал сидел не шевелясь, ждал, пока она подойдёт, — наверное, разглядывал её.

Джилл остановилась примерно в трех футах от кресла кардинала. Опустилась на колени. Кардинал протянул ей руку, знаком велел ей встать, и она поднялась с колен.

— Мисс Робертс, — сказал кардинал низким и глубоким голосом.

— Ваше Преосвященство.

— Прошу вас садиться.

Он указал на стул по другую сторону стола.

— Благодарю, — ответила Джилл и села на указанное место.

Мгновение в кабинете царила тишина, затем кардинал проговорил:

— Вероятно, из вежливости я должен поинтересоваться, как вы долетели и было ли приятным ваше путешествие. Но поскольку я хорошо знаю, на каком корабле вы добирались, я понимаю, что путешествие приятным быть не могло. Смею выразить надежду, что оно не было таким уж плохим?

— Не слишком плохим, Ваше Преосвященство. Капитан — очень любезный человек. Он делал все, что мог.

Кардинал склонился к столу, взял несколько сколотых вместе листков бумаги.

— Мисс Робертс, — сказал кардинал, — вы очень настойчивы. Мы получили от вас несколько писем.

— Да, Ваше Преосвященство. На которые мне не ответили.

— Мы сделали это, — объяснил кардинал, — намеренно. Мы не имеем обыкновения отвечать на письма. В особенности на такие, как ваши.

— Мне следует сделать вывод, что моё присутствие здесь нежелательно?

«Ну, вот, — вспомнила она, — вот и ошибка — забыла назвать его “Преосвященным”».

Было непонятно, заметил ли это кардинал, но замечания не сделал.

— Не знаю, — сказал он, — как бы вам объяснить нашу тактику, чтобы не показаться невежливым.

— Не стесняйтесь, Ваше Преосвященство, будьте невежливым. Я должна знать правду.

— Мы не испытываем желания, — ответил кардинал, — чтобы о нашем существовании и том, чем мы занимаемся, стало широко известно.

— Но вы могли бы, Преосвященный, сообщить мне об этом раньше, до того, как я отправилась в путешествие. Я бы прислушалась к голосу разума, поняла ваше желание, вашу позицию. Но вы, вероятно, рассчитывали, что, игнорируя мои письма, не отвечая на них, вы сумеете разочаровать меня в моих намерениях?

— Мы на это надеялись, мисс Робертс.

— Как видите, ваш психологический трюк не удался, Ваше Преосвященство. Честное признание своей позиции помогло бы вам лучше.

Кардинал вздохнул.

— Это упрёк?

— Не думаю, — ответила Джилл. — Обычно я стараюсь ни в чем не упрекать высокопоставленных лиц. Никогда не была большой любительни-

цей вступать в споры. Но мне все-таки кажется, что я заслуживала лучшего обращения. В своих письмах я была откровенна. Я писала вам о том, что мне хотелось бы сделать, что я надеялась сделать. Вы бы могли, Ваше Преосвященство, прямо и честно ответить, что моё присутствие тут нежелательно.

— Да, мы могли так поступить, — согласился кардинал. — Это действительно было бы более честно по отношению к вам и более порядочно с нашей стороны. Но… мы полагали, что такой ответ вызовет нежелательный интерес, ещё больший интерес к тому, чем мы здесь занимаемся. Отказ принять вас мог означать, что наша работа носит некий секретный характер, — а так оно и есть. Вместо того чтобы отбить у вас охоту лететь сюда, мы таким образом создали бы впечатление, что все, происходящее здесь, ещё более важно и таинственно, чем вы предполагали. Да, мы работаем с минимальной оглаской и крайне заинтересованы в том, чтобы все оставалось так, как есть. Мы трудимся уже десять столетий и за это время добились некоторых результатов, но все же продвинулись не так далеко, как надеялись. Для достижения цели могут понадобиться ещё многие тысячелетия, и, чтобы выполнить

намеченное, мы должны трудиться без помех. Мы не хотим, чтобы про нас узнала вся Галактика.

— Ваше Преосвященство, но каждый год к вам прибывает великое множество паломников!

— Это верно. Но это капля в море по сравнению с той оглаской, которая произошла бы, если бы о нас написал журналист с вашей репутацией и квалификацией. Паломники прибывают с разных планет, многие из них — приверженцы тайных культов — и что-то где-то о нас слыхали. Но именно потому, что культы у них тайные, а паломники, исповедующие их, разбросаны по многочисленным планетам и мало кто из них прилетает к нам большими группами с какой-либо одной планеты, можно с уверенностью заявить, что паломничество не носит такого массового характера, как может показаться на первый взгляд. Знания о нас рассеяны, как сами паломники. Мы никого не посвящаем в нашу веру, мы не проповедуем, не осуществляем никакой миссионерской деятельности в Галактике. У нас, собственно, и нет никакого благовестия пока, чтобы его проповедовать. Когда-нибудь настанет время, и мы обретём благовестие, но пока, как я вам сказал, его у нас нет. Однако мы не можем, не имеем права захлопнуть двери перед теми, кто

ищет встречи с нами. Мы должны сделать для них все, что можем. Кроме того, честность обязывает меня признаться, что мы рады их пожертвованиям, поскольку нас никто не финансирует…

— Позвольте мне написать о вашей работе, Преосвященный, и вы получите финансирование. У вас появится любая необходимая вам поддержка.

Кардинал сделал отрицательный жест.

— Такая поддержка, — сказал он печально, — обойдётся нам слишком дорого. Нам ещё очень многое предстоит сделать, и мы должны следовать по избранному пути сами, и так, как мы желаем. Вслед за помощью из Галактики на нас неизбежно обрушилось бы давление, а это помешало бы нашей работе. Как бы мы ни преуспели, мы обязаны делать вид, что успехи наши невелики. Любая шумиха, любая реклама сработают против нас. Мы должны быть преданы своей мечте созданию универсальной религии, а на все остальное просто не имеем права тратить время. Огласка уничтожит нашу цель. Вы понимаете?

— Стараюсь понять, Ваше Преосвященство, — ответила Джилл. — Но, право же, неужели для того, чтобы добиться цели, стоит окружать себя такой тайной?

— Мисс Робертс, именно этого мы и добиваемся. Если бы мы не скрывались, нам бы очень мешали. Нашлись бы, наверное, не только такие, кто действовал бы из добрых побуждений, но и те, кто желал бы повредить нам. Даже сейчас…

Об оборвал себя на полуслове и не мигая посмотрел на Джилл.

— Даже сейчас, Преосвященный, — повторила Джилл.

— Попробуйте представить себе, — сказал он, — что даже сейчас мы обладаем кое-чем, что могло бы быть использовано на пользу Галактике, но пока никому ни при каких обстоятельствах не может быть передано, до тех пор, пока мы не убедимся, что знаем об этом абсолютно все. Существуют силы, я в этом абсолютно уверен, которые мечтали бы похитить у нас то, чем мы обладаем, украсть наши знания для своих корыстных целей, в то время как их совершенно не будет интересовать целостная картина познания, к которой мы так стремимся. Мы боимся не за себя — мы боимся за всю Галактику, может быть — за всю Вселенную. Наша структура должна оставаться неприкосновенной. Когда работа будет завершена, мы обретём неделимые, целостные знания, основанные на логике, которую никому

не удастся опровергнуть, которая будет очевидна для любого, кто прикоснётся к ней. Это Знание, эту Истину нельзя будет растащить по кусочкам и вынести на продажу с лотка. А опасность подобного разворовывания мы осознавали с самого начала. Все эти годы ощущение опасности не покидало нас. Даже сейчас мы боимся этого, даже сейчас, когда трудимся в строжайшей тайне, мы не без основания подозреваем, что кто-то крадёт знания, отщипывает по кусочку, как мышка отщипывает крошки от большого куска сыра. Мы не знаем, кто это делает, как ему или им это удаётся, не знаем даже, какова цель этого мелкого воровства, но мы уверены, что кто-то этим занимается. Конечно, с этим можно было бы и смириться, но если мы раскроемся для всей Галактики, если вы о нас напишете…

— Вы хотите, чтобы я уехала, — грустно сказала Джилл. — Вы хотите, чтобы я повернулась и ушла…

— Мы старались быть откровенными с вами, — сказал кардинал. — Я попытался все вам объяснить. Убеждая вас, я, вероятно, наговорил много лишнего. Мы вообще могли отказаться от встречи с вами, но мы понимаем, что у вас нет намерений навредить нам, что вы, по всей

вероятности, даже не задумывались, какие последствия могут повлечь за собой ваши действия. Мы искренне сожалеем о неприятностях и издержках, которые вы понесли. Нам хотелось, чтобы вы не прилетали сюда, но раз уж так вышло, мы чувствуем себя обязанными оказать вам некоторые любезности. Хотя вам, наверное, кажется, что мы принимаем вас не слишком тепло. Мы надеемся, что вы подумаете о том, что я вам рассказал, мисс Робертс. По всей вероятности, вы остановились в Доме Людей?

— Да, — ответила Джилл.

— Пожалуйста, — сказал кардинал, — не откажитесь быть нашей гостьей. Вам будет предоставлен номер, и вы можете оставаться в Ватикане, сколько захотите. Естественно, мы возместим все расходы, связанные с вашим перелётом сюда. И выплатим что-то вроде командировочных за каждый день вашего пребывания здесь. Окажите нам такую любезность: будьте нашей гостьей, и у вас будет время подумать над тем, что я вам рассказал.

— Ваше приглашение — большая честь для меня, Преосвященный, — сказала Джилл. — Но я не собираюсь так сразу отказываться от задуманного. Уверена, что мы ещё раз встретимся и

поговорим.

— Да, мы сможем ещё поговорить. Но думаю, что это ничего не даст. У нас слишком разные взгляды, мисс Робертс.

— Но, может быть, вы могли бы мне рассказать о каких-то аспектах вашей работы, которые можно поведать миру без опаски. Не всю историю, конечно, но…

— Мисс Робертс, у меня к вам другое предложение.

— Другое, Ваше Преосвященство?

— Да. Не хотели бы вы поработать для нас? Мы можем предложить вам неплохое место.

— Место? Я не ищу работу.

— Не торопитесь отказываться, мисс Робертс. Позвольте я кое-что вам объясню. Уже многие годы мы говорим о том, что было бы крайне желательно написать общую, авторизованную историю Ватикана-17, исключительно для внутреннего пользования. В течение столетий мы копили данные, которые должны войти в историю — фиксировали все события с того самого дня, когда высадились на этой планете, писали отчёты о нашей работе, обо всех успехах и неудачах. Все это лежит здесь и ждёт изучения и обобщения, но так уж вышло, что мы сами нико-

гда этим не занимались. С одной стороны, руки не доходили, а с другой — у нас не было человека или робота, кому была бы по плечу такая работа. Но теперь…

— Теперь, Преосвященный, вы думаете, что я могла бы написать для вас вашу тысячелетнюю историю. Детально, подробно, насколько я понимаю. Сколько же это будет страниц рукописи? Как вы себе представляете, сколько времени на это уйдёт? Одна жизнь, две? Сколько вы мне за это заплатите?

— Мы заплатим хорошо, не сомневайтесь, — ответил кардинал. — Больше, гораздо больше, чем вы зарабатываете, порхая по всей Галактике и разыскивая темы для книг и статей. У вас будут оптимальные условия для работы. Любая помощь. Удобное жилище. Торопить вас никто не будет.

— Заманчиво, — сказала Джилл.

— А пока, как минимум, примите наше гостеприимство. Вам покажут свободные комнаты. Выберете те, которые вам больше понравятся. В Дом Людей вам возвращаться нужды нет. Мы можем забрать ваш багаж и перенести сюда.

— Мне нужно подумать, Ваше Преосвященство.

— Прекрасно, вот здесь и подумайте. Наши комнаты гораздо удобнее…

«Боже милостивый, — думала Джилл. — Все данные здесь, все, о чем я мечтала! Все лежит, разложенное по ячейкам памяти, и ждёт своего часа!»

— Вы не ответили, — сказал кардинал.

— Ваше предложение очень мило, — ответила Джилл. — Вашим гостеприимством, я, пожалуй, воспользуюсь. Что же до остального, я должна подумать.

— Думайте, сколько вам угодно. Мы не будем торопить вас с ответом. Об этом можно поговорить позднее. Но позволю себе ещё раз настоятельно напомнить, что ваша помощь очень, очень нам нужна. История должна быть написана. Но для того чтобы написать её, нужен особый талант — человеческий талант, которым здесь, пожалуй, никто похвастаться не может. Здесь, на Харизме, с талантами не густо. Планета слишком далека и примитивна, чтобы привлекать людей. Выйдите на улицу ночью, поглядите на небо, и вы увидите, как мало на нем звёзд, Галактика — не более чем далёкая туманность. Но в этом есть определённые преимущества. Простор для деятельности, новизна. Первозданность, которой не сыщешь на

других планетах. И горы. Для наших людей, мисс Робертс, горы — постоянный источник высочайшего наслаждения.

— Не сомневаюсь, Ваше Преосвященство, — ответила Джилл.

Глава 13

— Это, — объяснил Экайер Теннисону, — наш депозитарий. Здесь в виде файлов хранятся индексированные, готовые к просмотру записи и отчёты о работе, проделанной в рамках Поисковой Программы.

Помещение было очень большое. Окна отсутствовали. Бледные потолочные светильники рядами уходили вдаль. Ряды картотечных шкафов тянулись от пола до потолка ровными линиями, насколько хватало глаз.

Теннисон шёл за Экайером вдоль одной из таких линий. Его проводник уверенно двигался вперёд, легко касаясь рукой поверхности шкафов. Теннисон, озираясь по сторонам, плёлся за ним, чувствуя себя крохотной песчинкой среди этих громадин. Ему казалось, что шкафы вот-вот сдвинутся и раздавят его.

Экайер остановился и вытащил один из ящичков. Поискал или сделал вид, что ищет, среди множества маленьких хрустальных кубиков, лежавших в ящике.

— Ага, вот он, — сказал он, взяв один кубик. — Я

решил взять наугад.

Он передал кубик Теннисону. Ничего особенного — прозрачный кубический кристалл, сторона которого составляла примерно четыре дюйма. Экайер задвинул ящик на место.

— А теперь, — сказал он, — если не возражаете, я хотел бы показать его вам.

— Показать?

— Да, вы могли бы посмотреть, что тут записано. А записано здесь наблюдение одного из Слушателей — то, что он видел, чувствовал, переживал. То есть вы как будто станете этим Слушателем.

Экайер смотрел на Теннисона в упор.

— Ничего страшного, уверяю вас. Больно не будет. Никакой опасности.

— Вы хотите сказать, что меня можно каким-то образом подсоединить к этому кубику?

Экайер кивнул.

— Это очень просто.

— Но зачем? — спросил Теннисон, недоумевая. — Зачем вам это?

— Затем, что я могу ещё хоть трое суток распространяться о нашей работе, но толком так ничего и не сумею вам объяснить. Но если вы проведёте несколько минут за просмотром кристалла…

— Это мне понятно, — кивнул Теннисон. — Но почему вы предлагаете это мне, человеку совершенно постороннему?

— Пока — постороннему, вы правы. Но мне очень хотелось бы, чтобы вы остались здесь и стали нашим сотрудником. Вы нужны нам, Джейсон. Можете вы это понять?

— Вообще-то я уже решил остаться, — признался Теннисон. — Сидел сегодня на скамейке в вашем прекрасном саду и сам не заметил, как принял решение.

— Ну вот и чудесно, — улыбнулся Экайер. — Вот и замечательно. Но что же вы молчали? Почему сразу не сказали мне?

— Потому что вы меня продолжали соблазнять, — улыбнулся Теннисон, — а мне было интересно наблюдать, как вы это делаете.

— Красиво, нечего сказать, — хмыкнул Экайер. — Но я не в обиде. Не могу вам передать, как я счастлив. Ну так как насчёт кристалла?

— Я немного волнуюсь, но… если вам кажется, что это необходимо, я согласен.

— Думаю, необходимо. Для меня очень важно, да, думаю, и для вас, чтобы вы поняли, чем мы занимаемся.

— Чтобы мне стало понятнее про Рай?

— Да, и не только это. Похоже, вы до сих пор настроены в этом отношении скептически.

— Да. А вы — нет?

— Не знаю, — вздохнул Экайер. — Не уверен. Все внутри меня кричит: «Нет!», и все же…

— Ладно, — сказал Теннисон. — Валяйте, давайте посмотрим ваш кристалл.

— О'кэй. Прошу сюда.

Он вывел Теннисона из прохода между шкафами и привёл в небольшую комнату, стены которой до потолка были уставлены всевозможным оборудованием.

— Садитесь вот в это кресло, — сказал Экайер. — Не волнуйтесь. Расслабьтесь, ни о чем плохом не думайте.

К креслу был подсоединён странной формы шлем. Теннисон поглядел на него с некоторым недоверием.

— Садитесь, садитесь, Джейсон, — поторопил Экайер. — Я надену на вас шлем, вложу кристалл вот в эту выемку и…

— Ладно, — вздохнул Теннисон. — Придётся поверить вам на слово.

Теннисон осторожно уселся в кресло, Экайер аккуратно опустил шлем ему на голову, немного повозился, получше прилаживая его.

— Все в порядке? — услышал Теннисон его голос.

— Да, только ничего не вижу.

— Пока вы ничего видеть и не должны. Дышится нормально? Не трудно дышать?

— Нет, все нормально.

— Отлично. Начинаем.

Ещё мгновение было темно, потом возник свет призрачный, зеленоватый. Казалось, все пропитано тёплой влагой. Теннисон удивлённо вздохнул, но потом все стало просто и хорошо…

Вода была тёплая, а ил — мягкий. Его животик был до отказа набит пищей. Никакая опасность ему не угрожала. Радостный и довольный жизнью, он зарывался поглубже в нежный, бархатистый ил. Настало мгновение, когда больше зарыться не удавалось, но он старательно шевелил ножками. Когда стало ясно, что дальнейшие старания напрасны, он оставил попытки и почувствовал себя в безопасности; он успокоился. Ему было хорошо. Слой ила над ним — все, что было нужно. Неважно, глубоко ли он зарылся, важно, что он был скрыт от глаз. Теперь ни один хищник не обнаружит его и не съест.

«Хорошо-то как, — думал он. — Двигаться не надо, нельзя двигаться… а то нападут и съедят».

У него было все, что нужно для жизни. Он ел, пока не пресытился, пока пища не утратила своей привлекательности. Ему было тепло, он был в безопасности. Он мог не шевелиться.

«Но все-таки, — думал он, — незадолго до того, как я перестал шевелиться, двигать лапками, была какая-то тревога. Что за тревога?» — спросил себя он.

До сих пор он не задавал себе никаких вопросов! До сих пор для него даже не существовало такого понятия — «вопрос»! Он был, существовал — и все. Его никогда не интересовало, что он такое.

Он беспокойно пошевелился, недовольный тем, что откуда ни возьмись появился этот вопрос и потревожил его покой. Но не это было самое худшее: что-то ещё тревожило его. Ему вдруг показалось, что он — уже и не он вовсе, будто не ему пришёл в голову вопрос, будто он возник не внутри него самого, а исходил откуда-то извне. А откуда? Вокруг ничего не было — только тепло неглубокого моря, нежность придонного ила, сознание того, что никакая страшная тень не висит над ним, что его никто не видит, что его не тронет страшный хищник, питающийся трилобитами…

«Боже мой! — внезапно с ужасом подумал он. Я — трилобит!!!»

После этих слов сгустился непроницаемый мрак, но тут же рассеялся. Теннисон сидел в кресле, а перед ним со шлемом в руках стоял Экайер. Джейсон с силой выдохнул и посмотрел на Экайера.

— Пол, вы сказали, что взяли кристалл наугад. Но это не так.

Экайер улыбнулся.

— Ну, допустим, не наугад. Помните, я рассказывал вам об одном Слушателе?

— Да, о человеке, который был трилобитом. Но это оказалось настолько реально!

— Друг мой, — торжественно сказал Экайер. — Вы можете быть совершенно уверены, что это было не кино. Не развлекательный трюк. Все это время вы были трилобитом.

Глава 14

Вернувшись к себе, Теннисон увидел Джилл, сидевшую в кресле у камина. Теннисон кинулся к ней.

— Джилл, ты здесь? Как хорошо! А я уже волновался за тебя, хотел разыскивать.

— Губерт готовит обед, — сообщила она. — Я сказала ему, что, наверное, останусь обедать. У тебя все в порядке?

Он наклонился, поцеловал её и уселся рядом.

— У меня все прекрасно. А у тебя как дела?

Она поморщилась.

— Не очень. Они не хотят, чтобы я писала о них. Вместо этого мне предлагают работу.

— Ты согласилась?

— Нет. Не уверена, что соглашусь. Я слышала, ты решил остаться. Это правда?

— На время, по крайней мере. Чтобы пересидеть, переждать, совсем неплохое пристанище.

Она указала на одинокую розу, стоявшую в вазе на кофейном столике.

— Где ты раздобыл эту прелесть?

— Садовник подарил. Сегодня утром я тут сад

нашёл. Мне бы хотелось тебе его показать.

— Они предложили мне комнаты, — сообщила Джилл. — Сегодня утром я переехала. Через четыре двери от тебя. Робот, который помогал мне перебираться, сказал мне, что ты здесь. У тебя найдётся что-нибудь выпить?

— Наверное, найдётся. Только давай сначала я тебе сад покажу.

— Давай.

— Тебе понравится, вот увидишь!

Когда они вышли в сад, она спросила:

— Ну и чем ты так восторгался? Сад как сад. Что случилось?

— Сад тут ни при чем, — ответил Джейсон. — Просто мне кажется, что у Губерта ушки на макушке. Только скажи или сделай что-нибудь, и это моментально известно всем и каждому. Не могу поручиться, что в саду нас не подслушивают, но все-таки тут безопаснее. А поговорить есть о чем.

— Это у тебя от Гастры осталось, — сказала Джилл — Плащ и шпага.

Он пожал плечами.

— Может, ты и права.

— Итак, ты воспользовался шансом остаться здесь. Ну что ж, ничего дурного я в этом не вижу.

— Дурного, может быть, ничего и нет, — согласился он. — Но странно. Все очень странно. Тут есть одна женщина… та самая, которую меня позвали лечить. Она утверждает, что нашла Рай.

— Рай?

— Вот именно. Рай. Понимаешь, у них тут целая программа. Люди мысленно перемещаются в другие места и добывают данные, которые затем вводятся в Папу. Хотя… мне кажется, что это делается не только для того, чтобы загружать информацию в Папу. Судя по тому, что мне вчера ночью рассказал Экайер, между Ватиканом и теми, кто занят Поисковой Программой, существуют кое-какие расхождения во взглядах.

— Рай… — нахмурилась Джилл. — То есть самый настоящий Рай, библейский? С золотыми лестницами, трубящими трубами и парящими ангелами?

— Что-то в этом роде.

— Но, Джейсон, это невозможно!

— Наверное, невозможно, но Мэри думает, что нашла его. Экайер в это почти верит.

— Значит, твой Экайер глуп.

— Нет, он не глуп, — возразил Теннисон. — Джилл, скажи, они тебе угрожали?

— Угрожали?

— Да, угрожали или нет? Экайер мне довольно прозрачно намекнул, что мне могут не позволить покинуть планету.

— Нет. Мне никто ничего такого не говорил. Я говорила с кардиналом, представляешь? Лиловая мантия, алая митра. Одна свечка на весь кабинет очень торжественно! Погоди, постой-ка… Так ты поэтому остаёшься? Потому что они пригрозили, что не дадут тебе улететь?

— Нет, не совсем так. Они могли бы отпустить нас. Но угроза остаётся. Этим местом правит Ватикан, а как Ватикан скажет, так и будет. Это слова Экайера. Но я остаюсь потому, что так хочу, — пока. Пока мне лететь некуда. Кроме всего прочего, здесь очень неплохо. И потом, должен честно признаться, я сильно заинтригован.

— Я тоже, — кивнула Джилл. — Кардинал и слышать не хотел, чтобы я написала о них книгу или статью. Он ни слова не сказал о том, что они не позволят мне улететь. Честно говоря, я рассчитывала только на то, что он меня просто вышвырнет. А он мне работу предложил!

— Стальной коготь в бархатной перчатке…

— Вроде того. Вообще, довольно-таки симпатичный робот. Ох, чуть не сказала «симпатичный старичок». Довольно милый, но упрямый. Я пы-

талась поспорить с ним, но без толку.

— Ну а работа?

— Они хотят, чтобы я написала для них историю Ватикана, ни много ни мало. Кардинал божится, что у них тут некому этим заняться, утверждает, что робота такому обучить невозможно. Ты только представь: у них есть полное описание всего, что тут происходило с того самого момента, как сюда прибыл первый корабль. Все лежит и ждёт обработки. Я, конечно, сказала «нет». Ну то есть… если припомнить, я не отказалась наотрез. Да, вроде бы я сказала, что я должна подумать. Но, наверное, у него все-таки создалось впечатление, что я сказала «нет».

— Ну а на самом-то деле?

— Джейсон, честно, я не знаю! Подумай только! Вся их история! Лежит, дожидается, когда кто-то её изучит и напишет. Все эти годы она была здесь, и никто к ней пальцем не притронулся.

— Но что в этом хорошего, если ты все равно не сможешь ничего отсюда вывезти?

— Вот именно. Бессмысленно. Джейсон, я похожа на мошенника?

— Ну… да, пожалуй, похожа.

— Я не смогу жить дальше, если не добьюсь своего.

— Джилл, тут что-то не так. Сначала они не разрешают тебе писать о них, а потом преподносят всю свою историю на блюдечке с голубой каёмочкой. Либо они действительно хотят, чтобы история была написана, либо при любых обстоятельствах уверены, что им удастся не выпустить тебя отсюда.

— Если так, — заявила Джилл, — они много на себя берут! Не слишком ли они в себе уверены?

— Не слишком. Ровно настолько, насколько надо. Так мне и Экайер ночью сказал. Абсолютно уверены.

— Джейсон, мы, наверное, пара идиотов. Занесло нас сюда, это надо же! Конечно, если Ватикан так волнует утечка информации, единственный способ убедиться, что информация не уйдёт за пределы планеты, не дать никому отсюда выбраться.

— А паломники? Паломники прилетают и улетают.

— Кардинал мне это более или менее объяснил. Паломники, похоже, не в счёт. Они с разных планет, приверженцы тайных культов, мало кем уважаемые. Их россказни никто всерьёз не принимает, даже соотечественники. Религиозный дурман, одним словом.

— А Ватикану есть что прятать, — задумчиво проговорил Теннисон. — Паломники, к примеру, наверняка ничего не знают о Поисковой Программе Экайера. А Программа, пожалуй, будет поважнее самого Ватикана. Исследователи тянут знания из Галактики, из всей Вселенной, отовсюду — из пространства и времени, а может быть, у них и дальше руки доходят — за пределы пространства и времени. Если, конечно, такие места есть. Если есть хоть одно такое место…

— Может быть, Рай как раз такое место? Если вообще Рай можно назвать местом.

— Главное, — покачав головой, задумчиво проговорил Теннисон, — что больше нигде ничего подобного нет. В рамках Поисковой Программы накоплены целые мили файлов с информацией, собранной за многие столетия. Все это здесь. Что они собираются со всем этим делать?

— Но… может быть, действительно скармливают Папе?

— Какому Папе, вот вопрос, — пожал плечами Теннисон. — Надо ещё понять, что за Папа такой. Нет, думаю, не вся информация уходит туда. Экайер мне так и сказал, что не вся. И ещё он мне кое-что сказал. Сейчас постараюсь вспомнить поточнее… Ну, будто постепенно Ватикан стал

своеобразным прикрытием для выполнения Поисковой Программы. Да, вроде бы вот так он и сказал. И ещё попросил, чтобы я об этом никому из Ватикана не проболтался. Дал понять, что кое-кто из старожилов здешних может быть недоволен.

— Да, у Ватикана свои заботы, — проговорила Джилл. — Кардинал мне тоже кое-что рассказал. Выглядело так, будто он мне жаловался, хотя это вряд ли. Но… он, и, похоже, ещё некоторые кардиналы, уверены, что у них кто-то потихоньку ворует информацию. «Мелкое воровство», — именно так он сказал. А больше всего его беспокоит что они даже не догадываются, кто или что этим занимается…

Глава 15

Енох, кардинал Феодосий, разыскал своего ближайшего помощника — Сесила, кардинала Робертса.

— Преосвященный, — сказал он, — мне кажется, нам с вами есть о чем побеседовать.

— Вы озабочены, Преосвященный, — ответил Робертс. — Что происходит?

— Прибыли двое новеньких. Люди, мужчина и женщина.

— Что вам о них известно?

— О мужчине — ничего. Экайер назначил его на должность врача Ватикана. Похоже, он бежал сюда, спасаясь от возмездия.

— А вы с Экайером об этом говорили, Преосвященный?

— Нет, не говорил. В последнее время с Экайером вообще стало невозможно разговаривать.

— Да, знаю, — кивнул Робертс. — Такое впечатление, будто он возомнил, что его Поисковая Программа — наше главное дело. Если хотите знать моё мнение, Преосвященный, то я считаю, что он чересчур возгордился. Много на себя

берет.

Феодосий вздохнул.

— Да, друг мой… Как бы мы ни восхищались людьми, попадаются среди них такие, с которыми порой очень трудно ладить.

— Ну а женщина, Преосвященный?

— Я беседовал с ней утром. Она — писательница. Вы только представьте себе: писательница! Это она написала нам все эти письма. Я вам рассказывал про письма?

— Да, как будто рассказывали.

— И она хочет написать о нас.

— Написать о нас?

— Да. Это же было во всех письмах. Вы их читали или нет?

— Читал, конечно. Но у меня это как-то вылетело из головы. Это, безусловно, невозможно. Просто наглость!

— Да. Наглость, — подтвердил Феодосий.

— Вы ей сказали, что это невозможно? — спросил Робертс.

— Да, но она настаивала на своём. Она очень упрямая женщина. В конце концов я предложил ей работу.

— Простите меня, Преосвященный, но у нас здесь нет никакой работы!

— Работа есть, — возразил Феодосий. — Все эти годы мы говорили, что было бы хорошо, если бы кто-то взялся написать историю Ватикана. Мы мечтали о том, чтобы она оказалась на бумаге, чтобы любой мог читать и радоваться. Мы даже говорили, что хорошо было бы создать робота нового типа, который смог бы написать нашу историю. Но… похоже, роботы не приспособлены для того, чтобы писать что-то такое… художественное. Да, пожалуй, робота, который умел бы писать книги, нам не удастся сконструировать. А тут вдруг — такой подарок судьбы — она прилетела сама, добровольно и может написать то, что нам нужно.

— Господи милосердный, и что же она вам ответила?

— У меня такое впечатление, что она без ума от моего предложения. Но я не об этом с вами хотел поговорить.

— Нет? А я думал, что именно об этом — о новых людях, мужчине и женщине.

— О, конечно, и о них тоже, но не только о них. В последние годы в нашу жизнь вторглись три человека…

— Три? Кто же третий?

— Третий — Декер. Кто он такой? Что нам о нем

известно?

— Согласен, — кивнул Робертс. — Знаем мы о нем немного. Нам неизвестно, как он сюда попал. Он не прибыл на «Страннике», а я не знаю другого способа попасть сюда человеку. Но может быть, вы, Преосвященный, знаете о нем больше? Вы ведь с ним говорили?

— Несколько лет назад, — кивнул Феодосий. — Вскоре после того, как он тут объявился. Я переоделся простым монахом и навестил его, стараясь изобразить обычное гостеприимство. Разыграл такого, знаете, тихого, скромного, но любопытного монашка. Я подумал, что с монахом он будет более откровенен, чем с кардиналом. Но я ровным счётом ничего не узнал. Ничего он мне не сказал. Человек он довольно симпатичный, но неразговорчивый, замкнутый. А теперь эти двое — мужчина и женщина. Скажите, Преосвященный, зачем нам нужен врач-человек? Мы могли бы за сравнительно недолгий срок обучить кого-то из наших роботов лечить людей, и он был бы таким же знающим и умелым, как любой из докторов-людей. А может, и получше, поскольку у нас есть доступ к самым последним достижениям медицинской науки.

— Да, — вздохнул Робертс, — это я понимаю. Мы

часто об этом беседовали. Периодически нам приходится искать врача для людей со стороны. Это весьма прискорбно. Нам не нужны посторонние. Старый доктор, который умер — это для людей, к сожалению, неизбежно, — был совсем, совсем неплох. Хотя, как вы, наверное, помните, поначалу мы в нем сомневались. А тот, кто заменил его, был просто невыносим. Люди в городке и в Ватикане, за исключением Слушателей, которых мы набираем немного, — все коренные жители, потомки тех, кто живёт тут уже несколько столетий. Их нам бояться нечего. Они — почти одно целое с нами. А вот те, кто прибыл со стороны, представляют собой реальную опасность. Они не привыкли к нам, а мы — к ним.

— И все-таки, — покачал головой Феодосий, — даже наши люди, потомки тех, кто здесь живёт уже несколько столетий, и те вряд ли согласятся лечиться у врача-робота. Это огорчает меня, Преосвященный. Это указывает на глубокую социальную пропасть, которая до сих пор существует между людьми и роботами. Я так надеялся, что за столько лет эта пропасть исчезнет. Конечно, между роботами и людьми есть различия, но…

— Я склонен полагать, Преосвященный друг

мой, — сказал Робертс, — что подсознательно люди боятся нас, поскольку от нас, если можно так выразиться, до сих пор пахнет машинами. А спроси их об этом прямо, они, конечно же, начнут бить себя в грудь и утверждать, что ничего такого не думают, и сами будут верить, что говорят чистую правду, но это не так, я уверен. Что касается робота-врача, то, согласен, мы могли бы предложить им такого, но сомневаюсь, что это стоит делать. Здесь, на Харизме, мы могли бы обойтись с людьми по-разному. Могли бы, к примеру, завалить их предметами роскоши, но тогда им могло бы показаться, что мы преклоняемся перед ними, и они возгордились бы. Можно было сделать из них нечто вроде маленьких домашних зверушек — пристально следить за каждым их шагом, предупреждать все их желания, оберегать от любой опасности. Но этого нам делать не следует. Мы не имеем права оказывать на них какое бы то ни было давление. Мы должны позволить им идти своей дорогой и сохранять чувство собственного достоинства.

— В итоге мы столкнулись с дилеммой, — констатировал Феодосий. — Мы сражаемся сами с собой. Нам все время мешает то уважение, то безотчётное поклонение, которое мы испытыва-

ем перед людьми. Это ответ на их отношение к нам, и мы никак не можем от этого избавиться. Конечно, речь прежде всего о вас и обо мне, о таких, как мы. Мы созданы людьми. Мы стоим к ним слишком близко. Некоторые из роботов второго и третьего поколений могли бы избавиться от этого поклонения перед людьми. А мы пытаемся убаюкать себя, твердя, что мы нечто иное, чем продолжение рода человеческого. Да, нам хочется так думать — как можем мы думать иначе, если столько лет повторяем это наизусть? Но горькая, ужасная правда состоит в том, что мы — продукт, создание рук человеческих.

— Преосвященный, — мягко проговорил Робертс. — Вы излишне строги к себе и ко всем нам. Мы, может быть, действительно, как вы выразились, продукты, но мы так упорно трудились последнее тысячелетие, и наши труды не пропали даром — смею утверждать, мы поднялись над уровнем продуктов! Да, наше отношение к людям не даёт нам покоя до сих пор. Но если вы задумаетесь, то поймёте, что муки наши беспричинны. В течение столетий мы искали универсальный принцип, который мог бы быть применён ко всем — не только к людям и роботам, но ко всякому разумному существу, хоть с проблеском созна-

ния. Преосвященный, мы оплатили свой долг. Мы заработали право быть самими собой.

— Но почему же меня так беспокоят эти трое? Не возникло ли у меня то отношение, которое испытывает ребёнок по отношению к строгому отцу? Придёт, посмотрит на мои шалости и накажет…

— Все мы, Преосвященный, не вы один, — сказал Робертс, — согнуты, придавлены комплексом неполноценности. Это, увы, наш крест, и приходится его нести. Дайте нам ещё несколько тысячелетий, и мы избавимся от него.

— Как верно вы говорите, Преосвященный, как верно… По трезвом размышлении я нахожу внутри себя столько вины, столько грехов — о, это невозможно выразить словами! Порой бывают времена, простите меня, Преосвященный, когда мне приходится испытывать вину за то, что мы стали создавать Его Святейшество. Я говорю с самим собой и спрашиваю себя: не святотатство ли это? Ведь на самом деле — Его Святейшество всего-навсего один из нас, никакой не святой, а просто-напросто машина, ещё один значительно усовершенствованный робот, кибернетическая тень, которой мы слепо поклоняемся…

— Ваше Преосвященство! — в ужасе восклик-

нул Робертс. — Надеюсь, вы больше никому не высказали этих еретических мыслей? Как старый Друг, я могу отпустить вам этот грех, но…

— Клянусь всем святым, я никогда никому не говорил об этом, — сказал Феодосий. — Только вам, старому товарищу. Я бы и сейчас не сказал, если бы не стечение обстоятельств. Видение Рая, бывшее одной из наших Слушательниц…

— Да, очень плохо, — согласился Робертс. — На братию это подействовало гораздо сильнее, чем я ожидал. Я надеялся, что слух пройдёт и о нем скоро позабудут. Слушательница Мэри, как я слышал, была на пороге смерти. Умерла бы — и всей этой глупости пришёл бы конец. Но этот врач…

Глава 16

Мэри поправлялась. Температура снижалась, одышка почти исчезла. Взгляд её становился все более осмысленным, и она уже узнавала тех, кто ухаживал за ней, могла сидеть в постели.

Те, кто знал Мэри раньше, не могли не заметить разительных перемен в её поведении. Она стала карикатурно величественной — этакая престарелая, потрёпанная гранд-дама. Ворчала на Теннисона, помыкала сёстрами, игнорировала предписания.

— Это все из-за Рая, я уверен, — высказал как-то предположение Экайер. — Она теперь считает, что стала лучше, выше других Слушателей. Конечно, она и была одной из лучших. Многие годы она добывала для нас ценнейшую информацию. Но такой важной ни она, ни кто другой ещё не разыскивали никогда. И, как это ни парадоксально, я опасаюсь, что эта находка поставит на ней крест как на Слушательнице. Быть хорошим Слушателем означает преданность делу, искренность и скромность. Сама задача Слушания достигается через глубокое смирение. Слушатель

призван смирять себя, укрощать свою гордыню, должен стараться свести на нет собственное «я». Очень жаль, что клоны Мэри…

— Да, насчёт клонов, — кивнул Теннисон. — Ты уже как-то говорил мне про клоны, но коротко. Хочешь сказать, что вы ухитрились создать других Мэри?

— Примерно так, — согласился Экайер. — Когда нам попадается выдающийся по своим способностям Слушатель, мы прибегаем к клонированию. Это недавнее достижение. Смею предположить, что биоинженерной лаборатории Ватикана удалось в этом плане опередить всю Галактику. Точные, чёткие повторения избранного субъекта — до сих пор не наблюдалось никаких аберраций. Хороших Слушателей найти очень трудно. Такую Слушательницу потерять мы просто не имеем права и должны дублировать её. У нас уже есть три её клона, но пока это маленькие дети. Она растут. Но даже когда они вырастут, у нас нет гарантии, что хотя бы один из них найдёт путь к Раю. Мы можем надеяться, что у них будет для этого больше возможностей, чем у других Слушателей, которые с Мэри кровными узами не связаны. Да, её дубли будут прекрасными Слушателями, но насчёт Рая мы все равно не можем

быть уверенными.

— Значит, Мэри — ваша единственная надежда?

— Именно так, — покачал головой Экайер. — Самое печальное, что она это знает. Вот почему она стала такая важная.

— Могу я тут чем-нибудь помочь? Сделать что-нибудь такое, чтобы подкорректировать это состояние?

— Не трогай её, Джейсон, — посоветовал Экайер. — Обращай на неё поменьше внимания. Чем больше ты будешь с ней носиться, тем больше она будет нос задирать.

Джилл решила остаться и написать историю Ватикана.

— Ничего страшного, — объяснила она Теннисону, прогуливаясь с ним под руку по саду. — Ну, представь: следующий корабль прилетит сюда с Гастры не раньше чем через пять недель. Только через пять недель можно будет подумать о том, чтобы убраться отсюда. За пять недель, если буду сидеть сложа руки и ничего не делать, я тут с ума сойду! Я не умею ничего не делать.

— Ну, знаешь… могла бы, к примеру, на горы любоваться. Они такие красивые. Все время меняют цвет. Я никогда не устаю смотреть на них.

— Ну и смотри, — пожала она плечами. — А я к этим красотам совершенно равнодушна.

— А ты не боишься втянуться в работу? Вдруг в истории Ватикана тебе будет так интересно копаться, что ты просто не сможешь оторваться? Если Ватикан вообще позволит тебе оторваться… Может настать момент, когда ты будешь знать слишком много, чтобы они позволили тебе уйти.

— Рискну, — твёрдо сказала Джилл. — Рискну. Знаешь, я раньше и не в таких переделках бывала, но всегда успевала улизнуть в последний момент. Господи, тут же все, о чем я только могла мечтать — вся информация! Полный, детальный отчёт…

Она с головой ушла в работу. Выпадали дни, когда Теннисон вообще не видел её. Появлялась она только к обеду и рассказывала, рассказывала…

— Просто передать тебе не могу, до чего интересно, — восхищалась она, наспех глотая еду. — Столько всего… Все, абсолютно все, что они планировали, думали, делали.

— Я тебе говорил, что втянешься, — предостерегал её Джейсон. — Смотри, так ты никогда отсюда не улетишь. Станешь этаким книжным червячком, увязнешь в работе.

— Не бойся, не увязну, — твёрдо заявляла

Джилл, вытирая губы салфеткой. — Где-то внутри меня никуда не делась прежняя Джилл Робертс — бесшабашная, свободная как ветер журналистка, возмутительница Галактики, ищущая сюжеты по всему свету. Настанет время… но ладно, хватит об этом. Что это мы все про меня да про меня. У тебя как дела, Джейсон?

— Я привыкаю.

— И счастлив?

— Счастлив? Трудно сказать. Что такое счастье? Удовлетворён — да. Доволен маленькими профессиональными успехами: но их мало, совсем мало. Знаешь, я никогда не был врачом-фанатиком, которому только и надо, что добиваться немыслимых высот в работе, чтобы его непрерывно похваливали. Неужели недостаточно просто делать добро ближнему? Пока те случаи, с которыми сталкиваюсь по работе, позволяют чувствовать, что я на своём месте. Пока, повторяю, — пока это все, что мне нужно. С Экайером мы уже на «ты», и с остальными я неплохо лажу.

— Ну, а как поживает эта дама, что нашла Рай?

— Как поживает? Будь я проклят, если знаю. Физически она почти здорова.

— Однако я чувствую, есть какое-то «но».

— Она очень переменилась. Гордая стала —

страшное дело! Мы все — пыль у неё под ногами. Я не психолог, конечно, но мне кажется, с ней не все в порядке.

— Это можно понять, Джейсон. Представь, попробуй представить, что для неё значит Рай! Нашла она его на самом деле или нет, все равно это для неё жутко важно. Может быть, впервые в жизни с ней произошло что-то по-настоящему значительное.

— Она-то сама уверена, что нашла Рай.

— Как и половина Ватикана.

— Половина? Сомневаюсь. Я бы сказал: весь Ватикан.

— Не думаю. Мне прямо ничего не говорят, но я слышу кое-какие разговоры. Понять трудно, но не все здесь безумно счастливы, что Рай найден.

— В голове не укладывается! Рай кого-то не устраивает? Уж в Ватикане-то должны быть просто на седьмом небе от счастья!

— В Ватикане не все так просто, как нам кажется, Джейсон. Это все из-за терминологии — «Ватикан», «Папа», «кардиналы» и все такое прочее. Легко подумать, что тут все насквозь христианское. Нет, это не так. Тут всего понамешано — помимо христианства. Я пока ещё не разобралась окончательно, но чувствую, что все

тут очень сложно. Давным-давно, вероятно, когда эти бедняги только обосновались здесь, в основе их мировоззрения и было только христианство. Но роботы за долгие годы обнаружили столько всего, что теперь это уже далеко не классическое христианство. И потом есть ещё кое-что…

Она поколебалась мгновение. Теннисон молча ждал, когда Джилл заговорит вновь.

— Видишь ли, в Ватикане существует два типа роботов, две, так сказать, группировки, между которыми чёткого разграничения нет. Есть старые роботы, которые прибыли с Земли. Эти до сих пор чувствуют влечение к людям, хотят быть похожими на них. Связь между людьми и роботами для них неоспорима. Совсем другое дело — молодёжь, то есть роботы, которых создали уже здесь, на Харизме, — собрали, родили, сконструировали — называй, как хочешь, — главное, что их сделали не люди, а другие роботы. Эти как-то по-своему враждуют — нет, не с людьми, конечно, упаси бог, но с самим отношением к людям, свойственным старым роботам. Эти стальные юнцы мечтают порвать связь с человечеством. О да, они по-прежнему осознают, что роботы в долгу перед человечеством, но хотят порвать эту связь, отделиться, доказать, что они сами что-то

из себя представляют. Рай, который нашла Мэри, вызывает у них протест, поскольку само это понятие связано с человеческими представлениями. Мэри — человек, и она нашла христианский, человеческий Рай…

— Не совсем логично, — вмешался Теннисон. — Не все же люди — христиане. Я вот, к примеру, не могу сказать, христианин я или нет, да и ты, думаю, тоже. Может быть, наши предки были христианами, хотя никто не мешал им быть иудеями, или мусульманами, или…

— Но согласись, все-таки многие из нас — потомственные христиане, независимо от того, придерживаемся мы христианских обычаев или нет. Во многих из нас до сих пор силён христианский тип мышления. До сих пор мы, не задумываясь, употребляем слова, отражающие краеугольные понятия христианства — «ад», «Христос», «Господь», «Спаситель». Как легко и свободно они у нас с языка слетают!

Теннисон согласно кивнул.

— Да, можно допустить, что роботы всех нас считают христианами, хотя бы в душе. И не сказал бы, что это так уж плохо — быть христианином.

— Конечно нет, Джейсон. Просто когда люди начали покидать Землю, они многое растеряли

на пути, многое забыли о самих себе. Многие теперь просто не знают, кто они такие — без роду, без племени.

Какое-то время они сидели молча, потом Джилл тихо и нежно проговорила:

— Джейсон… а ты уже совсем не замечаешь моего ужасного лица. Не спорь, не замечаешь. Ты — первый мужчина в моей жизни, который сумел не обращать внимания на это жуткое пятно.

— Джилл, милая, — растроганно сказал Джейсон. — Почему же я должен замечать его?

— Потому что оно меня обезображивает. Я — уродина.

— Ты — красавица, Джилл, — возразил Теннисон. — В тебе так много красоты — и внешней, и внутренней, что о такой малости легко позабыть. И ты совершенно права — я больше ничего не вижу.

Джилл прижалась к нему, он крепко её обнял, погладил по голове.

— Держи меня крепче, Джейсон, — шептала она. — Мне это так нужно, так важно…

Это был единственный вечер. Чаще всего они и вечерами не виделись. Джилл долгими часами сидела над историей Ватикана, вытягивала из отчётов разрозненные данные, собирала их,

старалась в них разобраться и не уставала поражаться фанатизму, с которым роботы веками добивались цели.

«Это — не религия, — говорила она себе. — Нет, не религия».

Порой она начинала сомневаться и убеждалась в обратном — нет, все-таки религия. Она работала, думала, и неотвязный вопрос «что такое религия?» все время преследовал её.

Иногда её навещал кардинал Феодосий — он приходил, тихонько усаживался на табуретку рядом с ней — такой маленький, закутанный в огромную мантию, похожий на стальную мумию.

— Вам нужна помощь? — интересовался он. — Если нужна, мы дадим вам ещё помощников.

— Вы так добры ко мне, Ваше Преосвященство, — благодарила Джилл. — У меня вполне достаточно помощников.

И это было правдой. Ей помогали двое роботов, которые, казалось, не меньше её самой были заинтересованы работой. Порой над письменным столом склонялись сразу три головы — два робота и женщина пытались решить какой-нибудь чересчур запутанный вопрос, расшифровать какую-нибудь строчку в записях, обсуждали

тончайший богословский аспект толкования религии, стараясь точнее изложить то, как мыслили, как верили те, кто записал свои мысли столетия назад.

Во время одного из визитов кардинал объявил:

— Вы становитесь одной из нас, мисс Робертс.

— Вы мне льстите, Ваше Преосвященство, — попыталась отшутиться Джилл.

— Я не знаю, что вы подумали, но я не это имел в виду, — возразил кардинал. — Я имел в виду ваши взгляды на вещи, столь очевидный энтузиазм в работе, вашу преданность фактам, истине.

— Если говорить об истине, Ваше Преосвященство, то тут ничего нового — истине я была верна всегда.

— Дело не столько в истине, — уточнил кардинал, — сколько в понимании. Я верю, что вы начинаете понимать, какова цель вашей работы здесь.

Джилл отодвинула в сторону кипу бумаг, над которыми работала, и покачала головой:

— Нет, Ваше Преосвященство, вы ошибаетесь, мне не все понятно. Может быть, вы будете так любезны и объясните мне кое-что. И главный пробел в моем понимании — это то, что вас заставило покинуть Землю. Официально считается,

что это произошло потому, что вас не принимали в лоно ни одной церкви, потому, что вы были лишены возможности исповедовать какую бы то ни было религию. Это вам скажет в Ватикане любой робот, и скажет так, будто это религиозный догмат. Но здесь, в записях, я не нахожу чётких подтверждений…

— Все, что происходило до прибытия сюда, — объяснил кардинал, — в отчётах не отражено. Не было нужды записывать то, что и так всем известно. Все мы знаем, почему прибыли сюда.

Джилл промолчала, хотя хотела спросить ещё. Она побаивалась спорить с кардиналом, даже с кардиналом-роботом.

И он либо не заметил, что она хотела ещё о чем-то спросить его, либо уверился, что достаточно полно ответил на вопрос. Больше ни о чем он в этот раз не говорил. Немного посидел сгорбившись на табуретке, потом молча поднялся, поклонился и ушёл.

Дни Теннисона тоже были заполнены до отказа. Он ходил по Ватикану наблюдал, разговаривал, знакомился и болтал с роботами. Он познакомился и с некоторыми из Слушателей. Особенно близко он сошёлся с Генри, тем самым, что был трилобитом.

— Так вы, значит, смотрели мой кристалл с трилобитом? — обрадовался Генри. — Ну-ка, ну-ка, расскажите, какое же у вас было впечатление?

— Я был совершенно ошеломлён, — признался Теннисон.

— Я тоже, — сказал Генри. — С тех пор я ещё ни разу не работал как Слушатель. Боюсь, честно вам признаюсь. Пытаюсь убедить себя, что дальше трилобита мне не выбраться. Трилобит — это ведь так близко к сотворению мира. Ещё шаг… и человеку придётся столкнуться, точнее, стать кусочком безмозглой протоплазмы, ничего не ощущающей, кроме голода и опасности. Фактически, и трилобит недалеко ушёл в этом смысле. Но тут вмешалось моё собственное сознание, и трилобит осознал себя. А потом… пойди я дальше назад, я бы запросто мог увязнуть в промозглой массе живого холодца. Неплохой вариант для человека окончить дни свои, а? — хихикнул Генри.

— Но вы могли бы попробовать что-нибудь ещё.

— Вы не понимаете. Да, конечно, я мог бы попробовать что-нибудь ещё. Многие Слушатели отправляются в какие-то особые места и времена. Иногда им это удаётся, иногда — нет. Никогда нельзя быть уверенным. Слушание занятие

очень непростое. Многое в нем не зависит от собственного желания. Взять, к примеру, Мэри. Думаю, она ещё раз попытается попасть в Рай, а Мэри — превосходная Слушательница, и у неё это может получиться скорее, чем у кого-то другого. Но даже она ни в чем не может быть уверена. Никто никогда ни в чем не может быть уверен. Я ведь сам вовсе не стремился отправиться по линии зародышевой плазмы. Просто так вышло.

— Но почему вы не хотите больше слушать? Вряд ли вы…

— Доктор Теннисон, — нахмурился Генри, — я же сказал, что не знаю, почему меня занесло на этот путь с самого начала, почему я отправился именно в прошлое. Но я знаю точно, что после первых путешествий у меня возникло впечатление, будто я лечу вниз на безотказном парашюте. И, боюсь, этот парашют до сих пор на месте, ждёт меня. Поначалу я не был против. Это, пожалуй, даже забавно в каком-то роде. Очень интересно. Я побывал в роли всяких первобытных людей — это было замечательно! Страшновато бывало, не скрою — все время приходилось бояться за свою жизнь. Да, мистер Теннисон, доложу я вам, наши далёкие предки не слишком большими фигурами были в своё время. Куски мяса среди кусков

мяса, только и всего. Хищникам совершенно безразлично, нас жрать или кого-то ещё. Белки и жиры — вот и все, что мы собой представляли. Половину времени я только и делал, что убегал от кого-нибудь. А остальное время добывал себе пищу доедал какую-нибудь мерзкую падаль, оставленную крупными кошками и другими хищниками, иногда питался грызунами, которых мне удавалось убить, фруктами, корнями, насекомыми. Иной раз просто не по себе делается, как вспомню, что я там ел, заглатывая целиком, сырое… но ведь счастлив был, что хоть это добыл на пропитание. Но тогда меня это нисколько не смущало. Да что там греха таить — у вас, прошу прощения, желудок крепкий, доктор? — ну так вот, знаете, до сих пор иногда… увижу гнилушку и с трудом удерживаюсь, чтобы не перевернуть её и не посмотреть, нет ли под ней белых, жирных личинок. Они извиваются, пытаются уползти, но я им не даю — крепко хватаю и отправляю в рот. Их так приятно глотать! На вкус они немного сладковатые… И вот просыпаюсь, весь в поту от страха, под ложечкой сосёт. Но за исключением таких моментов было совсем неплохо. Страшно — да, но знаете, сам по себе страх — очень интересное ощущение. Так приятно, когда удавалось

удрать и показать нос большой кошке, которая гналась за тобой, да не поймала, и теперь её можно подразнить. Вот потеха так потеха! И других забот нет, кроме как набить живот да разыскать местечко, чтобы спрятаться да поспать. Ну, ещё конечно, поиск самки, и все такое прочее…

Я бы вот что ещё рассказать хотел, доктор. Мне довелось побывать… в общем, это было самое лучшее из того, кем мне довелось побывать. Это был не человек и не предок человека, даже ничего близкого. Это было нечто вроде ящерицы, но я точно не знаю, и никто не знает. Экайер много времени потратил, все старался выяснить, что это такое, да так и не узнал. Он даже кое-какие книжки заказал, думал, там что-нибудь найдёт, но… — и Генри развёл руками. — А меня это вовсе не волновало — мне-то что. Можно, конечно, предположить, что это было нечто вроде связующего звена — какой-то праящер, от которого для палеонтологов не осталось даже косточки, чтобы раскапывать да раздумывать. Я думаю, и Экайер тоже так думает, что это существо жило в триасовый период. Я сказал «ящерица»? Нет, это, конечно, никакая не ящерица, просто слова другого подобрать не могу. Она не слишком большая была, но очень шустрая — самая шустрая из всех

существ, которые жили в то время. А уж злющая… Она ненавидела всех и вся, со всеми дралась, ела всё, что движется. Всё, что попадалось, разрывала в клочья. Я до этого и представить себе не мог, что такое настоящая жестокость и какое наслаждение она даёт… Кровожадная такая жестокость! — Генри скрипнул зубами и сжал кулаки. — Монстр, настоящий монстр, доктор, поверьте. Трилобитом я был совсем мало, этой ящерицей довольно долго пробыл. Сколько именно — точно не знаю, чувство времени исчезает, когда переселяешься в другое существо. Может быть, я там так долго и оставался, потому что нравилось. Вы бы попросили Экайера, пусть он вам разыщет этот кристалл с ящерицей. Вам понравится, вот увидите!

— Ну… не знаю… — поёжился Теннисон. — Может, и попрошу как-нибудь.

Кристалл с ящерицей он смотреть не стал. Там было множество других. Экайер был готов показать ему что угодно. Он распорядился, чтобы робот-депозитор, ответственный за хранение файлов, давал Теннисону на просмотр все, что тот пожелает. Робот предоставил в распоряжение Теннисона длиннющий каталог.

«Непонятно все-таки, — не переставал удив-

ляться Теннисон. — Человек я здесь посторонний, а передо мной — все их сокровища. Как будто я сотрудник, участвующий в выполнении Программы».

…А в Ватикане все двери были распахнуты перед Джилл. И это было так непохоже на то, что сказал ей кардинал при первой встрече — что Ватикан прямо-таки дрожит над историей и до сих пор боится, что кто-то хоть немного о них разузнает.

«Ответ, — думала Джилл, — совсем простой: Ватикан уверен, что ни за что на свете не позволит тому, кто хоть что-то узнает о них, покинуть Харизму».

А может быть, расчёт был на то, что и Теннисон, и Джилл, будучи посвящены в тайны Ватикана, станут его горячими приверженцами. Ватикан кучка фанатиков, оторванных даже от ближайших секторов Галактики, отдавленных настолько, что ни у кого не могло возникнуть искушения улететь туда. Эта преданность, эта изоляция могли, по их расчётам, возвеличить Ватикан в глазах новичков. Стоит только объяснить непосвящённым, сколь велики цели и задачи Ватикана, и все станет на свои места — у них исчезнут все желания, кроме одного: посвятить

всю жизнь без остатка ему — смиренной жертве собственного, всепоглощающего эгоцентризма. Только объяснить — и всю жизнь отдадут за Ватикан…

Теннисон замотал головой. Нет, не то, не так… В этом логики было явно маловато. Если бы они захотели, могли бы отправить его и Джилл укладывать вещички, пока «Странник» не отбыл на Гастру. Конечно, они уже тогда могли бы что-нибудь узнать о Ватикане, но уж не столько, сколько узнали теперь. Да, Джилл могла бы написать о том, как её выгнали с Харизмы, но на фоне бесконечных крестовых походов, скандалов и перебранок, раздирающих Галактику, что толку было бы от этой статьи? Ерунда, круги на воде от крошечного камушка, брошенного в бескрайний океан.

Но может быть, тогда все совсем просто? Может быть, они оба здесь действительно нужны? Да, здесь нужен врач для людей. И не исключено, что Ватикан действительно заинтересован в написании истории. Правдой было и то, что Ватикану очень трудно найти специалистов на стороне, — так трудно, что, как только парочка профессионалов оказалась на Харизме, на них прямо-таки набросились с предложениями

остаться. Но почему-то Теннисона такой ответ не устраивал. Было непонятно, почему они с Джилл так бесценны, так необходимы Ватикану. Вновь и вновь к нему возвращалась мысль и том, что Ватикан не хочет позволить им уйти…

Один из просмотренных им кристаллов очень удивил Джейсона. Он находился внутри сознания одного из обитателей странного мира, именно внутри сознания, но пережитое им было за границами человеческого понимания. Он видел, — хотя, трезво размышляя, не мог с уверенностью сказать даже самому себе, что именно «видел», — так вот, он побывал в мире графиков и уравнений — то есть ему показалось, что это были графики и уравнения, однако знаки и символы, из которых они были составлены, не имели ничего общего с принятыми в мире людей. Все было так, будто он находился внутри некой трехмерной школьной доски, а значки и символы окружали его, заполняли все пространство вокруг. На какое-то мгновение ему показалось, что он сам или то существо, которым он был там, было уравнением.

Он мучительно искал ответа, объяснения, пытался осторожно, мягко ощупать сознание, в которое проник, но ответа не получил. Либо

это загадочное существо не догадывалось о его присутствии, либо… Самому существу, по всей вероятности, было понятно то, что оно видит, наверное, оно даже каким-то образом общалось, взаимодействовало с другими графиками и уравнениями. Но даже если это было так, Теннисон все равно ничего не понял. Мучился — и тонул в океане непонимания, неизвестности.

Но не оставлял попыток понять: он оставался в этом мире, стараясь ухватиться хоть за какой-то оттенок смысла, чтобы оттолкнуться от этого и начать хоть что-то понимать… Но все было без толку. Когда запись на кристалле окончилась и Теннисон вернулся в привычный мир, он знал ровно столько, сколько до начала просмотра. Не двигаясь, он сидел в просмотровом кресле.

— Нечто совсем особенное, не правда ли? — наклонился к нему робот-депозитор.

Теннисон протёр глаза руками. До сих пор перед глазами мелькали значки и символы.

— Угу, — кивнул он. — А что это было?

— Сэр, мы сами не знаем.

— Зачем тогда нужно было находить это, давать мне смотреть?

— Может, Ватикан знает, — предположил робот. — В Ватикане много знают. Они умеют

понимать такие вещи.

— Ну что ж, искренне надеюсь, — вздохнул Теннисон, поднимаясь с кресла. — На сегодня с меня хватит. Завтра можно зайти?

— Ну конечно, сэр. Заходите завтра. В любое удобное для вас время.

Назавтра он попал в осеннюю страну… Ничего особенного — место как место. На этот раз было такое впечатление, что он свободен и не проник ни в чьё сознание — просто сам был там, сам по себе. Вспоминая потом о своём путешествии, он не мог судить со всей ответственностью, действительно ли он где-то побывал, но ощущение реальности пережитого не покидало его. Теннисон мог поклясться, что слышал потрескивание и шорох сухих сучьев и опавшей листвы под ногами, вдыхал терпкий, как вино, запах осенних костров, перезрелых яблок, последних, случайных, задержавшихся на голых ветвях, ощущал прикосновение первых заморозков к жухлой листве. Слышал — или ему казалось, что слышал, хруст жёлтой стерни под ногами, мягкий стук орешков, падавших на землю, внезапный, далёкий посвист крыльев улетавшей на юг стаи невидимых птиц, нежные, свежие трели крошечного ручейка, несущего на своей поверхности

тяжкий груз опавших листьев. А ещё были цвета — в этом он был просто уверен — золотые монетки листьев орешника, лимонная желтизна осин, красные как кровь сахарные клёны, шоколадно-коричневые дубы… Над всем этим царило горько-сладкое ощущение осени, великолепие умирающего года, когда окончены все труды и провозглашено начало времени покоя и отдыха.

Ему было легко и покойно, он с радостью и готовностью погрузился в этот мир. Взбирался на холмы, спускался с них, шёл берегом извилистого ручейка, останавливался и любовался багрянцем и золотом осенних лесов, поражался тому, как великолепен контраст желтизны деревьев и синевы небес. Удивительный покой сходил в его сердце. Краткий покой, наступающий в душе в самом конце жаркого лета, порядок и равновесие, царящие в ней, покуда её не скуют холода близкой зимы. Время отдохновения, размышлений, залечивания старых ран и забывания о них и о тех превратностях судьбы, которые нанесли душе эти раны…

Потом, вспоминая об осенней стране, он сказал себе, что это — его собственный Рай. Не высоченные сверкающие башни, не величественная широкая лестница, не пение торжественных фан-

фар — не то, что привиделось Мэри, но это был настоящий Рай — спокойный, мирный осенний день, клонившийся к вечеру, опустившийся на землю, уставшую от изнурительного зноя лета, от долгого пути по пыльным дорогам.

Погруженный в собственные впечатления, он ушёл в тот день из депозитория, обменявшись лишь самыми формальными фразами с роботом-депозитором. Вернувшись к себе, он попытался мысленно вернуться в осеннюю страну, но, увы, добился только того, что ощутил всю эфемерность, призрачность её существования…

В этот вечер он сказал Джилл:

— Знаешь, у меня такое чувство, будто я ненадолго вернулся на свою родную планету, в своё детство и раннюю юность. Моя родная планета похожа на Землю. Я сам об этом судить не могу, поскольку на Земле никогда не бывал, но мне всегда говорили, что она потрясающе похожа на Землю. Её в своё время заселили выходцы из Англии, и называлась она Педдингтон — её назвали в честь города, если «тон» — это «town», что означает «город». Похоже, так оно и есть. Обитатели Педдингтона никогда и не задумывались, что тут что-то не так. У англичан туго с чувством юмора. Там много говорили о Древней Земле, о

той Земле, на которой была Англия, хотя позднее мне стало казаться, что это скорее была Северная Америка, а не Англия. В детстве меня страшно интересовала Англия — я кучу книжек прочёл и по истории, и легенд всяких и преданий. В нашей городской библиотеке целый отдел был…

— Кстати, о книгах, — прервала его Джилл. — Давно хотела сказать тебе, да все как-то из головы вылетает. В библиотеке Ватикана полным-полно книг — земных книг, которые сюда привезли прямо оттуда. Настоящие книги, не магнитофонные записи, не дискеты. Обложки, листы — все честь по чести. Думаю, можно договориться, чтобы ты мог прийти и почитать там все, что тебе будет интересно.

— Да, пожалуй стоит как-нибудь выбрать денёк — прийти, покопаться в книжках, — согласился Теннисон. — Так вот, я тебе про Педдингтон начал рассказывать. Очень похоже на Землю. Люди там все говорили, до чего же им повезло, что они нашли такую похожую планету. «Обитаемых планет много, — говорили они, — но далеко не все они похожи на Землю». А там, на Педдингтоне, многие деревья и растения были именно такие, какие росли на Древней Земле. И времена года там такие же. Там было такое потрясающее

время — бабье лето… Деревья расцвечены всеми оттенками красок, дали подёрнуты дымкой… Я почти забыл об этом, а сегодня вот увидел это снова. Или мне показалось. Я вдыхал ароматы осени, жил в ней, слышал её…

— Ты грустный сегодня, Джейсон. Не думай об этом. Пошли спать.

— Этот математический мир, — сказал Теннисон Экайеру. — Я там ничего не понял. Скажи, Пол, тот Слушатель, что нашёл его, возвращался туда?

— И не раз, — ответил Экайер.

— Ну и?..

— Не удалось уловить никакого смысла. То есть — никакого.

— И часто такое случается?

— Нет, что касается математического мира, не часто. Слушатели редко видят одно и то же. Во Вселенной, где что угодно может статистически произойти минимум однажды и максимум однажды, слишком мало шансов для повторов. Это происходит, но не часто. Случаются необъяснимые наблюдения, у которых ни начала, ни конца.

— Что за смысл тогда? Какая из этого выгода?

— Может быть, для Ватикана и есть какая-то

выгода.

— Хочешь сказать, что вы все передаёте в Ватикан?

— Естественно. Для этого, собственно, все и делается. Для Ватикана. У них есть право просматривать абсолютно все. Они просматривают кристаллы, а потом возвращают нам для хранения. Иногда они отправляются по следам Слушателей, иногда нет. У них для этого есть свои способы.

— Но для того чтобы понять что-то в мире уравнений, кто-то должен отправиться туда лично, реально и посмотреть на все собственными глазами, а не глазами тамошних аборигенов. Я в этом уверен.

— Ну, я могу тебе сказать только одно: у Ватикана есть возможности посещать те места, которые мы обнаруживаем.

— Ты хочешь сказать, что они туда попадают физически?

— Конечно, именно физически. Я думал, ты это уже понял.

— Что ты! Даже не догадывался! Мне этого никто не говорил. Значит, это не всегда подглядывание через замочную скважину?

— Иногда поболее того. Иногда — нет. Иногда

приходится довольствоваться подглядыванием.

— А почему же тогда Ватикану не отправиться в Рай и не разузнать там все как следует? Я думаю…

— Наверное, они не могут, потому что не знают, где это. У них нет координат.

— Не понял. А что, Слушатели умеют определять координаты?

— Нет, этого они не умеют. Но для этого есть другие способы. Народ Ватикана в таких делах многого добился. Один из самых примитивных способов — это ориентация по картине звёздного неба.

— А на кристалле, где есть запись о Рае, такой картины нет? Не должно быть, если это действительно Рай. Рай не должен иметь ничего общего с такими понятиями, как время и пространство. Ну, а если Ватикан все-таки найдёт координаты, они отправятся туда? Пошлют кого-нибудь в Рай?

— Клянусь, не знаю, — ответил Экайер. — Не могу даже догадываться.

«Полный тупик», — подумал Теннисон. Видение Рая было настолько неразрывно связано с философией, тонкостями богословия, элементом чуда, что все власти предержащие должны быть напуганы до смерти. Он вспомнил, что говорила

ему Джилл о различиях во взглядах роботов в Ватикане.

— Рай, — сказал Теннисон, — означает вечную жизнь, жизнь после смерти. Можешь мне ответить, нашли ли ваши Слушатели хоть какие-нибудь доказательства того, что такая жизнь существует, хоть бы какие-то признаки жизни после смерти?

— Не знаю, Джейсон. Не уверен. Честное благородное слово, не знаю. Нет возможности…

— Что значит «не уверен»?

— Понимаешь, существует много разных форм жизни. Вселенная просто-таки кишит всевозможными формами жизни — биологической и всякой другой. Среди небиологических форм жизни полным-полно разновидностей…

— Ну да, — кивнул Теннисон, — роботы, к примеру.

— При чем тут роботы, черт возьми? Ну да, извини, конечно, роботы одна из разновидностей небиологической жизни. Произведённая, искусственная форма небиологической жизни. Но существуют природные формы небиологической жизни, понимаешь? В области созвездия Орион, например, существует пылевое облако. Небольшое скопление пыли и газа. Отсюда его

трудно разглядеть даже в самый мощный телескоп. Смешение магнитных полей, газов высокой плотности, мощнейшая ионизация, тяжёлые облака космической пыли. И там есть что-то живое. Может, сам газ, сама пыль. А может — и что-то ещё. Можно почувствовать ритм жизни, её пульс, и… оно разговаривает! Нет, разговором это с большой натяжкой можно назвать — «коммуникация» подойдёт лучше. Уловить это можно, но понять — увы! Может быть, те формы жизни, которые там обитают, что-то пытаются сказать нам, а может быть, говорят между собой…

— Но какое отношение это имеет к жизни после смерти?

— А я разве сказал, что это имеет отношение к жизни после смерти?

— Да нет, — вздохнул Теннисон, — не говорил как будто.

Иногда Теннисон, прихватив с собой немного еды и бутылочку вина, перебросив через плечо термос с кофе, отправлялся бродить по окрестностям — ходил по узким, извилистым тропкам, взбирался на невысокие холмы. И всегда перед его глазами были горы — синие и лиловые, они возвышались над окрестностями, всегда волшебные, всегда таинственные, изборождённые

причудливыми тенями, сползавшими по склонам, сверкающие белизной заснеженных пиков. Долгие часы Теннисон мог сидеть, глядя на горы, устроившись на невысоких пригорках, и никогда не мог наглядеться. Загадка гор, их необъяснимая притягательность оставались нераскрытыми, сколько на них ни смотри.

Он уходил далеко от Ватикана, порой плутал, шёл не по той дороге, которой ушёл из дому, но в конце концов всегда находил тропинку, которая выводила его домой. Он радостно топал по ней, поднимая башмаками маленькие облачка пыли, спину его грели лучи тёплого солнца, а в памяти хранилось величавое спокойствие гор. Проходило несколько дней, и он вновь отправлялся на прогулку, порой менял направление, но горы видели его всюду и следили за ним.

Однажды, после полудня, возвращаясь в Ватикан по одной из нешироких дорог, он услышал позади шум мотора. Оглянувшись, он увидел сильно помятый автомобиль, за рулём которого сидел мужчина. Теннисон был удивлён не на шутку — впервые за время его одиноких вылазок ему кто-то встретился, не говоря уже об автомобиле. Он отступил с дороги в сторону, чтобы пропустить машину, но автомобиль остановился.

Водитель поинтересовался:

— Вы такой любитель ходить пешком, что даже не хотите, чтобы вас подвезли немного?

У незнакомца было простое, честное, открытое лицо, умные голубые глаза.

— С удовольствием проедусь, — улыбнулся Теннисон.

— Надо понимать, — сказал мужчина, когда Джейсон уселся рядом, — вы новый доктор из Ватикана? Теннисон, если не ошибаюсь?

— Верно, — не без удивления ответил Теннисон. — А вы?

— Я Декер. Томас Декер — к вашим услугам, сэр.

— А я тут брожу уже столько дней, — признался Теннисон, — и, представляете, вы — первый, кого я встретил.

— И ничего удивительного. Только со мной вы и могли встретиться. Остальные-то по домам сидят, у каминов греются. Даже неинтересно им выйти да посмотреть, что за порогом делается. Смотрят на горы каждый божий день и только горы видят. А вот вы видите больше, чем просто горы, а, доктор?

— Гораздо больше, — не стал отрицать Теннисон.

— Ну, а как насчёт того, чтобы увидеть ещё больше? У меня сейчас такое настроение, что я вполне мог бы для вас экскурсию провести.

— Получайте клиента, — улыбнулся Теннисон. — Никаких возражений.

— Ну что ж… Батарея заряжена, хватит на несколько часов. Предлагаю для начала взглянуть на фермы.

— Фермы?

— Ну, конечно, фермы. Что это вы так удивились? Вы же хлеб едите, правда? Мясо, молоко, яйца?

— Ну, естественно.

— И как вы думаете, откуда это все берётся, если не с ферм?

— Как-то, признаться, в голову не приходило.

— Эти роботы, они все продумали, — объяснил Декер. — Они должны кормить своих людей, поэтому некоторые из них стали фермерами. Нужно электричество — они построили плотину и поставили электростанцию. Они пользуются и солнечной энергией, но не слишком широко. Однако такая возможность есть, и, если понадобится, — они её используют, не сомневайтесь. У них есть и ветряк, но он работает редко — нет большой потребности. Раньше он был очень

нужен, когда его только построили. Но это было давно, много веков назад. — Прищёлкнув языком, он продолжал: — Уж в чем, в чем, а в безделье роботов не упрекнёшь. Ну, вот взять хоть лесопилку для примера. Там у них стоит примитивный паровой двигатель — как вы думаете, на чем он работает? На щепках и опилках.

— Полное самообеспечение. Круговорот, — заключил Теннисон.

— А куда деваться. Приходится. Жизнь заставляет. Они ведь предоставлены сами себе. Такой вещи, как импорт, практически не существует, — то есть он есть, но крайне ограничен. Небольшие грузы, которые время от времени доставляет «Странник». Доставка влетает в копеечку. Роботы ввели строжайший режим экономии, потребности ограничены до минимума. Ведь если вам нужно немного, то и денег нужно немного, согласитесь. А денег у роботов мало. То, что они выкачивают из паломников — и есть все их средства. У них существует небольшой отряд лесозаготовителей — эти весь год только тем и занимаются, что собирают сучья и хворост для каминов и очагов, которые тут есть у всех. Постоянная потребность — постоянное обеспечение. Все рассчитано до мелочей. У них есть мельница,

чтобы молоть зерно — пшеницу и другие злаки. Не было случая, чтобы хлеба не хватило, ещё и запасы делают на случай неурожая. Хотя до сих пор, насколько мне известно, неурожаев тут не было. Все примитивно до чёртиков, но все работает, а это — самое важное.

Теперь они ехали по более широкой дороге, чем та, на которой Теннисон повстречал Декера. Дорога пошла под уклон и спустилась в долину, покрытую жёлтыми полями. Акры поспевающей пшеницы золотым морем колыхались под порывами лёгкого ветерка.

— Скоро сбор урожая, — сообщил Теннисону Декер. — Даже ватиканская братия оторвётся от своих священных обязанностей и выйдет на поля, чтобы собрать урожай. Кардиналы подвернут края лиловых мантий, чтобы не запылились. Монахи прибегут в своих коричневых балахонах — пользы от них только раз в году. Ходят с серпами, жнут вручную, ползают по полю, как муравьи. У них есть машина — сборщик соломы — замечательно работает, все собирает, ничего не остаётся. Есть паровая косилка, и для неё они заранее запасают дрова.

Между полями пшеницы попадались пастбища, заросшие сочной, зеленой травой, — там

паслись коровы, лошади, овцы и козы. В загонах похрюкивали довольные, толстые свиньи. В небольших вольерах озабоченно кудахтали куры.

Декер указал в сторону горизонта.

— А там, — сказал он, — поля кукурузы, чтобы скот кормить. А вот это небольшое поле впереди — там рожь. Я же вам говорю — они все продумали. За холмами — отсюда не видать — у них есть пасека, и там целая куча ульев. А вот где-то тут должен быть… ага, вот, мы как раз подъезжаем… тут сахарный тростник — для тех пирожных, что вы потом будете есть за утренним кофе.

— Совсем как на моей родной планете, — сказал Теннисон. — Я родился на аграрной планете.

Они проезжали огороды, сады — яблони, груши, абрикосы, персики — все деревья клонились под тяжестью плодов.

— А вот вам и вишнёвый сад, — показал Декер. — Ранние сорта. И все до вишенки собирается.

— Да, — протянул Теннисон. — Потрясающе. Вы правы, у них все продумано.

Декер весело усмехнулся.

— Ну, скажем так: у них было полно времени, чтобы все продумать. Тысяча лет, а может, и по-

больше того. Но все это им не понадобилось бы, не будь им нужны люди. А люди им были нужны. Не знаю, когда они привезли сюда первых людей. Мне кажется, лет через сто после того, как сами туг обосновались.

…Когда они возвращались, солнце почти село.

— Спасибо вам огромное за экскурсию, — поблагодарил Теннисон. — Честное слово, я себе такого не представлял.

— Ну, а как вам в Ватикане, если не секрет?

— Недурно. Привыкаю помаленьку. То, что видел, пока нравится.

— Знаете что-нибудь про эту болтовню насчёт Рая?

— Да так… время от времени кое-что слышу. Пока не могу понять, в чем тут дело. Есть одна женщина, которая думает, будто нашла Рай.

— Так-таки нашла?

— Не знаю, — пожал плечами Теннисон. — Лично я склонен сомневаться.

— Вы правы, — кивнул Декер. — Слухи тут все время гуляют. Не Рай, так что-нибудь другое.

В это мгновение Теннисон заметил вспышку света над правым плечом Декера. Отвёл взгляд и снова взглянул на то же место — над плечом Декера сверкало крошечное облачко искристой

пыли. Теннисон непроизвольно поднял руку, протёр глаза — сияние исчезло.

— Что, в глаз что-то попало? — спросил Декер.

— Да нет, ерунда. Пылинка, наверное. Уже все прошло.

— Может, хотите, чтобы я посмотрел? Или все в порядке?

— Нет, спасибо. Все нормально.

Декер вёл машину по серпантину дороги, поднимавшейся на нагорье, где был расположен Ватикан. Горы в лучах закатного солнца казались фиолетовыми.

— Вас у клиники высадить? — спросил Декер. — Или где-нибудь в другом месте?

— У клиники, если вам не трудно, — попросил Теннисон. — Ещё раз спасибо за прогулку. Было просто замечательно.

— Я иногда выбираюсь в горы, — сообщил Декер. — Порой на несколько дней ухожу. Если у вас найдётся время, не хотите ли как-нибудь прогуляться со мной?

— Был бы счастлив, Декер.

— Давайте на «ты». Зовите меня Том.

— Хорошо, Том. Меня зовут Джейсон. Думаю, мне удастся выкроить пару дней как-нибудь.

— Конечно, только чтобы прогулка не на-

рушила твоего рабочего режима. Думаю, тебе понравится.

— Я просто уверен, что мне понравится.

— Ну, значит, на том и порешили.

Декер высадил Теннисона у клиники. Джейсон немного постоял у крыльца, глядя, как исчезает вдали громыхающая колымага. Когда машина скрылась за повороте, он повернулся и собрался было отправиться к себе, но совершенно неожиданно для самого себя вдруг передумал и пошёл в сад — тот самый, который обнаружил в первый день своего пребывания в Ватикане.

Сумерки ласковой пеленой окутывали сад, здесь царили нежность и странный, терпкий аромат поздних цветов. Сад был похож на тускло освещённую театральную сцену на фоне темно-лилового занавеса отвесных гор. Оглядывая сад, Теннисон понял, почему его потянуло сюда: это было самое подходящее место, где можно было попрощаться с уходящим прекрасным днём. Самое интересное — пока он не пришёл сюда, он не понимал, как прекрасен был этот день.

«Не Декер ли, — подумал он, — сделал этот день таким замечательным?»

Но тут же прогнал эту мысль. Дело было, конечно, не в Декере. Кто такой Декер? Просто новый

знакомый — человек, который никак не связан с Ватиканом и поэтому немного непохожий на тех, с кем ему приходилось встречаться до сих пор. Но все-таки в нем было что-то такое, чего Теннисон пока понять на мог.

По вымощенной гравием дорожке к Теннисону подкатился робот.

— Добрый вечер, сэр, — проговорил он.

— Добрый вечер и тебе, — ответил Теннисон. — Прости, сразу не узнал тебя. Ты — садовник. Как поживают розы?

— Неплохо, неплохо, — ответил робот. — Большинство уже отцветает, но ещё есть несколько бутонов. Через пару дней будут цветы. Чайные розы, очень красивые. Приходите полюбоваться на них.

— Непременно, — пообещал Теннисон.

Робот двинулся вперёд в сторону калитки, но вдруг резко обернулся.

— Новости слыхали, сэр?

— Не уверен. О каких новостях ты говоришь?

— О, сэр, значит, не слыхали! Слушательницу Мэри собираются канонизировать.

— Канонизировать? То есть… объявить святой?

— Именно, — подтвердил робот. — Ватикан так думает…

— Но, прости, людей не канонизируют, пока они живы! Проходит какое-то время после смерти, пока…

— Я про это ничего не знаю, сэр. Но та, что нашла Рай…

— Погоди-ка, садовник, постой минутку. Где ты об этом слышал? Кто об этом говорит?

— Ну, вся община в Ватикане. Она будет нашей первой святой. Все считают, что это просто превосходная идея. Наша первая святая, сэр. До сих пор у нас не было святых, а теперь будет своя святая, и…

— Ну а кардиналы? А Его Святейшество что думает по этому поводу?

— Не знаю, сэр. Мне таких вещей знать не положено. Моё дело маленькое. Но все говорят. Вот я и подумал, что вам будет интересно.

В знак прощания робот поднял руку, в которой были зажаты садовые ножницы, и удалился по дорожке, ведущей к калитке, а Теннисон остался в саду один-одинёшенек.

Лёгкий ветерок обдал его лицо ароматом вечерних цветов и вывел из задумчивости.

— Боже милостивый, — сказал Теннисон вслух, обращаясь к самому себе, — теперь с ней совсем сладу не будет!

Глава 17

Настала ночь. В библиотеке погасили свет. Единственная лампа горела над столом Джилл. Двое её помощников уже ушли — один по церковным делам, а второй — за сандвичами и стаканом молока для Джилл.

Джилл отодвинула в сторону стопку бумаг — записи, над которыми она работала — и, откинувшись на спинку стула, закинула руки за голову. Посидела так, потом руками обняла плечи и поёжилась.

«Где же это может быть и как это может быть? — думала она. — Что это за места такие — за пределами времени и пространства?»

Она всеми силами пыталась сконцентрировать свои познания о подобных вещах, но ей было совершенно не от чего оттолкнуться, не за что ухватиться, а в здешних записях не было ничего такого, что могло бы облегчить эту задачу. Одно было ясно — иногда роботы отправлялись в путешествия за пределы пространственно-временного континуума на кораблях собственной конструкции, приводимых в движение энергией

мысли, силой разума. Она не была в этом уверена, но из записей следовало именно это.

«Господи Боже, — покачала головой Джилл, — ну и угораздило же меня влезть во все это! И как только я позволила, чтобы меня в это втянули?»

Теперь было ясно — она ни за что не сможет отказаться от этой работы, не захлопнет раскрытую на середине книгу. Она обязана узнать — а узнать надо так много… А ведь Джейсон её именно об этом предупреждал — следовало прислушаться к его словам. «Ты втянешься, — говорил он, — и не сможешь оторваться».

Работала она настолько добросовестно, что даже неутомимые помощники пытались отговорить её от такой скрупулёзности. Один из роботов посоветовал ей прочитать все записи от начала до конца, не углубляясь в мелочи. Но она была убеждена, что без этих самых мелочей ей не удастся составить общую картину.

«Подходят ли для таких мест понятия „где“ и „когда“? — думала Джилл. — Может, там другое „где“ и „когда“? Нет, это неправильно. Это за пределами разума, за границей понимания. Может быть, — гадала Джилл, — эти места — где-то в районе завихрений магнитных бурь, и там обитают небиологические существа — не только

живые, но и разумные, хотя даже представить себе такой разум было просто невозможно».

«Невозможно», — твердила она себе, но вынуждена была признать, что такие формы жизни существовали и в пределах знакомых пространственно-временных понятий, как бы непостижимо ни было само их существование для человеческого понимания.

«Внутри пространства и времени, — рассуждала Джилл, — должны действовать физические законы, такие, какие действуют в известной нам части Вселенной, — должны существовать энергия и материя, причина и следствие, бытие и небытие… но внутри этих параметров есть место для интеллекта и мышления, которые запросто могут идти на несколько шагов впереди биологического интеллекта и биологического мышления. Это можно принять теоретически, но невозможно понять умом, представить воочию».

Самое ужасное, что она никак не могла представить себе существования чего-либо за пределами пространства и времени — страны «Нигде-никогда», которая могла преспокойно жить-поживать, не испытывая никакой нужды в пространственно-временных рамках, не повинуясь твёрдой руке физических законов, определяемых этими

рамками.

«Мир, в котором царствует энергия мысли, — размышляла Джилл, строя догадки, — да ведь и „энергия“ — понятие, которое тут никак не годится». И именно в такие миры порой отбывали роботы на своих кораблях, управляемых силой разума, путешествовали не только по обитаемой Вселенной, но даже трудно себе представить — где.

Что до остальных моментов истории Ватикана — все выглядело довольно-таки просто и было изложено во всех подробностях: прибытие на Харизму, первые дни освоения планеты, строительство самого Ватикана, разработка проекта и создание до сегодняшнего дня электронного Папы, прибытие людей, начало работы в рамках Поисковой Программы, создание и усовершенствование новых типов роботов.

Было такое впечатление, что роботы самым тщательным образом продумали все ещё до того, как покинули Землю. Ещё там, ещё тогда они знали, что им нужно — отдалённая планета, на которую вряд ли залетят случайные путешественники, где никто не будет им мешать осуществлять задуманное. Единственное условие: планета, которую они искали, должна быть пригодной

и для жизни людей, — ведь сами роботы могли существовать практически на любой планете, и, если бы не люди, им было бы намного проще отыскать базу для своей деятельности. Но роботы и не помышляли приниматься за осуществление проекта без помощи людей. Прямых указаний на это Джилл в записях не обнаруживала, но верила, что роботы не представляли своей работы без людей. Проверенное веками сотрудничество, партнёрство с людьми существовало до сих пор, а в те далёкие дни, когда Ватикан только-только зарождался, оно было и того прочнее.

А вот сколько у роботов было кораблей, на которых они прибыли, и как они раздобыли на Земле оборудование для них, этого в записях Джилл не нашла. По самой точной её оценке кораблей должно было быть никак не больше трех. Было сделано несколько челночных рейсов на Землю и обратно, последним из них доставили материалы и оборудование, ещё не собранные ко времени первой высадки. Последним рейсом прибыли и люди, чьи потомки до сих пор жили на планете. Впоследствии корабли были разобраны на части и использованы в качестве утильсырья. Но когда это сделали, было неясно.

«Скорее всего, — предположила Джилл, — не

раньше, чем были построены новые корабли, управляемые разумом, если они действительно были таковыми».

На первый взгляд могло показаться, что роботы сделали гораздо больше, чем можно было успеть за тысячу лет — могло показаться, если забыть о том, что роботы не нуждаются ни в отдыхе, ни в сне. Они могли работать круглые сутки напролёт в течение недель, месяцев, лет. Они никогда и ничем не болели. Им не нужны были ни отпуска, ни развлечения. Им не нужно было тратить время на еду и перекуры.

А создание роботов нового поколения и их модернизация — это же было намного проще, чем эволюция биологических форм жизни! Естественная биологическая эволюция — это смерть старых поколений и рождение новых, необходимость генетических мутаций в процессе длительного, медленного процесса адаптации. А роботам для появления новых видов нужно только разработать новые модели и механизмы и воплотить то, что существовало на чертежах.

За спиной Джилл послышались шаги, она обернулась.

Это был Аза с молоком и сандвичами. Он аккуратно поставил поднос на стол и бесшумно

отошёл в сторону.

— Чем ещё я могу помочь вам, мисс?

— Ничего не нужно, — улыбнулась Джилл. — Отдохни. Посиди со мной. Поболтаем?

— Я не нуждаюсь в отдыхе, — возразил робот. — И сидеть мне вовсе не обязательно.

— Но в этом же нет ничего противозаконного.

— Противозаконного — нет, мисс.

— Даже кардиналы сидят, — убеждала она робота. — Когда Его Преосвященство, Феодосий, навещает меня, он всегда садится на эту табуретку и разговаривает со мной.

— Если желаете, — сказал Аза и опустился на табуретку.

Джилл взяла с подноса сандвич и откусила кусочек. Сандвич был с необычайно вкусным ростбифом. Отхлебнув молока, она спросила:

— Аза, ты не мог бы рассказать мне о себе? Ты появился на Земле?

— Нет, мисс, не на Земле.

— Значит, здесь?

— Да, здесь. Я — робот третьего поколения.

— Понятно. И сколько же здесь может быть поколений?

— Трудно сказать. Это как считать, мисс. Кто говорит — пять, а кто и все семь.

— Так много?

— Так много. Может, и больше.

— А ты бывал когда-нибудь в тех местах, которые находили Слушатели?

— Дважды, мисс. Я совершил два путешествия.

— А за пределами пространства и времени бывал?

— Один раз.

— А ты не мог бы мне рассказать, на что это похоже?

— Не могу, мисс. Невозможно рассказать. Просто — другое место. Совсем не так, как здесь.

Глава 18

Теннисону снился математический мир. На этот раз одно из уравнений показалось ему знакомым. Да нет, не одно, а больше…

Первое, как ему почудилось, было Экайером. График и внешне неуловимо напоминал Экайера, и уравнение, которое он изображал, несло в себе что-то экайеровское, но что именно — он понять не мог. Может быть, дело в цвете — в графике преобладали серый и розовый цвета, а именно они почему-то ассоциировались с Экайером.

«Нет, цвета тут ни при чем, — думал Теннисон во сне. — Скорее всего, дело именно в тех компонентах, в тех символах, которые слагают уравнения, в зримых очертаниях графиков».

Теннисон мучился, тяжело дышал, покрывался потом, напрягался изо всех сил, пытаясь решить уравнения, но это оказалось не под силу, — ведь он не знал ни условий, ни значения знаков и символов.

Он неохотно, с трудом отошёл от того уравнения, что показалось ему Экайером. «Нужно посмотреть с другого места, — решил он. — Отве-

сти взгляд и посмотреть снова — вдруг тогда все станет ясно?»

Ему обязательно, во что бы то ни стало надо узнать, Экайер ли это.

Окружающее виделось Теннисону в дымке, очертания графиков расплывались, воздух — если это был воздух — колебался, дрожал.

«Если хоть что-нибудь тут стояло на месте, я бы смог все как следует разглядеть», — страдал Теннисон. Вся беда была в том, что вроде бы и не менялось ничего, но во всем ощущалась такая зыбкость, такая изменчивость — того гляди, все растает.

Он исполнил своё намерение — отвёл взгляд в сторону и снова взглянул на то же самое место, в надежде, что застанет график врасплох.

«Экайер» исчез! Пропали серый и розовый цвета. Теперь на этом месте возникли совершенно другой график и другая цепочка уравнений. Они горели ярко-лиловым и золотым цветами.

Глядя на этот график, Теннисон окаменел. Мурашки побежали по спине. В ужасе он закричал:

— Мэри! Мэри! Мэри!

Пытаясь стряхнуть оцепенение, мучительно, напрягая последние силы, он попытался вырваться оттуда, где находился. Но бежать было некуда,

и какая-то неведомая, невидимая сила держала его, не давая уйти.

— Нет! Нет! Нет! — кричал он, а кто-то шептал ему:

— Ну-ну-ну… — и ласковые руки гладили его…

Открыв глаза, он обнаружил, что кругом темно, — и это было странно, ведь глаза его были открыты.

Знакомый голос произнёс:

— Нет-нет, Губерт, все в порядке. Просто ему снился страшный сон.

— Джилл… — слабым голосом выговорил Теннисон.

— Да, милый. Все хорошо. Я с тобой. Ты вернулся…

Он лежал на кровати. Над ним склонилась Джилл, а в дверном проёме застыл Губерт.

— Я сегодня задержалась допоздна, — объяснила Джилл. — Думала, ты уже спишь, но на всякий случай постучала, и Губерт впустил меня. Я хотела повидаться с тобой. Мне так много нужно сказать тебе, Джейсон.

— Я был в математическом мире, — сказал Теннисон. — Опять он мне приснился. Джилл, я видел Экайера — он был серо-розовый, а когда я на секунду отвёл взгляд…

— Ты кричал что-то про Мэри. Там была Мэри? Райская Мэри?

Он кивнул и попытался сесть, все ещё не в силах окончательно прогнать кошмарное видение.

— Мэри была лиловая и золотая, — сказал Джейсон. — И это было ужасно!

Глава 19

Двенадцать лет Декер не возвращался к катеру — да, двенадцать лет назад он ушёл отсюда насовсем, а катер остался лежать в небольшом, заросшем густой травой ущелье между отвесными скалами. За годы все вокруг сильно заросло, но не настолько, чтобы катера совсем не стало видно. По всей вероятности, не только Декер, но и никто сюда не наведывался все эти годы, потому что катер лежал так, как запомнил Декер. Он сам удивился, что легко удалось разыскать катер, не заблудиться в бесчисленных отрогах и выйти куда нужно.

— Ты здесь, Шептун? — спросил Декер.

Можно было и не спрашивать, но все-таки…

— Да, Декер, я здесь. И глухоман здесь. Он много дней подряд наблюдал за нами.

— На что мы ему сдались?

— А он просто любопытный. Интересно ему. Ты интересен и вообще люди. И мне ты интересен. Зачем ты вернулся к своему началу?

— Это не моё начало, — ответил Декер. — Начало моё не здесь, оно было далеко отсюда.

— Ну, тогда… к своему началу на этой планете.

— Скажем так. Знаешь, что это такое там лежит?

— Ты мне говорил. Спасательный катер. Устройство, которое пронесло тебя в целости и сохранности через пространство, пока не отыскало планету, на которой ты был бы в безопасности, где ты мог бы выжить. А больше ты мне никогда ничего не рассказывал. Мне, самому близкому другу…

— Ты — мой самый близкий друг?

— Если не я, назови другого.

— Увы, ты прав, — признался Декер. — Ну, слушай. Выйдя из анабиоза, я даже не представлял, куда меня занесло. Поначалу мне показалось, что это необитаемая, девственная планета, что здесь нет никакой, даже самой примитивной цивилизации. Я начал её познавать, исследовать. За временем я не следил, но, наверное, многие недели бродил по округе и не видел ничего, кроме дикой природы, и должен тебе сказать, что это мне было по душе. Я решил, что я один-одинёшенек на всей планете. Но как-то раз, на много дней отойдя от катера, я вышел на высокий горный гребень и увидел Ватикан — белоснежные, строгие здания вдали. И я понял, что не одинок,

что здесь живут разумные существа, хотя тогда я даже не догадывался, кто они такие.

— Но ты не побежал туда сломя голову?

— Откуда ты знаешь, Шептун?

— Я догадываюсь, потому что я знаю тебя, Декер. Я знаю, что ты за человек — сам по себе, замкнутый, никто тебе не нужен, никому не желаешь ничего про себя рассказывать. Отшельник. Одиночка.

— Все-то ты знаешь, — вздохнул Декер. — Несносное создание.

— От такого слышу, — сказал Шептун. — А ещё гордый очень. Ох и гордый… А почему ты такой гордый, Декер?

— Если бы я знал. По-моему, я всегда такой был.

А глухоман притаился в зарослях на взгорье, на самом краю усеянного валунами плато, и смотрел на них сверху вниз. Только сейчас Декер отчётливо ощутил его присутствие. Догадываться о том, что глухоман неподалёку, он стал ещё до того, как об этом объявил Шептун.

— А глухоман-то все не уходит, — сказал он Шептуну.

— Не обращай внимания, — посоветовал Шептун. — Он просто хочет смотреть на нас — и

смотрит. Думает, мы не знаем, что он здесь.

Декер пожал плечами и задумался. Он вспомнил о том дне, когда впервые увидел Харизму и Ватикан, увидел и понял, что он не один на необитаемой планете. В тот день он вернулся к катеру, собрал кое-какие пожитки — инструменты, посуду — все самое необходимое — и отправился в сторону посёлка, только раз остановившись, чтобы бросить взгляд на катер, лежавший в травянистом ущелье — последний, прощальный взгляд.

Добравшись до посёлка, он выбрал место на окраине и, никому ничего не говоря, принялся за постройку хижины. Валил деревья нужного размера, сдирал кору, прикатывал бревна на место постройки. Набрал камней, чтобы сложить печку и очаг, сходил в город и купил в небольшой лавчонке стекла для окон. Законопатил щели между брёвнами мхом и глиной. Набрал дров про запас и хвороста, сложил поленницу. Вскопал и разрыхлил землю под сад и огород и ещё раз наведался в посёлок, чтобы купить семян и саженцев. Посадил деревья, засеял огород. Все время потом он жил тем, что давал ему собственный клочок земли. Правда, иногда он охотился, — но только чтобы прокормиться. Пока в саду и огороде

ничего не созрело, он разыскивал в лесу дикие растения и пересаживал на грядки. Ловил рыбу в ближайшем ручье.

Поначалу его навещали любопытствующие обитатели посёлка; казалось, вопросы так и вертятся у них на языке. Как-то заглянул монах из Ватикана — робот в коричневом балахоне, самый симпатичный из всех роботов, которых Декеру когда-либо доводилось встречать. Но почему-то Декеру показалось, что он не простой монах. Все, кто навещал Декера в первые дни, считали своим долгом наболтать ему как можно больше про Харизму и надавать советов. Декер наматывал на ус все, что ему рассказывали, а советы большей частью пропускал мимо ушей. Выболтав последние новости и не преминув дать самые полезные рекомендации, всякий норовил узнать побольше о хозяине. Декер не грубил, а попросту отмалчивался — делал вид, что не слышит вопросов, — и посетители уходили несолоно хлебавши. Кое-кто отваживался навестить его ещё раз, но результат был тот же. В конце концов все махнули на него рукой.

Что, собственно, было совсем неплохо. Ему только того и надо было, чтобы все оставили его в покое. Порой, правда, он испытывал угрызения

совести оттого, что так обходился со своими соседями, но всякий раз он приходил к выводу, что иначе нельзя и это — лучший выход из положения. Лучше ничего не говорить, пусть думают что хотят, нечего давать пищу для размышлений и рассказывать свою историю. Они могли сплетничать в своё удовольствие много лет.

«Почему ты вернулся к своему началу? — спросил его Шептун. — Почему вернулся к своему началу на этой планете?»

«А на самом деле, почему? » — теперь он спрашивал себя. На этот вопрос у него не было ответа. Просто потянуло сюда, и все.

«Эх, Декер, Декер, — пожурил он себя мысленно, — совсем ты из ума выжил, если уж сам про себя ничего не знаешь…»

— Декер, — прервал Шептун его раздумья, — знаешь, а этот Теннисон мне понравился.

— Да, он симпатяга.

— Он ведь увидел меня, — сообщил Шептун. — Уверен, он меня увидел. А таких, кто меня может видеть, мало. Это, знаешь, надо способности иметь, чтобы меня увидеть.

— Он тебя увидел? А откуда ты знаешь? А мне почему не сказал ничего?

— Я молчал, потому что сам не был уверен.

Но я долго думал и вот теперь знаю точно. Он меня увидел и сначала не поверил свои глазам. Протирал глаза, думал, что с ними что-то не то. Ты что, не помнишь? Ты же сам спросил у него, не попало ли ему что-то в глаз. А он сказал, что, наверное, пыль. А ты ещё раз спросил, может, нужно глаз промыть, а он сказал, что не надо, что все в порядке. Ну, вспомнил?

— Да, теперь вспомнил, когда ты рассказал.

— Ну вот. Я и сам кое-что увидел. Но только мельком. Пока точно не знаю что.

— Ты не говорил с ним? Не пытался заговорить?

— Нет, говорить не пытался. Но знаешь, он человек непростой, необычный. Это точно.

— Ну ладно, — сказал Декер. — Мы с ним ещё увидимся. Вот и разглядишь получше, что это в нем такое необычное.

Глухоман ушёл. Он больше не прятался в зарослях среди валунов. Декер перестал ощущать его присутствие.

— Давай-ка спустимся пониже, — предложил Декер Шептуну. — Поглядим, как там катер.

Глава 20

Через полчаса после того как Джилл ушла в библиотеку, явился Экайер. Губерт впустил его, и, явно недовольный, удалился в кухню, где сердито гремел посудой. По всей вероятности Губерта раздражало, что люди так долго просиживают за столом.

— Что-то ты рано сегодня, — отметил Теннисон. — Присаживайся, выпей чашечку кофе.

— Кофе выпью, — согласился Экайер, — но, имей в виду, рассиживаться нам с тобой особо некогда.

— Ну у меня-то времени много, — возразил Теннисон. — В клинику ещё рано…

— Не так уж много, как ты думаешь. Нас с тобой удостоили великой чести. Нас благословили.

Теннисон удивлённо взглянул на Экайера.

— Благословили на аудиенцию с Его Святейшеством.

— Ого!

— И это все, что ты можешь сказать?

— А что я, по-твоему, должен сделать? Упасть замертво? Встать по стойке «смирно»? Пасть на

колени в священном трепете?

— Ну, не знаю… Мог бы, по крайней мере, выказать хоть какое-то уважение, — хмыкнул Экайер. — Это, знаешь ли, не шутки — удостоиться такой аудиенции.

— Прошу прощения. А я так сразу не догадался. А в чем дело?

— Точно не знаю. Но предполагаю, что это из-за случая с Мэри. Ну, из-за Рая. Феодосий и Робертс пойдут с нами.

— Это кардиналы, что ли?

— Да, кардиналы.

— Страшно, — пожал плечами Теннисон. — Ну, почему Папа желает видеть тебя — это мне, скажем, более или менее понятно. Если речь действительно пойдёт о Рае, то ты в этом, как говорится, по уши. А я-то тут при чем?

— Мэри — твоя пациентка. Может быть, он хочет узнать какие-то медицинские подробности. А может, дело вовсе и не в Рае. Может, ему просто хочется с тобой познакомиться. Человек ты новый, а обычно новый член Ватикана всегда бывает представлен Папе. Вполне естественно, что он желает взглянуть на нового ватиканского врача. Наверняка это давно планировалось, просто время сейчас такое, напряжённое.

— Подозреваю, что тут всегда время напряжённое.

— В общем, да. Но иногда бывает напряжённее обычного.

Пол и Джейсон пили кофе. Губерт продолжал греметь посудой изо всех сил. Наконец Экайер не выдержал и крикнул:

— Губерт!

— Да, сэр? — отозвался робот.

— Прекрати там греметь. Имеем мы право спокойно посидеть, кофе попить? Ты что, в самом деле?

— Ну, конечно, сэр, — сказал Губерт. Шум затих.

— Совсем разболтался, — пробурчал Экайер. — И ведь я сам его избаловал на свою голову. Просто не знаю, что делать.

— Пол, я хотел спросить тебя кое о чем.

— Спрашивай, только быстро.

— Видел я кристалл один — такой… математический — уравнения там, графики… Я вроде бы тебе говорил. Ты сам-то его смотрел?

— Ну… да, как будто смотрел. Только давно. Он ведь был записан несколько лет назад.

— Ты говорил, что этот Слушатель возвращался туда несколько раз, но так ничего особенного

не узнал.

— Да, к сожалению, — подтвердил Экайер. — А что, ты этим увлёкся?

Теннисон кивнул и поставил на столик пустую чашку.

— Что-то в этом есть. А ухватить никак не удаётся. Только подумаешь вот вроде бы начал что-то понимать — ан нет, все пропадает. Может быть, если бы я умел лучше манипулировать своим сознанием, — а так… просто полным идиотом себя чувствую.

— Что — так-таки ни малейшей идеи, что бы это могло быть такое?

— Никакой. Чертовщина просто. Нет, это не бессмыслица, говорю же, что-то есть, — но что? Я пытался себе представить, что только мог, но это ни с чем не ассоциируется, ничего не напоминает.

— Ты только не волнуйся, — посоветовал Экайер. — Я тебе мог бы кое-что и позанятней показать. Что ты, ей-богу, зациклился на этом кристалле? Все хранилище к твоим услугам, в любое время, когда пожелаешь.

— У меня, честно говоря, других дел хватало. Но вообще, положа руку на сердце, я стал побаиваться собственных впечатлений. И так — видишь,

математический мир мне уже сниться начал. А осеннюю страну я просто забыть не могу. Тоскую по ней, тянет ещё раз посмотреть. Но что-то меня удерживает — сам не знаю почему…

Экайер решительно допил кофе.

— Пора, — сказал он. — Пошли, навестим Папу.

Глава 21

Папа оказался всего-навсего грубо выполненным портретом — человеческим лицом, нарисованным на металлической пластине, укреплённой на голой каменной стене. Теннисону это лицо показалось похожим на фотографию человека из девятнадцатого столетия — давным-давно он видел её в книге, найденной в библиотеке. А ещё, как ни странно, резкие, угловатые линии, которыми был выполнен набросок, наводили на мысль о головоломке, которую складывают из отдельных кусочков. Лицо не производило впечатления живости, цельности, все время приходилось ловить себя на том, что рассматриваешь отдельные части, а лица целиком не видишь. Да, это был небрежный набросок, самый примитивный рисунок; символичность, приблизительность его ничем не была прикрыта — видимо, ему и не пытались придать никакого величия, могущественности. А может быть, наоборот — за счёт внешней простоты пытались сообщить лицу большую выразительность?

Маленькая приёмная, в которой они сидели, то-

же была весьма скромной это была всего-навсего ниша, вытесанная в скальной породе, из которой сложен горный кряж — основание Ватикана. Четыре голые каменные стены, а посередине одной из них — металлическая пластина, знак Папы. Чтобы попасть сюда, Теннисон и его спутники спустились по множеству лестниц и галерей, выбитых в твёрдом граните. Не было никаких сомнений — Папа-компьютер упрятан в самом сердце горы.

«Не исключено, — подумал Теннисон, — что существуют и другие приёмные и там тоже выставлены такие лики Папы, а может быть, есть помещения и побольше и лики побольше, — ведь наверняка бывают случаи, когда вся ватиканская община должна собираться вместе и представать перед Его Святейшеством. Мульти-Папа, — думал Теннисон, — многоликий и вездесущий».

Папа заговорил. Голос у него был негромкий, одновременно мягкий и холодный. Абсолютно непохожий на голос человека, но и на голос робота тоже. Роботы никогда не разговаривали с человеческими интонациями, но порой в их речи проскальзывали слова, которые они произносили, вкладывая в них что-то смутно напоминающее человеческую теплоту. Этот

же голос был начисто лишён каких бы то ни было эмоций, никакого тепла в нем не было и в помине. Ни человек, ни робот… но все-таки не такой механический голос, которого можно было ожидать от машины. Он произносил слова с поразительной чёткостью, и мысль, стоявшая за словами, была такая же чёткая и безупречная — машинная, компьютерная, электронная мысль.

— Доктор Теннисон, — сказал Папа. — Расскажите мне о Слушательнице Мэри. Каково, по вашему мнению, её психическое состояние?

— Я тут мало чем могу быть полезен, Ваше Святейшество, — ответил Теннисон. — О её физическом состоянии — пожалуйста, могу рассказать. Я не психиатр.

— Тогда какой от вас толк? — сказал Папа. — Был бы у нас врач-робот, о чем мы неоднократно говорили, он бы разобрался в состоянии её психики.

— Тогда, — сказал Теннисон, — создайте такого врача.

— Вам известно, Ваше Святейшество, — вступил в беседу кардинал Феодосий, — что люди в Ватикане не стали бы доверять врачу-роботу. Как вы справедливо отметили, мы уже не раз обсуждали этот вопрос…

— Это не имеет отношения к делу, — возразил Папа. — Вы придираетесь к моему замечанию, чтобы уйти от поставленного вопроса. Вы что скажете, Экайер? Вы как-то исследовали её психику?

— Нет, Ваше Святейшество, — ответил Экайер. — Её психику мы не исследовали. Я, Ваше Святейшество, тем более не имею опыта в исследовании человеческой психики. Все, что я могу, — это описать поведение Слушательницы Мэри. До сих пор все то время, что она у нас работала, она отличалась мягким, добрым характером, была предана работе. Но с тех пор как она нашла Рай или думает, что нашла его, она сильно переменилась. Она страшно заважничала, возгордилась, и с ней стало трудно общаться.

— И вас это нисколько не удивляет? Поразительно. Мне это представляется совершенно немыслимым, абсолютно нелогичным. Если она действительно нашла Рай, как утверждает, то было бы гораздо логичнее, если бы после такого события в её жизни она стала ещё более преданной и смиренной. Гордыня, о которой вы тут рассказываете, не к лицу истинной христианке. Надеюсь, вам это известно.

— Ваше Святейшество, что касается меня, — от-

ветил Экайер, — то я сам не вправе называть себя истинным христианином. Вы мне льстите.

— А Слушательница Мэри? Она христианка?

— Ваше Святейшество, я в этом не уверен. Как бы то ни было, вы должны понимать, что Поисковая Программа не имеет ничего общего с вопросами богословия.

— Странно. А зря. Стоило бы вам уделять этому побольше внимания.

— Ваше Святейшество, — вмешался кардинал Феодосий. — Вы сегодня настроены предвзято. Позволю себе заметить, что такое отношение не делает вам чести. Вы недооцениваете деятельность руководителя Поисковой Программы, нашего друга и соратника. Многие годы он оказывал нам неоценимую помощь.

— Преосвященный, — забеспокоился кардинал Робертс. — Не кажется ли вам, что вы много себе позволяете?

— Нет, не кажется, — упрямо проговорит Феодосий. — Совещание у нас неофициальное, и нужно с уважением выслушивать мнение каждого. Все вопросы следует обсуждать откровенно и спокойно.

— До сих пор никто из присутствующих, — сказал Папа, — и не пытался обсудить никаких

вопросов. Обнаружение Рая или предполагаемое его обнаружение создало ситуацию, которая выходит из-под контроля. Известно ли кому-нибудь из присутствующих, что в общине все сильнее распространяется стремление канонизировать Слушательницу Мэри, провозгласить её святой? До сих пор мы ещё никого не канонизировали, а если бы и собирались это сделать, должны были бы дождаться, пока кандидат на канонизацию спокойно отойдёт в мир иной.

— Ваше Святейшество, — вмешался кардинал Робертс. — Мы все прекрасно знаем то, о чем вы говорите. Все мы осознаем всю серьёзность создавшейся ситуации, всю таящуюся в ней опасность. Идея канонизации, на первый взгляд, представляется совершенно невозможной, но на данном этапе было бы неразумным открыто вмешаться и выступить против настроения масс. Мы не можем обойти стороной тот факт, что многие, пожалуй, — большинство молодёжи, младшей братии Ватикана, несмотря на то что минуло столько лет, все ещё увлечены той простотой, той великой надеждой, которую обещает христианская вера.

— О чем вы, кардинал? О каком обещании, о какой надежде? — вопросил Папа. — Это полная

бессмыслица. Ни один робот, каким бы верующим ни был, безусловно, не может питать никаких надежд на загробную жизнь. Зачем ему такие надежды? У него не может возникнуть такой потребности, если только он будет как следует о себе заботиться и содержать себя в исправности.

— Пожалуй, это наша вина, — вмешался Феодосий. — Многие из наших послушников — фермеры, садовники, лесозаготовители, рабочие, даже многие из монахов — исключительно простодушны. Для них главная идея христианства, пусть даже в несколько извращённом виде, являет собой могущественный стимул. Они многого в христианстве не понимают, это правда, но на Земле, много веков назад, массы людей, утверждавших, что они — христиане, понимали ещё меньше. Наши люди и роботы не знают того, что знаем мы, более посвящённые, но мы никогда и никому не пытались ничего объяснить. Нам известно, что жизнь и разум могут существовать в самых разнообразных формах, — как в биологических, так и в небиологических; самые непостижимые виды разума обнаруживаем мы за пределами пространства и времени. Мы знаем, что существует другая вселенная, а

может быть, и третья, и четвёртая, хотя пока не можем утверждать этого. Мы только догадываемся о том, что существует некий универсальный Принцип, гораздо более сложный, чем тот, что правит в пространственно-временной Вселенной. Следовательно, мы вправе предположить, что, если Рай и существует, это ни в коем случае не символический христианский Рай, не «Земля избранных», не «Остров счастливой охоты» — как бы это ни называлось в других вероисповеданиях. Не может это быть настолько упрощённо и материально, как широкая золотая лестница и гордо парящие ангелы…

— Все это верно, — сказал Робертс, — но проблему посвящения в эти знания нашей братии мы не раз обсуждали и всякий раз сходились на том, что всего целиком сообщать им не стоит. Просто страшно себе представить, какие кривотолки, какие безумные интерпретации повлекло бы за собой раскрытие им даже отдельных фрагментов того, что нам известно! Да, мы создали элиту внутри Ватикана, узкий круг посвящённых. И только эта элита имеет доступ к знанию во всей его полноте. Может быть, это и ошибка, заблуждение, но я думаю, что такая тактика оправдана опасностью раскрытия всех фактов. Раскрой

мы карты полностью — и мы неизбежно столкнёмся с уймой ересей. Просто невозможно будет продолжать работу, если каждый робот будет убеждён, что именно он и никто другой все уяснил правильно, и будет считать своей священной обязанностью убедить в этой правоте заблудших собратьев. Начнутся распри, раскол, которые окончательно разъединят нашу братию. Было бы разумнее — к этому выводу мы приходили всякий раз — оставить все как есть. Пусть остальные пребывают в относительном неведении, исповедуют приблизительное христианство.

— Болтовня! — резюмировал Папа ледяным, холодящим душу голосом. — Что это, как не досужая болтовня? И самое отвратительное, что вы развязали языки в присутствии двоих людей, которым совершенно необязательно слушать все это.

— Что касается меня, Ваше Святейшество, — возразил Экайер, — то многое из сказанного мне давно знакомо. И у меня на этот счёт были и есть собственные сомнения и предположения. Что же до моего друга, доктора Теннисона…

Да, — прервал его Папа, не дав закончить фразу, — вы что скажете, доктор Теннисон?

— За меня можете не беспокоиться, Ваше Святейшество, — ответил Теннисон. — Если вас

волнует, не брошусь ли я сломя голову в единоличный крестовый поход, чтобы донести правду до остальных членов Ватикана, то могу вас заверить, что не испытываю ни малейшего желания. Я намерен остаться в стороне и не без интереса наблюдать за всем происходящим, не вмешиваясь.

— Насчёт другой вселенной, — проговорил Робертс, обращаясь к Папе, нет нужды опасаться, что слух об этом смогут распространить двое людей, которые недавно присоединились к нам. Они не улетят отсюда.

— Не знаю, не знаю, — хмыкнул Папа. — Есть ещё человек Декер. Вообще неизвестно, откуда он взялся. Выяснил кто-нибудь из вас, наконец, как он появился здесь?

— Нет, Ваше Святейшество, к сожалению, мы ничего пока об этом не знаем, — ответил кардинал Феодосий.

— Вот видите! Если один из людей сумел пробраться сюда так, что мы об этом не узнали, где гарантия, что он или кто-то другой не сумеет с таким же успехом ускользнуть? Люди — хитрый, изворотливый народец. Следует получше следить за ними.

— Они — наши собратья, Ваше Святейшество, —

возразил Феодосий. — Они всегда были и навсегда останутся нашими собратьями. Существует нечто вроде негласного договора между роботами и людьми. Долгие годы мы шли с людьми плечом к плечу.

— Они эксплуатировали нас, — уточнил Папа.

— Они дали нам все, что у нас есть, — не согласился Феодосий. — Не будь людей, и роботов бы не было. Они создали нас по своему образу и подобию — больше никто во Вселенной, ни одна цивилизация не сделала ничего такого. Другие цивилизации создавали машины, но не роботов.

— И тем не менее, — вмешался Теннисон, — только что было сказано, что мы не можем улететь отсюда — ни я, ни женщина, моя спутница. Это что, и есть проявление братства, о котором вы так замечательно разглагольствуете? Хотя… я чего-то в этом роде и ожидал.

— Вы спасались бегством, — возразил Феодосий. — А мы предоставили вам убежище. Вправе ли вы требовать большего?

— Ну а Джилл?

— Джилл, — ответил Феодосий, — другое дело. Убеждён, она сама не хочет покидать нас.

— Ну, если на то пошло, и у меня нет особого желания улетать отсюда. Но мне хотелось бы

верить, что я буду иметь такую возможность, если желание возникнет.

— Доктор Теннисон, — жёстко сказал Папа. — Мы не для того собрались, чтобы обсуждать, можно вам улететь или нельзя. Оставим это до другого раза.

— Договорились. Будьте уверены, я не премину к этому вернуться.

— Да-да, конечно, — сказал Экайер. — Надо будет обязательно ещё поговорить об этом.

— А теперь, — предложил Папа, — давайте все-таки вернёмся к тому, с чего начали, то есть к вопросу о Рае.

— У меня такое впечатление, — сказал Экайер, — что проблема не так уж сложна. Вопрос можно поставить так: существует Рай или не существует? Если не существует, то и разговаривать не о чем. Почему бы не отправить туда экспедицию и не убедиться? У Ватикана, насколько мне известно, есть возможность перемещаться куда угодно…

— Но координат ведь нет, — сказал Робертс. — Кристалл с записью наблюдения Слушательницы Мэри не содержит координат. Прежде чем отправиться в путь, нужно знать координаты.

— Мэри может сделать ещё одно наблюде-

ние, — предложил Теннисон. — И, может быть, во время следующего наблюдения она сможет определить координаты.

Экайер покачал головой.

— Сомневаюсь, что она захочет проделать это ещё раз. Мне кажется, она побаивается.

Глава 22

День был туманный. Полоса низких туч перерезала горы пополам. Земля, казалось, покрылась клочьями серой шерсти. Тропинка, по которой шагал Теннисон, пошла на подъем, и, когда он взобрался повыше, туман немного рассеялся, и он разглядел хижину на вершине холма. Наверняка это и было жилище Декера. Джейсон не был уверен, что застанет хозяина дома, — было вполне вероятно, что тот отправился на многодневную охоту. Теннисон на всякий случай решил, если Декера дома не будет, вернуться обратно в Ватикан. Настроение у него было самое что ни на есть прогулочное — так или иначе он собирался бродить до вечера.

Когда Теннисон почти поравнялся с домом, из-за угла показался Декер. Он тащил под мышкой охапку хвороста, но ухитрился помахать свободной рукой и прокричать приветствие, которое несколько приглушил сырой, плотный воздух.

Дверь была открыта. Теннисон переступил порог. Декер пошёл ему навстречу. Подойдя, крепко пожал протянутую руку.

— Извини, что не встретил тебя, — улыбнулся он. — Хотелось побыстрее от дров отделаться. Тяжеловато, сам понимаешь. Ну, присаживайся к огню, грейся, а то прохладно сегодня.

Теннисон стянул с плеча рюкзак, сунул туда руку и вытащил бутылку.

— Вот, держи, — сказал он, подавая бутылку хозяину. — Думаю, не помешает?

— Помешает? Шутник! — обрадовано проговорил Декер, поднося бутылку поближе к свету. — Да ты просто спаситель! Я последнюю прикончил на той неделе. Чарли время от времени привозит мне парочку, да не с каждым рейсом. Я не в обиде — ему и самому, наверное, не хватает. Он ведь бутылочки-то, мягко говоря, прикарманивает, знаешь?

— Угу. Если Чарли — это капитан «Странника». Я не знаю его имени.

— Он самый, — подтвердил Декер. — А ты с ним хорошо познакомился?

— Можно сказать, вообще не познакомился. Так — болтали о том о сём. Он мне рассказывал про Померанец.

— А… это планета его мечты. Дело понятное. У каждого есть любимая планета. А у тебя, Джейсон?

Теннисон пожал плечами.

— Я об этом как-то не задумывался.

— Ну, ладно, что это мы стоим? Ты давай проходи к огню, присаживайся. Хочешь — положи ноги на камень. Не бойся, ничего не сломаешь. Я сейчас к тебе присоединюсь, вот только стаканчики чистые найду. А вот льда нету, так что не обессудь.

— Да брось ты, какой лёд в такую погоду?

Как ни странно, внутри хижина была просторнее, чем казалось снаружи. В одном из углов единственной комнаты была устроена кухня. Там стояла небольшая, сложенная из камня плита, над ней на стене были прибиты полки, уставленные нехитрой утварью. На плите пыхтел котелок с каким-то варевом. Около другой стены стояла деревянная кровать, над ней — полка с книгами. В углу, рядом с очагом, стоял стол, на нем лежало несколько обработанных и не до конца обработанных камней. Теннисон вспомнил, что капитан «Странника» что-то говорил насчёт ювелирных занятий Декера.

Декер вернулся со стаканами. Вручив один из них Теннисону, он откупорил бутылку и налил виски гостю и себе. Откинувшись на спинку стула, сделал большой глоток.

— Господи, красота какая, — с наслаждением проговорил он немного погодя. — Успеваешь забыть, как это прекрасно. Всякий раз забываю.

Довольно долго они сидели молча, потягивали виски, глядели на огонь. Наконец Декер нарушил молчание и поинтересовался:

— Ну как делишки в Ватикане? Хоть на отшибе живу, но и до меня кое-какие слухи доходят. Но, похоже, вся округа прямо-таки кишит слухами. Просто не знаешь, чему верить. Я, на всякий случай, не верю ничему.

— Правильно делаешь. Может быть, в этом и есть высшая мудрость. Я-то живу в Ватикане — и то в половину всего, что слышу, верю с трудом. Надеюсь, когда обживусь, смогу лучше разбираться, чему верить, а чему нет. Кстати, вчера я имел счастье беседовать с Его Святейшеством.

— Да ну?

— Что ты этим хочешь сказать?

— Да так, просто вырвалось. Ну, и какое у тебя впечатление?

— Честно говоря, я разочарован, — ответил Теннисон. — Я ожидал большего. Нет, конечно, когда он отвечает на важные, глобальные вопросы, он — сама мудрость. А вот что касается повседневных мелочей, то тут он такой же про-

фан, как все мы. Может, даже и побольше нас. Я был уверен, что мелочи, суета всякая, его совсем не занимают.

— Ты не насчёт ли Рая?

— Прости, Том, а ты откуда про это знаешь?

— Слухи. Я же говорю тебе: тут слух на слухе сидит и слухом погоняет.

«Рай, Рай», — только об этом в посёлке и говорят.

— В Ватикане то же самое. Мне кажется, что тут дело проще простого: либо Мэри нашла Рай, либо нашла место, которое приняла за Рай. Думаю, у Ватикана есть возможность слетать да поглядеть. Но они машут руками и твердят: «Нет координат!» Наверное, Мэри могла бы ещё разок вернуться туда и попробовать узнать координаты. Но Экайер сомневается, что она на это согласится. Ему кажется, что она боится.

— А ты что думаешь?

Теннисон пожал плечами.

— Кому интересно моё мнение?

— И все-таки?

— Ну… я думаю, что Ватикан — официальный Ватикан — хочет умыть руки. Это не Мэри боится, а они. Нет, может быть, Мэри тоже боится, но Ватикан боится вместе с ней. Никто из главных не

желает знать, что это такое и с чем его едят. И мне кажется, что больше всего они боятся самого Рая.

— Ты совершенно прав, — кивнул Декер. — Кардиналы и прочие тузы богословия уже целую тысячу лет бьются над массой проблем. Надо отдать им должное — они далеко не тупицы. Они натащили тонны информации со всей Вселенной — что бы мы ни считали Вселенной. Очень может быть, что это вовсе не то или не совсем то, о чем мы с тобой думаем. Все эти данные введены в Папу, а Его Святейшество, как всякий точный компьютер, занимался их корреляцией, сопоставлением и, не исключено, на сегодняшний день сопоставил до такой степени, что им уже кажется, что в общих чертах они уже ухватили нечто главное, глобальное. У них уже начала вырисовываться пускай несколько уязвимая, но довольно красивая картина. Самые разнообразные её фрагменты большей частью неплохо стыкуются, но все равно в ней наверняка есть белые пятна и даже кое-какие противоречия. Но если сделать некоторые допуски в базовой теории, то противоречиями вполне можно пренебречь. Ватикан, скорее всего, питает надежды, что за следующую тысячу лет они сумеют все утрясти и привести в полное соответствие. И вдруг какая-то простая

смертная отправляется в Рай, и этот Рай — догматический, христианский Рай — рушит на корню их замечательную, наполовину выстроенную теорию. Есть от чего руками замахать и напугаться, — ведь это одно-единственное свидетельство запросто разрушит все то, чем они столько лет так упорно занимались!

— Я не уверен, что все так просто, как ты сказал, — возразил Теннисон. — То есть это правильно, но, похоже, не все. Может быть, что, помимо всего прочего, Ватикан боится повального, чистосердечного обращения низов к христианской вере. Обычные, рядовые роботы до сих пор испытывают к ней сильное влечение. Не следует забывать, что многие роботы здесь из первого поколения, — они сделаны на Земле и, следовательно, сильнее связаны с людьми, чем те, более современные, что появились на свет уже здесь после исхода с Земли. Христианство даже сейчас, через пять тысячелетий после Рождества Христова — вера, исповедуемая огромным количеством людей. Ватикан отнюдь не против того, чтобы большинство роботов продолжали, так сказать, поверхностно воспринимать христианскую веру, но, если они в ней укрепятся, если воцарится фанатизм, это вызовет жуткое замешательство,

беспорядки и нанесёт ощутимый вред той работе, которую ведёт Ватикан. Думаю, разговоры о Рае в этом плане — вполне веская причина для беспокойства.

— Несомненно, это так, — согласился Декер. — Но все-таки я просто уверен, что больше всего Ватикан страшится любого фактора, способного разрушить созданную им картину мира.

— А тебе не кажется, — спросил Теннисон, — что логичнее было бы проявить нормальное любопытство? Что толку зарывать головы в песок и надеяться, что, если они ничего не будут делать, Рай возьмёт да испарится?

— Кто знает… Может быть, со временем они и предпримут что-нибудь практическое. Повторяю: они очень и очень неглупы. Сейчас они просто-напросто приходят в себя после шока. Дай время — и они снова обретут почву под ногами.

Он потянулся за бутылкой и приветственно поднял её. Теннисон протянул свой пустой стакан. Налив виски, Декер подлил и себе и опустил бутылку на пол.

— Вообще, если задуматься, дело нешуточное, — проговорил Декер, отхлебнув виски. — Понятие, пронесённое через века, в муках, самой обычной формой жизни на заурядной планете

под скромным солнцем, ставшее закономерным продолжением веры, её кульминацией, только ею поддерживаемое и питаемое, — и вот теперь оно угрожает тысячелетним стараниям группы исключительно умных роботов! Нет, я не хочу сказать, что человек — самое глупое существо в Галактике, но все-таки и не самое умное. Разве возможно, Джейсон, чтобы человек только за счёт горячего желания и искренней надежды отыскал бы истину, которая…

— Я не знаю, — признался Джейсон. — Думаю, никто не знает.

— А ведь мысль интригующая, согласись?

— Мысль пугающая, — уточнил Теннисон.

— Эх, жаль, что в Ватикане смотрят на вещи так однобоко, что они так беззаветно преданы своим попыткам отыскать истину в последней инстанции, универсальную веру для всей Вселенной… А ты хоть что-нибудь знаешь, до чего они уже докопались?

— Понятия не имею, — ответил Теннисон.

— А я почти уверен, что уже сейчас они знают ответы на массу вопросов, которые другим и в голову не приходили. Они наверняка уже очень глубоко забрались под кору вселенского Знания. Реши они уже сейчас воспользоваться тем, чем

владеют, — и они просто положат на лопатки всю Галактику! Слава богу, они об этом и не помышляют. Они настолько заняты своими делами, что даже не задумываются о таких понятиях, как «слава» или «могущество».

Декер поставил стакан на каминный камень, встал и отправился в тот угол, где была кухня, приподнял крышку котелка и помешал варево.

В это мгновение в нескольких дюймах от крышки стола, на котором лежали камни, возникло маленькое облачко искристой пыли. Пылинки поблёскивали в отсветах пламени очага. Теннисон резко выпрямился, рука, державшая стакан, дрогнула, и немного виски выплеснулось ему на колени. Он вспомнил, что в тот день, когда он познакомился с Декером, он видел точно такое же облачко пыли над правым плечом Декора. Тогда он отвернулся, а когда снова посмотрел, облачко уже исчезло. Теперь, как он ни жмурился и ни таращил глаза, облачко оставалось и никуда не исчезало. Висело над столом — черт знает что такое!

Декер вернулся к огню, взял стакан и уселся на стул.

— Как насчёт того, чтобы поужинать со мной? — спросил он. — У меня нынче жаркое. Хватит на

двоих, даже останется. Сейчас замешу тесто, испеку хлеб. Горячий, пальчики оближешь! Кофе, увы, кончился, а чай есть.

— Чай — это просто отлично!

— А потом заведу «старушку Бетой» и отвезу тебя домой. А то темно уже будет, неровен час — заблудишься. А хочешь — оставайся ночевать. Кровать я тебе уступлю, и лишнее одеяло найдётся. А сам на полу устроюсь.

— Я бы с радостью, но мне обязательно нужно вернуться сегодня.

— Ну, нет так нет. Только скажи когда.

— Том, — осторожно проговорил Теннисон. — Знаешь, у меня поначалу было такое впечатление, что ты человек крайне необщительный. Мне говорили, будто ты вообще отшельник.

— Чарли небось?

— Да, наверное. Я больше ни с кем про тебя не говорил. И никого не спрашивал.

— А и спросил бы, тебе любой то же самое сказал бы.

— Мне и в голову не приходило кого-то спрашивать.

— Даже меня не спрашиваешь. Когда я сюда попал, как я здесь очутился? И почему?

— Ну, если на то пошло, ведь и я тебе о себе ни

слова не сказал, — пожал плечами Теннисон. — Хотя мог бы. Правда, в моей истории ничего такого интересного нет.

— Поговаривают, — сказал Декер, — будто бы ты спасался бегством. По крайней мере, так болтают в деревне.

— Все точно, — подтвердил Теннисон. — Желаешь узнать подробности?

— Не имею ни малейшего желания. Давай-ка лучше я тебе подолью.

Оба умолкли и сидели, потягивая виски и глядя на огонь.

Декер поёрзал на стуле.

— Если не возражаешь, я бы хотел ещё немного о роботах поговорить. Понимаешь, чтобы правильнее понять точку зрения Ватикана, нужно, по-моему, задать себе вопрос: «Что такое робот?» Слишком часто мы все упрощаем и считаем робота механическим человеком, а ведь это далеко не так. И больше и меньше одновременно. Подозреваю, что роботы частенько считают себя чем-то вроде «немножко других людей», и тут они точно так же ошибаются, как мы. Странно, правда, что люди и роботы ошибаются одинаково?

Самый первый вопрос, который следовало бы себе задать: способен ли робот любить? Друже-

любие — да, чувство долга — да, логика — да. Но как быть с любовью? Способен ли робот питать искреннюю привязанность к кому-то или чему-то? У роботов нет семей, детей, никаких родственников по крови. Любовь — эмоция биологического порядка. Нам не следует ждать такой эмоции от робота, так же как роботу не стоит надеяться, что он может её испытать. Ему некого любить, не о ком заботиться, некого защищать ему даже о самом себе особо заботиться не надо. При минимальном ремонте он может существовать практически вечно. Для него не существует понятия старости, которой мы все так боимся. Ему не надо копить гроши на чёрный день, на похороны. Что же до личной жизни, каких-то близких отношениях друг с другом, то об этом и говорить не приходится. И из-за всего этого в жизни робота возникает зияющая, ничем не заполненная дыра.

— Но, прости, — возразил Теннисон, — может быть, он сам вовсе и не помышляет, что с ним что-то не так. Ему-то откуда знать, что у него чего-то не хватает?

— Согласен, это было бы так, если бы роботы жили сами по себе, отдельно от биологических форм жизни. Но они так не живут и, подозреваю,

не могут жить. Они привязаны к людям, их к людям тянет. И, наблюдая за людьми столько лет, они должны были хотя бы подсознательно почувствовать, чего они лишены.

— Вероятно, ты клонишь к тому, что, будучи лишёнными возможности любить и ощутив ту самую пустоту, о которой ты сказал, они обратились к религии, надеясь верой заполнить эту пустоту. Но, прости меня, смысла в этом маловато. Ведь религия немыслима без любви.

— Ты забываешь, — сказал Декер, — что любовь — не единственное, на чем основана религия. Есть ещё вера. Причём, порой — вера прямо-таки слепая. А робот сконструирован так, что очень долгое время может существовать за счёт именно слепой веры. У меня сильное подозрение, что, если бы робот стал религиозным фанатиком, он посрамил бы многих людей.

— Но тогда другой вопрос, — проговорил Теннисон. — То, чем владеет Ватикан, то, к чему он стремится — религия или нет? Почему-то мне часто кажется, что это не так.

— Может быть, поначалу это была религия, — предположил Декер. — И по сей день многие простые ватиканцы искренне верят, что главная их цель, которой они посвятили жизнь, — рели-

гия. Но направленность деятельности Ватикана с годами сильно изменилась. В этом я просто уверен. Сейчас они ведут поиски на уровне типов вселенных. Кардиналы, наверное, скажут, что они ищут вселенскую, универсальную истину. Что, если задуматься хорошенько, больше соответствует типу ментальности роботов, чем какая бы то ни было вера. Но если они достигнут чего-то в конце пути, по которому пошли, и это что-то, к их некоторому удивлению, окажется-таки истинным, универсальным, вселенским богословием, они и этому будут рады.

— Ну, а если это окажется чем-то другим, — закончил его мысль Теннисон, — они тоже возражать не станут?

— Точно, — кивнул Декер.

А маленькое облачко алмазной пыли все ещё висело над столом. Казалось, оно, как птица, пытается защитить, спасти камни, укрыть их крылом. Иногда облачко как будто поворачивалось, и пылинки поблёскивали всеми цветами радуги в отблесках пламени, но большую часть времени оно неподвижно висело на одном и том же месте над столом.

На языке Теннисона вертелся вопрос, но он сдержался и промолчал. Декер наверняка сам

прекрасно видел загадочное облачко и, судя по всему, понимал, что гость его тоже видит. Если и говорить об этом, то начать должен Декер. Декер молчал, значит, так тому и быть.

Декер заговорил, но совсем о другом:

— Прошу прощения, я опять про это. Про Рай. Ты видел запись?

— Это не совсем запись. Это такой кристалл. Кубик. Нет, не видел. Другие видел, а этот, где Рай, не видел. Знаешь, у меня даже как-то язык не повернулся попросить, чтобы мне его показали. Мне кажется, это что-то такое… очень личное, что ли.

— Слушай, ты же говорил, что Ватикан мог бы слетать и посмотреть.

— Ну да, — кивнул Теннисон. — Но координат нет.

— А я догадываюсь, где это может быть, — сказал Декер неожиданно и замолчал.

Теннисон весь напрягся. Декер молчал.

Наконец Теннисон не выдержал.

— Догадываешься? — спросил он шёпотом.

— Да. Я знаю, где Рай.

Глава 23

— Просто голова кругом идёт, — признался Экайер. — Ничего не понимаю. Теперь Мэри заявила, что хочет совершить ещё одно путешествие в Рай.

— Если получится, — уточнил Теннисон.

— У неё? Получится, — убеждённо кивнул головой Экайер. — Должно получиться. Она — самая лучшая из наших Слушателей. Во всяком случае способна совершить повторное путешествие. Понятия не имею, какими именно качествами обладают Слушатели, чтобы безошибочно возвращаться в одно и то же место. Но за годы многие Слушатели доказали, что такие способности у них есть. Если бы мы могли понять, что это за качества, то попробовали бы обучить этому искусству остальных. Но хватит об этом. Меня волнует другое: почему Мэри вздумалось проделать это сейчас? Ведь несколько дней назад она и слышать об этом не желала!

— Ну, может быть, ей хочется сделать что-нибудь такое, чтобы снова привлечь внимание к своей особе, — предположила Джилл. — Ведь вы

оба старательно пытались ей внушить, что не такая уж она важная птица.

— А что ещё мы могли сделать? — развёл руками Экайер. — Я чувствовал, что это необходимо, и, похоже, Джейсон был солидарен со мной.

— Вот уж не знаю, правы вы были или нет, — хмыкнула Джилл, — но тактика ваша сработала на все сто. Ну а теперь, раз уж она собралась в путь, есть ли хоть какая-то возможность убедить её в необходимости добыть координаты?

— Поговорить можно, конечно, — неуверенно произнёс Экайер. — Весь вопрос в том, как она к этому отнесётся. Джилл, а может, ты с ней попробуешь побеседовать? Ну, как женщина с женщиной?

— Сомневаюсь, что у меня выйдет, — покачала головой Джилл. — Ведь мы с ней ни разу не виделись. Вряд ли она отнесётся ко мне с доверием. Может получиться наоборот: она решит, что все ополчились против неё.

— А Декер, — неожиданно вступил в разговор Теннисон, — похоже, знает, где Рай. Я вчера с ним разговаривал.

— Что за чушь? — воскликнул Экайер. — Откуда ему-то знать? И как он может знать?

— Он не сказал, а я не спрашивал. Он человек

не слишком разговорчивый. Сам скажет — и спасибо. А вопросы ему задавать бессмысленно. Может быть, он и ждал, что я спрошу, но я не решился. Сказал и сказал.

— А зря, — проговорила Джилл. — Надо было попробовать. Вдруг он хотел, чтобы ты спросил?

— Нет, — покачал головой Теннисон. — Нет, не стоило спрашивать. Я, конечно, могу ошибаться, но у меня такое чувство, что это была какая-то проверка. Он мне как бы давал некоторую свободу, возможность спросить о других вещах, но я ни о чем не спрашивал. И, похоже, это ему по душе. Клянусь, у меня не раз прямо-таки язык чесался — взять и спросить, но я сдерживался. Человек он непростой, странный. Но нам было так хорошо вдвоём, что не хотелось все испортить.

— Пожалуй, — задумчиво проговорил Экайер, — мы слишком долго списывали Декера со счётов, полагая что он — всего-навсего чудак. Псих-одиночка, так сказать. Джейсон, ты первый, с кем он более или менее близко сошёлся. Это очень хорошо, и тебе не следует от этого отказываться. У меня такое ощущение, что Декер не так прост, как кажется, что он гораздо более значителен, чем мы привыкли думать.

Губерт принёс полный кофейник свежесварен-

ного кофе, наполнил горячим напитком чашки и молча вернулся на кухню.

— Все ещё дуется на меня, — шёпотом сообщил Экайер. — Я ему вчера взбучку задал. — Повернувшись к Теннисону, он добавил, не повышая голоса: — Но порой это просто необходимо, чтобы он не слишком нос задирал.

— Надо отдать ему должное, — возразил Теннисон, — кофе он варит просто восхитительный.

— А я вот о чем хотела тебя спросить, Пол, — сказала Джилл, нахмурившись, — скажи-ка, Мэри — человек? Ещё человек? Все ли Слушатели — люди?

— Ну и вопрос, — изумился Экайер. — Конечно, Мэри человек.

— Понимаешь… Ведь у Слушателей было столько — даже не знаю как получше выразиться — запредельных, что ли — да, запредельных опытов, что они, так сказать, долгое время были существами из других миров, вот мне и стало интересно, сумели ли они при этом остаться людьми, и насколько?

— Да, понял, — кивнул Экайер. — Меня это тоже всегда интересовало. Но, видишь ли, я всегда сохранял свой интерес при себе. Не отваживался с кем-нибудь из них заговорить об этом. Общение

с экстрасенсами — дело тонкое, тут осторожность нужна. Все они — люди особого сорта, ярко выраженные личности. Может быть, в этом и состоит их иммунитет, если можно так выразиться. Не исключено, что выраженная личность — это и есть главная предпосылка для того, чтобы стать экстрасенсом. Однако и у них случаются срывы. Бывали в нашей практике случаи, когда Слушатели упорно отказывались ещё раз отправиться туда, где уже побывали. Куда-то ещё — ради бога, но обратно — ни за что на свете. Но наотрез отказаться работать — такого ещё не бывало ни разу. Тяжёлых поражений психики мы не наблюдали. — Экайер допил кофе и сказал: — Ну, пойду, пожалуй. Попробую потолковать с Мэри. Джейсон, составишь мне компанию?

— Боюсь, нет, — отказался Теннисон. — Сомневаюсь, что я — её любимый собеседник.

— Ох… сейчас и я — не самый любимый, — вздохнул Экайер. — Ну, ладно, я пошёл. Пожелайте мне удачи.

После того как Пол ушёл, Джилл и Джейсон какое-то время сидели молча. Молчание нарушила Джилл.

— У меня такое чувство, Джейсон, что мы на пороге какого-то открытия. Какого — не знаю, но

прямо-таки кожей чувствую.

Теннисон неуверенно кивнул.

— Да… Если Мэри вернётся в Рай и найдёт больше, чем в прошлый раз…

— Понимаешь, я страшно растеряна, — сказала Джилл. — Просто не понимаю, что происходит. Весь Ватикан как-то странно разделился. Но что за причина для разделения? Нет, я, конечно, кое-что понимаю, но далеко не все. Самое скверное — я никак не могу решить для себя, что же такое Ватикан: религиозный центр или научный? И что они стремятся обнаружить?

— Сомневаюсь, — покачал головой Теннисон, — что Ватикан хотя бы приблизительно представляет, что хочет обнаружить.

— И ещё… Я вот думала о кардинале — если не ошибаюсь, Робертс его зовут — ну, тот, который заявил, что нам не дадут улететь.

— Я не забыл. Сказал это, как само собой разумеющееся, будто приговор вынес. Но не знаю, насколько такое решение твёрдо и бесповоротно.

— Для меня лично, если честно, — сказала Джилл, — этот приговор носит чисто академический характер. Прямо сейчас я никуда не собираюсь улетать. Я только-только начала раз-

бираться в истории Ватикана. Вот когда я напишу книгу… Мою книгу…

— Твою? А я думал, что это будет ватиканская книга.

— Мою книгу, — упрямо повторила Джилл. — Мою. Она будет выпущена миллиардным тиражом. И я потону в деньгах. И мне больше никогда не придётся работать. Смогу себе позволить все, что ни пожелаю.

— Ага, — ухмыльнулся Теннисон. — Если сможешь удрать с Харизмы.

— Послушай, дружок: Джилл летит, куда хочет, и тогда, когда хочет. Ещё не было такого места, откуда она не смогла бы выбраться, ещё никто не завязал такого узла, чтобы она не смогла его распутать.

— Ну что же, желаю удачи, — улыбнулся Теннисон. — Только когда соберёшься сматывать удочки, меня-то захватишь с собой?

— Если захочешь, — сказала она, взглянув ему прямо в глаза.

Глава 24

Все было совсем как тогда — широкая, поющая дорога, сотканная из света и музыки, уходила вдаль и где-то там, далеко-далеко, как стрела, достигала цели — там, откуда лилось величественное сияние, заря славы и могущества. А она плыла, парила над дорогой в пространстве, излучавшем боль пустоты, щемящую сладкую боль. Она опускалась все ниже, все ближе к дороге, но не так быстро, как хотелось. Ей так хотелось побыстрее ступить на дорогу…

«На этот раз, — говорила она себе, — я буду умнее и все разгляжу получше. Постараюсь узнать какие-нибудь приметы и понять, где нахожусь, а потом смогу рассказать им всем, где была, и докажу, что это Рай. Тогда мне не поверили, а теперь должны поверить. Никаких сомнений у них не должно остаться, никаких колебаний. “Координаты”, — сказал Экайер, но что такое “координаты”? Какие я могу найти координаты, чтобы заставить их поверить? Никаких, кроме веры. Я такую веру должна донести до них, чтобы они не стали спорить и сомневаться, чтобы раз

и навсегда поняли, что я — та, что нашла для них Рай.

Знаю я, чего они хотят, — думала она. — Они хотят, чтобы я им карту принесла, чтобы они могли привести в Рай свои глупые машины. Вот тупицы! Они думают, что в Рай можно попасть физически, никак не могут понять, что для простых смертных Рай — как это сказал зануда доктор? — "состояние сознания". Что он понимает?

Он не прав, — думала Мэри. — У него такое профессиональное лицо врача, он так предан своей науке. Рай — это не состояние сознания, это состояние благодати. И только я, одна-единственная из всех, достигла этого состояния и могу отыскать Рай».

Мэри парила над дорогой и, пока её ноги не коснулись поверхности, продолжала говорить сама с собой. Она думала о том, какого труда стоило ей обретение благодати. Нет, труда в этом не было никакого — было только стремление, жажда всепоглощающего чувства чистоты, святости, смиренное посвящение всей себя священной воле, благой милости. Но как бы ни было велико стремление, раньше ей удавалось только слегка коснуться края покрова святыни, но никогда не приходилось ухватиться за него покрепче. Тогда,

в эти мгновения, она чувствовала себя униженной, поверженной, ей приходилось свыкаться с мыслью, что она должна вернуться в ту пустоту, на которую была обречена, и смириться со своим положением. Но ведь сейчас, именно сейчас она была так близка к цели — дорога славы простиралась перед ней!

Её ноги коснулись поверхности дороги — хотя это было совсем не похоже ни на одну из дорог, по которым она ходила раньше. Чувство невесомости не покинуло Мэри. Далёкий великолепный свет манил её, но она вдруг засомневалась, что сумеет дойти до него, — ведь это было так далеко, так недостижимо… А вдруг она упадёт без чувств в середине пути, так и не добравшись до великолепных, сверкающих белизной башен?

Но опасения были напрасны — идти оказалось изумительно легко и просто. Ей казалось, что она не делает ни шага, а её влечёт и влечёт вперёд по дороге. Чудная музыка окружала её, неслась отовсюду; на мгновение ей показалось, что сама музыка, которая наполняла все кругом, и несла её вперёд, к свету.

Вокруг неё клубился туман, она видела только дорогу и чудесный, манящий свет впереди, но неизвестность и невесомость были полны

великой, несказанной радости, и она неслась вперёд; казалось, ласковый, невидимый прибой увлекал её к далёкому, родному берегу. Музыка изменилась, стала более торжественной; Мэри показалось, что далёкое сияние стало ярче. Она невольно зажмурилась.

Внезапно музыка умолкла, и Мэри ощутила, что движение прекратилось, что больше ничто не несёт её вперёд и она твёрдо стоит на ногах. Изумлённая, она открыла глаза. Свет больше не слепил глаза. Сияние осталось, но стало более мягким, и она увидела перед собой стройные, величественные башни — белые на фоне ярко-голубого неба. Издалека, откуда-то из-за башен, доносился похожий на музыку шум падающей воды. Каждая капелька издавала свой чёткий звук, которые соединялись в великолепной, чарующей гармонии.

Она непроизвольно поискала глазами ангелов — но их не было.

«Может быть, — подумала она, — они летают так высоко, что глаза простого смертного не в силах разглядеть их?»

Неподалёку она увидела лестницу — широкую и крутую, со ступенями из чистого золота. Она вела к вершинам башен и уходила ввысь, превра-

щаясь в тонкий золотой шпиль.

«Ох, как высоко, — мысленно вздохнула Мэри. — Но я дойду, доберусь. До самого конца, ступень за ступенью. А там, на вершине, зазвучат трубы, и небожители торжественно встретят меня».

Только она занесла ногу над первой ступенью, как туман по обе стороны от лестницы начал рассеиваться и её взору предстало множество людей, столпившихся у подножия. Тут же стояли шатры и хижины, другие лёгкие постройки, и всюду, насколько хватало глаз — люди, люди. Столько народу она ни разу в жизни не видела. Почему-то, она не могла понять почему, она видела и шатры, и хижины, и людей нечётко, и ей казалось, что она слышит визг и крики, что на неё надвигается какая-то дикая, страшная волна ужаса, исходящего от этой огромной толпы.

В безмолвной панике Мэри бросилась бегом по лестнице. От страха и отчаяния она быстро выбилась из сил, стала задыхаться. Наконец, измученная до предела, она упала на ступени, цепляясь за гладкую поверхность в страхе, что сорвётся, упадёт и опять окажется в бездне ужаса.

Полежав немного, она почувствовала, что дышится легче. Тогда она осторожно поднялась на

ноги и посмотрела вниз. Клубы тумана вновь сомкнулись и скрыли от взора толпы людей у подножия лестницы.

Выпрямившись во весь рост, Мэри снова стала взбираться по лестнице. Далёкая музыка стала громче, но все равно звучала ещё очень, очень далеко, и Мэри показалось, что она совсем не приближается к башням. На самом верху лестницы она разглядела крошечную чёрную точку, колеблющуюся в лучах золотого света. Мэри остановилась, пытаясь разглядеть, что это такое. Поначалу она решила, что ей показалось. Но точка оставалась на месте, плясала в золотых лучах света, отражённого от поверхности ступеней.

«Кто-то вышел встретить меня, — решила Мэри. — Кто-то спускается по золотой лестнице, чтобы приветствовать меня, входящую в Рай».

Она заторопилась к тому, кто шёл ей навстречу. Точка постепенно вырастала и наконец приняла очертания человеческой фигуры. Идущий навстречу Мэри передвигался на двух ногах. Крыльев видно не было. Мэри пожалела, что у того, кто спускался к ней, нет крыльев, но постаралась успокоить себя.

«Не у всех же в Раю крылья», — думала она. И, подумав так, она поняла, что на самом деле

очень мало знает об обитателях Рая. В том Раю, который она себе представляла, жили ангелы, но человекоподобное существо, приближавшееся к ней, ангелом явно не было.

Но и человеком оно тоже не было! Чем ближе Мэри к нему подходила, тем яснее это становилось. Похож на человека, да, но не человек и совсем не божественное существо.

Во-первых, он был… чёрный!

Изумлённая, напуганная, Мэри остановилась и воззрилась на того, кто шёл навстречу. У существа были длинные, острые ушки, узкое, лисье личико. Тонкие сухие губы, широкий, растянутый рот. Жёлтые, как у кошки, прищуренные глаза. И весь он был чёрный, как начищенные ботинки.

Она была так зачарована, загипнотизирована его лицом, что смотрела на него не отрываясь и не замечала, какая у него фигура, какое тело. Кроме лица, она не видела ничего.

Он остановился на две ступени выше Мэри. Некоторое время он в упор разглядывал её. Потом он вытянул руку с указующим перстом — так указывают на провинившегося ребёнка строгий учитель или родители. Его голос прогремел, как раскат грома.

— Ничтожество! — крикнул он. — Ничтоже-

ство! Ничтожество!

Обезумев от ужаса, Мэри повернулась и бросилась вниз по лестнице. Единственное слово, сказанное странным существом, звучало у неё в ушах. На бегу она оступилась, подвернула ногу, упала и покатилась по ступеням. Она пыталась за что-нибудь уцепиться, но безуспешно. Катилась, падала, ударялась головой о ступени.

Наконец она остановилась и поняла, что лестница кончилась. Она сидела, несчастная, униженная, у подножия лестницы, на дороге. Туман исчез, и она снова увидела людей около лестницы, не осмелившихся ступить на неё, будто некая невидимая преграда не пускала их. Люди толпились по обе стороны от дороги, смеялись над ней, хохотали, тыкали в неё пальцами и гримасничали.

Мэри вскочила и обернулась к лестнице. Тот, кто вышел встретить её, стоял на нижней ступени. Он снова указал на неё пальцем и крикнул:

— Ничтожество! Ничтожество! Ничтожество!

Глава 25

Джилл ушла в библиотеку. Губерта не было уже около часа. Теннисон в одиночестве сидел перед камином и смотрел на огонь. У него оставалось совсем немного времени до начала приёма в клинике, но, судя по всему, вряд ли там была большая очередь. В Ватикане и на Харизме вообще люди болели на удивление редко. Кроме Мэри, ни одного тяжелобольного у Теннисона пока не было. Жалобы поступали самые обычные: зубная боль, простуда, боли в пояснице, расстройство желудка, растяжение лодыжки — вот, собственно, и все.

А Мэри опять отправилась в Рай. Теннисон, борясь с утренней дремотой, лениво размышлял о том, что её заставило принять такое решение, ведь до последнего момента она упорно отказывалась. Почему она решилась? Может быть, думала, что на этот раз обнаружит какие-то доказательства, способные убедить всех, что она действительно нашла Рай? Или сама вернётся в сомнении? «Это не Рай, не может быть, чтобы это был Рай», — убеждал он себя. Сама идея казалась ему донельзя нелепой, что-то было в этом из

области вызванных фанатизмом видений и откровений, которыми изобиловала средневековая история Земли.

Не отрывая взгляда от огня, Теннисон вытянулся в кресле.

«Ещё чуть-чуть посижу, — уговаривал он себя, — и на работу. Может, меня люди ждут».

Подумав об этом, он ощутил что-то вроде лёгкого недовольства и тут же выругал себя — с чего бы это? Как это, его, врача, может расстраивать, что его ждут больные? Он заставил себя выпрямиться, повертел головой, оглядывая комнату. В комнате, кроме него, никого не было, и в этом не было ничего странного — он прекрасно знал, что кроме него здесь никого нет и быть не может. Да, он был один, но вдруг он понял, что тут есть кто-то ещё.

Он встал, прошёлся по комнате, встал спиной к камину, чтобы осмотреть вторую её половину, пытаясь обнаружить, кто же здесь прячется. Никого. Ничего. Никто нигде не прятался. Он был в этом уверен. Но волнение не проходило. Уверенности, что в комнате никого, кроме него, нет, не возникало. Наоборот, он все более и более убеждался, что кто-то есть.

Теннисон заставил себя заговорить — ему было

легче убить кого-нибудь, чем что-то сказать.

— Кто здесь?

Словно в ответ он увидел в углу, над спинкой кресла-качалки, стоявшего около стола с мраморной крышкой, мягкое сияние колеблющегося облачка алмазной пыли.

— А, это ты, — успел выговорить Теннисон, как облачко тут же исчезло. Над спинкой кресла ничего не было. Да, но тот, кто перестал быть виден, не исчез.

Теннисона обуревали вопросы. «Кто ты? Что ты? Почему ты здесь?» Но он молчал. Он стоял, окаменев, не двигаясь, и не отрываясь смотрел в угол, где только что видел облачко пыли.

Кто-то заговорил с ним внутри его сознания:

— Я здесь. Здесь, внутри твоего сознания. Хочешь, чтобы я ушёл?

Теннисон уловил и понял сказанное.

— Нет, — мысленно ответил он. — Нет, не уходи. Но будь добр, объясни, что происходит? Ты принадлежишь Декеру? Ты принёс мне весточку от Декера?

— Я не принадлежу Декеру. Я никому не принадлежу. Я — свободное существо и друг Декера. Вот и все. Я могу говорить с ним, но не могу быть частью его.

— А частью меня — можешь? Почему ты можешь быть частью меня, а частью Декера — нет?

— Я — Шептун. Так меня зовёт Декер. Можешь считать это моим именем.

— Ты не ответил на мой вопрос, Шептун. Почему частью меня ты можешь быть, а частью Декера — нет?

— Я — Друг Декера. Он — мой единственный друг. Я пытался подружиться со многими, и они тоже могли бы стать мне друзьями, но они не слышали меня, не узнавали. Не чувствовали, что я рядом.

— Ну и что? А я при чем?

— Я пытался проникнуть в Декера, но это оказалось невозможно. Разговариваю с ним, да, но не проникая в сознание. А ты мне подходишь. Я понял это сразу, как только увидел тебя.

— И теперь ты готов покинуть Декера? Нет, Шептун, ты не можешь так поступить с ним. И я не могу с ним так поступить. Я не имею права отнять у него друга.

— Я его не покину. Но позволь мне быть с тобой.

— Хочешь сказать, что не настаиваешь?

— Нет, не настаиваю. Скажешь «уйди», и я уйду. Скажешь «войди», и я войду. Но… прошу тебя,

пожалуйста!

«Безумие! — подумал Теннисон. — Это настоящее безумие! Галлюцинация. Ничего нет. Мне все это просто кажется».

Дверь резко распахнулась. На пороге стоял Экайер.

— Джейсон, скорее! — выкрикнул он, не входя. — Пойдём со мной! Ты должен пойти со мной немедленно.

— Конечно, — кивнул Теннисон. — А что случилось?

— Мэри вернулась из Рая! — ответил Экайер. — И она в очень плохом состоянии.

Глава 26

Декер вновь пережил те страшные минуты. Годами он не вспоминал об этом, не думал, но вот сходил к катеру — и ничего не мог поделать. Вновь разрезал ножницами финишную ленточку памяти, и старые, запылённые воспоминания ярко и отчётливо встали перед ним.

Он протянул руку и коснулся поверхности металлического ящичка, стоявшего на столе. Этот ящичек он принёс с катера. «Там есть все, — думал он, — в этих записях, что сделаны на корабле». Но открыть ящичек и просмотреть записи он не решался. «Наверное, — думал он, — не стоило искушать себя и забирать чёрный ящик с катера. Пусть бы лежал там, такой же забытый и заброшенный, как катер.

Почему же я так боюсь, — спрашивал он себя, — просмотреть записи? Может быть, я боюсь того ужаса, кошмара, который там записан? Мог ли там быть страх? Можно ли его было записать? Мог ли он сохраниться там, такой же дикий и ясный, как в тот день, много лет назад? »

Он зажмурился, спрятал лицо в ладонях, попы-

тался вспомнить…

Он знал корабль как свои пять пальцев, водил его долгие годы, помнил его весь, до последнего винтика, любил его, гордился им, разговаривал с ним в часы одиночества в чёрных безднах пространства. Порой ему казалось, что корабль отвечал ему…

Он помнил все, но была одна-единственная деталь, в которой он не был уверен, и сомнения его могли развеять только записи. А то, что мучило его и не давало покоя, там наверняка было. Записи велись с предельной скрупулёзностью. Регистрировались такие параметры, как местонахождение корабля, расстояние до различных объектов, их координаты с точностью до многих цифр после запятой; для каждой звезды и планеты записывались температура, давление, химический состав атмосферы, сила притяжения, данные о формах жизни, если таковые обнаруживались, о наличии скрытой опасности. Но эмоции? Могли ли быть зарегистрированы эмоции? Мог ли быть записан тот всепобеждающий ужас, который погнал его вышколенную, верную команду в безумном порыве к спасательным катерам?

Декер сидел у стола, пальцы его лежали на

поверхности ящичка. Он зажмурился, пытаясь припомнить и убеждаясь уже, наверное, в десятый раз за последние несколько дней, что одна-единственная подробность упорно ускользала от него, а он никак не мог её вспомнить.

…Тогда они направлялись в самый центр системы Кунскин, и их завертело в космическом смерче.

«Странно, — думал он, а ведь до того момента я и слышать не хотел ни о каких смерчах, считал, что это обычная выдумка, легенда, — смерч, который способен подхватить корабль и перебросить в другое время или пространство».

Разговоры о таких смерчах можно было услышать в каждом баре на любой из планет фронтира, но то, как о них рассказывали, возводя глаза к небу, колотя себя в грудь и клянясь всем святым на свете, мало в чем убеждало, рождало сомнения даже в теоретической возможности существования таких смерчей.

Короче говоря, смерч это был или нет, но с их кораблём случилось что-то непостижимое и ужасное. Все шло как обычно, как всегда бывает при выполнении пространственно-временных полётов — корабль, казалось, повис без движения в чёрной, непроглядной пустоте, и вдруг его ни

с того ни с сего начало бросать из стороны в сторону, вертеть, качать, будто бы чья-то громадная рука выхватила его из пустоты пространства. Декер помнил, что он стоял перед одним из обзорных экранов и глядел в безликую тьму за бортом корабля, не уставая удивляться тому, что глазу не за что было зацепиться. У пустоты нет ни названия, ни образа. Было черно и пусто, но ведь для того чтобы понять, что такое «чёрное», нужно видеть рядом какой-то другой цвет для сравнения. Так вот, было черно, потому что больше ничего не было и черноту не с чем было сравнить, и пусто было не потому, что чего-то не хватало, а потому, что больше ничего не было. Никого и ничего. Скорее всего, ничего и быть не могло. Не раз он удивлялся себе — и с чего его влекло в эту бездонную чёрную пустыню, но сколько он ни думал, не мог себе ответить.

Неожиданно палуба задрожала, закачалась под ногами, его швырнуло на пол. Он ударился о палубу и покатился в ту сторону, куда накренился корабль. Пытался найти точку опоры, ухватиться за ускользающие предметы, но, едва он хватался за что-нибудь, пальцы тут же срывались. Он стукнулся обо что-то твёрдое и покатился дальше. Потом ещё сильнее ударился обо что-то головой,

в глазах вспыхнули искры, и все потемнело.

Наверное, на какое-то время он потерял сознание, но надолго или нет не понял. Он много раз пытался вспомнить, сколько же прошло времени, но никак не мог.

Придя в себя, он попытался встать на ноги, встал и добрался до одного из кресел, стоявших перед пультом управления. В голове звенело, а где-то вдали, в глубине корабля, слышались отдалённые голоса насмерть напуганных видавших виды звездолётчиков, утративших над собой всякий контроль.

«Что они, взбесились, что ли?» — думал он тогда. Но можно было не задавать этого вопроса — было понятно, что случилось с командой. Ужас, наполнивший корабль, добрался до Декера и коснулся его, нанёс ему удар под дых, словно был чем-то осязаемым, физическим, а не эмоцией. Где-то вдали, перекрывая крики, звучал голос, который Декеру был незнаком, и именно этот голос, казалось, излучал страх, наполнивший корабль. Слов нельзя было разобрать, но сам звук генерировал непрекращающийся кошмар, дикую, животную панику.

Корабль перестал трястись и раскачиваться. Это произошло так резко, что у Декера снова

подкосились ноги. Но он удержался за спинку кресла. Его мутило, волны страха, не отступая, били, колотили по нему, словно злейший враг, смертельный противник.

Самое удивительное, что, кроме криков команды и незнакомого голоса, не было слышно ничего, а страх буквально пронизывал все кругом. На какое-то мгновение Декеру почудилось, что слова, которые произносил жуткий голос, обращены к нему, к нему одному. Вопли перепуганной команды стихли, и вскоре он ощутил толчки и услышал выхлопы — это отчаливали спасательные катера.

Теперь он уже более или менее твёрдо стоял на ногах. Он поднял руку к голове и почувствовал, что в одном месте волосы слиплись. Взглянув на руку, он обнаружил на ней кровь. Отойдя от кресла, побрёл к ближайшему иллюминатору. Добрался, вцепился руками в холодный металл, припал лицом к гладкой поверхности стекла.

Внизу, в опасной близости от корабля, виднелась поверхность планеты. Декер видел какие-то строения — картина их расположения напоминала колесо, спицы которого сбегались к некоему центру, и этот центр лежал прямо под ним. Корабль, понял Декер, попал на орбиту спутника

планеты и все приближается к поверхности. Если бы он не был так напуган, то уже давно расслышал бы, как корабль со свистом рассекает атмосферу.

Хотелось спрятаться, сжаться в комочек, упасть куда-нибудь, как падает с дерева осеннее яблоко, зарыться в траву и перезимовать. Декер ещё крепче вцепился в металлическую раму иллюминатора. В этом не было никакого смысла, но он держался, как за соломинку, и пальцы его, казалось, срослись с ледяным, гладким металлом. Он смотрел вниз и уже более ясно видел воображаемую ось, к которой сбегались спицы-дороги. Ось представляла собой возвышение, утыканное каменными шпилями и вздымавшееся над окружающей равниной. Он видел, что дороги не обрывались у подножия величественного каменного исполина, а взбирались по холму и заканчивались только на самой вершине. На краткое мгновение он остановил взгляд на центральной постройке, и ему почудилось, что тонкие шпили тянутся к нему, приближаются, стремясь проткнуть его насквозь… Одного взгляда хватило, чтобы понять — именно оттуда исходит тот дикий леденящий ужас. Из груди вырвался хриплый вопль, он отшатнулся от ил-

люминатора и замер. Наконец в нем проснулся профессиональный инстинкт, дали о себе знать долгие годы тренировок, опыт, и он бросился к пульту управления. Одним рывком он выхватил из гнёзда на пульте чёрный ящик — полётный дневник, сунул его под мышку, повернулся и бросился прочь из отсека.

На бегу он пытался припомнить, сколько выхлопов слышал — два или три.

«Два, два, — твердил он себе, — я не мог ошибиться. Если два, то остался ещё один спасательный катер».

При мысли о том, что он мог не услышать ещё один выхлоп, его прошиб холодный пот.

Но память не подвела его. Толчков было только два. Третий катер был на месте.

Глава 27

Мэри металась в постели и пыталась сесть.

— Они выгнали меня! — крикнула она. — Они вышвырнули меня из Рая!

Без сил она упала на подушку. В уголках рта пузырилась пена. Её глаза были широко открыты, но взгляд, казалось, ничего не выражал.

Сестра подала Теннисону шприц, он воткнул иглу в предплечье Мэри и медленно ввёл лекарство. Отдал шприц сестре.

Мэри подняла руку. Пальцы судорожно сжимались, хватая воздух. Она некоторое время шевелила губами и наконец пробормотала:

— Большой… чёрный… Он тыкал в меня пальцем…

Она дёрнулась и расслабилась. Голова опустилась на подушку. Веки прикрыли обезумевшие глаза. Она пыталась поднять руку, шевеля пальцами, но вскоре пальцы разжались, и рука упала на простыню.

Теннисон оторвал взгляд от Мэри и посмотрел на Экайера, стоявшего по другую сторону кровати.

— Расскажи, что случилось, — попросил он. — Подробно, как было.

— Она вернулась из наблюдения. Я понимаю, звучит нелепо, но лучше не скажешь. Она вернулась из наблюдения совершенно обезумевшая. Думаю, от страха…

— Такое бывает? Бывало такое с другими Слушателями?

— Иногда, — кивнул Экайер, — но редко. То есть очень редко. Бывало, что по возвращении некоторые испытывали страх, но такой… как бы сказать… поверхностный. Скорее испуг, чем страх. В таких ситуациях они быстро осознают, что эксперимент окончен, что они снова дома, что ничто им не угрожает. Порой наблюдение оставляет какой-то след. Им может сниться пережитое. Но все это быстро проходит. Такого кошмара, как у Мэри, я ещё ни разу не видел.

— Скоро ей станет лучше, — сказал Теннисон. — Я ввёл ей сильное успокоительное средство. Несколько часов она будет крепко спать, а когда очнётся, у неё будет немножко кружиться голова. Поскольку психика её несколько подавлена, она будет что-то помнить, но воспоминания не будут столь остры и болезненны. А потом посмотрим.

— Она все ещё думает, что нашла Рай… — пока-

чал головой Экайер. — Её выбросили оттуда, а она думает, что нашла Рай. Вот что её так потрясло. Представь себя на её месте. Ты нашёл Рай, а тебя оттуда — пинком под зад…

— Она ещё что-нибудь говорила? Кроме того, что сказала сейчас?

Экайер пожал плечами.

— Совсем немного. Там был кто-то большой и чёрный. Он толкнул её, и она покатилась по лестнице — по золотой лестнице. Она уверена, что вся в синяках.

— Но на ней нет ни царапинки!

— Безусловно, но она в этом уверена. Это наблюдение, Джейсон, было для неё очень реально, живо по своей жестокости.

— Ты ещё не смотрел кристалл?

— Пока нет. Честно говоря, не горю желанием. Хотя сознаю, как это важно…

— Понимаю, — кивнул Теннисон.

— Больше всего меня волнует сам Рай, его обитатели. Что бы там такое ни творилось, кто бы они ни были, они явно заметили, что за ними наблюдают. Они могли пойти за Мэри, выследить нас, и… В общем, нам следует принять какие-то меры.

— Думаю, ты зря так волнуешься. Не пред-

ставляю, как они могли следить за ней. Как они могли её заметить-то? Она же там не в телесной оболочке была?

— О Боже! — всплеснул руками Экайер. — Если бы я знал! Нельзя, ни в коем случае нельзя было позволять ей идти туда ещё раз. Нужно было предвидеть, как это опасно!

— Нет, — упрямо качнул головой Теннисон. — Прости, но я не думаю, что её там могли заметить, что могли обнаружить Проект.

— Но этот чёрный человек, этот демон зла — он же сбросил её с лестницы!

— Допустим, — согласился Теннисон, — допустим, сбросил. Хотя лично я склонен полагать, что сбрасывать ему было некого. Мэри там не было. Самой Мэри, живой. Но даже если допустить такую дичайшую вероятность, что она все-таки побывала там реально, тебе себя винить совершенно не в чем. Ты ничего не мог знать заранее, ничего не мог предвидеть.

— Видишь ли, до сих пор в других мирах ещё ни разу не было таких вот непосредственных реакций на внедрение Слушателей. Обычно наши люди — не более чем наблюдатели. Если же они больше чем наблюдатели, то они становятся кем-то или чем-то вроде обитателей этих миров,

либо налаживая с ними особые связи, либо так программируя своё сознание, что им удаётся вселяться внутрь этих обитателей. Я не знаю, как они это делают, что предпринимают, когда попадают куда-то, да и от них самих помощи мало они не могут объяснить, как это у них получается. Такое, как у Мэри, произошло впервые. Ведь до сих пор наши люди внедрялись в другие миры не в своём физическом облике. А Мэри внедрилась именно как Мэри. Как она думала, она была в Раю, была наяву и встретила там этого человека, и он столкнул её с лестницы…

— Так она говорит, — уточнил Теннисон.

— Знаешь что, — нахмурился Экайер. — Я почти уверен, что все так и было. Кристалл все покажет именно так.

— Это понятно. Если все было так, как она говорит, все должно быть в записи. Но это опять-таки фиксация того, что она думала, а не того, что было на самом деле. Но пусть даже так — пусть кристалл покажет реальность — почему ты уверен, что за ней удалось проследить, узнать, куда она девалась?

— А я и не говорю, что уверен, — пожал плечами Экайер. — Но считаю, что это не исключено. Может быть, она нас, так сказать, подставила. Тот,

кто выгнал её, — может быть, на самом деле вовсе не таков, каким она его видела и запомнила. Он мог быть кем-то или чем-то необъяснимым, непонятным для неё, но её человеческий разум, человеческие представления облекли его сущность в форму, понятную человеку. Это — средство самозащиты.

— Не разделяю твоих опасений. Роботы из Ватикана, к примеру, отправляются в своём физическом облике на этих мыслительных кораблях — или как там они у них называются? — куда им вздумается, в те миры, которые разыскивают ваши Слушатели — и ничего!

— Да, это так, — кивнул Экайер. — Но тут есть разница. Роботы отправляются в путь не вслепую, а выбирают цель очень осторожно.

Мэри дышала спокойно и ровно — успокоительное средство подействовало.

— Скоро она будет в порядке, — уверенно заявил Теннисон. — Худшее позади. Просто ей надо немного отдохнуть. А потом нужно подумать, чем её отвлечь. Это возможно? Подумай, чем её отвлечь от воспоминаний. И ни в коем случае нельзя позволять ей ещё раз отправиться туда, где она была. Это я тебе как врач говорю. Если такой уверенности нет, следовало бы её совсем

отстранить от работы в Поисковой Программе. Но поскольку это может её сильно огорчить, подумай, как переключить её на что-то другое. Может быть, новые наблюдения помогут ей забыть о происшедшем. Вряд ли ей встретится что-нибудь ещё так же травмирующее психику, как Рай.

— Ладно… — неуверенно проговорил Экайер. — Когда она придёт в себя, попробую с ней потолковать. Посмотрим.

— Я попозже ещё загляну к ней, — пообещал Теннисон. — А сейчас пойду на приём, меня там ждут, наверное.

Больных оказалось немного. Окончив приём, Теннисон решил к Мэри пока не заходить. Действие снотворного ещё продолжалось, а если бы что-то случилось, сестра сообщила бы ему.

День был в самом разгаре. Погода стояла чудная. Темно-синие громады гор величаво красовались на фоне нежно-голубого неба. Глядя на горы, Теннисон ощутил, что хочет побыть в совершенно определённом месте — там, где он привык размышлять в одиночестве. За последние дни, даже за последние часы — столько всего произошло, что надо было подумать.

В саду было пусто. Обычно тут бродили несколько монахов, но сейчас не было ни души. Теннисон

подошёл к скамейке, стоявшей неподалёку от розовых кустов. Цвёл только один-единственный куст, да и с того ветер уже был готов сорвать бледно-жёлтые лепестки.

Он уселся лицом к горам. «Странно, — думал Теннисон, — что они так сильно манят меня к себе. Надо будет обязательно воспользоваться предложением Декера и отправиться на прогулку. Хотя… если идти на несколько дней, как говорил Декер, все равно далеко не уйдёшь — разве что в ближние предгорья…

А ещё, — решил он, — надо обязательно в ближайшие дни заглянуть к Декеру и потолковать с ним о Шептуне… Шептун, — подумал он, — ну и имечко! И что же он такое? Что за существо такое, которое умеет проникать в чужое сознание, может становиться частью кого-то? Как это он сказал? “Я внутри твоего сознания и смогу стать частью тебя”, — так, что ли? Или это все-таки были игра воображения?»

Теннисон потряс головой, стараясь отогнать воспоминания — они были не слишком приятны. В конце концов он решил не думать об этом вовсе. Самое разумное — сходить к Декеру и спросить его об этом. А пока — и думать нечего. Декер явно знает о Шептуне больше.

Послышавшиеся на дорожке шаги прервали размышления Теннисона. Он поднял голову. Перед ним стоял садовник.

— Снова ты? — без особой радости спросил Теннисон.

— А кто же ещё? — удивился садовник. — Кому же ещё тут быть, как не мне? Я тут работаю и имею полное право тут находиться. Как, впрочем, и в любом другом месте.

— А я разве сказал, что ты не имеешь права тут находиться? Просто так уж выходит, что всякий раз, когда я сюда прихожу, тебя встречаю.

— Садик маленький. Трудно разминуться, — объяснил садовник.

— Розы теперь, наверное, нескоро зацветут? — спросил Теннисон. — Гляжу, только одна осталась.

— Зато красивая, — уточнил робот. — Вы не находите?

— Просто прекрасная, — согласился Теннисон.

Садовник пощёлкал ножницами, но уходить явно не собирался.

— К превеликому своему огорчению я узнал, что Мэри снова больна, — сказал он.

— Да, очень больна, — кивнул Теннисон.

— Я узнал также, что она снова побывала в

Раю?

— А вот об это я ничего не знаю, — откровенно солгал Теннисон. — Я врач, она больна, я её лечу — вот и все.

«Не садовника это дело», — подумал он.

Глава 28

С Земли роботы завезли на Харизму мышей. Не нарочно, конечно, но как бы то ни было, мыши прибыли с ними.

Впервые Джилл заметила мышей, когда задержалась в библиотеке на ночь. В первую же ночь она познакомилась с одной мышкой. Потом прибегали и другие — она порой замечала их быстрые тени, но с самой первой они подружились. Она приходила к Джилл в одинокие ночные часы, осторожно выглядывала из-за стопки бумаг или горки кристаллов, её тонкие круглые ушки всегда были настороже, готовые уловить любой шорох. Розовый носик непрерывно двигался, пытаясь унюхать самый тончайший запах. Убедившись, что все в порядке, что никого, кроме Джилл, тут нет, она выходила, не слишком уверенная, что её визит будет воспринят с восторгом, и радостно делила с Джилл полночную трапезу, которая для неё состояла из крошек хлеба и сыра. Она брала крошки маленькими лапками, усаживалась, выпятив толстенький светлый животик и жевала драгоценную еду, не спуская с Джилл маленьких,

ярких, похожих на чёрные блестящие бусинки, глаз.

Джилл говорила с мышкой, стараясь произносить слова как можно тише, почти шёпотом — она была уверена, что громкий звук напугал бы мышку. Маленькая Беженка — так она окрестила свою полуночную подружку. Маленькая Беженка с Земли. Порой, когда мышка не была так увлечена крошкой или корочкой, она что-то пищала в ответ — и писк был весьма приветливый. Судя по всему, она хотела дать Джилл понять, что она ей тоже нравится.

Поначалу Джилл испугалась, подумав, что мыши могут здорово навредить библиотеке, но потом успокоилась, — ведь библиотека не была таковой в том смысле, в каком она привыкла думать. Драгоценные земные книги лежали в герметических футлярах, которые хранились в застеклённых шкафах так же, как все остальные письменные источники информации. Ленты с записями и кристаллы лежали в стальных сейфах. Даже запасы чистой бумаги хранились в металлических ящиках. Нет, мыши не имели никакой возможности добраться до бумаги.

И вообще — их было не так много. Наверное, не больше дюжины, и, кроме новой подружки

Джилл, которая регулярно приходила за своей долей ночной трапезы, они появлялись крайне редко. Как-то раз, покончив со скромными дарами Джилл, Беженка исчезла. Это удивило Джилл. Мышка была совершенно спокойна, в её поведении не было никакой тревоги. Она расправилась с крошками, как обычно, и исчезла. Вот тут-то Джилл впервые задумалась о том, куда убегает мышка после еды. Она ни разу не пыталась проследить, куда исчезает мышка. Да это её и не волновало. Пришла и ушла. Но почему-то в ту ночь Джилл стало интересно, куда уходит её подружка. Ей это стало так интересно, что она даже рассердилась на себя.

«Что мне за дело? — подумала она. — И чего это мне вдруг взбрело в голову? Ну, узнаю, найду норку, а дальше-то что?»

Джилл решила больше не думать о такой очевидной чепухе, но мысль привязалась и не покидала её. Нет-нет да приходила в голову. Однажды ночью, совершенно случайно она проследила взглядом за убегавшей Беженкой и заметила её путь. Мышка спрыгнула со стола на пол, побежала вдоль стены, обитой панелью, и… исчезла в стене, не замедлив быстрого, уверенного бега. Казалось, что она прямо-таки прошла

сквозь стену.

Удивлённая Джилл встала из-за стола, не спуская глаз с того места в стене, где исчезла мышь. Подошла к стене, опустилась на колени, провела рукой по стене, у самого пола, — норки не было. Панель вплотную примыкала к полу. Или нет? Самыми кончиками пальцев она ощупала стык… и обнаружила узкую щель — не шире дюйма — но, наверное, для мышки этого было достаточно, к тому же она знала, где находится щёлка.

— Маленький бесёнок! — сказала Джилл негромко. Длина щёлки тоже была невелика — несколько дюймов, а по обе стороны от неё панель плотно соединялась с полом. «Может быть, пол просел?» — подумала Джилл. Пощупала ладонью — нет, пол был идеально ровным.

Тогда она попыталась просунуть кончики пальцев в щель — там было пусто. Джилл уцепилась за панель с другой стороны и потянула… С тихим скрипом и треском в стене открылась дверь! За дверью оказалась крошечная кладовка. В стену был вбит крючок, на нем висела лиловая мантия кардинала. На полу стояла пара сандалий. В одном из углов стояла корзина для бумаг. Вот и все — мантия, сандалии и корзина. Сильно пахло мышиными экскрементами.

Джилл протиснулась в кладовку, взяла корзину и вышла, прикрыв за собой дверь.

Вернувшись к столу, Джилл принялась за изучение содержимого корзины. Она была полна скомканной бумаги. На самом дне лежало большое мышиное гнездо, сооружённое из бумаги — вероятно, им пользовалось не одно поколение мышей, и каждый новый его обитатель служил делу умножения потомства.

Отобрав относительно хорошо сохранившиеся листки, Джилл сложила их на столе в стопку. Когда на дне осталось только мышиное гнездо, Джилл начала внимательно просматривать бумаги.

Поначалу было совсем неинтересно. Несколько листков содержали какие-то математические расчёты — ничего впечатляющего. На одном листке был перечень дел, которые нужно было переделать. Большинство пунктов было вычеркнуто — надо понимать, это означало, что дела выполнены. Кое-какие листки были испещрены непонятными значками, — возможно, когда-то они что-то и означали, но теперь выяснить это не было никакой возможности. На одном листке было начало письма — собственно, всего две строчки — без даты и адреса: «Ваше Преподобие,

последние несколько дней я размышлял о том деле, о котором мы с вами беседовали в саду, и пришёл к выводу, что…» Дальше было съедено мышами. Ещё на одном листе было написано: «Темы для обсуждения с Его Святейшеством», но, кроме заглавия, больше ничего не было. Далее следовал совершенно загадочный листок: «666 буш. пшеницы, 30 куб. хорошего, прочного, долго горящего дерева, 150 фун. лучшего картофеля, 7 т. мёда», — и все. Были и другие листки и обрывки бумаги, и, наверное, тот, кто задался бы целью их расшифровать, узнал бы много интересного, но почему-то Джилл решила, что сейчас не время приниматься за их изучение. Она аккуратно сложила все бумажки в стопку, тщательно разгладив каждую. Она решила, что обязательно как-нибудь выкроит время и изучит все до одной более внимательно. Кто знает — а вдруг именно там и таится ключ к разгадке тайны Ватикана?

Приняв такое решение, она неожиданно для себя поняла, как глубока ответственность, которую она возложила на себя, как важна задача, ради решения которой она просматривала даже совершенно пустяковые на первый взгляд обрывки бумаги в надежде отыскать какую-нибудь крошечную заметку на полях, которая как раз и

могла бы дать ответ на все вопросы! Нет, не такой она представляла себе эту работу, когда давала согласие остаться… Тогда она думала, что это всего-навсего разумный компромисс с собой, некое оправдание своей задержки здесь, занятие, чтобы не слоняться без дела, не сидеть сложа руки. «Ты втянешься», — сказал Джейсон и оказался прав. Только втянулись они оба — и он ничуть не меньше, чем она, хотя он-то как раз не притворялся, не утверждал, что горит желанием здесь остаться. Разве не она планировала остаться тут, если ей позволят выполнить репортёрскую работу, ради которой она так сюда стремилась?

«Если бы сейчас мне предложили улететь с Харизмы, — подумала она, согласилась бы я или нет?» — И поняла, что ответить не может.

В самом низу бумажной стопки она обнаружила несколько сколотых скрепкой листков, исписанных витиеватым почерком. Джилл принялась за чтение, с трудом разбирая слова:

«Я, Енох, кардинал Феодосий, записал это для себя, осознавая, что настоящая информация не может войти в официальный отчёт. То, о чем я пишу, не было помещено в отчёт умышленно. Я записываю свои воспоминания, как предупреждение самому себе, только себе самому, хотя,

может быть, они пригодятся и другим. Но сейчас я не имею намерений ни с кем делиться впечатлениями. Я делаю эти записи не потому, что боюсь запамятовать — забывчивостью я не страдаю, но потому, что хочу передать словами свои чувства, свои эмоции (если у меня есть чувства и эмоции) и мои опасения — в особенности — опасения, пока время не стёрло остроту впечатлений.

Я считаю, что описываемое мною было случаем, редкой случайностью, хотя последствия этой случайности могут оказаться весьма и весьма прискорбными. Долгое время мы чувствовали себя в безопасности в своём одиноком, изолированном от мира убежище, расположенном на самом краю Галактики, где так мало звёзд, да и наша собственная звезда так мала и невыразительна, что вряд ли привлекла бы к себе чьё-то внимание. Но теперь, с тех пор как случилось то, о чем я хочу написать, я уже не так уверен в нашей безопасности. Хотя никто из моих соратников не проявил никакого беспокойства по этому поводу, а я, в свою очередь, ни с кем не поделился своими опасениями и тревогой.

Именно потому, что я принуждён молчать о том, что пережил, и из страха, что с течением времени я избавлюсь от мучающего меня страха,

я пишу эти воспоминания для себя, как напоминание себе, как подтверждение того, что я пережил этот страх, о котором ни в коем случае не следует забывать, когда мы будем строить планы на будущее.

Вчера нас посетили. Пришельцы были совершенно непохожи ни на одно из виденных мною ранее существ. Не исключено, что многие на планете видели что-то, но скорее всего, если кто-то и видел, то не более чем странные пузыри. Мне довелось видеть тех, кто летал в этих пузырях, поскольку я уверен — пузыри были всего-навсего транспортными средствами. Несколько мгновений я был лицом к лицу с одним из тех, кто был внутри пузырей. Именно «лицом к лицу» — могу поклясться, что это было лицо. Не лицо человека, не лицо робота — оно было похоже на зыбкий, колеблющийся дым, но в нем проглядывали очертания странного лица. Оно все время меняло форму, растягивалось и сжималось, как резиновое. Я никогда не смогу забыть выражения этого лица, — ведь я видел его так близко, на расстоянии не более тридцати футов. Это была презрительная усмешка — будто Всемогущий Господь взирал на стадо свиней. Я внутренне содрогнулся, поймав на себе

этот взгляд, и почувствовал себя маленьким, ничтожным, презренным существом. Мне стало нестерпимо жаль себя и себе подобных: все, чем мы занимались столько лет, представилось мне вознёй скарабеев в навозной куче, мелким и низменным.

Пузырей было около дюжины, хотя, сомневаюсь, что кому-то пришло в голову сосчитать их. Они быстро появились и так же быстро исчезли — задержались всего-то, наверное, минут на десять, если не меньше.

Они быстро осмотрели нас, — возможно, им и не нужно было тратить на нас много времени. Наверное, даже этого им вполне хватило, чтобы все про нас узнать. Они смотрели на нас без всякого интереса, ибо поняли, кто мы такие, чем занимаемся, и, скорее всего, решили, что мы просто ничтожества.

Может быть, они и не представляют для нас опасности, но главное — они знают о нас, с каким бы пренебрежением они к нам ни отнеслись. Вот поэтому-то я и не могу больше чувствовать себя в безопасности. Может быть, они нам ничего плохого и не сделают, но само чьё-то знание о нас — уже опасность. Представить только: если они случайно обнаружили нас, просто так, от нечего

делать, разглядели нас, то могут существовать и те — они наверняка есть, — кто по неведомым нам причинам ищет нас.

Мы так стремились к изоляции, отдалённости. Мы выдержали наплыв паломников — даже поощряли его, — и не только потому, что нам нужны деньги. Мы были уверены, что, даже если паломники будут рассказывать о нас, никто не придаст их словам особого значения — сочтут нас представителями ещё одного презренного, ничтожного культа. Но, видимо, наши расчёты оказались неверны, а если так…»

На этом месте записи обрывались. Джилл старательно разгладила смятые странички, аккуратно сколола их скрепкой, свернула в трубочку и положила в карман.

Ещё ни разу она не отваживалась выносить из библиотеки какие-то материалы, но тут решила поступиться правилами.

«Енох, кардинал Феодосий, — думала она, — этот угрюмый старый робот… Неужели это он написал?»

В этом металлическом черепе скрывался ум гораздо более тонкий и изощрённый, чем она предполагала.

Глава 29

Декер возился в огороде. Ещё в первый раз Теннисон отметил, какой у него там образцовый порядок — ровные, ухоженные грядки, ни единого сорняка. Декер неторопливо орудовал мотыгой.

Теннисон остановился у изгороди и стал ждать. Наконец Декер его заметил, отряхнул мотыгу от земли, положил её на плечо и направился по дорожке между грядками навстречу Теннисону.

— Давай уйдём с солнцепёка, — предложил он, — а то жарковато нынче.

Он зашагал впереди, к тому месту, где падала тень от двух развесистых деревьев. Под ними стояли два самодельных деревянных стула и низкий стол, а на столе — кувшин.

Декер сел, взял кувшин и протянул Теннисону.

— Всего-навсего вода, — сказал он. — Тёплая, наверное, но во всяком случае — мокрая.

Теннисон покачал головой.

— Ты первый, — сказал он. — Ты же работал.

Декер кивнул, поднял кувшин, выпил воды и передал его Теннисону. Вода действительно

была тёплая, но, как справедливо заметил Декер, мокрая. Теннисон поставил кувшин на место и уселся по другую сторону стола.

— Я всегда ставлю тут кувшин, когда работаю, — объяснил Декер. — До дома далеко бежать, если пить захочется.

— Прости, я тебя оторвал от дел. У тебя найдётся ещё одна мотыга? Я неплохо умею мотыжить.

— Бог с тобой! Совсем ты мне не помешал. Честно говоря, я даже рад, что ты помог мне вовремя остановиться. Я просто порядок навожу, так сказать. На самом деле тут ничего делать не надо.

— Том, мне нужно с тобой кое о чем поговорить, — решительно сказал Теннисон. — Понимаешь, я не знаю, друзья мы или нет. Мне кажется, что это так, но все зависит от того, что каждый из нас считает дружбой.

— Давай считать, что мы друзья, — предложил Декер, — пока ничего другого не придумали.

— Короче говоря, речь о Шептуне.

— А-а-а, значит, он до тебя добрался.

— Точно. А ты откуда знаешь?

— Я не сомневался, что он это сделает. Он, видишь ли, был просто очарован тобой. Он мне сам сказал. Поэтому я и решил, что он обязательно тебя достанет.

— Но он не просто явился ко мне. Он стал… черт подери, как бы это получше выразиться… — Теннисон беспомощно защёлкал пальцами, — ну да частью меня. Он проник ко мне в сознание. По крайней мере, он заявил, что может быть частью меня. Но сам я в этом не уверен. Если он и проник в меня, то пробыл во мне недолго.

— Ты прогнал его?

— Нет. Он пообещал уйти, как только я захочу этого. Тут он вёл себя по-джентльменски.

— И что же произошло, в таком случае?

— Как раз в это самое время вошёл Экайер — вернее, вбежал — и сообщил, что с Мэри очень плохо.

— И что же с Мэри?

— Она опять побывала в своём Раю, и что-то её ужасно напугало. Она до сих пор невменяема, так что её даже расспросить толком невозможно.

— Выходит тогда, что это вряд ли был Рай?

Теннисон задумчиво покачал головой.

— Трудно сказать. Пока ничего нельзя понять. Ну да ладно, я ведь не об этом, собственно. Если позволишь, я хотел бы о Шептуне потолковать. Я ему сказал, что, если он принадлежит тебе, я ни в коем случае не намерен его у тебя отбирать.

— Не знаю, принадлежит ли он мне. Думаю, нет.

Мы с ним друзья, это правда. Но это все. И вообще — это долгая история. Много лет он играл со мной, дразнил меня. Времечко было — я тебе доложу. Как вспомню… Теперь, конечно, смешно, я ведь знаю, что он совершенно неопасен. А тогда… Ты представь только: я в лесу, один-одинёшенек, а он, невидимка пакостный, пугает меня. Заставлял меня часами гоняться за ним по лесу, искать его. Он уже тогда начал говорить со мной — не голосом, конечно, слова звучали у меня в сознании. Да ты, наверное, уже понял, как это бывает.

— Да, — кивнул Теннисон, — он говорил со мной.

— Честно говоря, — продолжал Декер, — поначалу я думал, что он какой-нибудь кровожадный хищник, этакий суровый каннибал с извращённым чувством юмора. Пару раз мне удалось увидеть его — или нечто, что я за него принял. Руки чесались подстрелить, но я так ни разу и не решился нажать на спусковой крючок — сам не знаю почему. Подозреваю, что к тому времени мне уже начал нравиться этот маленький паршивец, хотя надоел он мне до смерти — можно меня понять, правда? Страшно неприятно ощущать, что вечно кто-то прячется у тебя за спиной. Потом он признался, что все это творил только ради

того, чтобы проверить, друг я ему или нет. То, что я ни разу не выстрелил, убедило его в этом, и, когда он наконец появился, я имел возможность удостовериться, что он вовсе не хищник, а всего-навсего крошечное облачко алмазной пыли.

— И с тех пор он жил с тобой?

— Не совсем так. Он есть, и его нет. То он тут, то нет его. Ты заметил огранённые камни на столе?

— Да, видел.

— Это Шептуна работа. Как он ухитряется это проделывать — до сих пор не знаю. Подозреваю, что он умеет манипулировать молекулами — разрушать их, удалять с тех участков, которые избрал для обработки. Я в этом полностью не уверен — просто нужно же хоть какое-то объяснение найти. Ещё он помогает мне искать камни. Опять-таки как он это проделывает — ума не приложу. Он находит их и говорит мне, где искать. Когда камни найдены, он отбирает кое-какие для себя, чтобы потом обрабатывать.

— Но… ты же разговариваешь с ним. Мог бы спросить его. Может быть, он бы тебе ответил?

— А я так не думаю, Джейсон. Понимаешь, мы ни о чем таком сложном не разговариваем. Порой я чувствую себя с ним неловко, каким-то, прости меня, недоумком. Теперь, когда ты рассказал, как

у тебя с ним дело было, я начинаю догадываться, где собака зарыта. Он пытался проникнуть в моё сознание, но у него ничего не вышло.

— Похоже, ты в точку попал, — кивнул Теннисон. — Он мне так и сказал. Сказал, что пытался проникнуть к тебе в сознание, но не сумел.

— Значит, в твоё сознание он может проникнуть?

— Том, откуда же мне знать? Он сказал мне, что побывал в моем сознании. Я же ничего утверждать не могу. Я не могу подписаться под его словами. Но если он там и был, то, повторяю, недолго. Минуту-другую, а потом вбежал Экайер. И потом… знаешь, я не уверен, что мне нравится то, что делает Шептун. Я почему-то не в восторге от того, что кто-то будет гулять у меня в голове. Знаешь, мне меня самого вот так хватает. — Теннисон провёл рукой по горлу. — Вряд ли там найдётся место для кого-нибудь ещё.

— Ты зря не волнуйся, — успокоил его Декер. — Шептун — добрая душа. Зла от него никакого. Просто ему одиноко. Я ему в этом немножко помог. Ему очень нужны друзья, а я пока — его единственный друг — был и есть. Самому странно, что я чувствую к нему симпатию. Чтобы человек дружил с облачком пыли… сам понима-

ешь, странновато, а? Я чувствую, что он чужак, совсем, как говорится, из другого теста, но это меня не пугает. А что он такое…

— Вот-вот, я как раз и хотел спросить тебя — что он такое?

— Я его об этом никогда не спрашивал. Я считал, что это не моё дело. А сам он никогда этой темы не касался. Был однажды случай — казалось, вот-вот расскажет, но он ничего не сказал. Наверное, это непросто. Я сам над этим подолгу голову ломал, но, откровенно говоря, мало до чего додумался.

— Значит, у тебя нет возражений относительно того, чтобы он проник ко мне в сознание? Том, я понимаю, как глупо это звучит, но ты меня пойми. Для меня это дико, непонятно, незнакомо.

— Никаких возражений, — улыбнулся Декер. — Если тебе не страшно, можешь смело впускать его. Кто знает — может быть, именно тебе он расскажет нечто такое, что нужно знать вам обоим. Он ведь уже очень давно на этой планете. Наверное, он тут был ещё до того, как возник Ватикан. Может, он сумеет тебе что-нибудь и про Ватикан рассказать. Во всяком случае, это его страшно интересует. Он какое-то время там вертелся. Но, похоже, мало что выяснил. — Декер поднялся со стула. — Выпьешь со мной, если я

разыщу бутылочку?

— Что за вопрос?

— Тогда подожди здесь. Схожу в дом, поищу. Слишком хороший день нынче, чтобы томиться в доме.

— Совершенно с тобой согласен, — улыбнулся Теннисон.

Дожидаясь возвращения хозяина, Теннисон поудобнее устроился на стуле. Прямо перед ним тянулась ровная садовая дорожка. По обе стороны от неё стояли обкопанные деревья. Вдали запела птица. Теннисон заслушался, но её прозрачная трель, увы, оборвалась. Лёгкий ветерок шевелил листву. Даже солнечный свет излучал покой и тишину.

Слева, внизу, были видны строения Ватикана — здания, казалось, вросли в землю корнями — да что там в землю — в само мироздание.

«Спокойное учреждение в спокойном мире, — подумал Теннисон. — Нет, в таком месте, в таком мире не может быть ничего дурного… Где-то там библиотека, а в библиотеке работает Джилл…»

Теннисон попытался определить, в каком именно здании находится библиотека, но с такого расстояния это оказалось невозможно.

«Джилл работает слишком много, — думал

он, — каждый день часами корпит над надписями. Работа стала просто-таки наркотиком для неё. Она даже перестала говорить о возможности когда-нибудь покинуть Харизму».

Покачиваясь на стуле, закинув руки за голову, Теннисон попытался вызвать в сознании образ Джилл, представить её за рабочим столом в сумеречном свете лампы. Он вспомнил тот вечер, когда Джилл впервые поделилась с ним своими догадками. И все время перед глазами маячило проклятое красное пятно на её щеке. Нет, он почти не замечал его, но всякий раз, когда видел его, ему становилось нестерпимо жаль её…

Он так погрузился в мысли о Джилл, что не заметил, как вернулся Декер. Он принёс бутылку и два стакана.

— Выпьем, — сказал Декер и посмотрел сквозь бутылку на солнце. — Увы, это все, что осталось. Правда, через пару дней появится Чарли. Должен привезти мне ещё.

— Наплюй на Чарли, — посоветовал Теннисон. — Я тебе в следующий раз принесу парочку. У Экайера есть запас. Там гораздо больше, чем нам с ним нужно.

Декер усмехнулся.

— Вот ведь интересно, — приподнял он брови,

разливая виски по стаканам, — ты даже глазом не моргнул, когда я сказал, что через пару дней тут будет Чарли. Значит, ты не собираешься с ним словечком перемолвиться насчёт того, чтобы он взял тебя с собой?

— Рановато ещё. Полагаю, на Гастре меня ещё не успели забыть. Не исключено, что кто-то до сих пор слоняется в порту и поджидает меня. Но… даже если это не так, улетать мне пока неохота.

— Ну, а Джилл?

— Она, пожалуй, тоже не против задержаться ещё. Закопалась в своих исторических изысканиях.

— Оба вы попались на ту же удочку, что и я в своё время. И это, клянусь, неплохо, совсем неплохо. Харизма — прекрасная планета для жизни. Мягкий климат, щедрая земля. Мирный народ. Разве может быть что-то лучше? И главное, никто не пристаёт с расспросами.

— Так ты поэтому тут остался?

— Отчасти. С одной стороны. А ещё из-за того, что меня выкинуло на двести лет назад из моего времени. Будет время, я как-нибудь соберусь с духом и поведаю тебе свою историю. Пока скажу только, что я вынужден был покинуть корабль. Команда бежала и бросила меня одного, но, на

счастье, оставила мне последний спасательный катер. Не думаю, что они это сделали нарочно, вряд ли у них была возможность обо мне вспомнить и побеспокоиться. Они были жутко напуганы. В общем, я успел впрыгнуть в катер, где погрузил себя в искусственный анабиоз. Катер доставил меня сюда живого и невредимого — он сам отыскал планету, которая годилась для жизни. Но к тому времени, когда я проснулся здесь, прошла пара столетий. Так что я ходячий анахронизм, человек, выброшенный на двести лет из своего времени. Снова вернуться в Галактику — нет, упаси бог, я просто с ума сойду. Здесь же моя отсталость от времени мало чувствуется — большинство людей не меньше меня отстали от жизни. Кстати, не исключено, что и роботы тоже. В чем-то они ни на йоту не изменились по сравнению с тем, какими прилетели сюда. Зато в другом они обскакали всю Галактику на миллион лет вперёд. А может, и всю Вселенную.

— Но в чем? Вот вопрос.

— Не имею понятия. Все, что у них есть, хранится за семью печатями.

— И ещё они боятся. Знаешь, Джилл нашла в библиотеке запись воспоминаний одного из кардиналов. Даты там нет, поэтому непонятно, когда

было написано. Говорится там о пришествии странных чужаков, которые прибыли, как там сказано, в каких-то пузырях. Очень похоже на обследование планеты. Они пробыли тут совсем недолго, однако кардиналу этого вполне хватило, чтобы здорово перетрусить.

— Понятно, — кивнул Декер, отхлебнув немного виски. — Существует легенда об этом посещении. Наверное, это было немало лет назад. «День, когда прилетели пузыри». Я думал, что это всего-навсего народное сказание, но раз есть свидетельство кардинала, можно верить, что в основе легенды лежит реальный факт.

— Но почему роботов это так напугало? Пришельцы пробыли тут совсем недолго и ничего плохого не натворили.

— Тут вот что надо иметь в виду: робот по определению — не романтик, не искатель приключений. Он старается все воспринимать усредненно. Никогда не рискует — ни боже мой! Предельная осторожность во всем и всегда. Вот истинное различие между людьми и роботами, если угодно. Люди вечно рискуют, лезут на рожон. Робот — никогда. Кто знает, может быть, в этом выражается их комплекс неполноценности. Нет, они любят произносить высокопарные речи,

делать вид, что вершат великие дела. Но настоящее величие, как мне кажется, со страхом ничего общего иметь не должно. Эти же шарахаются от собственной тени. А ведь до той поры их ничто не пугало. И тут — на тебе, сюрприз!

Глава 30

Садовник Джон преодолел множество лестничных пролётов и галерей под Ватиканом и наконец приблизился к «святая святых».

Джон подошёл к небольшой двери, из ящичка на поясе достал ключ и отпер дверь. В маленькой комнате стоял всего один стул. Джон прикрыл за собой дверь. Щёлкнул замок. На стене, против которой стоял стул, в камень была вмурована металлическая пластина.

Садовник опустился на стул.

На пластине медленно, постепенно вырисовалось изборождённое морщинами лицо.

— Рад тебя видеть, Джон, — раздался голос Папы. — Что привело тебя ко мне на этот раз?

— Я пришёл, Ваше Святейшество, — сказал Джон, — чтобы рассказать вам кое-что о нашей жизни. Надеюсь, на этот раз вы с большим вниманием отнесётесь ко мне. Я там, наверху, не ерундой занимаюсь, разыгрывая из себя садовника, которому больше делать нечего, как только с козочками возиться. Я работаю на вас, делаю дело, которое вы не можете доверить своим ту-

пицам кардиналам. Я шпионю для вас, слушаю все, о чем болтают — для вас, распускаю слухи — тоже для вас. Так что уж сделайте милость, Ваше Святейшество, хотя бы выслушайте меня.

— Я тебя всегда выслушиваю, Джон, — возразил Папа.

— Не всегда, — упрямо сказал робот.

— Ладно, на этот раз выслушаю, Джон.

— Ходят слухи, — начал Джон, — не более чем слухи, но очень упорные. Суть их в том, что Слушательница Мэри второй раз побывала в Раю и её оттуда выгнали.

— Не слыхал.

— Естественно! Кто вам скажет? Кардиналы, что ли? Им бы только ходить, да…

— В своё время, — резко оборвал его Папа, — они, безусловно, явятся ко мне и все расскажут.

— Ага, в своё время. После того, как все обсудит между собой и решат, как вам это получше преподнести.

— Они хорошие и верные слуги, — не соглашался Папа, — Они делают что положено и преданы мне.

— Верно подмечено, — не унимался садовник. — Только не потому, что преданы, а потому, что хотят извратить направление вашего мыш-

ления и нашу цель заодно. Ваше Святейшество, когда Ватикан только-только образовался, целью его был поиск истинной религии. Мы честно и откровенно признавали, что земная религия нас не устраивает и мы ищем лучшую, более истинную, самую истинную. Вы, Ваше Святейшество, до сих пор этим занимаетесь?

— Думаю, что да, — ответил Папа. — Помимо всего прочего.

— Вот-вот. Вот именно — помимо всего прочего, Слишком много стало этого «всего прочего»! Технологические системы, философские направления. Все это так далеко от того, чему мы собирались себя посвятить!

— Если речь о философии, Джон, то тут ты заблуждаешься. У философии как раз очень много общего с нашей первоначальной целью. Но если я тебя правильно понимаю, ты готов отказаться от «всего прочего» ради безумного, фанатического поиска той веры, которую, как нам когда-то казалось, мы в состоянии обрести.

— Когда-то? А теперь вам уже так не кажется, Ваше Святейшество?

— Если ты спрашиваешь меня о том, верю ли я до сих пор в логику и необходимость поиска, ответ будет таков: да, верю. Но то, что казалось

простым тысячу лет назад, теперь уже таким не кажется. Дело тут не только в вере, не только в том, чтобы найти вероисповедание, божество, божественность — не уверен, что «божественность» — самый подходящий термин. Дело в том, чтобы разрешить загадку выживания и эволюции систем, разработанных людьми, живущими в них. Такие системы разыскивают для нас наши Слушатели. И только в результате изучения этих систем и размышления о существах, населяющих эти системы, — теперь-то я в этом просто уверен — мы сможем найти ответы, которые приведут нас к тому, что ты зовёшь истинной религией.

— Ваше Святейшество, вы изволите смеяться надо мной?

— Ну что ты, зачем мне над тобой смеяться, Джон? Мы слишком долго работаем вместе, чтобы я мог себе такое позволить. Но у меня постепенно складывается впечатление, что за годы наши точки зрения на многом стали несколько различаться. Мы изменились.

— Если на то пошло, вы изменились гораздо больше меня, Ваше Святейшество. Я до сих пор — простой робот, который прибыл сюда с Земли. И мои убеждения гораздо ближе к нашему первоначальному плану, чем ваши. Я участвовал в

вашем создании, и мы все старались вложить в вас величие, мудрость, стремление к святости. Но вы… вы должны простить мне эти слова вы уже не тот, кого мы создавали.

Папа издал звук, который, не будь он машиной, можно было бы посчитать смешком.

— Да, конечно, я уже не тот. Да и как можно было ожидать, что я не буду изменяться? Неужели ты думал, что я буду раз и навсегда таким, каким вы меня создали? Разве я мог не меняться, постоянно вбирая в себя новые факты, новые мысли? Естественно, я теперь уже не робот «в чистом виде», я успел растерять многое из той вашей «человечности», что вы заложили в меня. Я стал… сейчас подумаю, как лучше сказать… более чужаком, что ли. За века в меня попало столько всего инопланетного большей частью, кстати говоря, просто чепухи, мусора — а от человека и от робота во мне стало намного меньше, чем раньше. Этого не мог ожидать даже ты, Джон. Это было совершенно необходимо. Мне пришлось развить в своей структуре отдельные фрагменты, чтобы решать проблемы, связанные с чужеродными понятиями. Конечно, я изменился. Я уже не просто инструмент, созданный вами, роботами. Признаться, я удивлён, что ты этого не знал. У

меня колоссальный банк данных — он каталогизирован и ждёт переработки в матрицу. Это колоссальная работа. Должен тебе признаться, Джон, я уже не раз имел возможность с горечью убедиться, что в триллионах моих ячеек памяти обязательно находятся такие, которые не стыкуются одна с другой даже тогда, когда кажется, что должны состыковываться замечательно. Увы, их приходится, образно говоря, вынимать и класть на полочку до тех пор, пока не прибудет новая информация, которая позволит двум, трём, дюжине ячеек объединиться и в результате дать что-то ценное, логичное. Джон, мне не стыдно признаться тебе, что порой я буквально трещу по швам от обилия неразрешённых вопросов, — или наполовину неразрешённых — порой, как в головоломке, недостаёт одного-двух кусков, чтобы образовалось нечто целое. Но есть и такие головоломки, которым не сложиться никогда, и я никогда не найду ответа-кусочка. Это ваша беда, роботов. Вы хотите получать ответы, а у меня порой их нет. Как я уже сказал тебе, Вселенная не так проста, как нам когда-то казалось. Я — долгосрочный проект, а вы требуете у меня скоропалительных, немедленных ответов.

— Не сказал бы, Ваше Святейшество, что тысяча

лет — это немедленно.

Папа вновь издал звук, напоминающий короткий смешок.

— В моем понимании это очень, очень мало. Если я проживу миллион лет…

— Проживёте. Мы об этом позаботимся.

— Ну что ж, — сказал Папа, — тогда есть некоторая надежда, что мы придём к вашей цели.

— К нашей цели? Ваше Святейшество, вы так говорите, что можно подумать — это не ваша цель.

— Да, конечно, и моя тоже. Но нельзя игнорировать другие аспекты нашей работы. Невозможно предугадать, к чему приведёт тот или иной этап исследований — очень часто направления непредсказуемы.

— Ваше Святейшество, вы позволили Ватикану свернуть с прямой, верной дороги, это вы дали ему пойти скользкими путями, по этим самым непредсказуемым направлениям. Кардиналы борются за власть…

— Не могу не согласиться, — сказал Папа, — что некоторые из моих кардиналов оказались никчёмными, но это не так уж плохо. С точки зрения административных навыков, у них все в порядке. Ну, к примеру, кто осмелится отрицать, что программа паломничества выполняется весьма

успешно?

— Вы меня просто убиваете своим цинизмом, Ваше Святейшество! Отчего вы вспомнили о программе паломничества? Мы поддерживаем её только из финансовых соображений. Мы пичкаем этих убогих паломников жуткой смесью религиозных понятий, которые они не в силах усвоить, и в том, что они получают от нас, ни на грош правды и искренности. И самое худшее, что они именно потому и верят в то, что мы им предлагаем, что ничегошеньки в этом не понимают!

— Слишком мало правды, говоришь? Я бы мог спросить у тебя: «Что есть правда?», «Что есть истина?», но не буду, потому что ты станешь отвечать и ещё больше огорчишь меня. Нет, я не совсем согласен с тобой относительно программы паломничества и продолжаю стоять на своём: программа приносит-таки некоторый доход, и мы нуждаемся в нем, а кроме того — она служит неплохим прикрытием, создавая нам репутацию приверженцев глупого культа на тот случай, если нами кто-то всерьёз заинтересуется, — правда, в этом я сильно сомневаюсь.

— Я не разделяю вашего отношения к этой проблеме, — упрямствовал робот. — В программе паломничества мы избрали принцип плавания

по течению, а этого мало. Мы можем и должны сделать гораздо больше. Мы обязаны заботиться о каждой душе, которая жаждет…

— Вот за что я всегда так ценил тебя, Джон, так это за твою вечную заботу о душах заблудших и о собственной, в частности, тогда как ты должен понимать, что никакой души у тебя нет.

— А я не знаю, что у меня нет души! — огрызнулся робот. — Мне удобнее думать, что она у меня есть. Вполне резонно считать, что всякое разумное существо наделено душой.

— Что бы ею ни было, — уточнил Папа.

— Да, вот именно, — подтвердил Джон.

— Никто больше не осмеливается так разговаривать со мной, — сказал Папа. — И я ни с кем так не говорю, как с тобой. Вот почему я так ценю тебя, вот почему ты — мой друг, хотя, послушав наш разговор, вряд ли кто-нибудь сказал бы, что мы — друзья. Знаешь, было время, когда я подумывал, не сделать ли тебя кардиналом, но в роли садовника ты способен принести мне больше пользы. А ты сам-то не хотел бы стать кардиналом?

Джон захлебнулся от удивления и издал какой-то нечленораздельный звук.

— Ну, вот и славно. Я так и думал, — резюми-

ровал Папа. — Ты как садовник опасен, а как кардинал был бы опасней в сто раз. А теперь отвечай мне, и немедленно — не вздумай заговаривать зубы и сочинять: ведь это именно ты поднял эту суету относительно канонизации Мэри?

— Да, я, — дерзко ответил робот. — И мне нечего стыдиться. Народу нужны святые — преданным роботам в Ватикане и верным людям в посёлке. Вера их скудеет, ей нужна поддержка. Что-то нужно такое… мощное, величественное, чтобы ещё раз подтвердить правильность избранной нами цели, ради которой мы прибыли сюда. Но если Мэри выгнали из Рая…

— Джон, ты в этом уверен?

— Нет, я же сказал вам, что это не более чем слухи. Мэри осуществляла какое-то наблюдение и вернулась из него совершенно потрясённая. Чем, почему — не знаю, Экайер упёрся и не желает передавать оба кристалла в Ватикан. А наш новичок — этот маленький доктор — упорно избегает моих вопросов. Он знает все, что знает Экайер. И оба они — негодяи!

— Не нравится мне эта идея с канонизацией, — проворчал Папа. — Это шаг назад, к земному христианству. Не то чтобы христианство было так

уж дурно само по себе, но ему было далеко до того, чем оно притворялось. Я говорю в прошедшем времени, хотя отлично знаю, что христианство существует до них пор. А употребил прошедшее время я потому, что не имею понятия, как оно развивалось, чем стало.

— Смею вас уверить, — язвительно проговорил Джон, — что и оно претерпело кое-какие изменения. Не стал бы называть это «развитием», честно говоря, но изменения налицо.

— Вернёмся к вопросу о канонизации. Если слухи верны, твоё предложение канонизировать Мэри теперь будет выглядеть не так привлекательно. Мы не можем объявить святой женщину, которую выгнали из Рая.

— Вот именно это я и пытаюсь вам растолковать! — обрадовался Джон. Нам позарез нужна святая как символ, как спасательный круг, за который наша вера могла бы ухватиться и удержаться на плаву. Я ждал, когда появится святая или святой, и теперь мы просто не имеем права упускать такой случай! Ватикан во что бы то ни стало должен получить кристалл с записью о Рае — этот, самый последний — и либо уничтожить его, либо спрятать. Мы со всей ответственностью должны подойти к сокрытию того факта, что её

изгнали из Рая.

— Джон, — строго проговорил Папа, — ты должен отдавать себе отчёт в том, что это не Рай.

— Нисколько не сомневаюсь.

— Но тебе хочется, чтобы вся наша братия поверила в Рай?

— Ваше Святейшество, это необходимо! Нам нужна святая, нам нужен Рай!

— А ведь мы только что толковали о поисках более истинной религии. Теперь же…

— Ваше Святейшество!

— Знаешь, Джон, что я тебе скажу? Если нам действительно нужен святой, то у меня на это место есть кандидат получше Мэри. Умный, амбициозный робот, настолько ослеплённый любовью к народу и верой в его спасение, что отказался от возможности занять высокий пост в Ватикане ради того, чтобы до конца дней своих возиться с розами.

Джон истерично взвизгнул — редкий случай для робота.

Глава 31

Старожилы Харизмы, стражи лесов, пустынь и вод — глухоманы — вели неторопливую соседскую беседу, которой никто не слышал и не замечал, кроме них самих. Они переговаривались через всю планету легко и просто, исполненные уважения друг к другу, давая каждому возможность высказаться.

— Было время, — сказал тот, что обитал на плодородной, цветущей равнине, тянувшейся до самого горизонта позади уже знакомого нам горного хребта, — было время, когда меня очень волновал металлический народец, обосновавшийся на нашей планете. Я боялся, что они расплодятся, доберутся до нашей земли, наших деревьев, что начнут выкапывать наши драгоценные минералы, отравят наши воды, опустошат земли. Но ещё более я обеспокоился, когда узнал, что металлический народец — дело рук другого народца — органического, который в своё время создал их себе как слуг. Но я наблюдал за ними долгие годы и решил, что они совсем не опасны.

— Да, они — народец очень милый, — подхватил глухоман, живший на холме повыше хижины Декера, откуда он лучше остальных мог наблюдать за Ватиканом. — Они пользуются нашими богатствами, но делают это мудро — берут не более того, что нужно, и следят за тем, чтобы почва не истощалась.

— Поначалу, — вступил в разговор тот, что жил среди высоких скал к западу от Ватикана, — меня пугало, что они так интенсивно используют дерево. И тогда, и теперь им нужно много дерева. Но и деревом они пользуются экономно, никогда не берут лишнего. И часто даже сажают молодые деревца, чтобы заменить срубленные.

— Нет, что ни говори, а соседи они неплохие, — сказал глухоман, что жил на берегу океана, на другом краю планеты. — Если вам и суждено было иметь соседей, то лучше не придумаешь. Повезло нам с ними.

— Да, повезло, — согласился тот, что жил в долине. — Но не так давно мы были вынуждены убить…

— Да, но то не был представитель металлического народа, — возразил глухоман, живший неподалёку от хижины Декора. — И с ним вместе были другие — представители той самой

органической расы, о которой мы уже говорили. Тут их довольно много, и появились они вместе с металлическим народом. Те, что живут тут давно, — потомки прибывших вместе с металлическим народом. И они не имеют дурных намерений относительно нас и нашей планеты. К сожалению, они нас побаиваются, и от этого их отучить трудно. В числе убитых был чужой, он был здесь новичком и, осмелюсь заметить, весьма отличался от тех, кто тут давно обитает. У него было приспособление, которое, как он думал, могло помочь ему расправиться с нами, хотя зачем ему это понадобилось, не представляю.

— Безусловно, — сказал тот, что жил высоко в горах, — мы этого допустить никак не могли.

— Да, не могли, — согласился глухоман Декера, — хотя мне очень жаль, что пришлось поступить именно так. Особенно жалко, что пришлось убить и тех двоих, что сопровождали новичка, который задумал нас прикончить. Если бы они не пошли с ним, все не было бы так безнадёжно.

— Увы, мы не могли ничего поделать, — подтвердил тот, что жил у океана.

На мгновение они умолкли и стали молча показывать друг другу то, что видели и ощущали:

широкую, ровную степь, уходившую вдаль во все стороны до самого горизонта; травы, колыхавшиеся под порывами ветра, словно морские волны; нежные тюлевые цветы — братья травы; широкую полосу песчаного берега, протянувшуюся на многие мили вдоль океана, вздымавшего зеленые волны, обрамлённые белыми кружевами пены; птиц, похожих и не похожих одна на другую, летающих над волнами и гнездящихся на песке, в одиночку и целыми стаями парящих и кружащихся в прекрасном воздушном танце; глубокую, потаённую торжественность густых лесов; землю в лесу чистую, без подлеска; ровные, тёмные стволы деревьев, аллеями уходящие в туманно-синее далеко; поросшее деревьями и кустарником глубокое ущелье, по обеим сторонам которого то тут, то там торчали острия скал. Здесь обитали маленькие, дружелюбные существа — птицы и зверушки, которые попискивали, порхали и ползали среди скал и упавших, отживших своё деревьев, и звуки этой жизни сливались с хрустальным звоном ручейка, что пенился на каменистом дне ущелья…

— Нам повезло, — прервал молчание глухоман, живший неподалёку от поющего ручья. — Нам удалось, не прикладывая особых усилий, со-

хранить нашу планету такой, какой она была создана. Как хранители, мы были призваны только следить за тем, чтобы все оставалось, как есть. Нам повезло — сюда ни разу не прилетали захватчики, которым хотелось бы использовать нашу планету в своих целях, испортить её, изуродовать. Иногда я удивлялся — и как это нам удаётся справляться со своими обязанностями?

— Мы должны справляться, — сказал глухоман, живший в горах над Ватиканом. — Мы инстинктивно должны чувствовать, как поступать.

— Но мы допустили одну серьёзную ошибку, — посетовал глухоман Декера. — Мы позволили пыльникам улететь.

— А что мы могли поделать? — возразил тот, что жил на равнине. — Мы никак не могли предотвратить их исхода. Да и нельзя было этого делать: они разумные существа и вольны поступать, как считают нужным.

— Что и произошло, — резюмировал глухоман, живший у океана.

— Но все же, — возразил глухоман, обитавший в далёкой пустыне, — они родились здесь и выросли. Они были частью планеты, а мы позволили им покинуть её. С их уходом планета чего-то лишилась. Я частенько размышлял о том,

что было бы, если бы они осталось.

— Уважаемые хранители, — вступил в разговор глухоман, живший в чаще леса, — полагаю, что такие гадания бессмысленны. Они улетели давным-давно. Может быть, когда-нибудь им вздумается вернуться и оказать какое-то воздействие на родную планету, но сие нам неизвестно, и мы никогда не сможем этого узнать. Не исключено, что планета вовсе не пострадала от того, что они её покинули. Может быть, их влияние, останься они тут, оказалось бы и отрицательным. Я вообще удивлён, что мы затронули эту тему.

— Мы её затронули, потому что один из них остался, — пояснил глухоман, живший неподалёку от Декера, — и живёт рядом с одним из органических существ — из тех, что создали металлический народец. Другие улетели, а он остался. Я много думал — почему? Может быть, его просто забыли тут. А может быть — оставили намеренно. Он ведь детёныш, совсем маленький.

Глава 32

Радужное облачко искристой пыли покачивалось в воздухе над резной спинкой стула, стоявшего около стола о мраморной крышкой.

— Вернулся, стало быть, — проговорил Теннисон мысленно.

— Пожалуйста! — сказал Шептун. — Ну пожалуйста.

— Нет, я не собираюсь уступать тебе, — Теннисон. — Но поговорить пора.

— Давай, — обрадовался Шептун. — Давай поговорим. Я с превеликой радостью расскажу тебе о себе. Больше никто-никто на свете не знает, что я и кто я.

— Ну, валяй рассказывай.

— Глухоманы называют меня пыльником, а Декер зовёт Шептуном, а…

— Меня совершенно не интересует, кто тебя как называет. Ты давай выкладывай, что ты такое.

— Я — неустойчивый конгломерат молекул, все молекулы диссоциированы и составляют единое целое — меня. И каждая из молекул, может быть, даже каждый атом меня, разумны. Я — уроженец

этой планеты, хотя я не помню её начала и не знаю конца. Не исключено, что я бессмертен, хотя я об этом никогда не задумывался. Хотя, скорее всего, так оно и есть. Меня, например, нельзя убить. Даже когда я весь рассеян, так сильно, что все атомы отстоят друг от друга на целую вечность, каждый из них хранит в себе меня целиком, содержит и чувства мои, и разум.

— Вот это да, — восхитился Теннисон. — Потрясающий ты парень! Бессмертный, разумный, вездесущий, и никто тебя пальцем тронуть не может. Все у тебя есть.

— Нет, не все. К сожалению, не все. У меня есть разум, и, как разумное существо, я стремлюсь к познанию, к знаниям. Но мне недостаёт инструмента для познания.

— Стало быть, ты ищешь этот инструмент?

— Слишком грубо сказано.

— Надо понимать, ты меня хочешь использовать как инструмент для познания? И что же тебе хочется узнать?

— Мне нужно узнать о Ватикане. О том, что за работу они проводят. Мне нужно попасть в те миры, которые отыскивают Слушатели. Я давно пытаюсь это сделать, но пока узнал мало, очень мало. Проникнуть в мыслительные процессы

машин нет никакой возможности. Мне такой тип разума не подходит. Но и самые слабые мои попытки что-либо разузнать уже вызвали подозрения в Ватикане. Они думают, что кто-то шпионит за ними, но не знают, кто и зачем. Они хотят отыскать меня, но найти не могут. Даже не догадываются, наверное, что я существую.

— Так ты думаешь, что я мог бы тебе помочь? Ты уверен, что я захочу?

— Ты можешь мне помочь. В этом нет сомнений. Ты ведь имеешь возможность смотреть записи на кристаллах. Если бы ты позволил мне войти в твоё сознание, то я мог бы посмотреть их вместе с тобой и тогда мы оба…

— Но, Шептун, почему именно я? Есть ведь, к примеру, Экайер.

— Я пытался. Но он меня не чувствует. Он не более восприимчив к моему присутствию, чем роботы. Он не понимает, что я рядом, даже не видит моего сияния. Декер видит сияние, и я могу с ним разговаривать. Но он не имеет возможности смотреть кристаллы, и в сознание к нему я войти не могу. Остаёшься только ты, ну и кое-кто ещё.

— Кто же?

— Та, которую ты зовёшь Джилл.

— Ты уже говорил с ней?

— Нет, не говорил. Но, наверное, смог бы. Её сознание тоже не закрыто для меня.

— Слушай, что я тебе скажу, Шептун, — строго сказал Теннисон. — Оставь Джилл в покое. Не смей её трогать. Понял?

— Понял. Не буду её трогать.

— Значит, ты хочешь смотреть кристаллы вместе со мной. Это все?

— Не все. Но это — самое главное.

— А теперь скажи зачем. Зачем тебе смотреть кристаллы?

— Чтобы отыскать свою родню.

— Кого-кого? — удивился Теннисон. — Какая такая родня?

— Давным-давно, так давно, что границы времени теряются и расплываются, когда начинаешь об этом думать, — я был маленькой частичкой, одной из многих частичек большого облака, состоящего из множества других пыльников, или других Шептунов, — как тебе больше нравится. Облако это состояло из множества мне подобных, и у него была судьба, и была цель. Эта цель — познание Вселенной.

— Ты мне зубы не заговаривай, — посоветовал Теннисон.

— Но это правда, чистая правда! Мне нет резо-

на лгать тебе, — ведь ты можешь уличить меня во лжи, и тогда я потеряю всякую надежду на сотрудничество с тобой.

— Да, верно. Врать тебе смысла нет, это точно. Ну, и что стряслось с этим твоим облаком?

— Все ушли. Оставили меня одного, — ответил Шептун. — Почему, зачем я не знаю. Знаю только, что они ушли изучать Вселенную. Долгие, горькие часы я провёл, гадая, почему они покинули меня. Но даже оставшись один-одинёшенек, я должен исполнять своё предназначение. Я обязан изучать Вселенную.

— Должен — значит должен. Валяй изучай. Я не возражаю.

— Смеёшься? Не веришь мне?

— А с какой стати мне тебе верить? Ты рассказал мне, чего ты хочешь и как тебе нужна моя помощь. Но позволь спросить: мне-то что до этого? Что я с этого буду иметь, кроме твоего прекрасного общества?

— Ты тяжёлый человек, Теннисон.

— Но не глупый. И никому не позволю использовать меня. Мне кажется, что тут должно быть что-то вроде сделки.

— Сделка? — обрадовался Шептун. — Да, конечно, сделка.

— Нормально… — покачал головой Теннисон. — Сделка с дьяволом.

— Кто из нас дьявол? Если я правильно понимаю суть этого понятия, то я — вовсе не он. И ты, как мне кажется, тоже.

— О'кэй, значит, не с дьяволом.

— Я немного побродил в твоём сознании без разрешения. За что прошу простить меня.

— Ты прощён. Если действительно немного.

— Правда, правда, совсем недолго. Буквально несколько мгновений. В твоём сознании я успел заметить два мира. Осеннюю страну и математический мир. Который из них ты хотел бы посетить? Не просто увидеть, не просто посмотреть, а именно — посетить.

— Хочешь сказать, что можешь перенести меня туда? Что я могу попасть в эти миры?

— Да, со мной ты можешь попасть в эти миры. И лучше понять их, хотя в этом я не до конца уверен. Но ты обязательно сможешь увидеть их более ясно, лучше ощутить.

— Даже Рай?

— Но ты не видел такого кристалла!

— Да, не видел, — согласился Теннисон.

— Ну как?

— Ты предлагаешь мне посетить один из миров

и вернуться обратно?

— Конечно, и вернуться. Обязательно. Ты же никогда не уходишь туда, откуда нельзя вернуться.

— Значит, ты перенесёшь меня…

— Нет. Мы пойдём вместе.

«Это невозможно, — подумал Теннисон. — Кошмар какой-то! Либо я снова сплю, либо этот пройдоха, жулик несчастный…»

— Это возможно, — возразил Шептун, — И я не жулик. Ты ведь думал о математическом мире? Ты его видел во сне. Он не даёт тебе покоя.

— Я там ничего как следует не разглядел. Многое было скрыто от меня. Почти все. Но я понимал, что там что-то есть. Понимал, но не видел.

— Ну так пойдём со мной — и увидишь.

— И… пойму?

— Нет, я не уверен, что мы поймём. Но одна голова — хорошо, а две лучше.

— Ты меня искушаешь, Шептун. Ох, искушаешь… Не рискую ли я с тобой, а?

— Никакого риска, уверяю тебя, друг! Можно я буду звать тебя другом?

— Другом? Пока рановато, Шептун. Зови лучше партнёром. У партнёров тоже должно быть доверие друг к другу. Но если ты обманешь меня…

— Если я обману?

— Об этом узнает Декер, и ты лишишься единственного друга.

— С твоей стороны непорядочно угрожать, партнёр.

— Возможно.

— Но ты стоишь на своём.

— Да, я стою на своём, — упрямо заявил Теннисон.

— Значит, ты не против того, чтобы отправиться вместе в математический мир?

— Да, но… нужно же посмотреть кристалл.

— Нет нужды. Все запечатлено у тебя в сознании.

— Да, но плохо, несовершенно. Я не видел всего. Многие детали отсутствуют.

— Ошибаешься, там все есть. Нужно только покопаться. Ты и я, вместе, сумеем сообща разглядеть все получше.

— «Сообща», — повторил Теннисон. — Выходит, мы сообщники. Не нравится мне такое слово.

— Ну, если хочешь, назови единством. Нас будет не двое, мы будем вместе одно целое. А теперь, подумай хорошенько о математическом мире. Вспомни его как можно лучше. Попробуем проникнуть туда.

Глава 33

Енох, кардинал Феодосий вошёл в библиотеку и опустился на табуретку рядом с Джилл, больше похожий на разодетое чучело, чем на кардинала.

— Надеюсь, — обратился он к Джилл, — вы не имеете ничего против визитов старого занудного робота, которому некуда девать время?

— Преосвященный, я очень рада, что вы заходите ко мне, — сказала Джилл. — Мне так нравится с вами беседовать.

— Странно… — покачал головой кардинал. Он поставил ноги на низенькую скамеечку и обхватил себя руками ниже груди, словно у него болел живот. — Разве не странно, что у таких разных существ, как вы и я, есть о чем побеседовать? Должно быть, у наших бесед интересные темы. Вы согласны со мной?

— Да, Преосвященный, согласна.

— Я проникся к вам большим уважением, — сказал кардинал. — Вы работаете упорно, с большим энтузиазмом. У вам острый, пытливый ум, вы ничему не позволяете ускользнуть от вашего внимания. Ваши ассистенты хорошо

отзываются о вас.

— Хотите сказать, что ко мне приставлены шпионы, которые вам обо мне докладывают?

— О нет, — сказал кардинал, протестующе подняв руку. — Вы прекрасно понимаете, что я не хотел этого сказать. Но иногда, когда мне случается с ними беседовать, ваше имя упоминается. Вы им очень нравитесь, Джилл. Вы думаете, как робот, — так они мне сказали.

— Надеюсь, что это не так.

— Но что же дурного в мышлении робота, мисс Робертс?

— Ничего, наверное. Но для меня мышление робота не годится, вот и все. Я должна думать, как человек.

— Люди — странный народ, — задумчиво промолвил Феодосий. — К такому выводу я пришёл, наблюдая за ними много лет. Вы, может быть, не знаете, как роботы восхищаются людьми, как преклоняются перед ними. Люди — один из излюбленных предметов разговоров, мы проводим долгие часы в беседах о них. Я уверен, что прочные отношения между людьми и роботами вполне возможны. Существуют мифы, в которых описывается подобная близость. У меня лично ни с кем из людей таких отношений не было, и

теперь я начинаю ощущать, как мне этого всю жизнь не хватало. Должен раскрыть вам маленькую тайну: мне стало казаться, что во время моих визитов к вам между нами стало возникать что-то напоминающее такие отношения. Надеюсь, вы не возражаете против таких мыслей?

— Ну что вы, конечно, нет. Для меня это большая честь.

— До сих пор, — продолжал кардинал, — у меня с людьми были только краткие, исключительно деловые контакты. Экайер — единственный из людей, с кем меня связывают более или менее продолжительные отношения.

— Пол Экайер — очень хороший человек, — сказала Джилл.

— Хороший. Да, пожалуй, хороший. Несколько упрямый, правда. Он целиком посвятил себя своим Слушателям.

— Но это его работа, — возразила Джилл, — и он её делает хорошо.

— Это верно, но порой он будто забывает, ради кого делает эту работу. Он берет на себя больше ответственности, чем на него возложено. Сам процесс работы становится для него главным. Но его Программа — это программа Ватикана. А он порой ведёт себя так, будто это его личное дело.

— Ваше Преосвященство, к чему вы клоните? Может быть, вас слишком беспокоит случай с Мэри?

Кардинал поднял голову, внимательно посмотрел на Джилл и улыбнулся.

— Мисс, я понимаю ваших ассистентов. Вы, пожалуй, слишком умны, больше, чем нужно.

— Да что вы, — махнула рукой Джилл. — Как раз наоборот, чаще я слишком глупа, когда пытаюсь быть умной.

— Меня беспокоит, — сказал робот, — этот случай со святой. Я не уверен, что нам необходима святая. Она может доставить нам больше хлопот, чем кажется. А что вы думаете об этом, мисс Робертс?

— Я никогда специально не думала об этом. Слышала какие-то разговоры, вот и все.

— Экайер не торопится передавать нам второй кристалл, где записано повторное посещение Рая Слушательницей Мэри. У меня такое ощущение, что добровольно он его не отдаст. Я не знаю, что произошло. И думаю, никто не знает. Ходят самые нелепые слухи.

— И, наверное, все они далеки от истины.

— Скорее всего. Обычно в слухах мало правды. Но почему Экайер не передал нам этот кри-

сталл?

— Ну, может быть, он слишком занят? У него так много всяких дел. А что, он всегда немедленно передаёт кристаллы в Ватикан?

— Да нет, не всегда. Обычно он передаёт их, когда сам пожелает.

— Ну вот видите! Он, наверное, просто сам ещё не успел посмотреть.

— Ох, не знаю, — растерянно покачал головой кардинал. — Экайер близкий друг Теннисона, а Теннисон знаком с Декером.

— Ваше Преосвященство, вы говорите так, будто они втроём сговорились против вас. При чем тут Теннисон и Декер? Вот уж кого вам совершенно нечего бояться. Экайер и Теннисон работают на Ватикан. А уж Декер вообще ни при чем.

— Вы могли бы помочь мне.

— Не уверена. А почему вы так думаете?

— Вам все должно быть известно. Вы спите с Теннисоном.

— Стыдно, Ваше Преосвященство, — возмущённо проговорила Джилл. — Я не знала, что роботы обращают внимание на такие вещи!

— О, в том смысле, в котором вы подумали, нас это нисколько не волнует. Просто Теннисон мог сказать вам об этом.

— А ведь вас, Преосвященный, волнует не то, что Мэри могут объявить святой, не так ли? — поинтересовалась Джилл. — Дело в Рае, верно? Но если вас это так беспокоит, почему бы вам не отправить туда своих сотрудников — пусть бы они выяснили, что там такое.

— У нас нет координат, и мы не знаем, где его искать.

— А я думаю, что вы боитесь, — уверенно сказала Джилл. — Ваше Преосвященство, признайтесь, что боитесь. Даже если бы у вас имелись точные координаты, вы бы побоялись туда отправиться. Вы боитесь того, что можете найти там.

— Дело не в этом, — покачал головой кардинал. — Да, я действительно боюсь, но у страха моего другая причина, гораздо более серьёзная. Меня пугает нынешняя ситуация в Ватикане. Столько столетий дела у нас шли хорошо! Были и успехи, и неудачи, были расхождения во мнениях, но никогда до сих пор я ни на йоту не сомневался, что наше учреждение выстоит. Оно казалось мне таким же прочным, как та могучая скала, на которой оно покоится. Но теперь я чувствую, что в недрах несокрушимой твердыни зародились какие-то сдвиги, будто почва стала колебаться под ногами — не знаю, хорошо ли я передаю свои

ощущения, но ясно чувствую предвестье смуты, которая может сокрушить все устройство и принципы, на которых оно основано. Откуда ветер дует, я не знаю, но уверен, что где-то скрывается некий энтузиаст, активный разрушитель устоев, который все время подогревает эту таящуюся, тлеющую смуту, подбрасывает поленья в огонь. Я уже давно понял, что кто-то — тот же смутьян или кто-то другой — потихоньку крадёт из сокровищницы наших знаний. Не слишком нагло, не чересчур открыто, — а как крошечная мышка, откусывающая потихоньку от головки сыра весом в целую тонну. Не знаю, одно и то же ли это лицо, а если нет, то связаны ли они между собой — не могу даже догадываться. Знаю одно: Ватикан должен устоять, с нами ничто не должно случиться и никому не должно быть позволено мешать нам. Слишком многое поставлено на карту.

— Ваше Преосвященство, — попыталась успокоить его Джилл, — мне кажется, вы напрасно так волнуетесь. У вас все так хорошо организовано и продумано, Ватикан слишком силён, чтобы кто-то или что-то могло его разрушить.

— Не его, мисс Робертс, не сам Ватикан, — но цель, которой он посвятил себя. Давным-давно — вы, вероятно, уже знаете об этом, постольку уже

довольно глубоко изучили нашу историю — мы прибыли сюда в поисках истинной веры. Сейчас среди нашей братии можно отыскать таких, кто уверен, что мы от этой цели отказались, что мы предали её ради технических и философских знаний, не имеющих с верой ничего общего. Я уверен, что те, кто так думает, глубоко заблуждаются. Моё искреннее убеждение состоит в том, что вера, безусловно, связана со знанием — не со всяким знанием, конечно, а с особенным, очень специфичным. Но для того чтобы достичь такого знания и прийти к единственно верному ответу, нам нужно для начала ответить на множество вопросов. Может быть, порой мы идём по ложному следу, но мы не имеем права пренебрегать и ложными следами — это даёт возможность убедиться, что они ведут в тупик, где нет ничего, — то есть нет ответа.

— Выходят, ваш взгляд на вещи изменился, — отметила Джилл. — Насколько я смогла понять из изучаемых мной материалов, раньше вера ставилась выше знания.

— Да, в каком-то смысле, в первом приближении, так сказать, — вы правы. Просто мы сами поначалу не понимали, что вера должна быть основана на знании, она не может быть слепой,

нельзя без конца повторять неправду в надежде, что от многократного повторения она станет правдой. Нам не нужна ложь. Нам нужны знания.

Кардинал умолк и, глядя на Джилл прямым, немигающим взглядом робота, поднял руку и торжественно очертил в воздухе круг. Джилл догадалась, что этим жестом он изобразил Вселенную, всё во времени и пространстве за пределами этой комнаты, где они сидели.

— Где-то там, — сказал он, — есть кто-то или что-то, кто знает ответы на все вопросы. И среди множества ответов есть тот, который мы ищем. Именно его мы обязаны узнать. А может быть, нам нужно узнать все ответы, каждый из них, и они укажут путь к единственно верному. Как бы то ни было, задача наша — поиск ответа. И мы не имеем права отступить, поддаться слабости, соблазниться славой и могуществом. Неважно, сколько на это уйдёт времени, но наша задача должна быть выполнена.

— Но Рай может стать основой самообмана, которого вы так опасаетесь.

— Мы не имеем права рисковать.

— Но вы должны понимать, что это не Рай. Не тот старый христианский Рай с парящими

ангелами, звучащими трубами и золотыми мостовыми!

— Умом понимаю, мисс Робертс, что этого не может быть, — а что если так оно и есть?

— Значит, вот вам и ответ.

— Нет. Нам не такой ответ нужен. Нам нужен не просто ответ, а ответ ответов. Если мы удовлетворимся таким ответом, то перестанем искать главный ответ.

— Ну что я могу вам посоветовать? — пожала плечами Джилл. — Тогда отправляйтесь туда и докажите, что это не Рай. А потом возвращайтесь и продолжайте работу.

— Мы не можем рисковать, — повторил кардинал.

— В каком смысле? Вы боитесь, что там действительно Рай?

— Не только. Ватикан в любом случае не выиграет. Это будет то, что вы, люди, зовёте ничьей. Если это не Рай, мы столкнёмся с тем, что многие из наших сотрудников разочаруются в Слушателях, перестанут им доверять. Как вы не понимаете? Если будет доказано, что Мэри ошиблась, поднимется страшный вой — все станут орать: «Долой Слушателей! Их работа ни гроша не стоит!» А ведь Поисковая Программа Экайера

— наш единственный, самый мощный инструмент. Он должен быть вне сомнений, слухов и какой бы то ни было критики. Если Программа не выстоит, пройдут столетия, прежде чем мы восстановим утраченное, если вообще можно будет что-то восстановить.

Джилл испугалась.

— Ваше Преосвященство, вы не должны позволить этому случиться! — воскликнула она.

— Бог не допустит этого, — проговорил кардинал.

Глава 34

Раньше мир уравнений виделся Теннисону сквозь дымку, его очертания были искажены колеблющимся, плывущим маревом — так в жаркий солнечный день виден другой берег озера, поверхность которого сияет радужными бликами, отражая палящие лучи. Теперь же все было видно чётко и ясно. Он стоял на твёрдой почве, а перед ним ровными рядами, насколько хватало глаз, выстроившись разноцветные кубоиды, испещрённые значками и графиками. Вдали угадывалась линия горизонта, она поднималась кверху наподобие края огромной чаши, и там, далеко-далеко, край её соприкасался с опрокинутой чашей небес. Поверхность планеты — если это была планета — была покрыта горохово-зелёным ковром, но это не была трава. Что именно — Теннисон пока понять на мог.

— Шептун! — позвал Теннисон.

Ответа не последовало. Шептуна не было. Он был один. Или нет, не один. Шептун тоже был здесь, но не как нечто отдельное. Здесь, в незнакомом, чужом мире, Теннисон находился не сам

по себе — тут были он и Шептун, соединённые в одно целое.

Он застыл, поражённый внезапной догадкой, не понимая, откуда это стало ему известно. Шли мгновения, и он догадался, что додумался до этого не он, Теннисон, а Шептун, который сейчас был его неотъемлемой частью. Но кроме этого Шептун никак не обнаруживал своего присутствия. «Интересно, — подумал Теннисон, — а как себя чувствует Шептун? Кажется ли ему, что он сам по себе, или он тоже осознает себя частью единого целого? Чувствует ли он моё присутствие?» Но ответа на его безмолвный вопрос не последовало. Шептун не давал знать, так ли оно на самом деле.

Самое удивительное, что Теннисон ощущал реальность своего присутствия в математическом мире: не смотрел на него со стороны, а лично там находился. Он чувствовал твёрдую поверхность под ногами и дышал легко и свободно, словно на планете земного типа. Он попробовал оценить параметры окружающей среды — состав атмосферы, её плотность, давление, силу притяжения, температуру воздуха. Производя в уме вычисления, он поразился. Подсчёты были весьма приблизительны, но он понимал, что

все параметры намного лучше — условия были не просто подходящими для жизни, а идеально подходящими.

Кубоиды оказались расцвечены разнообразнее и ярче, чем тогда, когда он смотрел кристалл и видел их во сне. Уравнений и графиков на их поверхности было намного больше. Приглядевшись к ближайшей группе кубоидов, он заметил, что все они — разного цвета, а уравнения и графики на их поверхности совершенно разные. Каждый из них нёс в себе нечто индивидуальное.

Он до сих пор не сдвинулся с места, и та часть, которую мучили сомнения относительно его присутствия здесь — наверное, собственно Теннисон, — не давала ему сделать ни единого движения. Наконец он сумел преодолеть оцепенение и сделал первый осторожный шаг, чтобы удостовериться в том, что может двигаться. Уравнения-кубоиды стояли неподвижно, и Теннисон решил предпринять попытку контакта и начать двигаться. «Неужели, — подумал он, — я буду стоять тут и глазеть, а потом уберусь восвояси? Тогда между теперешним посещением этого мира и предыдущими не будет никакой разницы».

Он медленно, шаг за шагом приближался к кубоидам. Подойдя к одному из них довольно

близко, Теннисон прикинул его «рост», то есть — высоту.

«Рост» кубоид имел приличный — что-то около восьми футов, и Теннисон смотрел на его верхнюю часть, запрокинув голову. В длину кубоид был раза в два больше. Теннисон не мог определить ширину кубоида, оттуда, где стоял, но он вышел из положения и взглянул на другой кубоид, который был развернут к нему боком, и понял, что ширина кубоида составляет около девяти футов. «Наверное, — подумал Теннисон, — размеры у них могут быть разные». Но те, что стояли к нему поближе, казались совершенно одинаковыми.

Передняя поверхность кубоида, к которому он подошёл поближе, была бордового цвета, на ней были изображаемы уравнения преимущественно оранжевые, но кое-где вкраплялись красный, жёлтый, зелёный цвета. Он попытался решить в уме самое длинное уравнение, но оказалось, что значки, которыми оно было написано, Теннисону незнакомы.

Тот кубоид, по которому Теннисон определил ширину, был ярко-розовым, уравнения на нем — зеленые, а сзади него стоял ещё один, пепельно-серый в рыжих крапинках. Уравнения на нем

были лимонно-жёлтые, а графики — сиреневые. Этот кубоид выглядел забавно, казался «веселее» остальных.

Пока Теннисон приближался к кубоидам, с их стороны никакой реакции не последовало, они оставались неподвижными.

Только сейчас Теннисон обнаружил, что в этом мире совершенно нет звуков. Это был мир безмолвия. «Так вот почему я здесь не в своей тарелке, — понял Теннисон. — Ведь я так привык к тому, что меня всю жизнь сопровождают звуки — хоть какие-нибудь. Даже когда лежишь в блаженной тишине, нет-нет да и раздастся какой-нибудь звук — то скрипнет рассохшаяся половица, то лёгкий ветерок пошевелит листву за окном, то муха зажужжит от обиды, ударившись в оконное стекло…» Здесь же не было ничего, полное беззвучие.

Он отважился ещё ближе подойти к бордовому кубоиду. Было интересно идти, не производя никаких звуков. Подойдя к кубоиду вплотную, Теннисон, сам толком не понимая, что делает, вытянул руку и коснулся поверхности кубоида указательным пальцем — осторожно, готовый в любое мгновение отдёрнуть руку, словно кубоид мог оказаться горячим или был способен укусить

за палец. Ничего не произошло. На ощупь кубоид оказался гладким, не тёплым и не холодным. Осмелев, Теннисон коснулся его всей ладонью. Ладонь плотно прижалась к кубоиду, и Теннисон с удивлением ощутил, что он прогнулся под рукой. Казалось, что он положил руку на желе или холодец.

На поверхности кубоида произошло какое-то движение, и Теннисон в испуге отпрянул. Он увидел, как задвигались уравнения, зашевелились графики — сначала медленно, лениво, потом все быстрее и быстрее. Вскоре за мельканием уравнений и графиков уже невозможно было уследить: они растворялись, исчезали, вливались одно в другое, возникали новые комбинации значков и тут же исчезали, следом возникали следующие, совсем другие.

«Он, этот не знаю кто, говорит со мной, — понял Теннисон. — Да, пытается говорить, хочет перебросить мостик через пропасть, разделяющую нас!»

Теннисон как зачарованный смотрел на кубоид, пытаясь уловить смысл причудливой пляски значков и их комбинаций. Временами ему казалось — вот он, смысл, я все понял, но стоило уравнению немного измениться — и только что

обретённое понимание рассеивалось, пропадало, словно его и не было, будто он что-то написал мелом на доске, а кто-то безжалостно стёр написанное.

Не отрывая взгляда от обращённой к нему поверхности бордового кубоида, краем глаза он заметил сбоку какое-то движение и резко отступил в сторону. Но бежать оказалось некуда и спрятаться негде. К нему приближались другие кубоиды. Они постепенно смыкались в плотное кольцо, отрезая Теннисону пути к отступлению. На поверхностях кубоидов, обращённых к Теннисону, двигались, прыгали, перемещались графики и уравнения. Зрелище было не для слабонервных: не было слышно ни единого звука, а Теннисону казалось, что они хором кричат на него.

Подходили все новые и новые кубоиды, и некоторые из них, желая получше разглядеть пришельца, взбирались сверху на своих собратьев. Вновь прибывшие лезли ещё выше — казалось, какой-то невидимый каменщик-великан громоздил стену из неподъёмных блоков и окружал ею Теннисона. Кольцо смыкалось все плотнее, и у Теннисона закружилась голова от непрерывной смены цветов и пляски значков в графиках и

уравнениях. Теперь ему казалось, что они уже не с ним разговаривают, а собрались на какое-то сверхважное совещание и решают срочный вопрос. Уравнения усложнялись немыслимо, графики извивались, вертелись, перекручивались.

Кубоиды стояли вокруг Теннисона плотной, нерушимой стеной, и вдруг неожиданно стена рухнула прямо на Теннисона! Он в страхе закричал — но пока она падала, страх сменился удивлением, казалось, он погружается в бездну. Теннисон не ушибся, не поранился. Целый и невредимый, он стоял в куче упавших кубоидов. В какой-то момент он испугался, что может утонуть в них, что его засосёт, затянет, разотрёт в порошок, что ему не хватит воздуха. Он живо представил, как его рот и горло заполнит липкое, вязкое желе, как оно попадёт ему в лёгкие…

Но ничего не произошло. Он погрузился в непонятное пространство, но никакого неудобства не ощутил. Он попытался вынырнуть, чтобы вдохнуть, но вскоре понял, что не утонет и воздух ему не нужен. Кубоиды поддерживали его со всех сторон, и ему нечего было бояться. Они не говорили ему этого, но он почему-то это знал. Наверное, эта мысль каким-то непостижимым образом вошла в него.

Кубоиды двигались вокруг, некоторые проходили сквозь него, оставаясь внутри него на некоторое время. Ему стало казаться, что он сам стал кубоидом. Он чувствовал, как внутри него циркулируют графики и уравнения, как они обнимают его, проплывая рядом. Некоторые из них соединились вместе и построили для него странный, немыслимой конструкции… дом! Теннисон скользнул в свой дом, не понимая, что он, но совершенно удовлетворённый своим новым состоянием.

Глава 35

Компания Слушателей собралась за кофе.

— Что слышно про Мэри? — спросила Энн Гатри.

— Да ничего, — ответил Джеймс Генри. — Либо никто не знает, либо знают, да не говорят.

— И никто её не навещал? — спросила Энн.

— Я заходил к ней, — сообщил Герб Квинн. — Меня впустили на минутку. Но она спала.

— Наверное, её пичкают успокоительными, — высказала предположение Жанет Смит.

— Не исключено, — кивнул Герб. — Сестра меня быстренько выпроводила. Похоже, они посетителей не жалуют.

— Честное слово, — покачала головой Энн, — я бы была намного спокойнее, если бы тут был старый док. Этот новенький… не знаю, что и сказать.

— Ты про Теннисона?

— А про кого же?

— Ты не права, — сказал Джеймс Генри. — Он — парень что надо. Я с ним разговаривал несколько недель назад. Мне он понравился.

— Но ты же не знаешь, что он за врач.

— Что верно, то верно. Я к нему не обращался.

— А я у него была, — сообщила Мардж Стриттер. — У меня недавно горло разболелось, и он меня быстро вылечил. Очень симпатичный человек, вежливый, обходительный. А старый док временами бывал грубоват.

— Это точно, — согласился Герб. — Помню, он меня крыл на чем свет стоит за то, что я якобы не следил за своим здоровьем.

— Не по душе мне слухи, которые распускают о Мэри, — покачала головой Энн.

— А кто от них в восторге? — хмыкнул Герб. — С другой стороны — когда в Ватикане не ходили хоть какие-нибудь слухи? Лично я предпочитаю ничему не верить.

— А я думаю, что все-таки что-то стряслось, — сказала Жанет. — Нет дыма без огня. Не зря же ей так плохо. Наверное, она испытала что-то вроде шока. Это ведь так бывает со всеми нами время от времени.

— Да, но до сих пор мы выкарабкивались, — возразил Герб. — Денёк-другой, и все в норме.

— Мэри стареет, — покачала головой Энн. — Может быть, ей уже не стоит работать. Пора на покой. Клоны её подрастают и смогут заменить

её.

— Не нравится мне эта идея с клонированием, — пробурчала Мардж. — Нет, я знаю, что смысл в ней глубокий и вся Галактика широко применяет клонирование. Но все-таки есть в этом что-то ущербное, а может, даже греховное. Думаю, каждый, кто занимается клонированием, может вбить себе в голову, что он — Господь всемогущий. А это опасно и противоестественно.

— Но в этом нет ничего нового, — пожал плечами Джеймс. — Творцами себя мнили многие на протяжении всей истории самых разных цивилизаций — не только человеческой. Взять хотя бы ту цивилизацию, в которую как-то раз попал Эрни. Ну, вы помните, несколько лет назад?

— Ага, — кивнул Герб. — Те самые, что создают новые миры и населяют их кем попало по своему разумению…

— Точно, — подтвердил Джеймс. — Хотя… им не откажешь в логике. Ведь не скажешь, что они брали кучку палочек, посыпали её пылью и произносили над ней заклинания. У них все досконально продумано. При создании планеты учитываются все факторы. Никаких глупостей. Все части пригнаны одна к другой, как в головоломке. Столь же продуманно решается и вопрос

с заселением созданных планет — порой, конечно, существа, которых они внедряют в новые миры, совершенно немыслимы, но сработаны на совесть.

— Ну да, — кивнул Герб. — Все правильно. А что потом? Каждый из созданных миров становится живой лабораторией с экстремальными, стрессовыми условиями, и население подвергается разнообразным испытаниям, принуждено сталкиваться с ситуациями, от решения которых зависит их жизнь. Вы представляете себе: разумные существа выступают в роли подопытных животных. Конечно, таким образом создатели миров получают массу информации, до тонкости изучают всякие социальные проблемы, но это, безусловно, жестоко по отношению к населению планет. И бесцельно, на мой взгляд.

— А может быть, какая-то цель в этом есть, — предположила Жанет. — Пойми, я вовсе не оправдываю подобную практику, но цель у них наверняка есть. Может быть, не такая, какую бы мы одобрили, но…

— Я ничего об этом не знаю, — сказала Энн. — Но склонна сомневаться. Обязательно должна существовать какая-то универсальная, вселенская этика. Во всем пространстве и времени

должны существовать вещи безусловно хорошие и безусловно дурные. И мы никак не можем простить и оправдать жестокую цивилизацию, совершающую дурные поступки, на том основании, что она дурна и порочна, а потому другой способ поведения ей неведом.

— Такой спор, — махнул рукой Джеймс, — можно продолжать вечно.

— А Эрни удалось определить координаты этих создателей планет?

— Думаю, нет, — сказал Герб. — Он возвращался туда несколько раз. У него даже появился интерес к ситуациям, создаваемым в тех мирах, которые эта цивилизация пекла, как блины. Но в конце концов интерес пропал, и он решил больше туда не возвращаться.

— Пожалуй, он был прав, — задумчиво проговорил Джеймс. — И ему повезло, что он сумел вовремя выбраться оттуда. Порой просто ничего нельзя поделать с собой — начинает тянуть туда. Мэри же вот потянуло обратно в Рай.

— А я вот о чем думаю, — проговорила Мардж. — Помните, несколько лет назад Бетси напоролась на выживший из ума старый компьютер? Где-то в одной из шаровидных туманностей, как раз за границей Галактики. Этот компьютер до сих пор

правит целой армадой фантастической техники, созданной с совершенно непостижимой, загадочной целью. Состояние дел там, похоже, в полном развале — техника постепенно выходит из строя из-за отсутствия должного ухода. Чем должны заниматься все эти машины, Бетси выяснить не удалось. Вся планета была похожа на свалку ржавой рухляди. Скорее всего, когда-то там существовала разумная биологическая жизнь, но она ли создала всю эту технику, Бетси выяснить не удалось. Органической жизни там на сегодняшний день либо совсем не сохранилось, либо те её представители, что ухитрились выжить, скрываются.

— Бетси продолжает работать над этим, — уточнила Энн.

— Да, скорее всего, какое-то время она ещё будет этим заниматься, согласишься Герб. — Ватикан проявляет особый интерес к этому компьютеру-маразматику. Им, наверное, хочется выяснить, как он сошёл с ума. Прямо никто ничего не говорит, но, я думаю, в Ватикане опасаются, как бы чего-нибудь в этом роде не стряслось с Его Святейшеством.

— Но Папа не такой уж старый, — возразила Мардж. — И вряд ли у кого-то есть основания

подозревать его в старческом слабоумии.

— О да, — улыбнулся Джеймс. — Он у нас ещё хоть куда, мальчишка, можно сказать. Но время идёт. Пройдёт, скажем, миллион лет… Ватикан может смотреть на миллион лет вперёд.

— Нисколько в этом не сомневаюсь, — кивнул Герб. — Роботы — самые упрямые создания на свете. Вот уж кто не отступится от задуманного ни за какие коврижки. А уж ватиканские роботы всех упрямцев переупрямят. А уж через миллион лет… Вся Галактика будет у них в руках, это я вам точно говорю.

Глава 36

Джилл решила, что пора, наконец, навестить Мэри. Она пришла в клинику и разыскала палату, где лежала Мэри. В дверях её встретила сестра.

— Вы можете побыть у неё буквально несколько минут, — предупредила она Джилл. — Не разговаривайте с ней, прошу вас.

Джилл сделала несколько шагов, но остановилась, не спуская глаз с мертвенно бледной женщины на кровати. Тело с трудом угадывалось по простыней, до того Мэри исхудала. Седые волосы разметались по подушке. Руки были сложены на груди поверх простыни, скрюченные пальцы сплелись так, что казалось, никогда не расцепятся. Тонкие, сухие губы были плотно сжаты. Скулы и подбородок, обтянутые тонкой, как пергамент, желтоватой кожей, резко выступали на измождённом, изборождённом морщинами лице.

«Живые мощи, — подумала Джилл. — Мумия, настоящая мумия! Точь-в-точь, как тот средневековый отшельник, который умудрился довести себя до такого состояния изнурительным постом. Да-да, я видела такой рисунок в одной древней

книге. И эту несчастные собираются провозгласить святой!»

Глаза Мэри медленно приоткрылись — словно это стоило ей величайшего усилия. Голова её была повёрнута так, что казалось, она смотрит на Джилл.

Губы вяло зашевелились, и хриплый шёпот разорвал могильную тишину палаты.

— Кто ты? — спросила Мэри.

Невольно понизив голос, Джилл прошептала:

— Я — Джилл. Вот пришла навестить вас.

Губы Мэри скривились в усмешке.

— Не-е-т. Ты не Джилл… Про Джилл я слыхала… но никогда её не видела… А тебя я видела… где-то я тебя видела…

Джилл медленно покачала головой, пытаясь успокоить больную.

— Я узнаю тебя, — упрямо шептала Мэри. — Давным-давно мы с тобой разговаривали, а вот где — не помню…

Сестра подошла к Джилл и хотела ей что-то сказать, но в этот момент Мэри снова заговорила.

— Подойди поближе… — попросила она. — Подойди, дай мне разглядеть тебя… Я сегодня плохо вижу. Наклонись… я разгляжу тебя…

Джилл послушно подошла к кровати и накло-

нилась к больной.

Руки Мэри с трудом разъединились. Мэри подняла руку и коснулась щеки Джилл.

— Да-да, — проговорила она, слабо улыбнувшись, — я тебя знаю.

Рука её тут же упала на простыню, веки сомкнулись.

Сестра потянула Джилл за рукав.

— Мисс, уходите, — потребовала она. — Вам надо уйти.

— Сама знаю, что надо, — отрезала Джилл и, вырвав руку, повернулась и вышла из палаты.

Выйдя из клиники, она глубоко, всей грудью вдохнула. Ей казалось, что она вышла из тюрьмы на волю. «Там, в палате, смерть, — сказала она себе. — Смерть и… что-то ещё…»

Солнце клонилось к западу, посылая планете последнее закатное тепло, ласковое, баюкающее. Сейчас, только сейчас, впервые за все время, что она прожила на Харизме, Джилл вдруг заметила красоту окружающего мира. Этот мир перестал быть для неё чужим, странным местом, где стояла непостижимая громада Ватикана, он стал родным и близким — здесь она жила, здесь ей было хорошо.

Ватикан был частью этого мира, он пустил

корни в его землю и теперь рос здесь, как растут деревья и трава. К востоку и югу простирались сады и огород — пасторальный, идиллический оазис, окружавший здания Ватикана и посёлка и роднивший Ватикан с планетой. На западе высились горы — скопление причудливых теней, театр, в котором никогда не прекращалось представление. Горы, в которые Джейсон влюбился с первого взгляда. А она тогда пожимала плечами и удивлялась — что он в них такого нашёл? Горы как горы.

«Как я ошибалась, — думала Джилл, щурясь от лучей заходящего солнца. — Горы — друзья, по крайней мере, могут быть друзьями».

Красота гор входила в неё день за днём, и теперь она смотрела на них с радостью и восторгом, покорённая их величием. Глядя на них, она осознавала, что найдена некая точка опоры, нечто незыблемое и вечное. Посмотришь — горы на месте, значит — стоит жить.

«Просто до сих пор, — поняла она, — у меня не было времени остановиться и посмотреть на горы. Я была не права, а Джейсон — прав».

И как только она произнесла мысленно имя Теннисона, она поняла, что хочет видеть его. Раз его не было в клинике, то, скорее всего, он

пошёл к себе. Хотя — как знать, может быть, по обыкновению отправился на большую прогулку — не исключено, пошёл навестить Декера.

Когда она постучала в дверь Теннисона, ей никто не ответил. «Наверное, лёг вздремнуть», — решила Джилл. Она толкнула дверь, — дверь отворилась. На Харизме никто не запирал дверей — в замках нужды не было.

В гостиной было пусто. На кухне никто не гремел посудой — значит, не было и Губерта, На каменной плите играли блики заходящего солнца.

— Джейсон! — негромко позвала Джилл. Она сама не знала, отчего ей вздумалось говорить так тихо. Наверное, потому, что в комнате было так тихо. Она увидела в зеркале над камином своё отражение — одинокую фигурку посреди пустой комнаты и бледное лицо с уродливым красным пятном.

— Джейсон! — повторила она громче.

Не получив ответа, Джилл вошла и приоткрытую дверь спальни. Кровать была убрана, покрыта разноцветным пледом. Дверь ванной была открыта значит, Джейсона точно не было дома.

Немного расстроившись и глядя в пол, Джилл

распихнула дверь из спальни в гостиную и, к своему удивлению, увидела Джейсона, стоявшего к ней спиной. Джилл обошла его сзади… Лицо его было непривычно суровым, словно окаменевшим. Казалось, он не видит ничего вокруг.

«Откуда он взялся? — подумала Джилл. — Как я могла его не заметить? Дверь не скрипела, да и в спальне я не так долго пробыла, чтобы он успел войти!»

— Джейсон! — воскликнула она. — Что с тобой?

Он поднял голову и посмотрел на неё, не узнавая. Джилл подошла к нему совсем близко, заглянула в глаза, обняла за плечи, тряхнула…

— Джейсон, да что с тобой?!

Его взгляд, по-прежнему устремлённый куда-то сквозь неё, немного прояснился.

— Джилл, — проговорил он срывающимся голосом, как будто и впрямь только что заметил её. — Джилл… Я был далеко… — проговорил он, нежно обнимая её.

— Ясно. И где же ты был?

— Не здесь… В другом месте.

— Джейсон, не надо! В каком другом месте? Что ты говоришь?

— Я был… в математическом мире.

— В том, который ты видел во сне? Опять страшный сон?

— Да, но… теперь это был не сон. Я там был наяву. Ходил по поверхности, и… Мы были там с Шептуном.

— Шептун? Это то маленькое облачно алмазной пыли, о котором ты мне рассказывал?

— Мы там были как единое целое, — не ответив на вопрос, сказал Теннисон. — Вместе.

— Ну-ка, давай садись в кресло, — приказала Джилл. — Выпить хочешь?

— Нет, не нужно ничего, — покачал головой Теннисон. — Только не уходи никуда, побудь со мной.

Он поднял руку и нежно погладил Джилл по щеке — той, которую безжалостно изуродовало красное пятно. Он привык делать это — казалось, он показывал ей, что любит, несмотря на физический недостаток. Поначалу она отстранялась, будто эта ласка напоминала ей о существовании пятна. А он, с тех пор как они встретились, ни разу, ни единым словом не обмолвился, что помнит о проклятом пятне. А она, думая об этом, понимала, что именно поэтому так любит его — единственного мужчину, который сумел полюбить её, преодолев отвращение, — нет, не

преодолев, а просто не испытывая ничего похожего на отвращение, — он действительно не замечал страшного пятна, забыл о нем. И она больше не противилась его ласке и нежности, воспринимая их, как милосердие.

Тёплая ладонь скользила по щеке Джилл. В зеркале над камином Джилл видела своё отражение, она видела, как движется рука Джейсона, поглаживая её щеку, и любовь была в этом движении…

И вдруг, когда рука Джейсона ещё не успела оторваться от её лица, Джилл задохнулась от изумления.

«Нет-нет! — мысленно проговорила она. — Этого не может быть! Это воображение, просто такое мгновение, когда вдруг кажется, что мечта сбывается! Ничего я не вижу, все это мне только кажется. Пройдёт секунда-другая, и чары рассеются, и все станет как было…»

Она стояла, не шевелясь, а секунды шли и шли… Джилл закрыла глаза и снова открыла, а мечта сбывалась и сбывалась…

— Д-джейсон… — запинаясь, выговорила Джилл.

Он молчал.

— Джейсон! — крикнула Джилл, не помня себя

от счастья.

Щека была гладкая. Опухоль исчезла!!!

Глава 37

Место, где можно было заночевать, Декер отыскал задолго до заката. У подножия холма бил родник, давая начало небольшому ручейку, который, весело щебеча, сбегал в долину. Густые заросли невысоких кустов тянулись к северу от ручья, обещая защиту от ночного ветра — по ночам со стороны заснеженных горных вершин всегда дул холодный ветер. На самом берегу ручья лежало поваленное дерево, упираясь одним концом в кучу валунов. Значит, и дров для костра хватит.

Декер принялся за работу. Нарубил сучьев, развёл костёр, приготовил дров на ночь и укрыл их от ночной росы. Наполнил кофейник родниковой водой и подвесил над костром, потом достал из рюкзака две рыбины. Он их поймал раньше, по пути, вычистил и завернул в сырые листья. Теперь он достал сковороду и положил на неё рыбу. Ружьё он поставил поблизости прислонил к большому валуну, чтобы на всякий случай было под рукой. Сделал он это чисто автоматически — ему крайне редко доводилось пользоваться

ружьём во время вылазок в горы, но природная осторожность заставляла его все время думать о том, что оно, неровен час, может пригодиться.

Шептуна с ним на этот раз не было, да и быть не могло. Ведь он не знал, что Декер собирается в горы. Да, по сути дела, он и не собирался — просто взял и пошёл. Он сам не знал зачем. В этом не было никакой необходимости. Все вышло само собой. Делать по дому было нечего, сад и огород вскопаны, дров на зиму заготовлено с избытком. Готовясь к вылазке, он не задавал себе никаких вопросов. Решил, что поищет по пути камней — вдруг повезёт. Подумал — а что если сходить в Ватикан и узнать, не свободен ли Теннисон — может быть, захочет к нему присоединиться, но потом махнул рукой, решив, что время для Теннисона вряд ли подходящее. Как штатный врач Ватикана, он, наверное, не спускает глаз с Мэри. «Как-нибудь в другой раз», — решил Декер.

Не то чтобы ему хотелось идти одному. Теннисон ему нравился — это был первый человек за долгие годы, который ему по-настоящему понравился.

«Чем-то он похож на меня, — думал Декер. — Не болтает попусту, лишних вопросов не задаёт, а если и задаёт, то такие, на которые нетрудно

ответить. Ему не откажешь в воспитании и дипломатичности. И ещё — он не врёт и говорит искренне и просто о самых трудных вещах. Вот заговорил же он первый о Шептуне — тема нелёгкая, что тут говорить, но он все рассказал прямо, с подкупающей честностью, так что мы оба не почувствовали ни неловкости, ни смущения».

Склонившись над костром и переворачивая поджарившуюся с одного бока рыбу, Декер вдруг почувствовал, что ему хочется, чтобы Шептун сейчас был рядом. Если бы Шептун знал, что Декер идёт в горы, он, наверное, увязался бы за ним. Шептуну нравились их совместные вылазки. Побеседовать им всегда было о чем, а уж про камни и говорить нечего — Шептун просто обожал поиски камней, прямо впадал в спортивный азарт. Но никогда не хвастался, если находил камень, мимо которого Декер прошёл, не заметив.

Когда Теннисон рассказал ему о своей встрече с Шептуном, Декер сразу понял, что теперь они будут видеться реже, чем раньше. В этом был свой плюс — порой, когда Шептун уж очень надоедал, Декеру хотелось побыть одному. Но он был уверен, что старая дружба не кончится, ведь они с Шептуном так долго были вместе, вряд ли он бросит его насовсем. Просто сейчас Шептун

увлечён Теннисоном и мечтает с его помощью осуществить какие-то свои давние замыслы. Осуществит и вернётся, Декер не сомневался. Может быть, даже очень скоро вернётся. Придёт, увидит, что Декера нет дома, и по следам приплетётся сюда.

Кофейник зашипел, забулькал, и Декер протянул руку, чтобы снять его с рогульки над костром. Но вдруг кофейник взорвался у него в руках! Кипящий кофе забрызгал лицо и грудь, а сама посудина отлетела в сторону, движимая невидимой силой.

Не обращая внимания на ожоги, Декер бросился за ружьём, и не успел он его схватить, как прогремел другой выстрел — со стороны холма, выше того места, где Декер устроил привал.

Не выпуская из рук ружья, Декер упал на землю за валком, с трудом удерживаясь, чтобы не выглянуть. Стреляли явно из-за груды камней на полпути к вершине холма, но, казалось, там никого не было.

— Поторопился, ублюдок, — сказал Декер вслух. — Нет бы поближе подобраться, тогда выстрел бы удался наверняка. Нервничает он, что ли?

Простреленный кофейник валялся в добрых

десяти футах от костра. Рыба на сковороде аппетитно потрескивала.

«Проваляюсь тут, так она, чего доброго, сгорит, — огорчённо подумал Декер. — Вот незадача! Просто слюнки текут, как рыбы хочется!»

И кому вздумалось стрелять в него? Кто мог хотеть его смерти? Он был уверен: целились именно в него — не в кофейник же, в конце концов. Нет, хотели именно убить, а не напугать.

Осторожно выглянув из-за камня, он обшарил взглядом склон холма, готовый уловить самое лёгкое движение.

«Эх, будь со мной Шептун, — думал он, — не случилось бы беды. Он бы давным-давно учуял того, кто крался следом». Значит, этот кто-то знал, что Шептуна с ним нет? «Чушь, — решил Декер. — Откуда кто-то может знать, со мной Шептун или нет?»

На Харизме ни одна душа не знает про Шептуна. Сам он никогда о нем никому не рассказывал, а уж видеть Шептуна, насколько он знал, тем более никто не мог. Единственный, кто знал о нем, бы Теннисон.

«Мог Теннисон проболтаться Экайеру? — гадал Декер. — Маловероятно. Они приятели, это верно, но Джейсон не станет рассказывать ему о

Шептуне. Разве что Джилл мог рассказать, от неё у него тайн нет. Да что толку гадать на кофейной гуще из простреленного кофейника? — попытался Декер пошутить сам с собой. — Совершенно бессмысленное занятие».

Был бы Шептун рядом или нет, раз о его существовании никто не догадывался, не мог его видеть, значит, никому не было известно, он рядом с Декером или нет. Следовательно, за Декером мог охотиться кто угодно. Значит, этому охотничку просто повезло, и он застал Декера врасплох, когда Шептуна рядом не было, вот и все. Не Теннисон же, в конце концов, был там, на холме. Никаких причин убивать его у Теннисона не было. Да если бы и были — все равно это не в его стиле.

Винтовка… Да, несколько винтовок на Харизме имелось. Совсем немного — по пальцам пересчитать можно. Время от времени, крайне редко, кто-нибудь отправлялся в лес в поисках дичи. Но то были малокалиберки, а тот, кто находился на холме, палил в Декера из крупнокалиберного ружья.

Декер призадумался — кому могло взбрести в голову прикончить его? Но, поскольку он никого не припомнил, как ни старался, пришлось отбро-

сить эту мысль. Ни у кого не могло быть веских причин, чтобы решиться на такое. Да, кое-кто мог быть на него обижен — может, он кому и брякнул что-то невежливое или даже оскорбительное, но не настолько же! Однако кто-то же хотел убить его и сейчас сидел в засаде, ожидая, когда он покажется из-за камня, чтобы послать ещё одну пулю — на сей раз наверняка.

Выстрел не заставил себя ждать. Осколки гранита брызнули в стороны, несколько острых кусочков камня больно впились Декеру в щеку и шею. Пуля, по всей вероятности, угодила в валун.

«Вот ты где, — догадался Декер, успев заметить крошечную вспышку от лучей закатного солнца. — Что же это там сверкнуло?» — силился понять Декер, но не мог. Он аккуратно пристроил ружьё на краю камня, навёл на замеченную точку, прицелился поточнее, поймал точку на «мушку».

Было тихо. Ничего не происходило. Никто не шевелился. Убийца ждал. Декер пристально смотрел туда, где заметил вспышку… Ага, вот показалось плечо, а вот, похоже, и голова…

Декер долго прицеливался. Плечо и голова наполовину в тени, плохо видно… Он вздохнул,

задержал дыхание и нажал на спусковой крючок...

Глава 38

Теннисон проснулся незадолго до рассвета. Джилл крепко спала рядом, дышала ровно и безмятежно. Теннисон осторожно, чтобы не разбудить её, поднял свою подушку, прислонил к спинке кровати и сел, прижавшись к ней спиной. Было тихо и спокойно. Призрачный, бледный предрассветный сумрак проникал в окна гостиной, а в спальне было совсем темно — ставни были плотно закрыты. На кухне что-то бормотал, разговаривая сам с собой, холодильник.

Теннисон украдкой взглянул на Джилл — хотел убедиться, по-прежнему ли на её щеке нет пятна, но она лежала на левом боку. К тому же было так темно, что он все равно ничего не разглядел бы, как бы Джилл ни лежала.

Прошло время, а сомнения не оставляли его. Ведь багровое пятно действительно исчезло. Но Теннисон никак не мог поверить в это.

«Нет-нет, это, безусловно, лишь временное явление, и опухоль скоро снова появится на прежнем месте», — повторял он мысленно.

Он поднял правую руку, поднёс поближе к

глазам, повернул вправо, влево. В темноте он с трудом различал её очертания. Рука как рука. Никаких изменений. Все как обычно, и в темноте не светилась. И все-таки её прикосновение…

Ночь была тёплая, но Теннисон поёжился от озноба. Опустил руку, закрыл глаза и попытался припомнить, как все было, постарался мысленно раздвинуть складки занавеса, отделявшего его от математического мира…

Кубоиды окружали его со всех сторон, вертелись безумной каруселью, неуёмным вихрем, пробегали сквозь него, а некоторые оставались внутри него. Было мгновение, когда ему показалось, что он сам превратился в такой же кубоид — не то сжался, не то вырос… Он пытался припомнить, каким он стал, но не мог, потому что и тогда не мог этого понять и представить. Нет, конечно, если он и стал каким-то графиком, то не таким чудовищно сложным, какие плавали вокруг и сквозь него в океане зыбкого желе. Наверное, он мог стать только самым простым уравнением — элементарной расшифровкой, подтверждением самого себя. Когда кубоиды выстроили для него дом, он скользнул туда и свернулся там калачиком, не понимая, где находится и что с ним, но ему было хорошо и удобно. Мысли его были

просты и ясны, что, вероятно, соответствовало простоте того уравнения, которым он был.

«Может быть, — думал он, — кубоиды выстроили для меня дом, чтобы защитить от сложности графиков и уравнений, мечущихся за его пределами?»

И вдруг, совершенно неожиданно, математический мир исчез, и он очутился в своей гостиной, у камина. Он снова был самим собой, но не совсем таким, как раньше, потому что вынес что-то из математического мира, какую-то новую способность, иное качество, которого у него до сих пор не было. А теперь он получил подтверждение наличия этой новой способности.

«Может быть, ещё что-то проявится? — мучился он в поисках ответа. — Кто я теперь? Что я такое?»

Тот же вопрос он задавал себе тогда, когда находился в доме, выстроенном для него кубоидами.

«Я — человек? — спрашивал он себя. — Я ещё человек? Боже, сколько чужеродного проникло в меня, и могу ли я после этого оставаться человеком?

Может быть, — думал он, — обитатели математического мира каким-то образом поняли, что я врач, целитель, и решили меня немного…

переделать? Переделать с одной-единственной целью — чтобы я стал более хорошим целителем? С одной ли? Или они вмешались в другие аспекты моего существа?»

Эти мысли заставляли его бояться, и чем больше он думал, тем больше боялся. Он перешёл границу, которую переходить не следовало. Он не имел права туда идти — и вышел не таким, каким пришёл. Он изменился, а ему не хотелось перемен. Люди вообще не любят перемен, а перемены в себе самом — просто кошмар!

Но, с другой стороны, чего бояться? Ведь те перемены, что произошли в нем, как бы ни были они малы или, наоборот — значительны, дали ему возможность преподнести такой прекрасный подарок Джилл, пусть даже он сделал это непроизвольно, бессознательно. Такого подарка ей не сделал бы никто.

А раз дело в этом, то бояться нечего. В конце концов, самое главное Джилл. Пускай в будущем ему придётся пострадать, поплатиться за то, что произошло, он не пожалеет. Любая цена, которую ему пришлось бы заплатить, ничто по сравнению с тем, что ему удалось сделать. Он получил свою награду сполна в то мгновение, когда коснулся щеки Джилл.

Эти мысли успокоили Теннисона. Он спокойно лежал, и ему не хотелось шевелиться — он просто тихо лежал и смотрел перед собой. Светало. Теннисон размышлял, как ему удалось проникнуть в математический мир наяву. Было ясно, что он туда не попал бы, если бы Шептун не помог. А вот чтобы понять, как это удалось Шептуну, нужно его как следует расспросить.

Осторожно повернув голову, он оглядел спальню в поисках какого-нибудь признака, знака, указывающего, что Шептун здесь, рядом. Никаких следов ни искорки, ни свечения. Он подумал, что, может быть, Шептун до сих пор находится внутри его сознания, но скоро понял, что и там его нет. Это было немного непривычно — за время пребывания в математическом мире он успел привыкнуть к тому, что Шептун где-то внутри него.

Теннисон был готов снова задремать, но что-то помешало ему. Сначала он не понял, в чем дело, но потом расслышал тихий стук в дверь. Он вскочил, сел на край кровати и стал искать ногами шлёпанцы.

Джилл заворочалась и что-то вопросительно пробормотала.

— Все в порядке, — успокоил её Теннисон. —

Лежи, спи. Пойду посмотрю, кого там принесло.

Шлёпанцы он так и не нашёл и отправился из спальни в гостиную босиком. Прикрыв за собой дверь спальни, он снова услышал робкий стук.

Не включая свет, Теннисон пробрался к входной двери на ощупь, обходя стулья и столы. В первое мгновение, открыв дверь, он не сообразил, кто стоит на пороге. Протёр глаза и узнал Экайера.

— Джейсон, тысяча извинений. Я понимаю, в такую рань…

— Да ничего, все нормально, я уже не спал. Проходи, Пол.

— У тебя найдётся что-нибудь выпить? Немного бренди, если есть.

— Конечно, — кивнул Теннисон. — Садись к огню. Сейчас дровишек подброшу.

Он закрыл дверь и внимательно взглянул на Экайера. На том были брюки и куртка.

— Рано встал, — спросил он, — или не ложился?

— Не ложился, — мотнул головой Экайер, добрался до кушетки у камина и прилёг на неё.

Джейсон разыскал бренди, налил полный стакан и подал Экайеру.

— Да, вид у тебя неважный, — отметил он.

— Можно себе представить, — кивнул Экайер, сделав большой глоток. — Всю ночь на ногах. Понимаешь, случилась совершенно невероятная вещь. Такого никогда не было. То есть на моей памяти не случалось.

Теннисон подбросил в камин крупное полено, поворошил кочергой угли, дождался, когда полено разгорелось и вернулся к кушетке. Сел рядом с Экайером, положил босые ноги на кофейный столик. Ноги постепенно согрелись.

Экайер отхлебнул бренди и спросил:

— Не составишь мне компанию, а?

— Рановато вроде, — покачал головой Теннисон.

— Ну, ладно, а я выпью, поскольку ещё не ложился.

И глотнул ещё.

— Значит, ты явился, чтобы рассказать мне о чем-то. Если так, то чего же тянешь? Передумал, что ли?

— Нет, никак не могу начать. Прости, но это очень больно и горько…

Теннисон молчал. Экайер мрачно прихлёбывал бренди.

— Дело было так, — наконец сказал Экайер. — Я все оттягивал с просмотром второго «райского»

кристалла. Это тебе известно. Ты сам меня за это ругал. Джейсон, скажи, ты первый кристалл смотрел?

— Нет, — покачал головой Теннисон. — Все время ощущал какое-то внутреннее сопротивление. Может, побаивался. Как только задумывался об этом, тут же ощущал какую-то странную неловкость. Я знаю, надо было посмотреть. Может быть, я бы увидел и понял что-то такое, что помогло бы мне лучше лечить Мэри.

— Вот-вот, — сказал Экайер, подняв вверх указательный палец. — Оно самое. А у меня такая же петрушка была со вторым кристаллом. Все откладывал на потом, выдумывал причины для проволочки. Может быть, тоже побаивался того, что могу увидеть, как и ты. Не знаю. Пытался анализировать свои чувства, чуть не спятил. Наконец вчера вечером я решил побороть свою слабость…

— Посмотрел, значит?

— Нет, Джейсон, не посмотрел.

— Почему же нет, черт бы тебя побрал? Испугался в последний момент?

— Нет. Просто его не было.

— Чего не было-то? Момента?

— Нет. Кристалла не было.

— Что ты хочешь этим сказать?

— То, что сказал. Нет его. Там, где он хранился, его нет. То есть нет там, куда мы его положили — я и старина Эзра. Ну, ты же знаешь Эзру, депозитора?

— Знаю.

— Так вот, Эзра все делает чрезвычайно педантично. У него во всем полнейший порядок. Ничего не упускает, ни единой мелочи. Я с ним столько лет проработал и доверяю ему больше, чем самому себе.

Теннисон молча слушал.

— Когда поступает новый кристалл, — продолжал Экайер, — я передаю его Эзре, и он кладёт его в сейф. После того как я просмотрю кристалл, он может быть передан в Ватикан, а когда нам его возвращают, он помещается в одну из ячеек депозитория. Чаще всего кристалл не передаётся в Ватикан немедленно, а порой не передаётся вовсе, если мы решаем, что он не представляет особого интереса. В этом случае он тоже помещается в ячейку. У Эзры на этот счёт своя система. Уж не знаю, как он ориентируется в огромной массе кристаллов, но стоит попросить его найти тот или другой, и он тут же находит, не сверяясь ни с какими каталогами. Может, у него память

такая блестящая — не знаю. Насколько мне известно, никакой особой системы учёта у него нет. И в этом, согласись, есть преимущества по части секретности.

Теннисон понимающе кивнул.

— Стало быть, Эзра единственный, кто знает все досконально.

— Вот именно. Мне известно расположение нескольких кристаллов, которые я могу отыскать без помощи Эзры, но их немного.

— Но, если я правильно понял, до тех пор пока ты не просмотришь кристалл, он находится в сейфе. «Райский» кубик был помещён в сейф, а теперь его там нет — ты это хочешь сказать?

— Да, Джейсон, именно это я и хочу сказать. Эзра открыл сейф, а кристалла там не оказалось. Были три других, которые я не успел просмотреть, а «райского» и след простыл.

— Может быть, перепутали маркировку?

— Да нет, что ты. Я, правда, тоже сразу так подумал и поэтому тут же осмотрел все три кристалла. «Райского» среди них не было. Всякая дребедень, только что поступившие материалы последних наблюдений.

— Пол, кто ещё мог открыть сейф?

— Никто. То есть никто, кроме меня и Эзры.

— Ясно. Значит, это Эзра.

— Не верю, — тряхнул головой Экайер. — Хранилище — вся жизнь Эзры. Смысл его существования — Поисковая Программа. Без неё он — ничто. Ноль без палочки. Говорю же тебе, я верю ему больше, чем себе. Он в Программе работает дольше меня. Когда я приступил к работе, он уже много лет трудился.

— Ну, а если кто-то из Ватикана…

— Ни малейшей возможности. Даже Папа не мог бы. Эзра предан Программе, а не Ватикану.

— Ну, а вдруг кто-то узнал комбинацию на замке? Такое вероятно?

— Маловероятно, но в принципе…

— Так. Кристалл мог быть помещён в другое место?

— Нет. Эзра убрал его в сейф. Это было у меня на глазах. Я стоял рядом и видел. Он положил кристалл в сейф и запер дверцу.

— Ну, и что ты думаешь?

— Боже, Джейсон, я не знаю! Кто-то украл кристалл!

— Потому что не хочет, чтобы его смотрели?

— Думаю, дело именно в этом. Ватикан сейчас раздирают канонические споры. Те, кто хочет канонизировать Мэри…

— …хотели бы заодно покончить и с Программой, — закончил его мысль Теннисон. — И дискредитировать тебя.

— Я не могу быть уверен полностью, но… если это так, то они не упустили своего шанса, вот и все.

Оба умолкли. Полено, подброшенное Теннисоном в камин, ярко пылало. Утреннее солнце заливало комнату ясными лучами.

— Но это ещё не все, — проговорил Экайер вполголоса. — Ещё не все я тебе сказал.

— Что же ещё случилось? Куда уж больше.

— Первый кристалл, первый «райский» кристалл — тоже исчез. Его тоже нет на месте.

Глава 39

Что там Ватикан — вся Харизма просто бушевала!

«МЭРИ СОВЕРШИЛА ЧУДО! ОНА КОСНУЛАСЬ РУКОЙ ЩЕКИ ДЖИЛЛ, И ОПУХОЛЬ ИСЧЕЗЛА!»

Медсестра уверяла, что своими глазами видела, как это случилось. Да, Мэри попросила Джилл наклониться к ней поближе — так, чтобы она смогла коснуться её щеки. И как только коснулась, опухоль сразу и исчезла — как не было!

Чудо! Чудо! ЧУДО!!!

Никто не сомневался — это было чудо в прямом смысле слова. Все, кто видел Джилл, убедились — пятно с её лица пропало!

Как только все заорали о «чуде», Джилл предпочла скрыться с глаз долой.

Взволнованная группа кардиналов бросилась докладывать Его Святейшеству, а Его Святейшество, который был, прямо скажем, не в восторге от этой новости, скрежетал, фырчал и издавал всякие другие нечленораздельные звуки, выражавшие крайнее недовольство, но все-таки пытался убедить кардиналов не терять головы,

пока не будут получены более достоверные сведения.

Когда же один из кардиналов высказался относительно того, что теперь-то уж пора произвести прославление Мэри по всем подобающим канонам, Папа резко воспротивился и заявил, что время ещё не настало. Кардинал был не на шутку огорчён.

Однако всеобщее торжество началось само собой. Рабочие с ферм, садов и огородов побросали инструменты и присоединились к торжественной процессии, направлявшейся в Ватикан. Дровосеки, забыв в лесу топоры и пилы, выбегали из леса. Монахи и послушники оставляли дела и мчались, чтобы влиться в ликующую толпу. Охранники Ватикана бросили бесплодные попытки удержать массу людей и роботов, рвущихся в Ватикан. В высокой базилике яблоку негде было упасть — все падали на колени и молились. Сначала колокола молчали, но наконец, словно отчаянно пытаясь воззвать к безразличному Ватикану, зазвонили. Все были счастливы, так счастливы, что и сказать нельзя!

Толпы народа собрались возле клиники, выкрикивая имя Мэри, заполнили маленький сад, истоптали клумбы, переломали кусты. Охран-

ники беспомощно отступили перед громадной волной народа.

Крики разбудили Мэри. Она слышала, как множество голосов повторяет её имя. Да, в этом не было сомнений — «Мэри! Мэри! Мэри!» — скандировала толпа. Сестры рядом не было — она ушла в другую палату, откуда было лучше видно происходившее под окнами.

Собрав все силы, Мэри сползла с кровати, ухватилась за стул, опёрлась на его спинку и выпрямилась. Медленно добрела до двери, постояла, отдышалась, слабой рукой толкнула дверь и пошла по коридору, перебирая руками по стене. В конце коридора широкие двери были распахнуты настежь оттуда лился солнечный свет и свежий, пьянящий воздух.

Толпа увидела Мэри, как только та появилась в дверях. Она стояла, опираясь на косяк двери, чтобы не упасть. Крики утихли. Все не отрываясь смотрели на ту, в святости которой теперь ни у кого не было сомнений.

Мэри с трудом подняла руку, попыталась разжать скрюченные пальцы. Это получилось не сразу. Наконец вытянула указательный палец по направлению к тем, кто собрался приветствовать её, и визгливо, хрипло прокричала, безжалостно

разрывая тишину острым ножом голоса:

— Ничтожества! Ничтожества! Ничтожества!!!

Глава 40

— Похоже, Декера дома нет, — сказал Теннисон Экайеру.

— Почему ты так решил?

— Дым из трубы не идёт.

— Это ещё ни о чем не говорит.

— В принципе, да. Но когда Декер дома, у него всегда зажжён очаг. Хотя бы небольшой огонь, чтобы в случае надобности можно было развести посильнее, не разжигая заново. Не было случая, чтобы он был дома, а из трубы не шёл хотя бы тоненький дымок.

— Ну, попытка не пытка, как говорится. Давай все-таки зайдём посмотрим. Нет так нет.

Они продолжили восхождение по склону холма. Наконец перед ними открылся вид на хижину, сад и огород. Колымага Декера стояла справа от дома. Между двумя деревьями была аккуратно сложена, укреплена и укрыта от дождя поленница. В сторону гор тянулся сад с ухоженными, обкопанными деревьями, ровные зеленые ряды грядок с овощами. На клумбе догорали поздние цветы.

— Просто замечательно! — восхитился Экайер. — А я тут ни разу не был.

— Что, никогда не встречался с Томом? Это ты серьёзно?

— Вполне. С ним не так-то просто видеться. Он так себя поставил, что с ним трудно общаться. А ты думаешь, он станет с нами говорить?

— Не сомневаюсь. Он вовсе не дикарь. Вполне цивилизованный, образованный человек.

— А он что, тебе вот так прямо и сказал, что знает, где Рай?

— Да, у него вырвалась однажды такая фраза. Но больше он об этом никогда не упоминал, а я не спрашивал. Боялся, что такой вопрос смутит его. Я решил: придёт время — сам скажет.

— Как было бы здорово, если бы удалось сейчас уговорить его рассказать об этом! Надо постараться убедить его, что это важно для нас. Ведь теперь, когда кристаллы пропали, у нас нет ни единого шанса узнать координаты, которые нам так необходимы. Не исключено, что мы бы этого не узнали, даже если бы кристаллы остались у нас. Но теперь все просто безнадёжно. А кто-то должен отправиться в Рай.

— Я не перестаю надеяться, — сказал Джейсон, — что Том действительно знает. Надеюсь, но

не уверен. Было время, мне казалось, что он точно знает, а теперь все так запуталось, и я уже ни в чем не уверен. Он говорил мне, что его корабль попал в беду, была катастрофа и ему пришлось спасаться на катере. Вот так он попал сюда — его доставил катер.

— Ну, не знаю… — покачал головой Экайер. — Думаешь, он не обманывал тебя? Давай обойдём вокруг дома.

Они обошли хижину, зовя Тома, но ответа не было. Вернулись к двери. Экайер постучал, но никто не отозвался. Они подождали. Наконец Экайер спросил Теннисона:

— Как думаешь, можно войти?

— Давай войдём. Думаю, Том не возражал бы. Ему прятать нечего.

Экайер поднял язычок задвижки, и дверь открылась. Внутри было темно, и они немного постояли на пороге, пока глаза не привыкли к темноте.

В доме было прибрано. Все стояло и лежало на обычных местах.

Теннисон огляделся.

— Нет ружья, — сообщил он. — Обычно оно висит вон там, на стене около очага. Рюкзак и спальный мешок всегда лежали на полке. Их

тоже нет на месте. Значит, скорее всего, он отправился на очередную вылазку. Охотится или камни ищет.

— Это надолго?

— Не знаю. Он как-то приглашал меня пойти с ним. «Если у тебя будет несколько свободных дней», — так он сказал. Значит, он уходит на несколько дней. Мне кажется, он скоро вернётся.

— Джейсон, у нас очень мало времени. Богословы в любой момент могут сесть нам на шею. А если мы хоть словечком обмолвимся, что у нас есть прекрасная возможность отправиться в Рай и взглянуть на него своими глазами, они отступятся.

— Ты их действительно боишься, Пол?

— Видишь ли, если они успеют вооружиться как следует, то могут запросто прикрыть Поисковую Программу. Они все время об этом мечтали. Мы им как кость в горле. Либо совсем прикроют нас, либо начнут диктовать свои условия, либо — того хуже — станут по-своему интерпретировать результаты нашей работы. Я не о себе лично пекусь, пойми. Мне они ничего плохого сделать не могут. Я могу остаться здесь, и они даже заботиться обо мне будут. Они могут даже соблаговолить разрешить мне немножко зани-

маться Программой — чтобы я мог себе самому сказать — мол, занят чем-то, и слава тебе, господи. Я такого позволить не могу. Программа — это душа Ватикана, поверь мне. Нет, ради бога, пусть они ведут свои богословские разборки, как им заблагорассудится, но настоящая работа может идти только в рамках Поисковой Программы.

— Но у тебя должна быть какая-то поддержка внутри Ватикана.

— Она, скорее всего, есть. Но насколько сильная, вот в чем вопрос. Это кое-кто из кардиналов, в других я не уверен.

— А Его Святейшество?

— Полагаться на Папу — толку мало. Это холодный, механический ум. Никогда не угадаешь, что ему в голову взбредёт. Он настолько набит всяческой информацией, которую ему поставляют Слушатели, что, несмотря на колоссальные потенциальные возможности, просто не в силах осмыслить злободневные проблемы сиюминутной важности. Думаю, сейчас и он в большом затруднении. Он ведь создан на века, и лучше всего ему удаются долгосрочные прогнозы. Так что — трудно сказать, способен ли он справиться с теперешней ситуацией в Ватикане.

— У меня создалось впечатление, — сказал Тен-

нисон, — что Ватикан плохо представляет себе свою деятельность без Поисковой Программы, без Слушателей. Я немало слыхал о том, чего они могут добиться именно благодаря вашей работе. У них есть сложнейшие устройства — корабли, движимые энергией мысли. Зачем они им без вас? И что у них есть ещё, в таком случае?

— Не думаю, что мне известно все, чем они располагают. Но, думаю, у них всего полно. Про клонирование ты уже знаешь. А иногда им даже стартовая клетка не нужна. Фрагмента вполне достаточно, чтобы они могли построить модель ДНК и использовать её как основу. Искусственная, инженерная жизнь всевозможных видов. Любые путешествия в пространстве и времени. Похоже, они уже овладели энергией нейтрино. Именно это позволяет им с такой лёгкостью путешествовать куда бы то ни было. Во времени — не только в прошлое и в будущее, но и в других направлениях. Да, не делай большие глаза. Ты не слыхал, что во времени бывают другие направления? Ну что ж, я тоже в своё время удивился, когда услышал об этом. Словом, они умеют посещать и прошлое, и будущее и изменять и то и другое, как им захочется, и если ещё не могут, то очень скоро сумеют — как только окончательно дорабо-

тают методику да освоят переход в направления, отличные от прошлого и будущего. Может быть, тогда они сумеют попадать в альтернативные миры и вселенные. Я не знаю. Для меня все это слишком сложно. Но чем бы они ни располагали — главное, что у них в руках ключи к путешествиям в разные стороны времени и пространства. Ну, убедил я тебя в чем-нибудь?

— И, располагая всем этим, они ни за что от этого не откажутся.

— Не все. Богословская группировка — дело особое. Некоторые из них совершенно откровенно полагают, что Ватикан отклонился от заданного курса, предал главную цель. Другие — их большинство — элементарным образом напуганы. Вселенная оказалась сложнее, чем они думали. В ней оказалось гораздо больше странностей и непонятностей, чем им казалось. И, естественно, им просто страшно становится от тех данных, что добывают наши Слушатели. Они начинают чувствовать себя беззащитными перед колоссом Вселенной. И ищут, где бы спрятаться.

— А ведь мы могли бы сблефовать, — предложил Теннисон. — Что если взять да распустить слух о том, что мы знаем, как добраться до Рая? Ведь они до смерти не хотят, чтобы кто-нибудь

попал туда. Если бы кто-то сумел проникнуть туда и доказать, что это вовсе не Рай, это разом выбило бы почву у них из-под ног. Такой слух мог бы остановить их на какое-то время, по крайней мере, у нас было бы больше шансов.

Экайер решительно покачал головой.

— Нет, это не годится. Если мы сблефуем, а они выведут нас на чистую воду, это только укрепит их позицию, и они станут уверены в себе, как никогда. Если мы решимся на такое заявление, мы должны быть вне всяких придирок.

— Да, пожалуй, ты прав, — кивнул Теннисон.

— Джейсон, ты вот что вспомни: когда Декер сказал тебе, что знает, где находится Рай, как тебе показалось — есть у него какое-то документальное подтверждение или это просто слова?

— Ты имеешь в виду нечто вроде лоции?

— Да, что-то в этом духе. Знаешь, на кораблях бывают такие устройства, где фиксируется весь полет. Он попал в космическую катастрофу, так? А мог он забрать с корабля «чёрный ящик», прежде чем спасся на катере?

— Правду говоря, — сказал Теннисон, нахмурив брови, — у меня именно такое впечатление и было, — что он не просто слова на ветер бросает, а у него есть какое-то фактическое подтверждение.

Но он молчал об этом. Так что я сам не знаю, почему это мне в голову пришло. Я действительно все время так думал, но теперь, говорю тебе, я ни в чем не уверен…

— Джейсон, а мы не могли бы… — осторожно проговорил Экайер и, растерявшись, оборвал фразу, не договорив.

Теннисон понял его, но ответил не сразу.

— Это против моих принципов. Том — мой товарищ, он мне доверяет. Я не могу, Пол, прости.

— Но, Джейсон, мы должны узнать! Я должен узнать!

— Не знаю, — покачал головой Теннисон. — Может быть, ты и прав. Но, умоляю, Пол, аккуратно! Следует все поставить на свои места.

Они приступили к поискам. Теннисон заметил, что обработанные Шептуном камни лежали не на столе, а в небольшой коробочке, что стояла на полке.

Ничего похожего на то, что им хотелось обнаружить, они не нашли.

— А может быть, он хранит его не в доме? — предположил Экайер.

— Если у него вообще есть то, что нам нужно, — ответил Теннисон, по-прежнему чувствовавший себя в высшей степени неловко. — А если и есть

и он действительно спрятал, то нам не найти ни за что на свете.

А про себя подумал, что, наверное, об этом может знать Шептун.

— Есть одна возможность… — вырвалось у него.

— Какая? — спросил Экайер с надеждой.

Теннисон пожал плечами.

— Да нет, это ерунда. Считай, что я ничего не говорил.

Он ни разу не рассказывал Экайеру о Шептуне. Слава богу, успел вовремя язык прикусить. Не стоило об этом пока.

«Да, — думал он, — есть, есть такая возможность, если Шептун поможет. Если он смог перенести меня в математический мир, то почему бы и не в Рай, в конце концов? Нет, это не выйдет. Ведь я не видел „райских“ кристаллов…»

Кроме него и Декера о Шептуне знала только Джилл, и он решил, что пока все пусть так и остаётся.

Вот как получилось — их единственной надеждой оказался Декер. Если он знает такое, что сможет лишить богословов последнего шанса, они спасены. Если нет — Поисковая Программа будет ликвидирована или ограничена до предела,

а Ватикан станет тем, чем он собирался стать с самого начала — стаей гончих роботов, мчащихся, высунув языки, за призраком духовной истины…

«Шептун, — думал Теннисон, — скорее всего, ушёл вместе с Декором, значит, придётся ждать их возвращения, чтобы узнать, не блеснёт ли хоть слабый лучик надежды».

Теннисон и Экайер вышли из хижины, закрыли дверь, заложили задвижку. Немного постояли на вершине холма, глядя на Ватикан. Яркий полуденный свет чётко выделял ярко-белое пятно зданий на изумрудном фоне лесов и коричневом — гор.

Созерцание нарушил громкий звон колоколов.

— Колокола? — изумился Экайер. — Почему они звонят в колокола? Сейчас не время. К тому же слишком громко. Что-то случилось.

Тут ветер переменился, и до них донёсся звон во всей своей мощи — гулкий, полнозвучный, требовательный.

— Это большие колокола базилики! — воскликнул Экайер. — Что там, хотел бы я знать, творится?

И оба опрометью бросились с холма вниз.

Глава 41

Джилл сжимала кулаки от злости и бессилия.

«Никогда, — повторяла она про себя, — никогда в жизни меня ещё так не унижали и не бесили! И как только эта тупица медсестра до такого додумалась? И как посмела наврать?»

Джилл хлопнула дверью. Джейсона дома не было. Она присела на кушетку перед камином, но быстро поняла, что сидеть на одном месте не в состоянии. Она вскочила и стала ходить по гостиной.

Нет, то, что случилось, не имело никакого отношения к Мэри, что бы там ни выдумывала эта безмозглая сестра. Если уж кто и совершил чудо, так это Джейсон — да и потом, чудо ли это? Наверняка, если как следует поломать голову, можно было бы найти этому разумное объяснение. «Но самое ужасное, — думала Джилл, расхаживая по комнате, — что я сама толком ничего не понимаю и объяснить не могу! Джейсона нет, да если бы и был, вряд ли бы что-то сказал». Ей хотелось заткнуть уши, чтобы не слышать воплей на улице.

Она подошла к кушетке, села и уставилась на

крошечные язычки пламени, облизывавшие догоравшие в камине дрова.

«А ведь я не смогу все время прятаться, — думала она. — Придётся когда-нибудь выйти и предстать перед теми, кто сейчас вопит там, под окнами клиники».

А больше всего ей хотелось лечь, свернуться клубочком, спрятаться от всех и зализывать душевные раны — боль публичного оскорбления. Она воспринимала случившееся как оскорбление, и не иначе. Но как все внутри ни противилось, она понимала, что нужно жить дальше и принять случившееся как неизбежность. Ватикан ей дурного сделать не мог — да пусть бы кто-нибудь попробовал сделать ей что-то дурное! Она стала успокаивать себя: «Ну-ну, Джилл Робертс, что это ты взялась нюни распускать? Стыд какой! Бывали у тебя передряги и похлеще! Кого ты боишься? Дребезжащих роботов и безумной старухи? Вот уж брось! Немедленно перестань и возьми себя в руки, слышишь?

И из Ватикана они меня не выкинут — дудки! Я крепко стою на ногах, и об отъезде не может быть и речи. Гляди-ка… — удивилась она собственным мыслям, — было ли у меня в голове что-нибудь подобное, когда я попала сюда?»

Нет, конечно, нет. Тогда все было иначе. Досада, разочарование, возмущение хитрой игрой кардиналов, — ведь не отвечали на письма, а когда приехала, отказались помочь в осуществлении планов. Как много воды утекло за эти короткие месяцы! За это время она поняла, как важен Ватикан не только для роботов, но и для людей, и не только для тех, что жили здесь, на Харизме, но и везде. Здесь были грандиозность и величие — в самом прямом смысле слова, величие понятий и мыслей — и от этого нельзя было отвернуться. Теперь она ощущала себя в каком-то смысле частичкой чего-то целого, и ей хотелось, чтобы это не кончалось. Этого хотел и Джейсон, — ведь и он стал участником происходящего. Да теперь она бы только из-за Джейсона не улетела, только из-за того, что он счастлив здесь. Нет, она не смогла бы его покинуть, особенно теперь, после того, что случилось вчера, когда он коснулся её щеки и стёр с неё проклятое клеймо.

«А ведь это действительно было клеймом», — думала она. Как бы ни старалась она относиться к своему увечью с неженской трезвостью и безразличием, как бы ни выставляла напоказ то, что спрятать было невозможно.

Но не Джейсон, не только Джейсон держал её

здесь. Ещё — старый кардинал Феодосий, тот самый, что навещал её каждый день, усаживался на табуретку и разговаривал с ней часы напролёт — так, будто она была роботом или он — человеком. Кое-кто посчитал бы его брюзгой и маразматиком, но ничего этого не было и в помине, теперь она это понимала и готова была поспорить с любым, кто стал бы потешаться над кардиналом. И ещё он добрый. Джилл раньше и в голову не приходило, что робот может быть добрым, а Енох был добрым, внимательным, предупредительным и заботливым. Поначалу она немного побаивалась его и, согласно строгому этикету, называла Преосвященным, но сама не заметила, как вышло, что они стали просиживать в библиотеке часы, как заболтавшиеся допоздна школьные подружки. И он нисколько не возражал против подобной фамильярности, неформальности их бесед — похоже было, что он не прочь немного отвлечься от забот и поболтать с той, что так недавно в Ватикане, и постоянно забывал, сколько ему лет и какой высокий пост он занимает.

Джилл понемногу приходила в себя. Мысли её переключились на математический мир, о котором столько рассказывал Джейсон. Он старался

как мог описать ей все, что видел и чувствовал там, но, судя по всему, это было такое место, впечатления от которого передать было непросто, ибо почти невозможно облечь в слова.

А на улице по-прежнему звучали крики.

«Кого они зовут? — прислушалась Джилл. — Уж не меня ли? Хотят ещё раз убедиться, что чудо свершилось? Господи, какие же они все дураки, какие непроходимые тупицы!»

Чтобы отвлечься от воплей за окном, она снова задумалась о математическом мире. «Есть вещи, которые словами не передать», — сказал Джейсон. Что же это за мир? Что за цивилизация, настолько самодостаточная, что основывается на логике, настолько развитой и несравнимой с людскими представлениями, как слияние атомов несравнимо с изготовлением примитивных орудий из камня? Компания странных кубиков, сидящих на бескрайней зеленой равнине и манипулирующих сложнейшими символами… Чем они занимались? Играли в хитроумную игру или решали проблемы величайшей важности? Что значили эти уравнения и графики? Были ли они зрительным выражением инородного мышления? Может быть, это была компания мудрецов, собравшихся для дружеской беседы

и обсуждавших какую-нибудь невероятную гипотезу, а может быть, они проводили время в долгом, медленном поиске и формулировании универсальных истин? Может быть, обитатели математического мира когда-то, давным-давно, добрались до границ пространства и времени, а потом вернулись на свою прародину, где бы она ни была? Может быть, они где-то путешествовали поодиночке, а теперь собрались все вместе, и им было что порассказать друг другу?

«Насколько же, наверное, — думала Джилл, — они были потрясены внезапным вторжением Джейсона — представителя формы жизни, образчики которой, может быть, и встречались им когда-то, да они их давным-давно позабыли, а может, и не видали никогда. Нечего удивляться, что они так переполошились, глазам своим, если можно так выразиться, поверить не могли — даже дом построили для Джейсона, не иначе как для того, чтобы упрятать его подальше, чтобы подумать, пока его не видно, что же это такое свалилось на их головы. Господи, какие головы… Но ведь одарили! Одарили, как гостеприимные хозяева могут одарить чужеземца, который случайно забрёл в гости!»

Джилл устроилась поудобнее… и вдруг замети-

ла в тёмном углу гостиной слабое свечение.

«Так, — сказала она себе, — поздравляю вас, мисс Робертс, допрыгалась, голубушка. Вот вам и галлюцинация…»

Но видение не пропадало — свечение собралось в сверкающий блёстками шарик — маленькую искрящуюся сферу.

— Шептун? — мысленно спросила Джилл, стараясь произнести слово так, как ей рассказывал Джейсон.

— Ты видишь меня, Джилл? — спросил Шептун.

— Я вижу тебя, Шептун.

— И слышишь меня, Джилл?

— Да, я слышу тебя.

Она оцепенела от изумления, думая: «Нет, это невозможно. Джейсон никогда не говорил, что Шептун может прийти ко мне и заговорить!»

— Джейсон велел мне не трогать тебя, — сказал Шептун. — Я сказал ему, что я и с тобой мог бы разговаривать, но он запретил. Но, Джилл, я должен был прийти к тебе!

— Все нормально, — успокоила его Джилл. — Ничего не бойся.

— Может быть, ты сумеешь видеть лучше Джейсона. Сумеешь лучше разглядеть.

— Разглядеть? Что разглядеть?

— Обитателей математического мира.

— Нет! — воскликнула Джилл. — Нет, только не это!

— Почему? Думаешь, это страшно?

— Да, мне страшно. Они такие… ужасные!

— Но им ты обязана тем, что случилось с твоим лицом.

— Что правда, то правда.

— Джейсон вернулся с подарком. Они и тебе сделают подарок. У них много чего есть.

— Почему они должны мне что-то дарить?

— Не знаю. С Джейсоном я много узнал, но не все.

— Джейсон мне ничего такого не говорил.

— Джейсон не мог видеть и узнать всего, что узнал я. Мы видели и узнавали там по-разному, потому что мы сами разные. Думаю, я тоже не мог постичь того, что постиг он.

— Но разве я сумею понять больше Джейсона?

— Может, не больше, но — по-другому. Джейсон видел то, чего не увидеть тебе, а ты увидишь то, чего ему не увидеть.

— Но… Шептун, я все равно не могу туда отправиться! Я же не видела этот кристалл!

— Я был там, — сказал Шептун. — Этого доста-

точно. Математический мир запечатлён во мне. Я смогу найти дорогу.

— Шептун, я не знаю… Шептун, я не могу!

— Ты боишься? Не бойся! Мы же с Джейсоном вернулись. Это не опасно.

— Как ты можешь судить? Может, вам просто повезло?

— Но это очень важно, Джилл.

— Я должна подумать.

— Ну, вот… Джейсон говорил, чтобы я не приставал к тебе, теперь он рассердится.

— На этот счёт не волнуйся. Я же сказала.

— Я больше не буду. Скажешь: «Уйди», и я уйду.

«Не могу! Не могу! — твердила про себя Джилл. А вдруг я там сойду с ума или превращусь в статую? И зачем это мне? Джейсон уже был там. Не надо мне туда! А все-таки…»

Джилл упрямо закусила губу.

— Никогда в жизни, — сказала она Шептуну, — я ни от чего такого не отказывалась. Не отказалась от Харизмы, к примеру. Всегда, если где-то было что-то достойное интереса, я первая мчалась туда и смотрела.

И это было так. Она, прирождённый репортёр, отправлялась куда угодно — неважно, что внут-

ри она дрожала от страха при мысли о том, что может встретиться ей на пути к цели. Но она шла вперёд, сжав зубы. Случались всякие переделки, но она всегда ухитрялась вернуться и привозила с собой испещрённые записями блокноты и рулоны киноплёнки. Нервы на пределе зато полно материала.

— Ладно, — сказала она решительно. — Я пойду. Значит, ты можешь взять меня туда, Шептун? Несмотря на то что я не видела кристалл?

— Сначала я должен войти в твоё сознание, чтобы мы стали одним целым.

Джилл немного растерялась. Мысль о том, что кто-то войдёт в её сознание, напугала её. И кто, главное, кто? Непостижимое существо, не похожее ни на одно из прежде виденных…

Но она успокоила себя: это странное существо побывало в сознании у Джейсона, и с Джейсоном ничего страшного не случилось.

— Ладно, — сказала она Шептуну.

И тут же оказалась в математическом мире. Даже вдохнуть не успела.

Все оказалось точно таким, как рассказывал Джейсон: зелень плоской равнины, незаметно сливавшаяся с голубизной небес… На зеленом ковре восседали кубоиды, испещрённые уравне-

ниями и графиками — яркие, разноцветные. Они проявляли свойственные им признаки жизни: уравнения подрагивали, сменяли друг друга, плыли…

«Какая досада, — подумала Джилл. — Нужно было фотокамеру захватить, да и кинокамера не помешала бы. Что стоило перебросить футляры через плечо — они бы перенеслись сюда со мной вместе! Вот — перенеслась же моя одежда, не голая же я тут стою, значит, можно было взять и камеры…»

— Шептун! — окликнула она спутника, намереваясь спросить у него, каким образом осуществляется перенос в этот мир. Но Шептун не ответил, а в сознании Джилл не было никаких признаков его присутствия.

Впрочем, этого следовало ожидать: Джейсон говорил, что с ним было то же самое. Он тоже звал и искал Шептуна, но облачка алмазной пыли не видел — они были здесь как единое целое.

Наверное, его разреженные атомы смешались с атомами мозга Джейсона. А теперь то же самое произошло с ней.

— Шептун, — упрямо позвала Джилл. — Ну-ка брось шутить и ответь мне. Дай хоть какой-нибудь знак, что ты здесь.

Шептун молчал.

«А вдруг, — подумала Джилл, — маленький плутишка забросил меня сюда, а сам остался дома?»

Подумала — и тут же решила, что это мало похоже на правду. Шептун, как она поняла, был прирождённым романтиком, искателем приключений, неутомимым исследователем Вселенной. Но для того чтобы изучать её, ему нужен был проводник, который показывал бы дорогу. Однажды ему показали дорогу — и теперь он, судя по всему, знал, как добраться сюда, но он взял её с собой.

— Ну, ладно, — сказала она сердито, — если тебе так нравится, можешь прятаться дальше. Без тебя обойдусь.

«И как только я решилась отправиться сюда? — недоумевала Джилл. — Зачем мне это понадобилось? Репортёрский инстинкт? Или желание побывать там, где побывал Джейсон, в надежде, что здесь отыщется нить, которая ещё крепче свяжет нас? Куда крепче, глупости какие! Или я попалась на удочку Шептуна, и он соблазнил меня болтовнёй о том, что я смогу увидеть больше, чем Джейсон, и лучше пойму математический мир?»

Джилл тряхнула головой. Ни одно объяснение

не годилось, и все-таки она здесь, а раз уж она здесь, надо попробовать взять интервью у здешних обитателей.

«Взять интервью» — звучит неплохо, но как? Как с ними общаться? Я буду рот раскрывать, а они будут отвечать своими уравнениями, но ни они, ни я не будем иметь ни малейшего понятия, о чем, собственно, речь».

Однако, прогнав сомнения, Джилл решительно направилась к кубоиду, который был к ней поближе: розово-красный с дымчато-лиловыми уравнениями и кошмарно запутанным, витым-перевитым графиком ядовито-жёлтого цвета.

— Я — Джилл Робертс! — громко и чётко представилась Джилл. — Я пришла поговорить с вами.

Её слова безжалостно разорвали тончайшую вуаль тишины, наброшенную на этот мир, и ей показалось, что розово-красный кубоид весь как-то съёжился и побледнел. Через мгновение он зашевелился и начал медленно отползать в сторону. Джилл подумала: «Удрать хочет!»

«Ну, вот, — огорчилась она, — как глупо вышло… Мне ведь Джейсон говорил, какой это спокойный, тихий мир, а я не успела появиться, как тут же начала вопить. Да и что я сказала-

то? Глупее не придумаешь! Сообщила им, что я — Джилл Робертс, а они, даже если и услышали меня, разве они имеют понятие, что такое „джиллробертс“? Нет, если и говорить с ними, то, наверное, так, как с Шептуном. И нужно им сказать, не кто я такая, а что я такое… Нет, и это не пойдёт. Как это, интересно, я могу им сказать, что я такое? Как я, как любой другой человек, другая форма жизни может объяснить ещё одной форме жизни, что она такое?

Может быть, — думала Джилл, — стоит начать с того, что я — органическое существо. Но откуда им знать, что значит «органическое». Ну, допустим, расслышат, но ведь значения этого слова они не знают. Нет, не поймут. Значит, надо начинать с ещё более примитивного уровня. Придётся объяснить им, что такое «органика». Может быть, если мне удастся достаточно просто и доступно сформулировать это понятие, они поймут меня, ведь они, вероятно, встречались когда-нибудь с другими формами органической жизни? Да и потом, может быть, и они сами — органические существа — отчего я их сразу в неорганические записала?

Итак, как же мне свести понятие «органическая жизнь» к самому примитивному уровню? И

вообще, положа руку на сердце, что такое «органическая жизнь»? Хотела бы я знать… Будь тут Джейсон, он бы вероятно смог помочь. Он ведь врач и наверняка знает, что это такое. Как же это объяснить? Что-то там было насчёт углерода, но что?»

Нет, Джилл не помнила розным счётом ничего. Проклятье, проклятье, ПРОКЛЯТЬЕ! А ещё журналист — человек, который должен знать обо всем на свете! И ведь считала себя всезнайкой, — а дошло до дела, и оказывается — самых элементарных вещей не знает! Прежде, готовясь к интервью, Джилл имела привычку загодя узнавать как можно больше о предмете своего интереса, чтобы не попасть впросак с глупыми вопросами. Но тут… даже если бы у неё было время на подготовку, как можно было подготовиться? Никаких предварительных материалов. Нет, может быть, где-то такие материалы и были, но не в мире людей.

Да, пытаться сделать что-то самостоятельно в этом мире — полное безумие. Но здесь Шептун, он часть её самой, и он должен как-то участвовать в происходящем. Вместе с ней, как одно целое. А он, как назло, спрятался где-то и не помогает…

Розово-красный кубоид прекратил отступле-

ние и остановился на некотором расстоянии от Джилл. Ушёл он, правду сказать, недалеко. К нему потихоньку подходили другие кубоиды. Скоро вокруг него собралась целая компания.

«Думают напасть, не иначе, — решила Джилл, — как на Джейсона».

И, решив, что лучший способ защиты — нападение, она смело шагнула к розово-красному кубоиду. Пока она шла, с его передней поверхности стёрлись все уравнения и даже кошмарная канитель графика. Поверхность стала совершенно пустой, ровного розово-красного цвета.

Джилл подошла к кубоиду вплотную. Подняла голову и разглядела в нескольких футах над собой его вершину. Передняя плоскость кубоида оставалась пустой. Все остальные кубоиды, собравшиеся неподалёку, не двигались. Замерли и значки, и графики на их поверхности.

Несколько мгновений ничего не происходило. И вдруг… на передней плоскости розово-красного кубоида стало появляться что-то новое. Рисунок был ярко-золотой, какой-то радостный.

Линии возникали неуверенно — так рисовал бы маленький ребёнок, рука которого ещё не окрепла…

Сначала ближе к верху плоскости нарисовал-

ся треугольник — равносторонний, вершиной вниз. Затем к нему примкнул другой треугольник — побольше, вершиной вверх. Потом, после некоторого раздумья, на рисунке появились две параллельные прямые, выходящие из основания нижнего треугольника.

Джилл смотрела на рисунок, не веря своим глазам, и наконец у неё вырвалось:

— Но… это же… я! Верхний треугольник — голова, нижний — туловище, тело, одетое в платье, а две палочки — ноги!

Затем с одной стороны от рисунка возникла извилистая загогулина и пять точек.

— Это знак вопроса? — спросила Джилл неизвестно кого. И решила: — Да, это знак вопроса. Они спрашивают меня, что я такое!

«Вот-вот, — сказал Шептун внутри её сознания. — Тебе удалось привлечь их внимание. А теперь моя очередь…»

Глава 42

В кабинете кардинала горели свечи, но все равно было темно. Темнота, казалось, пожирала слабый свет свечей. Причудливые очертания мебели напоминали фантастических чудовищ — не то дремлющих, не то приготовившихся к прыжку. У двери, расставив ноги, застыл робот-охранник. Кардинал восседал на высоком стуле с прямой спинкой, закутавшись в лиловую мантию.

— Доктор Теннисон, — сказал он. — За все время вашего пребывания в Ватикане вы впервые удостоили меня своим посещением.

— Я знаю, как вы заняты, Ваше Преосвященство, — сказал Теннисон. — И потом, до сих пор в этом не было необходимости.

— Сейчас такая необходимость возникла?

— Думаю, да.

— Вы пришли ко мне в трудное время. Такого трудного времени в Ватикане ещё не бывало. Это глупцы…

— Именно поэтому я и пришёл к вам, — решительно оборвал кардинала Теннисон. — Джилл…

— От человека, — продолжал кардинал, словно

не обратив внимания на то, что его прервали, — ещё можно было ожидать такого. Люди эмоциональны. Слишком эмоциональны. Порой мне кажется, что вам недостаёт здравого смысла. От роботов я такого не ожидал. Мы — народ уравновешенный, порой даже флегматичный. Да, наверное, и вы бы не подумали, что роботы способны довести себя до такой истерии. Прошу простить. Вы хотели поговорить о Джилл?

— Да, хотел.

— Джилл, доктор Теннисон, — самая лучшая из всех людей, с кем мне когда-либо довелось встречаться. Она, можно сказать, породнилась с нами. Ей интересны мы, ей интересен Ватикан. Вы, конечно, знаете, как упорно она трудится.

— Безусловно.

— Когда она пришла к нам впервые, — продолжал кардинал, — её интерес к нам был более чем поверхностный. Она хотела написать о нас, но, как вам известно, мы не могли этого позволить. Некоторое время я считал, что ей следует улететь отсюда первым же рейсом. Но мне этого не хотелось, потому что уже тогда, задолго до того, как убедился в этом сам, я догадывался, какой она талантливый и преданный делу историк, — именно такой, какой нужен и какого мы никак не

могли разыскать. Джилл хотела написать нашу историю для других, а теперь пишет для нас. И все мы счастливы. Вам, наверное, кажется странным, что нам понадобилась собственная история?

— Нет, почему же, — пожал плечами Теннисон. — Я, конечно, не психолог, но думаю, что она нужна вам потому, что вы проделали работу, которой не без основания гордитесь.

— Да, — кивнул кардинал. — Нам есть чем гордиться.

— Ну, и вам, естественно, хочется, чтобы проделанный вами путь не был предан забвению. И чтобы через миллион лет представители самых разных форм жизни узнали о том, что вы жили здесь, а может быть, и до сих пор живёте, если, конечно, вы просуществуете миллион лет.

— Просуществуем, — кивнул кардинал. — Если не я, то другие роботы, мои соратники, будут здесь и через миллион лет. Ватикан будет здесь. Ведь известно, что на Земле тысячелетиями существовали корпорации, основатели которых давным-давно умерли. Эти корпорации существовали потому, что представляли собой идеи, воплощённые в материальной форме. Ватикан, конечно, не корпорация в прямом смысле слова, но он — идея, облечённая в материальную форму.

Он выживет. Он может подвергнуться изменениям, у него могут быть взлёты и падения, эволюции и кризисы, но идея не умрёт. Идея будет жить. Идеи, доктор Теннисон, не так просто убить.

— Все это замечательно, Ваше Преосвященство, — сказал Теннисон. — И я высоко ценю ваше мнение как по этому, так и по другим вопросам. Но я пришёл к вам, чтобы поговорить о Джилл, чтобы сказать вам, что она…

— Да-да, Джилл, — проговорил кардинал. — Я искренне огорчён, что её коснулась эта суета вокруг так называемой святой. Как это у вас, людей, говорится? «Попала в переделку»? Так? Бедная девочка, представляю, как ей тяжело, — все тычут в неё пальцами и вопят о чуде. Считают, что она и есть живое свидетельство чуда. А вы, доктор, можете объяснить, что произошло? Я, конечно, ни капельки не верю, что случай с лицом Джилл — дело рук Мэри, и…

— Ваше Преосвященство! — резко оборвал кардинала Теннисон. — Сейчас не время это обсуждать. Я пришёл сказать вам, что Джилл исчезла. Я её искал везде и нигде не мог найти. Вот и пришёл к вам, чтобы спросить, не знаете ли вы, где она может быть.

— Бедняжка… — покачал головой кардинал. —

Наверное, спряталась куда-нибудь, убежала от этой толпы обезумевших фанатиков.

— Но куда она могла убежать? Она мало где бывала. Работа и дом — вот и все.

— Доктор, скажите мне все-таки откровенно, что произошло? Как могла исчезнуть опухоль? Дело не в Мэри, я уверен. Тут что-то другое. Вы врач, и у вас должны быть какие-то соображения на этот счёт. Может быть, это, как вы говорите, спонтанная ремиссия, самоизлечение?

— Ваше Преосвященство, клянусь вам, я не знаю! Я пришёл просить у вас помощи. Подскажите, ради бога, где её искать?!

— В библиотеке смотрели?

— Был я в библиотеке. Везде был.

— В саду за клиникой?

— Да. Я же сказал: везде. Преосвященный, вы бываете у неё в библиотеке, подолгу беседуете с ней. Может быть, она хоть слово обронила, чтобы понять…

Разговор прервал громкий стук в дверь кабинета. Теннисон обернулся.

— Глухоман! — прокричал возникший в дверном проёме робот в коричневом монашеском балахоне. — Ваше Преосвященство, там глухоман!

— Глухоман? — вскричал кардинал. — Что — «глухоман»? Где глухоман?! Объясни толком, в чем дело?!

— Глухоман идёт! — надрывался робот. — Глухоман… спускается по эспланаде.

— Откуда ты знаешь, что это глухоман? Ты разве когда-нибудь видел глухомана?

— Нет, Ваше Преосвященство, я не видел. Но только все кричат, что это глухоман. Все кричат и бегут кто куда. Все жутко напуганы.

— Если это действительно глухоман, нечему удивляться. Понятно, почему они напуганы.

Из открытой двери доносились крики, топот ног в длинных коридорах.

— По эспланаде? — спросил Теннисон монаха. — К базилике?

— Да, доктор, — кивнул перепуганный робот.

Теннисон обернулся к кардиналу.

— Ваше Преосвященство, а вам не кажется, что стоит выйти и узнать, чего хочет глухоман?

— Ничего не понимаю… — растерянно проговорил кардинал. — Ни один глухоман никогда не являлся в Ватикан. Давно, очень давно, когда мы только прибыли сюда, мы порой видели их издалека. Они никогда не приближались. Да, только издалека мы их видели, и, честно говоря,

не пытались рассмотреть поближе. Мы им никогда не докучали, а они не мешали нам. Потом о них стали рассказывать чудовищные вещи, но это потом…

— Насколько я знаю, они убили молодого врача — моего предшественника, и ещё двоих людей, которые были с ним.

— Да, это правда, но эти глупцы отправились охотиться на них. На глухоманов нельзя охотиться! Нужно совсем голову потерять, чтобы решиться на такое! Первый и единственный раз глухоманы проявили жестокость.

— Ну что ж, — пожал плечами Теннисон. — Значит, можно предположить, что у того, что пришёл сейчас, ничего дурного на уме нет.

— Да, думаю, он ничего дурного сделать не хочет, — кивнул кардинал. — Но люди боятся, и их можно понять, — ведь они наслушались страшных историй о глухоманах. Вот и бегут. Да, это можно понять.

— Ваше Преосвященство, я намерен выйти к нему, — заявил Теннисон. — Вы пойдёте со мной или нет?

— Думаете, стоит выйти?

— Да, думаю. Просто выйти и узнать, чего ему надо.

— Пожалуй, вы правы. Пойдёмте. Но нас, предупреждаю, будет только двое — вы и я.

— Отлично. Вполне достаточно. А как мы будем с ним разговаривать? На каком языке?

— Древние легенды утверждают, что общаться с глухоманами можно.

— Ну и замечательно. Вперёд!

Теннисон пошёл впереди, Феодосий — за ним, а охранник и монах следовали на почтительном расстоянии сзади.

Пока они одолевали бесчисленные коридоры, ведущие к выходу из подземелий Ватикана, Теннисон мучительно старался припомнить все, что до сих пор слышал о глухоманах. Получалось до обидного мало. Глухоманы жили здесь, на Харизме, до того, как сюда прибыли роботы. Между роботами и глухоманами происходили лишь эпизодические, случайные контакты. За годы сформировалось убеждение в том, что глухоманы — кровожадные каннибалы. Эти истории рассказывали друг другу поздно вечером в уголках у каминов. Но была ли у этих басен реальная основа — этого Теннисон не знал. Да, за все время, пока он жил здесь, кроме случая с убийством молодого врача, никаких особых разговоров о глухоманах он не слышал.

Они вышли наверх. Неподалёку справа высилось величественное здание базилики, а перед ним тянулась широкая линия мощёной эспланады, спускавшейся с востока. На эспланаде не было ни души — все разбежались — и роботы, и люди. Но с крыш зданий по обе стороны от эспланады свешивались головы любопытных — все-таки хотелось поглядеть, что происходит. В Ватикане царила мёртвая тишина, лишь где-то вдалеке слышались крики.

Внизу, в самом конце эспланады, была видна громадная фигура. На расстоянии она казалась меньше, но Теннисон прикинул в уме её размеры и поёжился. Глухоман был, что называется, великаном.

Теннисон устремился бегом вниз по лестнице к дорожке, что вела к эспланаде. Кардинал с трудом поспевал за ним, а монах и охранник безнадёжно отстали.

На возвышении около базилики Теннисон и кардинал остановились и решили ждать глухомана тут.

— Доктор… он вертится! — прошептал кардинал.

Так оно и было. Глухоман представлял собой гигантскую чёрную сферу, приподнятую над

поверхностью земли футов на двадцать. Сфера двигалась вперёд, одновременно вращаясь вокруг своей оси. На чёрной, почти безукоризненно гладкой поверхности сферы были видны какие-то более светлые отметины.

— Странно… — растерянно проговорил кардинал. — Очень, очень странно… Доктор, вам доводилось видеть что-либо подобное?

— Нет, не доводилось, — ответил Теннисон. — А что же вы так удивились? Вы же говорили, что видели глухомана издали?

— Не я лично. Кое-кто из наших. Мне говорили, что они круглые… но вы же знаете, что верить рассказам… Нет, я сам никогда ни одного не видел.

Глухоман остановился у подножия холма, на котором высилась базилика. Вращение прекратилось, и он опустился на мостовую.

Светлые пятна на поверхности сферы оказались небольшими выростами.

«Наверное, рецепторы, — решил Теннисон. — Зрение, слух, обоняние, мало ли что ещё…»

Кардинал молчал, выпрямившись во весь рост, как солдат в строю.

Из правого бока глухомана появилось нечто вроде конечности. Она росла, удлинялась… Нако-

нец конечность погрузилась в некое углубление на поверхности сферы и что-то вынула оттуда. Вытянувшись ещё дальше, она опустила то, что вынула, на мостовую. Это было… человеческое тело! Осторожно, почти бережно, глухоман уложил тело лицом вверх.

— О Боже! — в ужасе вскричал Теннисон. — Это… Декер!!!

Он бросился вниз, но на пути остановился. «Рука» глухомана снова нырнула в «карман» и вытащила оттуда один за другим несколько предметов: ружьё, свёрнутый спальный мешок, рюкзак, походный топорик и искорёженный кофейник.

Затем из левого бока глухомана выросла вторая «рука» и нырнула в другой «карман». Оттуда она вытащила другое тело и опустила на мостовую рядом с телом Декера. Это был робот с оторванной головой. Рядом с ним на мостовую легло ещё одно ружьё. «Пальцы» глухомана осторожно сложили части погибшего робота и положили рядом с ним винтовку.

«Руки» глухомана втянулись внутрь, и он снова превратятся в идеальную сферу.

Раздался странный, глуховатый, низкий звук, похожий на рокот громадного барабана. Каза-

лось, сам воздух вокруг задрожал, завибрировал. Постепенно на фоне гудения стали слышны слова — произнесённые на человеческом языке. Они звучали медленно и торжественно.

— Мы — хранители, — говорил глухоман. — Мы бережём эту планету. Мы не позволяем, чтобы здесь происходили убийства. Убивать, когда нет еды, дабы сохранить жизнь в теле — можно. Для некоторых это необходимо, чтобы сберечь жизнь. Но убийств по другой причине не должно быть никогда.

Гудение прекратилось. Несколько мгновений было тихо. Затем снова раздался гул, и послышались слова:

— Мы жили с вами в мире. И хотим жить в мире. Не позволяйте такому случиться вновь.

— Но, сэр! — плохо понимая, как следует обращаться к глухоману, прокричал Теннисон; собственный голос ему самому показался тонким и слабым. — Не так давно вы сами убили троих людей!

На фоне гудения раздались слова:

— Они пришли охотиться на нас. Они имели намерение убить нас. Это непозволительно. Никто не имеет права нас убивать. Мы убили, чтобы спасти себя. Мы убили, потому что не хотели,

чтобы эти люди ходили по нашей планете.

Гудение утихло, и глухоман снова завертелся и стал постепенно удаляться по эспланаде.

Теннисон сбежал вниз и упал на колени рядом с телом Декера. Он надеялся, что тот ещё жив! Теннисон припал ухом в его груди. Увы, Декер был мёртв, мёртв уже несколько часов.

Теннисон беспомощно обернулся. Кардинал медленно спускался с холма. Позади него кто-то бежал. Когда бежавший обогнал кардинала, Теннисон узнал Экайера.

— Джилл вернулась! — крикнул он, задыхаясь от быстрого бега.

Добежав до Теннисона, Экайер остановился и перевёл дух.

— Она была в математическом мире с Шептуном. Она сказала…

Тут его взгляд упал на мостовую, и он в ужасе умолк.

— Что… тут произошло?!

— Декор убит. Глухоман принёс его домой.

— Значит, это правда, что глухоманы убивают?!

Экайер сжал кулаки так, что костяшки пальцев побелели.

— А я не верил!

— Нет, Пол, — покачал головой Джейсон. — Глухоман тут ни при чем. Посмотри, кого он ещё принёс.

Экайер склонился над изуродованным роботом.

— Д-джейсон, — проговорил он сдавленным шёпотом, — знаешь, кто это?

— Нет, — пожал плечами Джейсон. — Какой-то робот.

— Это наш милый Губерт, — сказал Экайер. — Тот самый, что варил такой прекрасный кофе…

Глава 43

— Лично мне картина происшедшего ясна, — сказал Теннисон. — Декер был ранен в грудь. Одно лёгкое задето. Видимо, он быстро умер. Но, прежде чем умереть, он успел ответить Губерту метким выстрелом. Пуля снесла роботу полголовы. Мозг — всмятку: кучка спутанных проводов. Он ненадолго пережил Декера.

— А я вот чего никак не пойму, — нахмурился Экайер. — Как вышло, что они оба оказались в такой глуши и принялись палить друг в друга. И потом — Губерт! Губерт, трусишка и подхалим! Не скажу, чтобы он был таким уж образцовым слугой, но все-таки старался как мог. Пожалуй, я его даже по-своему любил. Он мне служил много лет. А Декер? Что Губерту до Декера? Мне кажется, он его и не видел ни разу в жизни. Нет, то есть за глаза-то он его знал. На Харизме все знают, кто такой Декер.

— А винтовка? — спросил Теннисон. — Как попала к Губерту винтовка, вот вопрос. Ведь это та самая, которую взял с собой прежний доктор, когда отправился охотиться на глухоманов.

— Ну, вот это как раз объяснить несложно. Наверное, винтовку подобрали роботы, когда выносили из леса тела убитых. Валялась где-нибудь. Роботам она была совершенно ни к чему. Они оружием не пользуются.

— Один, как видишь, воспользовался, — с горечью проговорил Теннисон. — Какой позор! Декер был прекрасным человеком. Мне он с первой встречи понравился. Он был мне другом. И единственным поводом отправить его на тот свет было то, что он знал, где Рай, я в этом не сомневаюсь.

— Тут я с тобой согласен, — кивнул Экайер. — Но только никак в голове не укладывается, что у Губерта могло быть что-то общее с богословами. Я, правда, с ним об этом не беседовал никогда, поэтому мне трудно судить, что он по этому поводу думал. Но он был не такой робот, чтобы…

— Он мог слышать наши разговоры, — предположила Джилл. — Вечно он торчал на кухне и, по-моему, подслушивал. Он запросто мог услышать, как мы говорили о Декере, о том, что, вероятно, Декер знает, где находится Рай.

— Верно, — согласился Экайер. — Он был очень любопытен и любил посплетничать. Весь Ватикан — огромная фабрика сплетён. Но за все те

годы, что он был моим слугой, Джейсон, клянусь тебе, большого вреда от него не было, пока я не отправил его к тебе.

— Ошибся, как видишь, — сказала Джилл. — Он оказался далеко не так безобиден.

— Давай попробуем взглянуть на происшедшее по-другому, — предложил Теннисон. — Оба «райских» кристалла исчезли — похищены, скорее всего. Декер убит. Когда мы обыскивали его хижину, мы имели возможность убедиться — того, что мы ищем, там нет. Не исключено, что кто-то, может быть, Губерт, обыскал хижину до нашего прихода и либо нашёл то, что искал, либо не нашёл. Если не нашёл, то мог, как и мы, подумать, что Декер спрятал «чёрный ящик» где-то ещё. Если так, то никаких шансов разыскать его не осталось. Если «ящик» найден, следовательно, он сломан и выброшен, а если не найден, возможности найти его практически нет. Теперь, когда нет ни кристаллов, ни «чёрного ящика» и Декер мёртв, никаких шансов добраться до Рая не осталось.

— Но, может быть, Мэри? — спросила Джилл.

— Нет, — твёрдо ответил Теннисон. — У неё коматозное состояние. Она может и до утра не дотянуть. Зрелище толпы фанатиков доконало

её. Она упала в обморок, и её пришлось нести в палату на руках.

— Значит, у нас ничего, совсем ничего не осталось, — обречённо проговорила Джилл.

— И это как нельзя на руку богословам, — вздохнул Экайер. — Мёртвая Мэри станет более подходящим объектом для канонизации, чем живая. Живая и невредимая святая — в этом есть что-то святотатственное. А когда она умрёт, у них будет замечательная возможность довести своё дело до конца. У Ватикана появится первая собственная святая, споры о Рае утихнут, все будут верить, что святая Мэри нашла его, и…

— Да, но этому могут воспротивиться кардиналы, — возразила Джилл. — Не все они за такой поворот событий. Феодосий, насколько мне известно, против.

— Наверное, они могли бы что-то сделать, — сказал Экайер, — если бы не побоялись столкнуться с откровенным бунтом. Даже если бы смута началась, то у них была бы возможность погасить, подавить её… но это было бы ужасно для самого Ватикана. Ведь Ватикан — это средоточие покоя, стремления к святости. Кардиналы побоятся, я уверен.

— Но если богословы победят, — сказал Тен-

нисон, — а теперь, похоже, так оно и будет, Поисковой Программе конец, а без неё…

— Вот над этим, — кивнул Экайер, — и следовало бы нашим кардиналам призадуматься. Они ведь всегда отличались умением предвидеть. Может быть, они отступят на какое-то время, но потом снова начнут упорно, как муравьи, восстанавливать своё детище, пока Ватикан не станет таким, каким они его себе представляли с самого начала. Ведь для робота время ровным счётом ничего не значит. Вечность к его услугам.

— Погоди, Пол, — сказал Теннисон. — Это для роботов, но не для нас, и не для тебя прежде всего. Да, кардиналы, благосклонно относящиеся к Поисковой Программе, вряд ли позволят, чтобы Ватикан был перевернут вверх тормашками. Это понятно. Но это может произойти уже не при твоей жизни. Либо мы победим сейчас, либо ты, лично ты, проиграешь навсегда.

— Мне ли этого не понимать, — вздохнул Экайер. — Знаешь, о чем я думаю… — Он повернулся к Джилл. — Совсем недавно Джейсон мне немного рассказал о существе, которое он зовёт Шептуном, и о том, как они вместе побывали в математическом мире. Теперь, как я понимаю, там побывала и ты. Ведь ты именно там была, пока мы тут ис-

кали тебя, сбившись с ног?

— Джилл, не бойся, расскажи, — посоветовал Теннисон. — Декера теперь нет в живых, и его тайну можно раскрыть.

— Наверное, это не единственная его тайна, — сказал Экайер. — Он был человеком особенным. В общем, с тех пор как Джейсон рассказал мне о Шептуне, я думал…

— Если ты думал, — прервала его Джилл, — что Шептун мог бы сопроводить нас в Рай, то, мне кажется, ты ошибаешься. Он перенёс Джейсона в математический мир потому, что Джейсон видел кристалл. Я кристалл не видела, и меня Шептун перенёс туда потому, что уже знал дорогу. Джейсон показал ему дорогу, и Шептун запомнил её.

— Следовательно, координаты ему не нужны?

— Не нужны, верно. Координат математического мира не было, и Шептуну хватило воспоминаний Джейсона. Наверное, он пользуется не координатами, а чем-то другим.

— Тогда почему не Рай?

— А потому, что ему нужно проникнуть в сознание того, кто видел кристалл с записью о каком-то конкретном мире.

— В сознание? Именно в сознание?

— Да.

— А почему бы ему не проникнуть в сознание Мэри?

— Мэри в коматозном состоянии. Её сознание, её память опустошены, стёрты, — сказал Теннисон. — Но даже когда она была здорова душой и телом, к ней в сознание он проникнуть не мог.

— Хочешь сказать, что он не ко всем…

— Послушай, Пол, вот тебе пример: уж как Шептун был близок с Декером, а в его сознание проникнуть не мог, как ни стремился.

— А в твоё и Джилл проникает? Что же в вас такого особенного?

— Не знаю. Я думал об этом. Понимаешь, многие люди, большинство людей, не способны даже видеть Шептуна. Ты, например, не можешь, это я точно знаю. Шептун пытался с тобой познакомиться. Он пробовал тебе явиться, но ты его не увидел.

— Откуда тебе это известно?

— Он мне сам сказал. Думаю, он тут со многими пытался контакт наладить, и с тем же результатом. А роботы — вообще исключено. У них «другой тип сознания» — так он сказал. Он много лет бродил по Ватикану, всё информацию искал. Он просто помешан на информации, на знаниях. Цель его жизни — постижение Вселенной, её

изучение. Кое-что он в Ватикане разнюхал, но совсем немного. Да и то, что узнал, далось ему с большим трудом.

— Так вот о ком говорил мне Феодосий! — воскликнула Джилл. — Значит, Шептун и есть та мышка, которая откусывает крошечные кусочки от громадины ватиканских знаний! Феодосий так мне и говорил. А им никак не удаётся выследить воришку. Теперь понятно почему.

— Значит, ни единого шанса, — обречено проговорил Экайер.

— Я в этом просто уверен, — кивнул Теннисон.

— Да, дела… — проговорил Экайер, сжав кулаки. — Смирились и сидим. Боже, а ведь как задумаешься, от чего мы отказываемся! Вся Вселенная перед нами, а мы отказываемся. И все это из-за безумного поиска истинной религии!

Теннисон положил руку ему на плечо.

— Пол, мне бы очень хотелось помочь тебе. И Джилл, я думаю, хочет того же. Мне очень жаль. Так получается, что я огорчаю тебя.

— Да что ты! — отмахнулся Экайер. — Это же не твои трудности.

— Почему же не мои? Разве это только Ватикана касается? Нет, дружок, тут дело посерьёзнее. Все на свете выиграют, если мы найдём ответ.

— Надо искать какой-то выход, — убеждённо проговорила Джилл. — Рано сдаваться, рано лапки кверху поднимать. Я, например, могу поговорить с Феодосием.

— И чего добьёшься? — скептически усмехнулся Экайер. — Он замашет руками, успокоит тебя, скажет что-нибудь вроде «не надо так волноваться, деточка, пройдёт время, все станет на свои места»…

Теннисон поднялся.

— Я должен взглянуть на Мэри, — сказал он.

— Я с тобой, — сказал Экайер, вставая. — Джилл, может, и ты сходишь с нами?

— Нет, — замотала головой Джилл. — Не хочется. Я лучше займусь обедом. Пообедаешь с нами, Пол?

— Спасибо. Очень хотелось бы, но дел по горло.

Когда она вышла из комнаты, Экайер тихо спросил у Теннисона:

— Извини, я при Джилл не хотел спрашивать, но все-таки, что же случилось с её лицом?

— Дай срок, — улыбнулся Теннисон, — мы тебе все-все расскажем, я тебе обещаю, Пол.

Глава 44

— Так хочется обо всем рассказать тебе, Джейсон, но в голове все перепуталось, — призналась Джилл. — До сих пор опомниться не могу. В общем, когда я смотрела на этот рисунок, я точно поняла, что справа — знак вопроса. Он спрашивал, что я такое, а я ломала голову, как ответить, и тут у меня в сознании заговорил Шептун и сказал, что теперь его очередь.

— И вступил в разговор?

— Да. То есть не он, а мы вместе. Я догадывалась, что происходит, но не понимала смысла… Помнишь, давным-давно на Земле было такое устройство — телеграф? Сигналы передавались по проводам, и тот, кто не знал кода, мог часами слушать сигналы и ничего не понимать. Или представь себе, что ты слышишь, как двое чужаков по-своему квакают или хрюкают. Для них это слова, для тебя — пустой звук.

— Ты сказала «телеграф». Это что, действительно были сигналы?

— Да какие-то сигналы, но было ещё много всяких звуков, и знаешь, мне казалось, что это я

их издаю — непонятно как и зачем, и в мозгу у меня проносились вихри совершенно безумных мыслей — явно не моих. Наверное, это были мысли Шептуна. Порой мне казалось, будто я начинаю улавливать какой-то оттенок смысла, я пыталась ухватиться за него, как за ниточку, но ниточка обрывалась, и я опять переставала что-либо понимать. И что странно: в обычной ситуации я бы просто взбесилась, стала бы всеми силами добиваться своего, старалась бы узнать, что за существо со мной разговаривает. А там мне так спокойно было. Не помрачение сознания, нет. Я все нормально видела и воспринимала, только время от времени мне начинало казаться, что я уже не я, и ещё я видела себя со стороны… Во время нашего «разговора» то существо, что стояло ко мне ближе других, и остальные, что собрались неподалёку, непрерывно показывали разные уравнения и графики — медленно, не спеша, — причём самые простые, как будто говорили с ребёнком. Знаешь, когда взрослые начинают подражать детскому лепету — вот такое было впечатление. Я тогда подумала, что, наверное, этот кубоид не меньше моего смущён. Наверное, для него те звуки, что я издавала — пощёлкивание и треск, имели не больше смысла, чем для

меня его графики и уравнения.

— Не исключено, что Шептун что-то понимал, — предположил Теннисон. Ведь беседу вёл, в конце концов, он. Он был в роли переводчика.

— Если так, то он работал в одну сторону. Мне он ничего не переводил. Хотя я тоже как-то в разговоре участвовала. Мы подошли поближе — то есть я подошла — к розово-красному кубоиду, и всякий раз, когда мне — вернее, Шептуну, — что-то было непонятно, я указывала пальцем на определённое уравнение или график, и кубоид все переписывал заново — медленно и терпеливо, иногда по несколько раз, пока Шептун наконец не понимал что-то.

— А ты? Ты понимала?

— Только кое-что. Какие-то обрывки. А теперь, вернувшись домой, вообще почти все забыла. Моё человеческое сознание плохо воспринимало такой тип подачи информации. Многое казалось просто нелепо по человеческим понятиям. Казалось, никакой логики нет. Знаешь, что я думаю?

— Ну?

— Мне кажется, что в математическом мире действует какой-то другой тип логики. Совершенно парадоксальный. Там одно и то же понятие в одном контексте звучит утвердительно, а в дру-

гом — отрицательно. Все время я сталкивалась с такими моментами: ухватишь смысл, думаешь, ну вот, поняла наконец, слава тебе, господи, как тут же возникало что-то новое, и это новое напрочь, начисто стирало то, что минуту назад было понятно. Не знаю. Просто не знаю. Там-то я ещё хоть что-то понимала, а здесь — вообще ничего. Шептун уговаривал меня пойти туда, так как считал, что я могу все увидеть по-другому. Не так, как ты. Насколько я знаю, с тобой там ничего подобного не происходило?

— Нет. Такого действительно не было. Никаких разговоров.

— И дело тут, наверное, вовсе не в том, что мы с тобой — разные. Мне кажется, дело в Шептуне. Наверное, он многое передумал со времени первого посещения математического мира и многое успел понять. Второй раз ему было легче.

— Джилл, — проговорил Теннисон, гладя её руку, — мне очень жаль, что тебе пришлось пережить это. Это было вовсе не обязательно. Я говорил Шептуну, чтобы он не трогал тебя…

— Да, я знаю, он мне сказал.

— А где он сейчас?

— Не знаю. Я вернулась. И больше его не видела. Его не было ни в комнате, ни у меня в сознании.

Откуда у меня эта уверенность — сама не знаю.

— Интересно, он знает, что Декер погиб? Наверное, это его сильно огорчит. Они ведь такими друзьями были. Декер делал вид, что ему все равно, когда Шептун перебрался ко мне, но я точно знаю, что ему было не все равно.

Джилл подлила Теннисону кофе.

— Между прочим, я пирог испекла, — сообщила она. — Хочешь, отрежу кусочек?

— Да, но попозже, — улыбнулся Теннисон. — Когда переварю жаркое. Было очень вкусно.

— Правда?

— Клянусь!

— Джейсон… — задумчиво проговорила Джилл. — Ты думаешь, это богословы убили Декера?

— И рад бы не думать, но ведь все сходится. Пропали кристаллы, погиб Декер. Они отрезали нам все ходы-выходы. Если бы у нас хотя бы кристаллы остались, Шептун, наверное, мог бы нам помочь добраться до Рая. И координаты были бы не нужны. Он, как охотничий пёс, может брать самый слабый след. А во Вселенной столько всяких следов.

— Джейсон, а вдруг мы все ошибаемся? Ты, и я, и Пол? Вдруг ватиканские богословы правы?

Может быть, истинная вера важнее познания Вселенной?

— Джилл, я думаю, все дело в том, что первично. Ватикан принял такое решение давным-давно, а теперь кто-то стремится все повернуть вспять. Они решили, что сначала нужно добыть знания, а знания помогут прийти к вере. Я не знаю, верное это решение или нет, но мне кажется, что не слишком верное.

— Наверное, мы так никогда и не узнаем.

— Нам — тебе и мне, наверное, не суждено. Но кто-нибудь когда-нибудь узнает.

— А сейчас? Что происходит сейчас?

— Это тоже непросто понять.

— Ой, Джейсон, знаешь, я что-то начинаю понимать… Ко мне начинают возвращаться какие-то кусочки воспоминаний о математическом мире, какие-то ощущения…

— Ну что ж, будет идти время, и ты будешь вспоминать больше и больше. Так бывает.

— У меня там было ощущение, будто я устала и отдыхаю. Есть в этом какой-нибудь смысл?

— Не сказал бы, что очень большой, — улыбнулся Теннисон. — Ты просто пытаешься перевести чужеродные понятия на человеческий язык.

— И ещё… Что-то связанное с игрой, и сильное

возбуждение, азарт от того, что можно научиться играть в новую игру.

— Вот в этом, пожалуй, кое-что есть. Но не исключено, что смысл совсем другой. В общем, как бы то ни было, ты действительно увидела и узнала гораздо больше меня. Когда появится Шептун, нужно будет расспросить его как следует, может быть, он сумеет нам объяснить получше.

— Надеюсь. Уж он-то там побольше меня понял.

Послышался тихий стук. Теннисон подошёл к двери и распахнул её. На пороге стоял кардинал Феодосий.

— Как хорошо, что вы зашли, Ваше Преосвященство, — сказал Теннисон. — Входите, пожалуйста. Мы рады.

Кардинал переступил порог, и Теннисон прикрыл дверь.

— Сейчас я подброшу дров в камин, — сказал он, — можно будет посидеть, поговорить.

— Я бы с удовольствием, — сказал кардинал, — но у нас нет времени. Его Святейшество благословил вас обоих прибыть на аудиенцию.

Джилл встала из-за стола.

— Не понимаю, — нахмурилась она.

— Его Святейшество очень ценит вас обоих.

— Вы пойдёте с нами? — спросил Теннисон.

— Я провожу вас туда, но не останусь. Он сказал, что примет только вас. Только вас двоих.

Глава 45

Шептун ликовал. Он прыгал и веселился. Он скатывался вниз по плоскости магнитного потока, как дети на санках с горы. Он исполнял фантастический танец в самом центре мятущегося скопления ионов. Он проносился, как комета, сквозь ядро взрывающейся Галактики. Бегал наперегонки со вспышками излучения сверхновой звезды. Пролетал через поля пульсаров.

Наигравшись вдоволь, он остановился неподалёку от красного карлика и немного погрелся у алого пламени. Тут было темно и пусто, и единственный свет исходил от красного карлика. Только далеко-далеко в глубине космоса виднелось какое-то величественное сияние. Шептун чувствовал себя маленьким и одиноким в бесконечном пространстве — и это было странно, ведь он не должен был знать, что такое одиночество, — он, порождение времени и пространства, в котором не было места одиночеству.

Он не знал, где находится, но не думал об этом. Где бы он ни был, он дома. Откуда это было ему известно, он не знал, но и об этом не задумывался.

Куда бы его ни занесло, он всегда и везде будет дома. Так что ему было совершенно безразлично, где он находится.

Он улёгся в пространстве перед красно-чёрной звездой и услышал Песнь Вечности — вибрацию космоса. Он чувствовал смутные признаки жизни в этом уголке Вселенной, улавливал сигналы разнообразных форм жизни, понимал достижения каждой из них. Вся сумма этих достижений являла собой гигантский шаг к решению невероятных вопросов, ответы на которые, будучи соединены и осмыслены, должны были привести к ответу на главный и последний вопрос.

«Вот оно — моё призвание, — думал Шептун. — Моё призвание, моя цель. Я должен разыскать свой народ и другие народы, те, что в пустоте и одиночестве пространства ищут дорогу к свету».

Потом красный карлик и окружавшая его темнота исчезли, и он снова оказался в центре кольца, образованного кубоидами. Шептун разыскал среди них розово-красный кубоид. Передняя плоскость его сначала была пуста, но постепенно на ней, как на фотобумаге, стало проявляться уравнение бледные, туманные, расплывчатые очертания символов постепенно становились все более чёткими. Шептун устремил своё сознание к

этому уравнению, соединился с ним, и смысл его стал ему понятен. Когда это произошло, розово-красная школьная доска стала чистой; Шептун направил к ней поток своего сознания, и на ней робко, осторожно стало возникать новое уравнение. Постепенно оно стало таким же ясным и чётким, как предыдущее. Это уравнение передал розово-красному кубоиду Шептун, это была его первая фраза на языке обитателей математического мира, и её могли прочитать все остальные кубоиды!

«Я разговариваю с ними! — радостно подумал Шептун. Он был счастлив и горд. — Теперь они поймут меня, а я — их!»

Уравнение, переданное Шептуном, поочерёдно написали на своих плоскостях остальные кубоиды, и Шептун почувствовал, как они удивлены и рады, что в их мире появился кто-то умеющий разговаривать с ними на их языке. Их одиночеству пришёл конец, но они не были огорчены — наоборот, чувствовалось, что это им нравится.

Уравнение Шептуна стёрлось, и довольно быстро его сменило новое.

Розово-красный кубоид отвечал ему. Шептун настроился на долгую беседу с новыми знакомыми.

Глава 46

Теннисон и Джилл сели. В маленькой комнате кроме двух стульев ничего не было — четыре голые каменные стены. На металлической пластине, вмурованной в одну из них, медленно проступили черты уже знакомого Теннисону лица. Через некоторое время голос Папы произнёс:

— Рад, что вы пришли навестить меня.

— Мы счастливы, Ваше Святейшество, присутствовать здесь.

— У меня много советчиков, — сообщил Папа, — и советы они мне дают порой весьма противоречивые, так что мне иногда трудно склониться к тому или иному мнению. Если вы не возражаете, я бы хотел посоветоваться с вами. С людьми. Среди моих советников преобладают роботы. Правда, за долгие годы моего существования тут бывали и люди, но их было немного, и мало кто из них откровенно делился со мной мыслями. Есть Экайер, но он не намного превосходит остальных, поскольку выражает только свою личную точку зрения на вещи. Он настолько погружён в Поисковую Программу…

— Он предан своей работе, Ваше Святейшество, — возразил Теннисон.

— Не спорю, это так. Вот я о чем хотел вас спросить… У вас, людей, не возникает протеста относительно того, что это место зовётся Ватиканом?

— Никакого, — ответила Джилл.

— А вы, случайно, не христиане?

— Этот вопрос, Ваше Святейшество, мы не раз обсуждали между собой, — сказала Джилл. — И не можем с уверенностью ответить на него. У нас обоих в роду были христиане. Вряд ли мы сказали бы вам больше, если бы ответили, что мы не иудеи, не мусульмане, словом, не представители других религий, которые создало человечество.

— Но мы — не настоящий Ватикан в прямом смысле слова, — сказал Папа. — Вообще не Ватикан, строго говоря. Мы называемся Ватикан-17, хотя числительное редко добавляется к нашему названию. Я точно не знаю, но, видимо, в то время, когда мы возникли, существовало ещё шестнадцать Ватиканов, разбросанных по такому же числу солнечных систем, населённых людьми. Полагаю также, что земной Ватикан до сих пор остаётся головным учреждением, если я верно выразился, а остальные являются его филиалами

— не уверен, что употребил верный термин. На самом деле мы этим никогда не интересовались. Думаю, если бы мы начинали нашу деятельность сегодня, мы вряд ли остановили бы свой выбор на этом названии. И если бы меня начали конструировать сегодня, сомневаюсь, что меня назвали бы Папой. Когда здесь все только начиналось, у роботов были сильны воспоминания о Земле, о тех чудесах, которые были связаны с великой земной религией. Так я стал Папой, а это место — Ватиканом. Думаю, это наверняка вызвало бы порицание со стороны главного Ватикана. Но это случилось только потому, что создатели здешнего учреждения питали глубочайшее уважение к христианству Древней Земли. Несмотря на то что наши основатели на Земле были лишены права причастия, они до сих пор полны любви к этой древней вере.

— Нам это вполне понятно, — сказал Теннисон. — Нам ясны побудительные мотивы выбора терминологии.

— Как Папа, — продолжал Его Святейшество, — я должен быть непогрешимым. Считается, что я должен знать все ответы. Наше сообщество ищет во мне руководителя. Как сложнейший компьютер, я устроен так, что могу отвечать на вопросы,

связанные с долгосрочным прогнозированием, а на злободневные вопросы мне отвечать труднее. Задайте мне вопрос, ответ на который может оказаться ценным, важным через десять тысяч лет, — я подумаю немного и дам ответ с неплохой долей вероятности. Попросите у меня ответа на вопрос, который связан с делами дня завтрашнего, и я буду не так уверен в его правильности. Понимаете, какие у меня трудности?

— Да, пожалуй, — кивнула Джилл.

— Но меня больше всего беспокоит, — сказал Папа, — проблема веры как таковой, как бы странно это ни звучало из уст Папы. Понимаете, во Вселенной разные народы создали огромное количество верований, основанных на самых разнообразных понятиях природы божественности. Вам ясно, о чем я говорю?

— Ваше Святейшество, мы слушаем вас очень внимательно, — сказал Теннисон.

— Так вот… Как я уже сказал, число религий во Вселенной огромно. Но все-таки Вселенная по числу вероисповеданий не превзошла Землю. Как вы думаете, сколько могло быть религий на Земле?

— Мне как-то в голову не приходило подсчитывать, — пожала плечами Джилл. — Вряд ли я

могла бы назвать точное число. Знаю только, что их было великое множество.

— И все разные, — подхватил Папа. — И каждая спорила с другими не на жизнь, а на смерть, доказывая свою истинность и единственность. Веками на протяжении истории человечества люди разных вероисповеданий уничтожали друг друга, чтобы доказать, что их вера лучше. Вера, основанная на убийстве других… Вам это понятно? Как вы могли бы это объяснить? И чем?

— Безумием человечества, — ответил Теннисон. — У нашей расы, Ваше Святейшество, множество пороков.

— И все-таки за что-то вас любят роботы! Ваш народ создал нас. Ваш интеллект, ваши руки создали нас. Мы произошли от вас. Вы нас сделали и усовершенствовали. Значит, в вас были не только пороки, но и много добра. Значит, вам должны быть свойственны и любовь, и благородство.

— Ваше Святейшество, наши философы многие годы бились над решением вопросов, которые вы задаёте, — сказал Теннисон. — Они не новы для нас.

— Значит, вам должна быть знакома и проблема, которая теперь стоит перед Ватиканом. Я, производное от робота, производного от че-

ловека, спрашиваю вас об этом. Не обещаю, что воспользуюсь вашим советом, — мне нужно рассмотреть много фактов, но сейчас я позвал вас для того, чтобы выслушать, что вы, лично вы, думаете об этом. Вот почему я позвал вас одних и удалил кардинала. Ну, говорите же. Прошу вас, как близких друзей, говорите откровенно, без стеснения.

— Да, но… — запнулся Теннисон, — Видите ли, Ваше Святейшество, мы прибыли сюда вовсе не как друзья Ватикана. Я бежал от людского самосуда и стал здесь врачом Ватикана, поскольку ваш врач погиб. Джилл прибыла сюда как писательница. Она хотела написать о вас, но вы оказались категорически против этого.

— Но с тех пор прошло время, и вы оба доказали нам свою преданность. Вы породнились с Ватиканом. Знаю, сначала вы были напуганы угрозой, что мы не дадим вам улететь отсюда, но теперь, как я понимаю, и нам трудно с вами расстаться, да и вы сами не склонны возвращаться к этому вопросу. Могу я поинтересоваться, что послужило причиной изменения ваших намерений?

— Трудно сказать, — задумался Теннисон. — Вопрос непростой. Хотя… нет, Ваше Святейшество, причин так много, что я устал бы перечислять и

вас бы замучил.

— Для меня причина в том, — сказала Джилл, — что тут очень спокойно. Жаль, если этот покой кончится. Я так полюбила маленький садик за клиникой, вид на пшеничные поля, на горы…

— Горы? — удивился Теннисон. — Тебе нравится смотреть на горы? Ты ведь была к ним равнодушна как будто?

— Я успела полюбить их, Джейсон. Да, я столько времени на них смотрела, а увидела только вчера. Увидела так, как видишь их ты.

— Ваше Святейшество, — обратился Теннисон к Папе, — давным-давно, в средние века, на Земле было много монастырей. Люди уходили туда, жили там христианской жизнью, по христианским канонам. Если бы вы спросили их, зачем им это, они бы ответили, что поступили так из любви к Христу, что для них это путь служения Богу. Но я склонен думать, что они уходили в монастыри, чтобы укрыться от жестокости мира, чтобы переждать там тяжёлые времена. Там они находили тишину и покой. Мне кажется, они не становились более верующими оттого, что жили в монастырях, но они сами, наверное, думали, что все обстоит именно так. Что касается меня, то здесь, у вас, я обрёл как раз то, что искал всю

жизнь, — спасение от жестокости и суеты мира.

— Понимаю, — сказал Папа. — Именно это нам и хотелось бы сохранить. Покой, тихое место, где мы могли бы без помех продолжать свою работу. Но весь вопрос в том, над чем нам следует работать!

Теннисон пожал плечами.

— Ваше Святейшество, если вы хотите спросить, следовать ли вам по пути веры или по пути знания, то я бы выбрал знание, поскольку мне представляется, что вера должна рождаться из знания, а не наоборот. Спросите дюжину, сотню людей, исключая, конечно, ватиканских доктринёров, и вы получите совершенно разные ответы. Кто-то ответит так же, как я, а другие изберут веру. Думаю, вероятность правильного ответа такая же, как существование единственно истинной веры.

— А истинное знание?

— Думаю, такое может существовать. Но мне этого не узнать никогда. Простите, Ваше Святейшество, думаю, и вам тоже.

— Наверное, — задумчиво проговорил Папа, — наши милые роботы допустили какой-то просчёт в моей конструкции. Нагрузили меня тем самым пиететом, которым сами были переполнены.

Вообще-то, я склонен согласиться с вами. Однако стоит мне принять такое решение, как Ватикан треснет по швам. Начнётся смута, пойдут бесконечные споры, они затянутся на долгие годы, и вдобавок это мало чего хорошего добавит к моему образу, — образу Папы. Что бы вы по этому поводу ни думали, образ Папы многое значит для каждого из нас.

Джилл и Джейсон молчали.

— Вы, люди, — продолжал Папа, — способны испытывать любовь и ненависть. Нам не дано ни то ни другое. Вы можете мечтать — это мне доступно, но я мечтаю совсем не так, как вы. У вас есть искусство — музыка, живопись, я знаю об их существовании, осознаю цель, которой они служат, догадываюсь о том, какую радость, какое наслаждение они могут приносить, но, увы, я не способен на них реагировать.

— Ваше Святейшество, — сказала Джилл, — но ведь сама вера может быть если не искусством, то источником величайшего наслаждения.

— Не сомневаюсь, — согласился Папа. — Вы затронули очень важную тему. Но не будете же вы утверждать, что жажда веры у роботов недостаточно сильна? Именно эта жажда и создала Ватикан, именно поиски истинной веры и вели

нас тысячу лет по нашему пути. Но не может ли быть, что существует много истинных вер?

— Почему же не может быть? — ответил Теннисон вопросом на вопрос. — Только мне кажется, что все же должна существовать некая универсальная вера, такая, какую бы приняли все до единого разумные существа. Такая вера должна существовать обязательно, как должна существовать единственная истина — непререкаемая, неделимая. Не удивлюсь, если окажется, что это — одно и то же.

— Именно поэтому вы считаете, что нам следует устремиться по пути поисков истины, что это будет более верный путь, чем поиски веры самой по себе?

— Да, я так думаю, — кивнул Теннисон. — Поиски истины обеспечат вам кое-какие точки опоры. В поисках веры вы таких точек опоры лишены.

— Внутри меня накоплен колоссальный запас знаний, — сказал Папа. — Их так много, этих знаний, добытых для меня нашими Слушателями, что порой мне самому трудно выбрать. Мне приходится отчаянно рыться в кладовой собственных знаний, чтобы отыскать один-единственный бит информации, который мог бы послужить ответом на заданный вопрос. Загадок такое

количество, и мне приходится одновременно оценивать множество ответов, которые влекут за собой все новые и новые загадки. Я упорно этим занимаюсь, но порой задаюсь вопросом: а вдруг необходимые мне для ответа биты информации ещё не найдены Слушателями? Они, конечно, много где побывали, но все равно лишь слегка прикоснулись к громаде вселенского Знания…

— Это означает, Ваше Святейшество, — прервал Папу Теннисон, — что Слушателям должна быть предоставлена возможность продолжать работу. Может быть, один из них завтра отыщет тот самый недостающий бит информации, а может быть, на его поиски уйдут годы — сотни, тысячи лет, но, если Слушатели прекратят работу, ответ не будет найден никогда.

— Знаю, — сказал Папа. — Знаю. А ведь находятся такие, кто утверждает — и знаете, прямо-таки гордость написана на их всезнающих металлических физиономиях, — будто бы я утратил чувство реальности, будучи замурованным в камне здешних гор. Я знаю, что они не правы, но не представляю себе, как их переубедить. Я думаю, что тот реальный мир, о котором они берутся судить — это и не мир вовсе, а провинциальный мирок, ограниченный рамками знакомой им тер-

ритории и привычных понятий и условий. Они ни на йоту не задумываются о том, что реальный мир за пределами Харизмы, на другой планете, может оказаться вовсе не таким, как здесь. А ведь такая планета может быть совсем близко отсюда. Реальность Вселенной закрыта для них, заслонена их собственным ограниченным пониманием вещей. Нет, все-таки я склонен верить, что я существую в более реальном мире, чем они. — Папа на мгновение умолк, потом заговорил вновь: — Я перерос их. Вот что произошло. Я перерос их. Но ведь они сами этого хотели. Они хотели, чтобы я был непогрешим, как Папа на Земле. Но когда я перерос их, я их разочаровал. Непогрешимость на одной планете и во всей Вселенной разные вещи.

Глава 47

— К чему это все было, как ты думаешь? — спросила Джилл, когда они вернулись к Теннисону.

— В Ватикане — раскол, — ответил Теннисон. — И Папа — единственный, кто об этом знает.

— Не слишком-то мы ему помогли.

— Да что ты… — махнул рукой Теннисон. — Совсем не помогли. Мы его, скорее, разочаровали. Понимаешь, роботы до сих пор, как дети малые, верят в людей, считают нас какими-то волшебниками, чародеями, думают, что мы можем нырнуть в глубину и вынырнуть с готовым ответом. Они увязнут в трясине по уши — мы протянем руку и вытянем их. Отцовский образ — ну, ты понимаешь, «папочка все может, он большой и умный». Папа в этом смысле недалеко ушёл. Он понимал, наверное, умом, что помочь мы ему вряд ли сможем, но надежда такая у него была. Теперь он в нас полностью разочаровался.

Теннисон встал, подбросил в огонь пару поленьев, вернулся и сел рядом с Джилл на кушетке.

— Поисковая Программа — вот тот цемент, который не даёт зданию Ватикана рухнуть и раз-

валиться. Экайер говорил мне об этом ещё тогда, когда мы только-только появились здесь. Он говорил, что Ватикан — всего-навсего прикрытие для работы в рамках Поисковой Программы. Я тогда, честно говоря, думал, что он попросту бравирует, пытается убедить меня в своей важности. Но я успел убедиться, что в этом есть большая доля истины. При наличии Поисковой Программы Ватикан — это динамичный проект с прогнозируемым исходом работы. Без неё — оголтелый поиск неизвестно чего. Без неё будут пустые споры, множество занудных философских диспутов, родятся еретические течения и начнут борьбу за истину в последней инстанции с нынешней линией. Но без Слушателей Ватикан в его теперешнем состоянии не продержится следующую тысячу лет. А если и продержится — толку будет мало.

— Но Его Святейшество сказал, — возразила Джилл, — что располагает колоссальным объёмом информации за счёт тех данных, которые сообщены ему Слушателями. На сегодняшний день он уже во многом разобрался, но все равно работы у него полно. Разве он не может продолжать, имея то, что у него есть сегодня? Мне показалось, что именно этим он и хочет заниматься. Располагая таким банком данных…

— Да как ты не понимаешь? — всплеснул руками Теннисон. — Все зайдёт в тупик. Никому дела не будет до этого банка данных! Сам он, ради бога, может продолжать копаться в нем, как в бабушкиной шкатулке с драгоценностями, но чтобы банк данных работал по-настоящему, он обязательно должен пополняться. Все равно что в костёр дрова подбрасывать — иначе погаснет. Победят богословы — и всему конец. Они закроют Программу Экайера, Слушатели прекратят работу — и конец.

— Умерев однажды, Ватикан не возродится.

— Вот именно, — кивнул Теннисон. — А мы, Джилл, сидим тут и спокойно смотрим, как погибает одна из самых величайших исследовательских программ, когда-либо существовавших в Галактике. Одному Господу Богу ведомо, как много Галактика потеряет. Никто не в силах оценить последствий провала этой работы для людей и для самих роботов, ибо, по моему теперешнему мнению, люди и роботы — одна раса. Они принадлежат нам так же, как мы — им.

— Джейсон, нужно что-то делать. Ты и я — мы должны что-то делать. Только мы и можем сделать что-то.

— Есть ещё Экайер.

— Да, есть ещё Экайер, но… он чересчур ватиканец.

— Наверное, ты права. Он не настолько заморочен, как люди на Харизме, но не до конца свободен от тенденциозности. Ты совершенно правильно сказала — он чересчур ватиканец.

— Джейсон, но что мы можем сделать?

— Милая моя, если бы я знал! Ни единой мысли в голове. Хотя нет, одна есть. Если бы могли попасть в этот Рай…

— И добыть доказательства. Обязательно нужно добыть доказательства.

— Это обязательно. Не будет доказательств — нас никто и слушать не станет. Но об этом как раз особо беспокоиться нечего. Нам туда не попасть.

— Знаешь, я тут кое о чем подумала…

— О чем же?

— Что такое на самом деле Рай? Что если Мэри права?

— Я уже говорил, но могу повторить: Рай — это не географическое понятие. Это состояние души.

— Джейсон, перестань! Что ты заладил… Твердишь эту фразу автоматически! Не надо. Послушай… Я рассказывала тебе об обитателях математического мира. Я говорила: не исключено, что они оперируют альтернативной логикой.

А что если вся Вселенная построена на различных логических системах? Разве не может тогда оказаться, что наши человеческие суждения бессмысленны, ущербны? Разве мы не можем ошибаться?

— Ты что, пытаешься доказать мне, что Рай может существовать?

— Я этого не говорю. Я у тебя хочу спросить: если бы он существовал, что бы ты стал делать?

— Хочешь узнать, принял бы я это?

— Да, именно об этом я тебя спрашиваю. Если бы ты потрогал Рай руками?

— Наверное, я бы здорово растерялся.

— Отвечай — принял ли бы?

— Ну… пришлось бы, наверное. Но как бы я мог с умеренностью утверждать, что это Рай, если там, допустим, не было бы золотой лестницы и ангелов?

— Очень может быть, что как раз этого там не окажется. Это старые сказки. Таким себе представляли Рай люди в далёкие времена, о таком Рае они мечтали. Таким для них было место, где они хотели жить вечно. Но мне кажется, ты можешь себе представить Рай.

— Ага, — кивнул Теннисон. — Могу. Хорошее местечко для рыбалки, тропинки в лесу, горы, на

которые приятно любоваться. Отличные недорогие рестораны, где у меня есть приятели-официанты, не просто обслуга, а именно приятели, ну, ещё — друзья, с которыми интересно поболтать, хорошие книжки для чтения и раздумий и ты…

— Вот так ты себе представляешь Рай?

— Да нет, конечно, это я так, пошутил. Дай время, я ещё что-нибудь к этому прибавлю.

— Да ну тебя! — возмутилась Джилл. — И так голова кругом идёт. Я совершенно запуталась. Ватикан, математический мир, Шептун — с ума сойти можно. Я уже порой склонна поверить, но бывают мгновения, когда я жутко злюсь на себя за это. Его Святейшество говорил о чувстве реальности. Вот я живу здесь и знаю, что это реально, а иногда брожу одна, думаю об этом, и чувство реальности покидает меня, и я говорю себе, что это невозможно. Что об этом можно только мечтать. И ты, Джейсон, здесь, со мной. И это тоже из области невозможного…

Джейсон обнял её, и она крепко прижалась к нему. Пламя танцевало в камине, вокруг было тихо, и казалось, весь мир тих и спокоен — за себя и за них двоих.

— Джейсон, я так счастлива…

— И я, Джилл. Давай так посидим ещё.

— Ты бежал с Гастры и попал сюда. И я бежала. Не от кого-нибудь, не откуда-нибудь, даже не от себя самой. Просто бежала. Всю жизнь только и делала, что бежала…

— Ну вот… Теперь больше не бежишь… — говорил он, гладя её по голове.

— Нет, не бегу. Ты рассказывал Его Святейшеству о монастырях на Древней Земле. Здесь наш монастырь — любимая работа, укрытие от суетного мира, счастье и покой в душе. Только… может быть, мне здесь не место?

— Это почему же?

— Ну… в древних монастырях женщин ведь не было?

— Вообще-то не было. Но время от времени монахам удавалось соблазнить кого-нибудь…

Пламя камина выхватило из темноты светящееся облачко пыли.

Теннисон резко выпрямился.

— Джилл, — сказал он. — Шептун здесь.

— Декер… — пробормотал Шептун. — Декер. Декер, Декер… — повторял он. — А я только сейчас узнал. Я там бегал, играл, а его…

— Иди ко мне, малыш, — позвала Шептуна Джилл. — Иди ко мне скорее. Я поплачу, погорюю вместе с тобой.

— Иди к нам, — сказал Теннисон.

И он пришёл к ним, и они разделили его скорбь и утрату.

Глава 48

Енох, кардинал Феодосий, в одиночестве бродил по саду за клиникой. В саду, кроме него, не было ни души — даже садовника Джона. Да и что ему было делать в саду ночью? На чёрном бархате небес мерцали редкие звезды. Их было не более десятка, и они были так далеко одна от другой. Струился бледный свет дальних галактик. Над восточным краем горизонта тускло горела полоса Млечного Пути, родной Галактики. Над ним светились неяркие пятнышки шаровидных туманностей.

Шаги кардинала гулко отдавались в тишине. Он шёл, сцепив руки за спиной, низко склонив в раздумье металлическую голову.

«Мы можем заблуждаться, — думал он. — Если мы так ошиблись с глухоманами, значит, и от других ошибок не застрахованы. Ничто на свете не должно быть таким, каким мы его себе представляем.

Многие годы мы считали глухоманов кровожадными хищниками. Мы думали, что они — беспощадные лесные убийцы, что встреча с ни-

ми означает смерть. А они всего-навсего ревниво охраняли свои леса, свой мир, следили за нами… А один из них принёс домой мёртвого Декера и мёртвого Губерта, принёс их к нам и бережно положил на мостовую перед базиликой, чтобы они покоились в мире. И сказал, что они, глухоманы — хранители и что они против бессмысленных убийств, и призвал нас не совершать убийств в будущем.

Хранители? — спросил себя Феодосий. — Они — хранители этого мира? — И сам себе ответил, что так оно и есть. — Они смотрели, чем мы занимаемся, все эти годы и не вмешивались в наши дела. Вероятно, они не вмешивались потому, что мы ухитрялись не нарушать законов добрососедства.

А они следили за нами и даже выучили наш язык. Они знали, как с нами разговаривать, но до сих пор никогда не говорили — видимо, потому, что в этом не было необходимости. Наверное, между собой они говорят совсем по-другому — глухоман разговаривал с нами с видимым усилием. Но он старался говорить по-нашему, потому что знал — его языка мы не поймём.

Мы прожили здесь, на Харизме, целую тысячу лет благодаря их долготерпению и гостеприим-

ству. Они позволили нам жить своей жизнью, делать своё дело и не делали нам ничего дурного… вот только убили троих людей, и это укрепило нас во мнении, что они — злобные хищники. Но тех людей глухоманы убили только потому, что люди намеревались убить их самих. В этом смысле их действия вполне понятны и оправданны. И люди, и роботы поступили бы точно так же — они убили бы того, кто пришёл бы к ним с недобрыми намерениями.

А ведь я слыхал, что с глухоманами можно разговаривать! — мысленно сокрушался Феодосий. — Но думал, что это все из области фантазий. Вряд ли, конечно, кто-то на самом деле раньше говорил с ними, но вот прямое доказательство того, что в каждом вымысле есть доля правды…

Сколько времени потрачено зря, — думал он с горечью, — как постыдно много! Все эти годы, столетия глухоманы были рядом — не враги, а наоборот — потенциальные товарищи, соратники, народ, с которым стоило сойтись, познакомиться, и это знакомство могло бы повлиять на нашу жизнь, а может, — и на их жизнь тоже. Бесспорно, поселившись на чужой планете, всякий призван познакомиться с её хранителями. Ведь планет, на которых есть такие хранители, очень мало

— может быть, Харизма — единственная в своём роде. Если бы мы знали об этой её уникальности, все могло бы сложиться иначе…

Глухоман принёс домой Декера и Губерта… Но почему Губерт решился на такое? Почему он убил Декера? Теннисон, похоже, не сомневается, что виновником происшедшего был именно Губерт. Возможно, Губерт действовал от имени богословов…»

Феодосию не хотелось, очень не хотелось в это верить.

«Да, — думал он, — я легко поверил, что богословы замешаны в краже кристаллов с записями о Рае, но кража и убийство… Как мог робот убить человека? Декера или кого-то другого? Ну, один робот, безумец, это ещё как-то можно понять, но, если Губерт действовал на стороне богословов, за этим стояли и другие роботы. Значит, их много…» — Мысль об этом мучила Феодосия, в нем боролись гнев и страх.

Теннисон сказал ему — быстро, на ходу, — что Декер мог быть убит потому, что располагал какой-то информацией о Рае. Но Теннисон на Харизме был новичком, и как бы он кардиналу ни нравился, тот внутренне сопротивлялся тому, что Теннисон мог верно оценить происходящее

здесь. Однако Теннисон был другом Декера, может быть, его единственным другом. Декер мог сказать Теннисону, что знает про Рай, но какая вера словам Декера? Сам он был человеком ниоткуда. То, что он не прибыл на борту «Странника», Ватикан выяснил давным-давно. Но если не на «Страннике», то как он мог попасть сюда? Сам он об этом помалкивал и ни с кем дружбы не водил, пока не появился Теннисон. Вообще ни с кем о себе не разговаривал.

«Странный он был человек, непонятный, — думал кардинал. — Но ведь ошиблись мы с глухоманами, значит, могли ошибаться и насчёт Декера. Господи, сколько ещё могло быть у нас ошибок?

Мы прибыли сюда давно, чтобы здесь обрести то, о чем до сих пор взахлёб толкуют богословы — самую полную, самую истинную веру. Сколько лет прошло, а теперь нужно все начинать сначала. Положа руку на сердце — далеко ли мы продвинулись по пути своих изначальных стремлений? Не движет ли нами, хотя мы не признаемся в этом открыто, материалистическая этика тех людей, что создали нас по своему образу и подобию не только телесно, но и духовно и, создав, немилосердно нас эксплуатировали?

Немилосердно? Да, но все-таки они были добрые. В глубине души они считали нас своими собратьями. Они смотрели на нас и видели себя, а мы точно так же смотрели на них. Нет, конечно, мы и они — одна раса. Если бы они нас спросили, чем мы здесь занимаемся, мы бы с радостью поделились с ними всем, что имеем, чего достигли. Да, мы всеми силами стараемся скрыть нашу деятельность от Галактики, но ни в коем случае не от людей, населяющих её. От других в Галактике — да, но не от людей. Мы бы отдали им все, что у нас есть, а они поделились бы с нами тем, что есть у них, разбросанных, далёких друг от друга. Влияние людского материализма — это ведь не так плохо на самом деле. Ведь если бы люди были лишены материалистических устремлений, они бы не старались так упорно все время улучшать свою жизнь, и сейчас были бы не более чем одним из видов млекопитающих и населяли бы родную планету наравне с животными. И тогда не было бы ни роботов, ни Ватикана.

Если это так, — думал Феодосий, — то в нашем материализме не так много греха, как твердят наши богословы. Если бы люди, наши собратья, не стремились возвысить своё положение в мире, они бы никогда не достигли таких высот разу-

ма, духа и не создали бы ту великую религию, которой мы до сих пор восторгаемся. Они бы до сих пор блуждали впотьмах, в дебрях языческих культов, ковырялись бы в глине и палочках, лепили бы божков и просили бы у них защиты от страха, темноты и злых духов, дрожа от ужаса в углах пещер…

Люди, наши собратья, шли длинной дорогой, падали и спотыкались, и дорога их была длиной в три миллиона лет, и мы повторяем их путь сомнений и поисков здесь всего лишь тысячу лет. Если здесь мы споткнёмся и упадём на распутье, совершим величайшую ошибку, то будем не хуже и не ниже их, и так же, как они много раз исправляли допущенные ошибки, мы сумеем исправить свою…

Главное, чтобы Ватикан сохранился, выжил. Тогда даже если споткнёмся и упадём, мы сможем встать и идти дальше к своей цели.

Многим не нравится, — думал Феодосий, — что мы имеем обыкновение заглядывать в будущее, но ведь для нас столетие — всего секунда, не больше…»

Он остановился на посыпанной гравием дорожке, поднял голову и устремил взор на восток, где далеко и величественно сиял Млечный Путь.

Кардинал смотрел на родину человечества, на свою родину.

Там, на востоке, где-то посреди остроконечных холмов, выше того места, где стояла хижина Декера, как ему говорили, иногда появлялся один из глухоманов. Может быть, он наблюдал за Декером.

«Но зачем глухоману понадобилось наблюдать за Декером? — подумал кардинал и не нашёл ответа. — Пожалуй, — решил он наконец, — следует отдать дань вежливости и сделать ответный визит. Да, нужно будет сходить и поговорить с этим глухоманом».

Глава 49

— И все это время, — спросила Джилл у Шептуна, — ты был в математическом мире?

— Да. Я остался там и разговаривал с ними.

— А ты умеешь с ними разговаривать? Когда я была там, мне показалось…

— Умею. Теперь умею, — ответил Шептун.

— И можешь сказать нам, кто они такие?

— Они — старички-философы.

— Ничего удивительного, — вступил в разговор Теннисон. — Насколько я помню, все философы на Земле были почтённого возраста. Они говорили медленно, тщательно взвешивая каждое слово, сознавали собственную мудрость и не позволяли другим забывать о ней.

— Они — философы, вышедшие из употребления, — уточнил Шептун.

— Как это — «вышедшие из употребления»?

— Они уже слишком старые, чтобы приносить какую-то пользу. Они никому не нужны. Наверное, они очень отстали от времени. Если бы они были людьми, у них, наверное, выросли бы длинные-предлинные бороды и они бы сидели,

прикрыв глаза, и бормотали что-то в эти длинные бороды… Они отделены от своих более молодых собратьев и живут на ограниченном пространстве. А время проводят в играх.

— В «крестики-нолики»? Или в шашки?

— Нет, не в такие игры. Они ставят вопросы и решают их. Порой на это у них уходит много времени, потому что вопросы непростые.

— Ставят вопросы? Перед ними стоят вопросы? Но ведь ты сказал, что они уже никуда не годятся и никому не нужны!

— Я сказал, что они сами себе ставят вопросы. Те проблемы, которые они решают, — гипотетические проблемы. Такие, на решение которых никто другой не стал бы тратить время. Может быть, это этические проблемы, а может быть — моральные, а может, ещё какие-то. Они пытались объяснить мне, но…

— Значит, все эти графики и уравнения — действительно задачи? — спросил Теннисон. — Не просто старческая болтовня?

— Настоящие задачи, — подтвердил Шептун. — Они могут и просто говорить, но чаще всего решают задачи. Большой нужды разговаривать между собой попусту у них нет. Они слишком хорошо друг дружку знают.

— Значит, они пенсионеры, так что ли? В отставке. Ты понимаешь, что значит «в отставке»?

— Не уверен.

— Ну, видишь ли… когда человек проработал большую часть отпущенного ему на жизнь времени, он уходит в отставку, на пенсию. Он не должен больше работать. Все время у него свободно. И он может заниматься, чем захочет.

— Похоже, это так, — сказал Шептун.

— Значит, мы угодили в дом престарелых! — воскликнула Джилл. — Кучка старичков, которым некуда девать свободное время! Вот это да!

— Нет, не так, — возразил Шептун. — Они думают, что у них все ещё есть работа. И потому так упорно трудятся. Но их очень огорчает, что те задачи, которые они решают, не насущны, не злободневны — что это не настоящая работа. Они очень хотят настоящей работы, но им не разрешают.

— А остальные где? Те, кто не на пенсии?

— Где-то. Близко или далеко — не могу сказать. Они делают настоящую работу.

— Ну, а наши знакомые, пенсионеры? Они-то способны хоть на что-нибудь?

— Они отправили меня, — сказал Шептун, — не знаю куда. Не в какое-то определённое место. Я

не понял, где я был. Но я катался по магнитному потоку, и танцевал с ионами, и грелся в лучах красного карлика…

— Что, по-настоящему отправили? — спросит Теннисон. — Не просто показали тебе все это? Переместили атомы?

— Да. Переместили мои атомы, — подтвердил Шептун.

— А зачем? — поинтересовалась Джилл.

— Потому что они поняли, что я этого хочу. Они угадали мои желания. А может быть, они хотели показать мне, что они умеют. Но я так не думаю. По-моему, то, что они для меня сделали — для них сущие пустяки. Просто они проявили доброту, милосердие, узнав, чего я хочу. А я говорил с ними про Рай.

— Про Рай?!

— Ну да. Вы же хотите попасть в Рай? Я не ошибаюсь?

— Нет, ты не ошибаешься, — ответил Теннисон. — Не ошибаешься. Но нет координат, нет никаких данных…

— Вам нужно поговорить со мной про этот Рай, чтобы я мог прочитать все в вашем сознании. Расскажите мне все-все, что вы знаете про это место — Рай.

— А потом?

— А потом я ещё раз поговорю с ними. Скажу, что вы очень хотите туда попасть. И что вы этого достойны. А они постараются, я знаю. Для них это будет настоящая работа, о которой они мечтают. Ох, как они будут рады! У них сразу засверкают уравнения, замелькают графики, и они начнут вспоминать все, что они знают…

— Но послушай, даже если они найдут Рай, определят, где это находится, смогут ли они нас отправить, перенести туда?

— Меня же отправили, — сказал Шептун. — И не только туда!

Глава 50

Мэри умерла утром. Мёртвая она казалась ещё более истощённой, чем живая. Теннисон глядел на тело, укрытое простыней, и видел только складку на белой ткани. Когда у него умирал пациент, он чувствовал себя виноватым в том, что случилось. Так было и на этот раз. Он думал, что, наверное, мог бы лучше выполнить своё долг, был недоволен собой.

«Неудача, провал, — твердил он, глядя на жалкие, бестелесные останки Мэри. — Но ведь поначалу мне повезло, мне удалось её вытащить. Тут не я виноват, а этот чёрный человек, что указал на неё пальцем и смертельно унизил на золотой лестнице Рая. После этого случая она больше не хотела жить, не боролась за жизнь, и смерть ответила на её выбор и холодно, спокойно вошла в неё».

— Мне очень жаль, доктор, — прошептала сестра, тронув его за локоть.

«Она все понимает», — подумал Теннисон.

— Мне тоже, — кивнул он и добавил: — Я восхищался ею.

— Вы ничего не смогли бы поделать. Никто ничего не мог бы поделать, доктор.

Она повернулась и ушла. Теннисон ещё немного постоял у постели умершей и последовал за сестрой.

Выйдя в вестибюль, Теннисон увидел Экайера. Тот встал со стула для посетителей и застыл на месте в ожидании.

— Все кончено, — сказал Теннисон.

Экайер сделал несколько шагов ему навстречу, и они остановились, глядя друг другу в глаза.

— Она была самая лучшая… — проговорил наконец Экайер. — Самая лучшая из всех Слушателей… Джейсон, там, на улице, собрался народ. Нужно пойти сказать им. Я пойду.

— Я с тобой, — кивнул Теннисон.

— Вот ведь как получается в жизни, — вздохнул Экайер. — Мэри была не просто прекрасной Слушательницей. Это было делом всей её жизни. И именно она, Мэри, провозгласила конец этого дела.

— Ты что, уже что-нибудь слышал определённое? Тебе прямо сказали?

— А разве обязательно, чтобы сказали прямо? Всё могут тихо и постепенно спустить на тормозах. Будут отдавать новые распоряжения, потом

ненавязчиво вмешаются в сам процесс работы и потихоньку все прикроют. И в один прекрасный день, даже не понимая, как это вышло, мы узнаем, что нашей работе конец.

— Что же ты будешь делать, Пол?

— Я? Останусь здесь. Деваться мне некуда. Обо мне позаботятся. Ватикан за этим присмотрит, будь уверен. Уж мне-то они, по крайней мере, должны. Позаботятся и о Слушателях. Здесь мы проживём остаток дней своих, а когда уйдёт последний из них, все будет кончено навек.

— А я на твоём месте не стал бы так сразу все хоронить, — возразил Теннисон.

На мгновение он задумался, не рассказать ли Экайеру о том, о чем ему и Джилл рассказывал Шептун. Ему так хотелось подарить Экайеру хоть капельку надежды!

— Что-нибудь знаешь? — спросил Экайер.

— Да нет, пожалуй, ничего.

«Не стоит пока ему говорить, — решил Теннисон. — Надежда маленькая, можно сказать — почти никакой. В то, что предложил Шептун, верится с трудом. Невозможно это, нереально, — твердил про себя Теннисон, шагая по коридору рядом с Экайером. — Вряд ли обитатели математического мира сумеют разыскать то место,

которое Мэри называла Раем. Рая могло не быть вовсе. И он мог оказаться где угодно. В другой галактике. В другой вселенной. А может быть, и не так далеко? Декер говорил, что, наверное, знает, где это. Значит, есть вероятность, что он побывал там или неподалёку. Но это не свидетельство. Ведь Декер точно ничего не сказал и теперь уж никогда не скажет».

Экайер распахнул дверь на улицу и ждал Теннисона на пороге. Маленькая площадка перед калиткой была полна народу. Когда Теннисон шёл в клинику, людей было совсем немного, а сейчас… Но все молчали. Не было слышно ни шепотка, ни вздоха.

Экайер сделал шаг вперёд. Все взгляды устремились на него.

«Ведь все знают, что сейчас скажет Экайер, — подумал Теннисон. — Знают, но ждут слов Экайера о том, что Мэри обрела покой, будут терпеливо ждать этих слов, означающих, что теперь у них есть святая».

Экайер заговорил, тихо, не повышая голоса.

— Мэри обрела покой, — сказал он. — Она отошла в мир иной всего несколько мгновений назад. Она умерла спокойно, с улыбкой на устах. Спасти её было невозможно.

Раздался дружный вздох толпы. «Вздох облегчения?» — подумал Теннисон. Ожиданию пришёл конец.

А потом чей-то гулкий, звенящий голос — скорее робота, чем человека, начал читать поминальную молитву, к нему стали присоединяться другие, и вскоре пение могучего хора разнеслось по всему Ватикану. Кто стоял, кто упал на колени; через несколько мгновений мерно и громко загудели большие колокола базилики.

Экайер повернулся к Теннисону.

— Ты, наверное, хочешь помолиться вместе со всеми? — спросил Теннисон. — Не обращай на меня, безбожника, внимания.

— Да нет… — покачал головой Экайер и заговорил совсем о другом: — Знаешь, если бы Мэри могла это видеть, она была бы счастлива. Ведь она верила по-настоящему. Всегда ходила на мессу, часами простаивала на коленях, вознося молитвы Господу. Не для виду, не напоказ. Вера была её жизнью.

«Наверное, именно поэтому она и нашла Рай», — подумал Теннисон, но вслух ничего не сказал.

Они шли рядом и молчали. Потом Экайер спросил:

— Какое у тебя настроение, Джейсон?

— Грустно, — ответил Теннисон.

— Ты не виноват. И не должен чувствовать себя виновным.

— Нет, виноват, — покачал головой Теннисон. — Врач всегда чувствует себя виноватым. Это врождённое качество, та цена, которую приходится платить за то, что стал врачом. Но это пройдёт.

— У меня куча дел. Обойдёшься без меня?

— Пойду прогуляюсь, — сказал Теннисон. — Думаю, прогулка будет мне на пользу.

«Точно, нужно прогуляться», — решил он. Джилл ушла в библиотеку, сказала, что надеется за работой отвлечься от мрачных мыслей. Вернуться к себе? Без Джилл там скучно и тоскливо. Оставалось одно — пойти прогуляться.

Он вышел из Ватикана и побрёл, сам не зная куда. Облегчения он не чувствовал. Звон колоколов усиливал раздражение и душевное беспокойство.

Минут через пятнадцать он обнаружил, что поднимается по холму к хижине Декера. Он резко остановился, повернулся и пошёл обратно. Нет, к хижине он идти не мог, просто не мог. Должно пройти время, прежде чем он снова сможет туда

пойти.

Он свернул на боковую тропинку. Она вела к пригорку, откуда он часто любовался горами. Он шёл, а вслед ему звонили колокола.

Дойдя до любимого пригорка, он уселся на невысокий валун и стал смотреть на горы. Солнце стояло высоко и ярко высвечивало бледно-голубые предгорья, по которым взбирались вверх темно-зеленые языки лесов. Заснеженные пики сияли, как сахарные головы.

«Как все меняется, — думал Теннисон. — Через час все будет по-другому, не так, как сейчас. Горы меняются ежеминутно, и в нашем понятии они вечны. Но когда-нибудь их тут не станет. Пройдут тысячелетия, и они сравняются с долинами, и все живое, что сейчас прячется в лесах и скалах, сойдёт в долины и навсегда забудет, что тут некогда были горы… Ничто не остаётся неизменным. Ничто не вечно.

А мы стремимся к знаниям. Обливаясь потом, задыхаясь, карабкаемся вверх по их крутым склонам. Мучительно ищем ответа, ожидая, что он окажется окончательным, а когда находим ответ, то вместе с ним возникает и новый вопрос, и так без конца. И все-таки мы не оставляем попыток — мы не можем иначе. Это наш крест».

Теннисон вытянул перед собой руки. Он смотрел на них по-другому, не так, как прежде, как будто раньше никогда не видел. Одно-единственное лёгкое касание этих пальцев, одно-единственное любовное прикосновение и опухоль исчезла с лица Джилл.

«Теперь в этом нет сомнений, — думал он. — Огромное, мерзкое пятно было на её щеке, а я прикоснулся — и оно исчезло. Что же это такое? Спонтанная ремиссия? Нет, не может быть, так спонтанная ремиссия не происходит. На спонтанную ремиссию уходит какое-то время, а тут опухоль исчезла моментально».

Они говорили о происшедшем между собой, и сами не верили в то, что говорили. «Это подействовала сила, — говорила Джилл, — которой тебя наделили обитатели математического мира. Это дар одного мира другому миру».

Теннисон разглядывал руки, поворачивал их так и сяк. Руки как руки, такие же, как всегда. Он заглянул внутрь себя, но и там никаких изменений не обнаружил. Все как обычно.

«А может быть, — думал он, — в людях дремлют многие скрытые способности, эволюционные по природе — спят и ждут своего часа. Вся история человечества пестрит сказками о чудесах типа

исцеления наложением рук. Многие клялись и божились, что такое происходило, но нигде не было тому документальных подтверждений.

А тут ещё Шептун… Шептун тут давно, но до появления на Харизме Декера никто не мог его увидеть. Декер не только видел Шептуна, но и разговаривал с ним. Но в сознание к Декеру Шептун войти не мог. А ко мне и Джилл вошёл. Какая разница была между нами и Декером? Может быть, и это — признаки скрытых талантов, которые сейчас у людей только в зародыше и развиты в неравной степени? Вероятно, можно быть носителем какой-то способности, даже не подозревая о её существовании».

Но все-таки случай с Джилл под такие объяснения никак не подходил. Десятки раз он проводил рукой по изуродованной щеке любимой, но только когда он возвратился из математического мира, противное пятно исчезло. Следовательно, способность творить чудеса была не врождённой. И обрести её он мог только там.

Он снова взглянул на руки. Самые обычные руки, которыми он пользовался всю жизнь.

Теннисон встал с камня и сунул руки в карманы, чтобы больше не смотреть на них. Колокола базилики все ещё звонили. Можно было погулять

ещё, но не хотелось.

«Пойду-ка домой, — решил он. — Джилл ещё не вернулась, без неё будет скучно, но, пожалуй, можно будет найти, чем заняться. Может быть, попробовать приготовить к обеду что-нибудь экзотическое? Ох, вряд ли получится что-то съедобное. Конечно, хорошо бы порадовать Джилл, да ведь она не станет есть мою стряпню. Тоже мне, сюрприз получится… И Губерта нет…»

Тропинка круто повернула, и Теннисон застыл на месте. Навстречу ему по пригорку взбиралась знакомая фигура. На том, кто шёл вверх по пригорку, была лиловая мантия с подоткнутыми полами, чтобы не испачкать. Это был кардинал Феодосий. Красная митра, украшенная бриллиантами, красовалась на его металлической голове.

— Преосвященный! — воскликнул Теннисон. — Вот уж не думал не гадал вас встретить. Не знал, что вы любитель прогулок.

— Я-то нет, — сказал Феодосий, поравнявшись с Теннисоном, — а вот вы, я слышал, ходок.

— Да, я люблю побродить. Давайте как-нибудь выберем время и погуляем вместе. Мне было бы приятно. Тут столько красивого. Думаю, вам бы тоже понравилось.

— О какой красоте вы говорите, доктор Тенни-

сон? О красоте природы?

— Конечно. Мы забрались бы с вами повыше в горы. Там такие прекрасные цветы растут вдоль тропинок…

— Красота — в глазах смотрящего, — сказал кардинал. — В данном случае — в ваших глазах, но не в моих. Когда вы, люди, создали нас, роботов, вы не дали нам многого, в том числе и того, что вы называете восприятием красоты. Для меня существует другая красота. Красота логических построений, величие абстракций, о которых можно размышлять часами.

— Очень жаль. Вы действительно многого лишены, раз у вас нет чувства красоты.

— Но и вам, наверное, недостаёт многого из того, чем мы богаты, не правда ли?

— Прошу прощения, Ваше Преосвященство, у меня и в мыслях не было вас обидеть.

— Не волнуйтесь, — сказал кардинал. — Я вовсе не обиделся. Мне сейчас так хорошо, что я просто не в состоянии обижаться. Эта прогулка — настоящее приключение для меня. Не припомню, чтобы я когда-нибудь забирался так далеко от Ватикана. Но дело в том, что я не просто гуляю. Я ищу глухомана.

— Глухомана? — переспросил Теннисон. — За-

чем, Ваше Преосвященство?

— Затем, что глухоманы — наши добрые соседи, а мы так долго игнорировали их и неверно о них думали. Надеюсь разыскать того, что живёт в горах, за хижиной Декера. Вы о нем ничего не знаете?

— Декер мне ничего не говорил, — ответил Теннисон. — А вы уверены, что найдёте его там?

— Не знаю, — ответил кардинал. — Так говорят. Говорят, что много лет один глухоман жил неподалёку от хижины Декера и оттуда наблюдал за нами.

— Если глухоманы наблюдали за вами целую тысячу лет, они должны кое-что знать о вас, — проговорил Теннисон.

— Гораздо больше, — вздохнул кардинал, — чем нам казалось. Прошу простить, но мне нужно идти. Наверное, глухомана будет непросто разыскать. А вы, доктор, загляните ко мне как-нибудь на днях, потолкуем.

— Благодарю, — сказал Теннисон, слегка поклонившись. — Не премину воспользоваться вашим приглашением.

Он немного постоял на тропинке, глядя вслед кардиналу. Когда тот исчез за невысоким холмом, Теннисон повернулся и пошёл по тропинке вниз

к Ватикану.

Подойдя к своей двери, он привычно протянул руку к дверной ручке, но тут же резко отдёрнул, вспомнив, что дома никого нет. Там его ждали только пустота и тишина. Наконец он решился, повернул ручку, распахнул дверь настежь и вошёл в гостиную.

Ни пустоты, ни тишины не было и в помине! В камине ярко пылал огонь. Джилл вскочила с кушетки и бросилась ему навстречу. Он обнял её, крепко прижал к себе.

— Как я рад, что ты здесь, — прошептал он, целуя её. — А я так боялся, что тебя нет!

Джилл мягко высвободилась из его объятий.

— Я не одна, — сообщила она. — Шептун вернулся.

— Не вижу, — удивлённо сказал Теннисон, оглядев комнату.

— А он у меня в сознании, — сказала Джилл. — И к тебе тоже просится. Он пришёл, чтобы взять нас в математический мир.

— Рай?!

— Да, Джейсон. Обитатели математического мира нашли дорогу в Рай. Они могут отправить нас туда.

Глава 51

Ближе к вечеру Феодосий отыскал глухомана. Он подошёл к нему и остановился, ожидая, когда глухоман его заметит. Но Старик никак не показывал, что замечает его. Тогда Феодосий заговорил:

— Я пришёл навестить вас.

Глухоман начал вибрировать, раздался гул, как после удара в громадный барабан. Наконец эти звуки начали складываться в слова.

— Добро пожаловать. Мне кажется, я узнаю тебя. Ты стоял на лестнице, когда я принёс Декера домой?

— Да, это был я. Я — Енох, кардинал Феодосий.

— А-а-а… Так ты и есть тот самый кардинал. Слышал о тебе, слышал. Скажи мне, а то органическое существо, что стояло рядом с тобой, это, случайно, не доктор Теннисон?

— Да, это Теннисон. Он был другом Декера.

— Я это понял, — сказал глухоман.

— Вы говорите, что слышали обо мне. Вы знаете многих из нас. Мы вам знакомы?

— Я ни с кем не знаком, — ответил Старик. — Я

наблюдаю. Только наблюдаю.

Поначалу глухоман произносил слова с напряжением, но постепенно речь его стала более плавной и непринуждённой.

— Пожалуй, мы были для вас не такими уж добрыми соседями, — сказал кардинал, — и я хочу попросить у вас прощения за это. Я должен был явиться к вам с визитом много столетий назад.

— Вы нас боялись, — сказал глухоман. — Вы нас очень боялись, и мы ничего не делали, чтобы унять ваш страх. Однако боялись вы напрасно, ведь мы вам ничего дурного не делали. Но до ваших страхов нам особого дела нет. Нас беспокоит наша планета, а вы — всего-навсего временное явление на её поверхности. Поэтому вы нас волнуете только своим поведением на планете.

— Смею надеяться, что к планете мы относимся достаточно бережно, — сказал кардинал.

— Да, это правда. И за это мы вам очень благодарны. И, пожалуй, вы заслуживаете большего, чем просто благодарность. Вы заслуживаете, чтобы вам была оказана помощь. Тебе, кардинал, знаком пыльник?

— Пыльник? — удивлённо переспросил кардинал.

— Декер называл его Шептуном. Может быть,

он знаком тебе под этим именем?

— Никогда не слыхал о таком, — покачал головой кардинал.

— Когда-то их было много на этой планете. А потом они все улетели. Но одного оставили. Совсем маленького, детёныша.

— Этот детёныш и есть Шептун? Пыльник Декера?

— Верно. Он остался тут совсем один, такой маленький. Но он подаёт большие надежды. Мы гордимся им.

— Хотелось бы познакомиться с ним, — сказал кардинал. — Странно, но я о нем даже не слышал.

— Сейчас ты не сможешь с ним познакомиться. Он ушёл. Ушёл вместе с Джилл и Теннисоном. Они все вместе отправились на поиски Рая.

— Рая?! — выдохнул Феодосий. — Вы сказали «Рай»? Я не ослышался?

— Ты слышал об этом Рае? Он что-то значит для тебя?

— Не только для меня. Для всех нас. Очень много значит. Не могли бы вы сказать мне, что это такое?

— Я ничего не могу сказать тебе, кроме того, что эти трое отправились туда. В путешествии

им помогают другие существа, кубоиды из мира, который отыскали Слушатели очень давно.

— Просто поразительно, как много вам известно о нас и нашей работе!

— Мы храним планету, — объяснил глухоман. — И нам представлялось разумным иметь хотя бы приблизительное представление о том, что здесь делается.

— Значит, Рай? — спросил Феодосий не то себя, не то глухомана.

— Правильно, Рай, — подтвердил глухоман.

Он умолк, гудение прекратилось. Кардинал понял, что оставаться смысла не имеет. Он резко повернулся и пошёл вниз с холма, цепляясь мантией за колючие кусты. На ветках оставались клочки лилового шелка.

У подножия холма он набрёл на крошечное озерцо, окружённое большими плоскими камнями. Наверное, они падали сюда с гор много, много лет подряд. Маленькое, сверкающее водяное зеркальце в оправе из камней.

Кардинал упал на колени у воды, молитвенно сложил руки, опустил голову на грудь.

— Всемогущий Господь, — взмолился он. — Пусть все будет хорошо. Молю тебя, заклинаю, пусть все будет хорошо!

Глава 52

Казалось, ничего не изменилось в математическом мире. Горохово-зелёный ковёр поверхности убегал к далёкому горизонту, где встречался с краем купола бледно-сиреневых небес. Кубоиды как будто стояли на обычных местах.

Но все-таки для Теннисона не все было как в прошлый раз. И дело было не в том, что он или кубоиды стояли по-другому, не на тех местах. Дело было в нем самом. Он был одновременно самим собой и кем-то другим или другими.

Первый раз, попав в математический мир вместе с Шептуном, он ощущал его присутствие очень слабо, вернее, большую часть времени вовсе не ощущал. То ли был слишком напуган, чтобы думать о Шептуне, то ли слишком увлечён тем, что видел вокруг. Теперь он совершенно чётко знал, что Шептун здесь: ощущал его нежное, мягкое, какое-то пушистое прикосновение. Или это был не Шептун, а кто-то другой, более родной и близкий?

— Джейсон, — проговорила в его сознании Джилл, ставшая его частью. Это было просто по-

трясающе: они соединились, их тела и сознания слились воедино! — Джейсон, я здесь.

Что-то похожее он испытал прошлой ночью, когда они соединили свои сознания, чтобы впустить Шептуна и излить друг другу свою скорбь, своё горе, и погрузились в печальные воспоминания о Декере. Но тогда их соединение не чувствовалось так остро, так отчётливо, как сейчас. А теперь он и Джилл были едины, ближе друг другу, чем когда-либо, ближе даже, чем тогда, когда их тела соединялись в любви и нежности.

— Я люблю тебя, Джейсон, — сказала Джилл. — Хотя, наверное, можно было бы и не говорить об этом. Ты знаешь, как я люблю тебя.

Она была права. В словах не было нужды. Они были вместе и прекрасно знали, что думает и чувствует другой.

Пять кубоидов стояли к ним ближе остальных. Остальные выстроились полукругом поодаль.

— Они будут нашими проводниками, — объяснил Шептун.

Один из пятерых оказался старым знакомцем Теннисона — темно-лиловым, с ярко-оранжевыми уравнениями и графиками. Кроме него в компании находился ярко-розовый кубоид с зелёными значками и ещё один знакомый — се-

рый в золотистых крапинках с уравнениями и графиками лимонно-жёлтого цвета.

— А вот и мой приятель, — сказала Джилл, глядя на розово-красный кубоид с лиловыми уравнениями и ядовито-жёлтыми графиками.

Последний из кубоидов был бледно-зелёный, а уравнения и графики на нем были золотисто-коричневые.

— Они точно знают, куда нам нужно? — спросил Теннисон у Шептуна. — Ты уверен, что они знают, где Рай?

— Это место известно им под другим названием. В далёком секторе Галактики существует одно очень знаменитое место. Нам оно неизвестно, но очень-очень знаменитое.

— Это знаменитое место и есть Рай?

— Они в этом совершенно уверены, — сказал Шептун. — Там белые башни и шум, который вы зовёте музыкой, и широкая золотая лестница, ведущая к башням.

Джилл и Теннисон сделали несколько шагов к кубоидам, те зашевелились и встали по-другому. Когда наши герои подошли к ним совсем близко, двое из кубоидов стояли рядом, а остальные чуть-чуть поодаль.

Розово-красный кубоид повернулся к Джилл и

Теннисону, стёр с передней поверхности уравнение и стал медленно выписывать новое — очень старательно, так, чтобы успел прочесть даже тот, кто совсем не был знаком с таким способом коммуникации.

— Мы приветствуем вас, — сказал кубоид. — Готовы ли вы отправиться в путь?

— Шептун, — пробормотал Теннисон. — Шептун!

Ответа не последовало, да и не нужно было никакого ответа. Совершенно ясно, что уравнение прочитал Шептун, а Шептун находился внутри сознания их обоих, поэтому они оба и поняли смысл!

— Вам нечего бояться и делать ничего не придётся, — сказал кубоид, медленно рисуя значки на передней поверхности. — Вам нужно просто стоять, где стоите. И ничего не делать. Это понятно?

— Понятно, — ответил Шептун, и, когда он произнёс это слово, ответ его запечатлелся в виде простого и короткого уравнения на опустевшей передней поверхности розово-красного кубоида.

«Наверное, — подумала Джилл, — это для того, чтобы остальные кубоиды могли понять ответ Шептуна».

«Господи, ну и влипли же мы… Как это все неле-

по…» — подумал Теннисон и почувствовал, как на него одновременно заворчали и зашикали Джилл и Шептун, упрекая за цинизм и недоверие.

На поверхности розово-красного кубоида начало появляться новое уравнение, но Теннисон успел понять только первые слова перевода Шептуна, как вдруг они оказались… в Раю.

…Они стояли на просторной площади, а вокруг возвышались башни. Торжественная, величавая музыка водопадом струилась вниз с вершин башен, обнимала пришельцев, окутывала мягкой пеленой. Весь мир казался наполненным музыкой. Площадь была вымощена золотом, по крайней мере она была золотого цвета, а башни белые — ослепительно белые. Казалось, из них льётся свет. Во всем было ощущение чистоты и святости, но… что-то было не так.

Теннисон покачал головой. Что-то не так, не то… Они стояли посреди площади, звучала дивная музыка, белые величественные башни высились до небес, но кругом не было ни души. Рядом с ними, выстроившись в рядок, стояли кубоиды, над ними порхал Шептун — маленький, сверкающий шарик из лёгких пылинок, но больше никого не было. Рай, судя по всему, был необитаем.

— Что-то не так, — сказала Джилл, отошла от

Теннисона и медленно оглядела площадь. — Правда, что-то не так. Во-первых, тут никого нет.

— Во-вторых, тут нет ни одной двери, — добавил Теннисон. — По крайней мере, таких дверей, к каким мы привыкли, тут нет. Я вижу только дыры. Нечто вроде громадных мышиных нор, только уж больно они высоко. Футов восемь от земли.

— И окон тоже нет, — заметила Джилл.

По площади пробежал лёгкий ветерок, и Теннисон невольно поёжился от его прикосновения.

Он заметил между башнями узкие проходы. Может быть, это улицы? Если это город, похоже, путешественники находились в самом его центре. Теннисон поднял голову, посмотрел на башни и обнаружил, что они ещё выше, чем показалось сначала. Вершин, строго говоря, и видно не было — они терялись в заоблачной дали. Поначалу ему показалось, что строений тут много и каждое из более низких зданий служит опорой, фундаментом для отдельной башни, но теперь стало ясно, что здание всего одно и оно гигантским кольцом окружает площадь. Через равные промежутки по периметру возвышались башни. То, что он принял за узкие улочки между башнями, были скорее всего туннели в монолите

здания. Материал, из которого были построены здание и башни, был безукоризненно белым — ни единого пятнышка, но на камень не похож. Скорее он напоминал лёд, изготовленный из самой чистой на свете воды, и в нем не было ни пузырьков воздуха, ни щепочек, ни пылинок. «Не может быть, чтобы это был лёд, — думал Теннисон. — Может, это и не камень, но уж, конечно, и не лёд».

Музыка звучала не переставая. Она была неповторимо прекрасна. Такой музыки не в силах был создать талант человека.

— Не так тут пусто, как кажется, — вдруг сказал Шептун. — На самом деле тут жизнь бьёт ключом.

И словно по команде появилась жизнь. Из одного туннеля показалась огромная голова. Это была голова гигантского червя. Спереди она была плоская, и её украшал массивный костяной гребень. По обе стороны от гребня находились большие фасетчатые глаза, а за ними, повыше, торчали длинные тонкие выросты, наподобие антенн. Червь высоко поднял голову. Теннисон, с трудом преодолевая страх и отвращение, машинально прикинул, что голова находится футах в шести от пола туннеля.

Червь постепенно выползал наружу: за страшной головой тянулось толстое, длинное тело. Когда добрая половина червя уже была снаружи, он приподнялся над землёй и встал на тонкие суставчатые ножки — видимо, проползая по туннелю, он их подогнул. Чудище стало фута на два выше.

Но самое неприятное, что тварь, выползая, все более разворачивалась мордой к тем, кто стоял на площади. Теннисон и Джилл отступили на несколько шагов, а кубоиды не пошевелились — только графики и уравнения забегали на их поверхностях быстрее обычного.

Наконец червь выполз целиком и твёрдо стал на многочисленные ноги. Длиной он был добрых тридцать футов. Постояв немного, он повернулся и пополз за угол, в другой туннель. Казалось, его движение преследует некую цель. Похоже, он не обратил особого внимания на тех, кто стоял на площади.

Передние ноги червя вновь подогнулись, зацепились за край туннеля, и длинное тело постепенно начало втягиваться внутрь. Джилл и Теннисон, затаив дыхание, смотрели, как червь заползал в туннель. Когда он исчез, Теннисон облегчённо вздохнул.

— Давайте походим, посмотрим, — предложил он. — Поглядим, что тут есть.

Нашли они, однако, немного. Узкие улочки оказались действительно туннелями, проложенными через определённые промежутки в едином монолите нижнего здания. Но все они были закрыты. Внутри, примерно футах в тридцати от входа, находились двери голубого цвета. Теннисон и Джилл толкали изо всех сил, но ни одну открыть не удалось.

— Двери герметические, — сказал Теннисон, — я почти уверен. Нужно только толкнуть посильнее, и они должны открыться. Но у нас сил не хватит.

— Но червь же прополз через такую дверь, — возразила Джилл.

— Боюсь, он посильнее нас с тобой, вместе взятых. И потом, не исключено, что эти двери предназначены именно для червей. Только у них, наверное, и хватает силы открывать их.

— Мы можем быть почти уверены, — сказала Джилл, — что это место — не Рай. Но нам нужно вещественное доказательство. Мы не можем просто так вернуться и объявить всем, что это не Рай. Эх, была бы у меня камера!

— Нам нельзя было отягощать себя лишним

весом, — сказал Шептун. — Мы же не знали, что обнаружим здесь. Мы неслись сюда со скоростью света.

— А что думают об этом местечке наши друзья-кубоиды?

— Они очень удивлены.

— Какое совпадение! — буркнула Джилл.

— Ты не огорчайся, — посоветовал ей Теннисон. — Все равно фотографии никого ни в чем не убедили бы. Сфотографировать можно где угодно. Кроме пачки фотоснимков нужно что-то ещё.

Они обошли площадь по кругу, но больше ничего не обнаружили.

— Мы заперты здесь, — сказала Джилл. — Выход отсюда один — через туннели. Смотри-ка, повыше есть ещё отверстия. Может быть, они не закрыты дверями. Нужно попросить Шептуна забраться хотя бы в один туннель и поглядеть, что там, по другую сторону. Должно же там что-то быть.

— Думаю, кубоиды тоже могли бы туда перебраться. Умеют же они летать по воздуху, — сказал Теннисок. — Но мне не хотелось бы разделять наш отряд. Почему-то мне кажется, что нам лучше держаться вместе.

В дальнем конце площади из другого туннеля

появился ещё один червь, как ни в чем не бывало прополз мимо них и исчез в одном из верхних отверстий.

— Что-то не особенно меня тянет в туннель, — поёжилась Джилл. — Пока у меня такое впечатление, что ими одни черви и пользуются.

— Да, но, похоже, мы их не очень интересуем.

— Угу. Пока мы снаружи. Но можем заинтересовать, если окажемся внутри.

— Шептун, — сказал Теннисон, не обратив внимания на слова Джилл, — попроси одного из наших любезных проводников немного присесть, чтобы я мог забраться на него. А потом он пусть поднимет меня к отверстию.

— Ну знаешь, если ты пойдёшь, то и я пойду, — сказала Джилл. — Я не собираюсь тут оставаться.

— Любой из них с удовольствием поможет, — сообщил Шептун после недолгих переговоров с кубоидами. — Выбирай отверстие, какое тебе больше нравится.

— Все равно, — ответил Теннисон. — Я не стал бы их утруждать, но нам самим туда никак не влезть.

— То, что у тебя над головой, подойдёт?

— Вполне.

— Знаете, мои дорогие, — сказала Джилл, — у

меня такое чувство, что все мы с ума посходили!

Розово-красный кубоид подошёл к стене вплотную и остановился прямо под отверстием. Он начал сжиматься, и вскоре люди вполне могли забраться на него.

— Я подсажу тебя, — сказал Теннисон. — Давай залезай.

— О'кэй, — кивнула Джилл. — Надеюсь, что это не так страшно, как кажется.

Он подсадил её, и она вскарабкалась на верх кубоида.

— Ой, как скользко! — жалобно воскликнула Джилл. — Ужасно. Будто на куске желе стою. Такое чувство, что сейчас провалюсь внутрь и утону. Ой, скользко, мама!

Теннисон разбежался, подпрыгнул — и приземлился рядом с ней. Джилл протянула руку и помогла подобраться к ней поближе. Они присели на корточки, крепко держась друг за друга и стараясь сохранить равновесие. Кубоид перестал колебаться и как будто стал даже более твёрдым. Он медленно стал набирать высоту, вырастать до прежнего размера.

Наконец отверстие туннеля оказалось прямо перед ними. Теннисон неуклюже подпрыгнул, но сумел зацепиться за край отверстия и влезть в

него. Протянул руку и помог забраться Джилл.

Они поднялись на ноги и осмотрелись. Отверстие представляло собой туннель, но двери в нем не оказалось, к тому же он был не слишком длинным: не так далеко от входа был виден мерцающий свет.

Пол под ногами был твёрдый. Джилл и Теннисон, взявшись за руки, пошли вперёд. Обернувшись, Джилл увидела, что следом за ними в туннель один за другим протискиваются пятеро кубоидов и над первым из них порхает облачко алмазной пыли — Шептун.

Добравшись до конца туннеля, они непроизвольно зажмурились от яркого света, заливавшего все вокруг. Туннель переходил в широкую дорогу, вымощенную, по всей видимости, тем же белым материалом, из которого здесь было все построено. Дорога убегала вдаль и тонула в лучах света. Как ни странно, дорога лежала на воздухе, наподобие виадука. По обе стороны от неё уходили ввысь крутые горные вершины, а между ними чернели бездонные пропасти.

Простор открывшегося пейзажа был ограничен высокими строениями, похожими на колонны. Они стояли по обе стороны от дороги, отделяя её от пропастей. Похоже, колонны были из того же

материала, что и дорога, и их белизна тонула в сиянии, исходившем от её поверхности. Вокруг колонн разноцветной каруселью в странном, неритмичном танце вертелись огни всех цветов и оттенков.

«Будто карнавал, — подумал Теннисон, глядя по сторонам. — Фейерверк, тысячи рождественских огней!»

— Погляди-ка, — проговорила Джилл, потянув его за руку, — а вон и один из наших знакомых!

— Где?

— Да вон он! На колонне. Смотри, куда я показываю.

Теннисон посмотрел в указанном направлении, но не сразу разглядел за мелькающими вспышками огней гигантскую сороконожку. Червь взобрался на колонну и висел на ней. Нижними ногами он держался за колонну, а свободными вращал огненное колесо.

— Фонарщики! — изумлённо воскликнула Джилл. — Вон они, оказывается, кто! Черви-фонарщики. Это они делают весь этот фейерверк!

— Похоже, ты права, — согласился Теннисон.

— Пойдём, — сказала Джилл немного погодя. — Что-то у меня голова закружилась.

Они поспешили вниз по белой дороге и, ступив

на неё, увидели, что на её поверхности играют отблески огней всех цветов радуги.

Далеко впереди чернело отверстие ещё одного туннеля. Когда они подошли поближе, то обнаружили, что у входа их поджидают четыре странных существа. Они представляли собой чёрные конусы, абсолютно чёрные — их поверхность не отражала света, не блестела, как будто поглощала свет. Конусы стояли на широких основаниях и высотой были примерно футов пять. Они легко передвигались, хотя шума механизмов, которые могли бы обеспечивать их передвижение, слышно не было.

У самого входа в туннель стояла чёрная платформа на колёсах.

Три конусовидных существа встали на край платформы и, когда вся компания подошла поближе, легко подняли их наверх. Джилл первой дошла до другого края платформы и хотела спуститься, но четвёртый конус загородил ей дорогу.

— Похоже, они хотят, чтобы мы поехали на этой штуке, — обернувшись, сказала Джилл Теннисону.

Конусы встали по углам платформы, и та плавно двинулась по туннелю. Похоже, конусы

служили чем-то вроде двигателей.

Через некоторое время платформа выплыла из туннеля на открытое пространство. Светящихся огнями колонн здесь не было. В разные стороны разбегались дороги. Они пересекались, сходились. Одни дороги, судя по всему, предназначались исключительно для транспортных средств. В основном это были такие же чёрные платформы, управляемые конусами, но время от времени попадались и другие движущиеся механизмы. Одни из них напоминали больших жуков, другие были похожи на стрелы. Другие дороги, похоже, служили для пешеходного движения. По ним ползали, шагали, прыгали, словом передвигались всевозможными способами — представители самых невероятных форм жизни. Глядя на эти цепочки живых существ, Теннисон невольно вспомнил капитана «Странника» и его отвращение к инопланетянам. Такое разнообразие форм жизни Теннисону довелось увидеть впервые.

На участках поверхности между дорогами, имевших форму причудливых многоугольников, стояли здания самых разнообразных размеров и очертаний, окружённые полосками зелёных газонов. Создавалось впечатление, что смотришь

на настольный макет местности со множеством городов и деревень.

Неожиданно платформа сделала крутой вираж. Путешественники с трудом удержались на ногах. Перескочив на другую дорогу, платформа сразу же влетела в новый туннель. Когда туннель закончился, они оказались внутри одного из больших зданий. Платформа мягко остановилась — судя по всему, тут была стоянка: рядом стояли ещё несколько точно таких же платформ.

Джилл и Теннисон спустились с платформы, следом за ними мягко соскользнули кубоиды, и четыре конуса повели их между платформами и другими машинами к высокому дверному проёму.

Они вошли в широкий зал. В конце его на возвышении у стены восседал огромный… пузырь! По обе стороны от возвышения группами стояли конусы. Рядом с пузырём стояло странное существо, напоминавшее небольшой сноп. Из кучи соломы во все стороны торчали тонкие выросты с глазками на концах. Прямо перед пузырём прыгало маленькое существо, напоминавшее осьминога. Всякий раз, когда существо опускалось на пол, оно издавало чавкающий звук, словно на гладкий кухонный стол шлёпался

кусок печёнки.

Конусы вели путешественников вперёд. Доведя их до края возвышения, они отошли в сторону.

Пузырь был не просто пузырь. Спереди на его поверхности было углубление, в котором располагалось некое подобие лица. Но трудно было сказать с уверенностью, что это лицо. Секунда — вы видели его, а в следующую секунду оно исчезало, расплывалось, как летучий дым.

— Джейсон, — мысленно обратилась Джилл к Теннисону. — Джейсон, смотри! Помнишь записи, воспоминания Феодосия? Ну те, что я нашла в корзине для бумаг в потайной кладовке?

— Боже мой, да, вижу! — мысленно отозвался Теннисон. — Кардинал писал там про пузыри. Лицо как летучий дым — так там и было написано!

Из глубины пузыря раздался скрипучий, неприятный, режущий уши звук. Было ясно, что пузырь хочет что-то им сказать.

— Я ни слова не понимаю, — сказала Джилл.

— Он пытается общаться, — проговорил Шептун. — Это очевидно. Но совершенно непонятно.

— Он сердится на нас, Шептун? — спросила Джилл. — Похоже, он на нас кричит.

— Не думаю, — ответил Шептун. — Он не излучает гнева.

Один из конусов поднялся на возвышение и встал рядом с пузырём. Пузырь проскрипел ему что-то, и конус удалился. Пузырь замолчал. Он продолжал смотреть на путешественников, и, хотя порой дым заволакивал его лицо, они все время чувствовали, что он смотрит на них не отрываясь.

— Я думаю, — сказал Шептун, — хотя и не уверен, что он послал за кем-то, кто может стать переводчиком в разговоре с нами.

Пузырь молчал. Молчали и конусы. Вообще, было не похоже, что они способны издавать хоть какие-то звуки. Тишину нарушали только шлёпки осьминогоподобного существа, которое продолжало скакать взад-вперёд перед пузырём. Глаза существа, похожего на сноп, пристально смотрели на гостей.

Текли минуты. Ничего не происходило. Только шлёпал об пол маленький осьминог. Наконец раздались шаги. Так идти мог только человек. Теннисон обернулся. По залу им навстречу уверенно шагал… Томас Декер.

Глава 53

— Экайер, — строго сказал кардинал Феодосий, — прошу вас, будьте со мной честны до конца.

— Ваше Преосвященство, я всегда был с вами честен, — возразил Экайер.

— Если вы хотите сказать, что вы мне никогда не лгали, я с вами согласен. Но вы рассказывали мне не все, что знали. Кое-что скрывали от меня. К примеру, почему вы никогда не рассказывали мне о Шептуне Декера?

— Потому что об этом разговор ни разу не заходил, — ответил Экайер. — И потом, я сам узнал о Шептуне всего несколько дней назад.

— Но Теннисон знал о нем. Задолго до того, как узнали вы.

— Это правда. Но Теннисон был другом Декера.

— И каким же образом он познакомился с Шептуном?

— Он мне сказал, что Шептун сам разыскал его.

— Но сразу он вам об этом не рассказал. Почему он молчал, как вы думаете?

— Видимо, Ваше Преосвященство, у него было что-то вроде чувства долга перед Декером. Он никому про Шептуна не рассказывал — не только мне. Но и мне он рассказал о нем только после смерти Декера.

— Вы ведь очень близки с Теннисоном. Он вам все рассказывал?

— По крайней мере, мне так казалось, Ваше Преосвященство.

— А он, случайно, не сообщал вам, что собирается отправиться в Рай?

Экайер резко выпрямился на стуле. Мгновение он молча смотрел на кардинала, пытаясь что-то прочесть на его лице, но, увы, — понять что-либо по лицу робота не дано никому. Экайер откинулся на спинку стула.

— Нет, — сказал он. — Ничего не говорил.

— Ну так вот, — сказал кардинал, — случилось так, что он туда отправился. Либо он в пути, либо уже там.

— Ваше Преосвященство, простите, но ведь вы не можете этого знать!

— Могу, представьте себе. Мне об этом сказал глухоман. Я многое обдумал, прежде чем пригласить вас к себе. Экайер, нам нужно составить план действий.

— Ваше Преосвященство! — взмолился Экайер. — Не так быстро! Вы говорите, вам об этом сказал глухоман? А где вы его разыскали?

— Я ходил к нему. Того, с которым я говорил, я нашёл на холмах, повыше хижины Декера.

— И он сказал вам, что Теннисон собирается в Рай?

— Он сказал, что Теннисон уже в пути. Не один. Вместе с Джилл и Шептуном. Глухоман сказал, что Шептун нашёл дорогу в Рай и повёл их туда.

— Да-да… Понимаю… Мы говорили о такой возможности…

— Говорили? Мило! А мне — ни слова!

— Ваше Преосвященство, рассказывать-то было, честно говоря, нечего. Мы поговорили и решили, что это невозможно.

— Возможно, как видите.

— Теннисона нет на месте уже два дня, но это ничего не доказывает…

— Джилл тоже нет, — добавил кардинал. — Если они не в Раю, куда же могли деться? На Харизме не так много мест, где можно было бы спрятаться.

— Не знаю… Не может быть, что они отправились в Рай. Во-первых, когда мы об этом говорили, никто из нас понятия не имел, где он может нахо-

диться. Мы думали, что если бы удалось вернуть кристаллы с записями наблюдений Мэри…

— Глухоман сказал мне, что им помогли обитатели математического мира.

— Это возможно, — растерянно кивнул Экайер. — Джилл и Теннисон бывали в математическом мире.

— Ну вот видите, — с упрёком проговорил кардинал. — И этого вы мне тоже не рассказали. Неужели вам не пришло в голову, что меня это может заинтересовать?

— Ваше Преосвященство, вы уверены, что глухоман понимал, о чем говорит? И почему вы решили пойти к нему?

— Экайер, поймите, все эти годы мы жестоко заблуждались относительно глухоманов. Они вовсе не злобные хищники, как утверждают слухи. Вечная беда всех сплетён и слухов — в них слишком мало правды. Тот глухоман, с которым я говорил, принёс домой Декера и Губерта. Тогда, на эспланаде, он говорил со мной и Теннисоном. Мы виноваты в том, что так относились к глухоманам. Мы должны были подружиться с ними давным-давно. Было бы гораздо лучше для всех нас, если бы это случилось раньше.

— Значит, вы совершенно уверены в том, что

они отправлялись в Рай?

— Уверен, — кивнул Феодосий. — Я верю — глухоман сказал мне правду. Он рассказал мне об этом из дружеских побуждений.

— Господи, но это невозможно, немыслимо! — воскликнул Экайер. — Но… если уж и суждено было такому произойти, Теннисон тот самый человек, кто должен был совершить это. Он — замечательный человек.

— Не спорю. Теперь, надеюсь, вы понимаете, как важно нам подготовиться к их возвращению из Рая?

— Вы думаете, они вернутся?

— Уверен. Они сделали это для Ватикана. Хоть они и недавно здесь, однако уже освоились. Теннисон разговаривал с Его Святейшеством несколько дней назад, и после их беседы Папа говорил со мной. Теннисон рассказывал ему о монастырях на Древней Земле. Он говорил о том, что здесь, в Ватикане, он нашёл для себя нечто подобное. Они вернутся.

— Что же вы собираетесь делать, Ваше Преосвященство? Если они действительно найдут Рай и вернутся…

— Во-первых, теперь я знаю, кто стоял за всей этой богословской кутерьмой. Джон, садовник

из больничного сада. Я почти уверен, что он работал на Папу, был его тайным агентом, хотя зачем Папе тайный агент ума не приложу. Но это неважно. Дальнейшая судьба нашего садовника незавидная. Он будет презренным послушником, мелкой сошкой и останется им навсегда. И не только он.

— Но есть ли вам на кого опереться, Ваше Преосвященство?

— Пока не на кого, вы правы. Но все может измениться. В один прекрасный день я поговорю с Его Святейшеством и сообщу ему все, что узнал. И когда он услышит, что мне известно о его тайном агенте, наушнике, когда он узнает, что Джилл и Теннисон скоро вернутся из Рая… Конечно, если бы не обнаружение Рая, Папа ещё долго воздерживался бы от решительных действий. Но когда он узнает об этом…

— Ну, а если все это окажется неправдой, Ваше Преосвященство? Если…

— Тогда мне конец, — спокойно проговорил Феодосий. — И вам тоже. Но если мы ничего не предпримем, нам все равно конец. Терять нам с вами нечего.

— Вот тут вы правы. Абсолютно правы.

— Значит, вы пойдёте со мной к Папе?

— Конечно, — твёрдо сказал Экайер, поднимаясь со стула. — Пойдёмте.

Когда кардинал встал, Экайер спросил его:

— Как я понял, Ваше Преосвященство, вы думаете, что Рай будет дискредитирован, разоблачён, что он окажется не Раем. Но как вы можете быть в этом уверены?

— Понимаете, я решил рискнуть. Если я проиграю, мне, как и Джону, суждено стать презренным послушником до конца моих дней.

— И вы все-таки идёте на риск?

— А что мне остаётся?

Глава 54

— До какого-то момента я ясно помню, как все было, — рассказывал Декер. — Помню, как меня сильно стукнуло обо что-то, как я прильнул к иллюминатору, как разглядел внизу самый центр этой планеты, как мне почудилось, что шпили зданий того и гляди проткнут меня насквозь, помню, как видел дороги, сбегавшиеся, как спицы колёса, к ободу центра. А вот как я бежал к спасательному катеру, убей бог, припомнить не могу, потому что туда бежал не я, не тот Декер, что сейчас говорит с вами, а настоящий, первый, тот, которым я был когда-то.

— Все сходится, — изумлённо проговорил Теннисон. — Этот рассказ я слышал от настоящего, первого Декера. Но он мне не так много рассказал, как вы. Он был человеком неразговорчивым.

— Да и я не такой уж болтун, — признался Декер-2. — Но я так поражён, так рад, что вижу людей, своих сородичей, вот у меня язык и развязался.

Они сидели в уютной комнате, обставленной удобной мебелью, на одном из верхних этажей

высокого здания. Пол был покрыт толстым, пушистым ковром. На стенах висели картины.

— Спасибо вам, — сказала Джилл, — что вы разыскали для нас такое уютное местечко. Тут все такое чуткое кругом, а здесь мы почти как дома.

— Это было не так легко, — сказал Декер. — Но наш главный пузырь просто помешан на гостеприимстве, а потому заставил меня найти жилище, где вам было бы удобно.

— Пузырь у вас главный?

— Ну да, тот, которого вы уже видели, — кивнул Декер. — С таким странным лицом. Их тут много. Пузырями я их зову только из-за своего невежества. У них есть другое название, но на человеческом языке оно совершенно непроизносимое, а буквальный перевод звучит и вовсе нелепо. Тот пузырь, с которым вы имели честь познакомиться, может считаться моим другом, хотя, пожалуй, по вашим понятиям, дружба у нас не совсем обычная. Это непросто объяснить. Я зову его Смоки — «Дымок», из-за того, что у него такое лицо, вроде дыма, хотя, если разобраться, у всех пузырей точно такие же лица. Когда я разговариваю с ним, то зову его Смоки. Он-то, бедняга, думает, что это, наверное, красивое человеческое имя. Знал бы он, что это значит, обиделся бы,

пожалуй. Ну, а заметили существо, похожее на сноп, которое сидело рядом со Смоки?

— Заметил, — кивнул Теннисон. — Он за нами пристально наблюдал.

— Это Сноппи — опять-таки это я его так называю. Ближайший приятель Смоки. Он с ним знаком очень давно. Потому он и ближайший. Я с ним знаком не так давно, поэтому я второй по старшинству друг. Словом, у нас триада. У пузырей не принято существовать в одиночку. У них обязательно формируются триады. Что-то вроде братства, содружества, кровного единства — нет, это не совсем точно, но яснее сказать трудно. А старина Сноппи, наверное, напугал вас? Действительно, вид у него странноватый.

— Да уж, — хмыкнула Джилл.

— Но в общем-то он не так уж плох, — сказал Декер. — Когда познакомишься с ним поближе — очень даже ничего. Тут на таких насмотришься, что он по сравнению с ними — просто свой парень.

— А вы, похоже, тут неплохо устроились?

— Не жалуюсь, — кивнул Декер. — Ко мне хорошо относятся. Поначалу я гадал, на каком положении тут нахожусь? Какую роль мне отвели? Беженец я или, не дай бог, подопытный экзем-

пляр? Честно говоря, я так до сих пор толком и не знаю, кто я тут. Но теперь это меня не так волнует, как сначала. Смоки ко мне относится прекрасно, а остальное ерунда.

— По всей видимости, — сказал Теннисон, — дело было так: пузыри взяли за основу ваш портрет, вернее — объёмное изображение, — то есть не ваш, а настоящего Декера, который был там, на корабле, и создали нового Декера, то есть вас. Но… с такого расстояния? Да ещё обшивка корабля…

— Вы должны уяснить, — сказал Декер, — что это не просто съёмка. О тонкостях технологии я судить не берусь. То есть принцип мне ясен, но как они это делают на практике, не знаю. В первом приближении это можно сравнить с действием сканера, который давным-давно появился на Земле. Сначала его называли компьютерным томографом и пользовались им в основном для сканирования мозга, в частности — для обнаружения опухолей. Потом научились исследовать с его помощью другие органы. Это устройство предназначалось для послойной съёмки различных органов. Оно как бы рассекало органы, делило их на слои и делало что-то вроде фотографий, хотя это звучит неуклюже, — словом, что-то вроде рентгеновских снимков с различной заранее

заданной глубиной съёмки. Термин «снимки» тоже далёк от истины. Данные передавались в компьютер, который сводил полученные данные воедино и выдавал в виде, удобном для чтения. Вот, пожалуй, таким примитивным образом можно описать то, что умеют делать пузыри. Но главное, что они умеют пользоваться этим принципом на очень больших расстояниях от сканируемого объекта. Получаемые данные могут быть использованы для реконструкции любых видов материи. Мне сказали, что в моем случае, помимо данных о моем организме, они собрали информацию и о корабле. Думаю, информация о корабле до сих пор хранится где-то в файлах, и, если возникнет необходимость, они его запросто реконструируют.

— Но Декер, я имею в виду настоящего Декера, — сказал Теннисон, — выбился из своего времени примерно на двести лет. Так он мне сказал. Спасательный катер сохранял его тело в состоянии искусственного анабиоза, пока разыскивал планету, где Декер мог бы выжить. На поиск такой планеты ушло около двухсот лет. А вы, судя по всему, находитесь здесь не более ста.

— Я об этом никогда не спрашивал, — сказал Декер. — Но мог бы, в принципе, догадаться.

Видимо, пузыри не сразу взялись за мою реконструкцию. У них накоплено колоссальное количество информации. Наверняка некоторые данные хранятся в файлах по несколько сотен лет. А до кое-каких у них и руки, если можно так выразиться, не доходят.

— Сто лет, говорите? А сколько же вам, простите, было, когда все это случилось? Около сорока, не больше? Не похоже, что вам сто сорок — мне, по крайней мере, не кажется. Вы выглядите точь-в-точь как тот Декер, с которым я был знаком.

— Ну, судя по всему, дело в том, — сказал Декер, — что пузыри вносят какие-то изменения в собранную информацию. Когда они приступают к воспроизведению организма, они выкидывают, так сказать, слабые места. Наверное, когда они воссоздавали меня, то могли обнаружить, к примеру, совершенно бесполезный орган — аппендикс. Полагаю, они сочли за лучшее не использовать его в моей новой конструкции. Нашли, допустим, порок сердца и заменили больной клапан на здоровый. Готов побиться об заклад — у меня нет аппендикса и сердце, как новенькое. Наверняка заменены больные и восстановлены недостающие зубы. Ну и так далее — больные почки, кишечник недостаточной

длины…

— Выходит, вы бессмертны.

— Ну, я так не думаю, но, наверное, проживу ещё достаточно долго. А если что-то вдруг будет не так и понадобится помощь, они наверняка сумеют мне помочь — заменят сердце, или печень, или лёгкие. Тут со всеми так. Я здесь единственный человек, и у них не было ни малейшего представления о том, что мне нужно для жизни. Но когда я выучил их язык и сумел объяснить, что мне нужно, они предоставили все необходимое — ковры, картины, мебель, пищу, к которой я привык. Они обеспечили меня гораздо большим, чем я просил. Все, что вы тут видите, — их подарки. Стоит только подробно описать, что тебе нужно, и ты получаешь это в лучшем виде. У них существуют такие устройства — конвертеры материи. Это, конечно, не сундучки иллюзионистов, в которые засыпают песок, а вытаскивают букеты цветов, пачки мороженого или колоды карт. Это мощные и потрясающе умные машины.

— Значит, кроме вас, людей тут нет? — спросила Джилл.

— Есть несколько гуманоидов, но это не люди, — ответил Декер. — У них по две руки и ноги, по паре ушей и глаз, один нос и рот, но они не лю-

ди. Нельзя, конечно, утверждать, что они чем-то хуже людей. Это не так. Я их знаю, и они знают меня. Мы неплохо ладим. Кое-чем вместе занимаемся. Что-то общее у нас есть. Для каждого из нас общение друг с другом приятнее, чем беседы с говорящим пауком или средоточием мудрости в образе мыльного пузыря.

— А что тут вообще происходит? — поинтересовалась Джилл. — Смахивает, честно говоря, на галактический зоопарк.

— Да, — кивнул Декер, — и это тоже. Но не только. Лучше всего назвать это место Центром исследования Галактики. В основном, принцип деятельности Центра напоминает работу вашего Ватикана, хотя, судя по тому, что вы мне рассказали, подход тут несколько другой, да и мотивы изучения Галактики не совсем одинаковые. Начало всему этому положили пузыри, наверное, миллион лет назад, но сейчас они — только часть проекта. Они по-прежнему стоят во главе Центра, но в процессе поисков они обрели множество партнёров, представителей других цивилизаций, тоже ориентированных на задачу исследования Галактики. Если окинуть все это общим взглядом, проект поистине грандиозный. Все построено на физическом проникновении в различные уголки

Галактики и сборе самых разнообразных данных. Когда информация собрана, могут быть воссозданы любые живые формы. Но собирается не только информация, но и фактический материал — артефакты других цивилизаций — машины, постройки, транспортные средства, игрушки, продукты, растения — все что угодно. В этом смысле, мне кажется, здесь подход к решению проблемы поиска несколько более совершенный, чем в Ватикане. Пока, правда, площадь поиска ограничена единственной Галактикой, но в последнее время все больше разговоров о том, что пора расширить масштабы поисков, вывести их за пределы Галактики.

— А как тут насчёт охраны? — спросил Теннисон. — Тут ведь просто «остров сокровищ»! Стоит только кому-нибудь пронюхать, чем вы тут занимаетесь, могут начаться набеги. Ватикан добился относительной безопасности за счёт изоляции и строгой секретности в ведении поисков. А тут все делается слишком открыто.

— Понимаете, — сказал Декер. — Когда случилась катастрофа с моим кораблём — вернее, с кораблём настоящего Декера, команда была полностью шокирована, и это явно было действием какого-то психологического оружия. Ощущение

страха транслировалось на расстоянии, но я не могу объяснить вам, как это было сделано. Я помню, что звучал какой-то страшный голос, который что-то кричал на незнакомом языке, было просто жутко его слышать. Команда и я в том числе были так напуганы, что ничего, ровным счётом ничего не пытались предпринять для защиты. Все в страшной панике бросились бежать. Корабль, как мне сказали, разбился в пятидесяти милях отсюда. Даже вашу Слушательницу Мэри сумели здорово напугать. Я сам об этом ничего не знал, пока вы не рассказали, но теперь мне совершенно ясно, что она была смертельно напугана. Даже если она была здесь не физически, не во плоти, её заметили. Следовательно, где-то в наших данных есть информация о ней. Пока, наверное, с ней ничего не делали. Наверное, это не представлялось слишком важным.

— Но именно из-за этого мы и попали сюда, — сказала Джилл.

— Понятно. И что следует рассказать Смоки?

— Вам мы рассказали все.

— А что мне рассказать Смоки? Или чего-то не следует ему рассказывать?

— Нам скрывать нечего, — сказал Теннисон.

— Ну и отлично, — улыбнулся Декер. — Мой

вам совет: будьте и дальше откровенны. Пузыри и так достаточно заинтригованы, чтобы что-то выведывать, А бояться их не стоит. Правда, поверьте мне, они очень милы, даже по людским меркам. Чужаки, конечно, кто спорит, порой они совершенно непредсказуемы, но не чудовища, уверяю вас. Понимаете, за все время их существования впервые кто-то самостоятельно прибыл сюда. Это их должно очень заинтересовать. Скажите, наверное, ваши странные приятели, ну, эти параллелепипеды, не знаю, как вы их называете, помогли вам?

— Мы называем их кубоидами, — ответила Джилл. — Они очень хорошие.

— Судя по тому интересу, с которым их разглядывал Смоки, — сказал Декер, — пузырям они совершенно незнакомы. Вы знаете, где они обитают?

— Понятия не имеем, — ответил Теннисон.

— Хотите сказать, что имеете возможность контактировать с ними, не зная, где они обитают?

— Да, — коротко ответил Теннисон.

— Но как?

— Послушайте, Декер, мы вам все рассказали без утайки. Оставьте нам один секрет фирмы.

— Идёт. Но… послушайте, ещё один вопрос.

Только один. Мне показалось, что с вами я видел пыльника. Или я не прав?

— Пыльника? — переспросил Теннисон, сделав вид, что не понял, о ком речь.

— Да, пыльника. Маленькую искрящуюся сферу.

— Он прибыл вместе с нами. А теперь куда-то пропал.

— Может быть, он как-то участвовал к контакте с кубоидами?

— Декер, я вас прошу, оставьте нам этот секрет.

— Простите. Конечно. Уговор дороже денег.

— А где наши кубоиды? — спросила Джилл. — Вы знаете, где они сейчас?

— Они остались на стоянке около дома Смоки, — ответил Декер. — Они все-таки очень странные существа. Сгрудились там в кучку, а графики и уравнения на их боках бегают и сверкают всеми цветами радуги. Такая кутерьма — кубоидов ваших просто не разглядеть. Но мне давно пора пожелать вам спокойной ночи. Вам, людям, необходим отдых. Да и у меня завтра много работы.

— У вас тут есть работа?

— Конечно. Тут почти все работают. Можно

работать кем угодно, если есть опыт. Я работаю переводчиком. Как ни странно, у меня обнаружились недюжинные способности к иностранным языкам. Я их выучил уже немало. Кроме того, мне приходится заниматься классификацией всяческой дребедени, которую сюда доставляют из разных миров. Ну, я вам говорил — вплоть до игрушек.

— Надеюсь, вы понимаете, что мы не собираемся тут долго задерживаться? — спросила Джилл.

— Этикет, — сказал Декер, — требует, чтобы вы поговорили со Смоки и, пожалуй, ещё с некоторыми пузырями. Если вы откажетесь, они очень обидятся. По-моему, вы их очень заинтересовали. Я буду присутствовать на беседе в качестве переводчика.

Глава 55

Попрыгунчик скакал не переставая, издавая мерзкий шлёпающий звук.

«Шмяк, шмяк, шмяк, — звучало непрестанно. — Шмяк, шмяк, шмяк!»

— Хоть бы ненадолго прекратил свои прыжки, — прошелестел Сноппи. — И что он все скачет как заводной? Присел бы, отдохнул.

— А пусть себе прыгает, — любовно проговорил Смоки. — Вечно ты к нему придираешься.

— Он меня нервирует, — сказал Сноппи.

— А Декера почему-то не нервирует, — возразил Смоки. — Декер на него никогда не жалуется.

— Декеру не приходится столько времени с Попрыгунчиком находиться, — прошуршал Сноппи. — И Декер, кстати, не такой твой близкий друг, как я. Я — твой самый лучший друг. Я все время рядом с тобой. Декер все время бегает туда-сюда. Вот если бы Декеру пришлось жить рядом с Попрыгунчиком, как мне, я бы посмотрел тогда…

«Шмяк», — прыгнул в очередной раз Попрыгунчик.

— И никогда не останавливается, ни днём ни ночью, — продолжал нудить Сноппи. — Скачет и скачет! А ведь у нас триада — ты, я и Декер. А он нам на что сдался? Нас же было трое, почему же стало четверо, а?

— Да, у нас триада, — сказал Смоки. — И не пытайся меня провоцировать. Думаешь, можешь поймать меня на слове? Ты отлично знаешь, что Попрыгунчик — не один из нас. Для меня он вроде домашней зверушки. Знаешь, я тебе честно сказку: если бы ты не ворчал все время, а Декер подольше оставался бы с нами, не понадобилась бы мне эта зверушка. Но она у меня есть, и я к ней привык, полюбил Попрыгунчика, и…

Сноппи прошипел что-то нечленораздельное.

— Что-что? — переспросил Смоки. — Ну-ка, повтори.

— Я сказал, что ты не просто полюбил его. Ты с ним сроднился, вот что, а я на это не способен, и Декер тоже. Думаешь, почему Декер столько бегает? А потому, что не в силах глядеть на эти бесконечные скачки.

«Шмяк, шмяк, шмяк», — сутки напролёт. Ни минуты покоя. Просто с ума можно сойти!

— Он принесёт нам удачу, — заявил Смоки. — Он не простая зверушка. Он — талисман.

— На что тебе талисман сдался? — жалобно прошелестел Сноппи. — Говоришь тебе, говоришь, а ты все отмахиваешься. Ни на минутку прислушаться не желаешь. Всем жалко тебя. Ты уже всех друзей в Центре растерял. Не хочешь меня послушать, не хочешь… Раз уж ты главный в Центре, надо же что-то делать!

— При чем тут Центр? Разве дело в Центре? Ты со мной, и Декер со мной. Вы за меня, и…

— Ну вот, завёл шарманку, — прошипел Сноппи. — И как я с тобой уживаюсь, просто диву даюсь. Доведёшь ты нас всех до беды, ох доведёшь! Ты и мечтания твои проклятые. Если и Декер от тебя отойдёт…

— У Декера есть глаза, — сказал Смоки. — Он видит то же, что и я. А ты…

— Пускай у Декера есть глаза, а у меня зато есть здравый смысл. Я знаю такое, чего Декеру знать не дано.

«Шмяк, шмяк, шмяк», — скакал Попрыгунчик.

— До сих пор никто никогда не отваживался даже приблизиться к Центру, — продолжал Сноппи. — И не вздумай говорить, будто тебя это ни капельки не тревожит. Помалкиваешь — думаешь, что очень хитрый. Но другие-то тоже не дураки. Они просто ждут, когда ты сделаешь

опрометчивый шаг, а потом скинут тебя. Скинут-скинут, не сомневайся, и разделаются с тобой скоренько, даже охнуть не успеешь.

— Когда три существа образуют триаду, — попытался защититься Смоки, — которая является обязательным способом существования для нашего образа жизни — наилучшим способом, как доказал многолетний опыт, они лояльно относятся друг к другу. Они не терзают друг друга, не издеваются, не подшучивают. Они не позволяют себе…

— Это я к тебе не лоялен? Уж так лоялен — лояльней некуда! — возмутился Сноппи. — Я просто стараюсь, как могу, отвести от нас беду. Почему ты меня не слушаешь?

— Да слушаю я тебя, слушаю… Слушаю без конца.

— Слушаешь, может быть, да не слышишь. Ты просто спятил от своих мечтаний о славе. Здравый смысл тебе уже недоступен. А теперь ты размышляешь о том, как тебе использовать этих пришельцев с наибольшей выгодой для себя. И не говори, пожалуйста, что это не так!

— На их воспроизведение уйдёт много времени, — сказал Смоки задумчиво. — Интересно, нельзя ли найти более быстрый метод?

— Да, это скоро не получится, — подтвердил Сноппи. — Слишком много фактов придётся учесть.

— Я подумывал, не использовать ли оригиналы, — сказал Смоки, — и не ждать воспроизведения. Но это может оказаться небезопасно. Другие, эти, похожие на кубики, — я про них ничего не знаю, но люди — существа чувствительные. А ведь за все то время, что Декер у нас, только эти двое и появились. И все-таки я чувствую сильное искушение…

— Ты рассчитываешь на то, что они идентичны Декеру? Не стоит, честное слово. Это большой риск. Индивидуумы внутри одного вида могут иметь большие различия, и потом, Декера мы подвергли солидной ревизии.

— Советуешь не торопиться?

— Конечно советую.

— Ты вечно советуешь мне быть осторожнее, не рисковать. До чего мне надоела твоя предусмотрительность, если бы ты знал!

— Это ты как хочешь, — прошипел Сноппи. — Просто я привык немножко вперёд заглядывать. Посуди сам, разве можешь ты быть уверен, что эти двое похожи на Декера? У них могут оказаться совершенно разные темпераменты, и уровень

интеллекта ещё неизвестно какой. По одному индивидууму трудно судить, что за птица — человек. Декер, на счастье, оказался существом, способным к сотрудничеству. С ним можно договориться. А эти двое могут такими не оказаться.

— Ладно, — буркнул Смоки, — подождём, поглядим. Уговорил.

«Шмяк! Шмяк! Шмяк!» — скакал Попрыгунчик.

Глава 56

— Ох, не знаю, не знаю… — с сомнением проговорила Джилл и покачала головой. — Этот Декер…

Теннисон прижал палец к губам. Джилл огляделa комнату. Никого и ничего. После ухода Декера они были в полном одиночестве.

— Вот интересно, где Шептуна носит? — спросил Теннисон. — Не похоже на него — совсем нас бросил.

— Может быть, он отыскал своих родственников, — предположила Джилл. — Декер же сказал, что тут есть пыльники. Наверное, болтает с ними. Они ведь так давно не виделись.

— Мне бы хотелось, чтобы он вернулся поскорее, — признался Теннисон. — Мне надо кое о чем спросить его.

— Значит, и ты чувствуешь что-то такое…

— Да, Джилл, чувствую.

Они сели рядышком на диван. Комната как комната, ковёр как ковёр. Картины на стенах даже казались знакомыми. Если бы мысленно перенести эту комнату в Ватикан, то и там в ней

все было бы на месте. Но все-таки было тут что-то чужеродное, пугающее, неприятное.

Теннисон протянул руку, и Джилл взяла его ладонь в свои. Они сидели рядом, держась за руки, словно двое маленьких детей, одинокие, неуверенные в себе, беззащитные перед лицом угрозы, таящейся в уголках чужого пустого дома с привидениями.

Джилл хотела что-то сказать, но Теннисон крепко сжал её руку. Она сглотнула комок в горле и промолчала. И прошептала мгновение спустя:

— Джейсон, Шептун вернулся. Он снова с нами.

— Шептун! — позвал Теннисон.

— Я здесь, — ответил Шептун. — Простите, что покинул вас. Но я нашёл пыльников. Здесь есть пыльники, представляете?

— Иди к нам, Шептун, — позвала Джилл. — Иди скорее. Давай поговорим втроём.

Шептун послушался. Скоро Джилл и Джейсон почувствовали его присутствие в сознании.

— Понимаешь, — начала Джилл, — нам кажется, что тут что-то не так. Декер не тот. Не такой.

— Я не был уверен, что ты это заметила, — сказал Теннисон. — Но могу твёрдо сказать: Декер не тот, которого я знал в Ватикане. А ты что ска-

жешь, Шептун?

— Он не тот Декер, которого я знал, — согласился Шептун. — Он Декер, но другой.

— И ещё он солгал нам, — сказала Джилл. — Сказал, что не знал о Мэри, покуда мы ему не рассказали. Но это ложь. Это невозможно. Центр уделяет огромное внимание своей безопасности. Мэри дважды проникала сюда, не подозревая, что она — шпионка. Она просто делала своё дело. Первый раз они, может быть, её и упустили, но второй раз они уж точно её заметили, потому что применили к ней свою систему психологической защиты, чтобы отпугнуть. Конечно, они не разобрались, кто она такая, потому что кому пришло бы в голову бояться Мэри?

— Да, ты права, — сказал Теннисон. — Наверное, они собрали о ней кое-какую информацию. И, наверное, не слишком много. К тому же явно неудовлетворительного качества, поскольку имели дело не с живой Мэри, а с тем, что представляет собой Слушатель, когда отправляется в другие миры и пространства. Но ты права, Джилл. Они знали о ней и кое-что получили-таки. И что бы они ни получили, это наверняка заставило их призадуматься. И, судя по тому впечатлению, которое произвёл на меня здешний Декер, судя

по тому положению, которое он тут занимает, он наверняка должен был знать про это.

— Не наболтали ли мы Декеру лишнего, Джейсон?

— Может быть. Не знаю. Нужно же было что-то ему рассказывать. Может быть, поначалу мы и чересчур много ему рассказали. До того, как я стал примечать, что он какой-то не такой. Я это только почувствовал, не более. Но с Мэри он явно оплошал. Все остальное было в полном порядке, но тут промашку дал. И есть в нем что-то такое, чего не было в прежнем Декере. Ты помнишь, что мы ему рассказали?

— Гораздо лучше я помню, чего мы ему не рассказали. Мы ни словом не обмолвились о роботах. Так что он, по всей видимости, понял, что Ватикан — учреждение, в котором работают люди. Мы не говорили также о религиозном уклоне изысканий. Мы не объясняли ему, откуда взялось название «Ватикан». Мы не говорили ему, что Мэри думала, будто нашла Рай. Следовательно, можно надеяться, что он пребывает в убеждении, будто Ватикан научное учреждение типа здешнего Центра.

— Даже если и так, — вступил в разговор Шептун, — то это его наверняка потрясло. Весь Центр

потрясло, я думаю. Представляете себе их удивление: узнать, что в Галактике есть ещё один Центр!

— Послушай, но неужели нам действительно удалось попасть сюда так, что они об этом не знали, то есть не знали до тех пор, пока мы, так сказать, не ступили на твёрдую землю?

— Уверен.

— Но когда мы попали сюда, нас, естественно, обнаружили сразу. Первая же сороконожка о нас сообщила.

— Больше всего меня волнует то, что они уже наверняка сделали наши снимки — как бы ни называлось то, чем они занимаются. Следовательно, сейчас они уже запросто могли реконструировать новых Джилл и Теннисона, кубоиды…

— А слышать нас сейчас они не могут?

— Думаю, нет, — ответил Шептун.

— Но здесь же есть пыльники. Значит, Центру известно, как они ведут себя и как разговаривают?

— Пыльников тут теперь уже мало осталось, — ответил Шептун. — А иногда их тут и совсем нет. Мой народ, по сути дела, к Центру не относится. Они консультируют Центр в случае появления чего-то нового, что может оказаться интересно

для них. А что касается воссоздания пыльника, я сомневаюсь, что им это удастся. Ведь мы, в конце концов, всего лишь беспорядочная масса молекул и атомов.

— Значит, пыльники в каком-то смысле эксплуатируют Центр?

— Можно и так сказать. Сотрудничества, во всяком случае, не было и нет. Мой народ слишком сильно рассеян по Галактике.

— Жаль, что я доверился этому Декеру поначалу, — посетовал Теннисон. — Я так обрадовался, когда его увидел! Увидеть старого друга в таком неожиданном месте… Я говорил с ним, как с прежним Декером. И конечно, был слишком откровенен. А потом понял, что этот совсем из другого теста. Любезный такой. Декер сроду таким обходительным не был. И потом, Декер-2 солгал несколько раз — я уверен, что солгал. Солгал, что ничего не слыхал о Мэри, солгал, что информация о нем хранилась в файлах лет сто, пока его не воссоздали. А я уверен, что пузыри реконструировали его немедленно. Наверняка они безумно хотели узнать, что за существо свалилось на них из космоса.

— Мне кажется, я понимаю, почему он так изменился здесь, — проговорила Джилл. — Целых

сто лет, а скорее всего, все двести, он был подвержен воздействию Центра. Он сроднился с этим местом, принял здешние воззрения, впитал здешнюю информацию, философию. Не знаю, есть ли тут какая-то общая философия, но мне почему-то кажется, что есть. Ему кажется, что с ним все в порядке, что он обрёл своё место под солнцем, назначенное судьбой. Он — член… как он это назвал? Триады, кажется? Он в триаде с этим пузырём, которого зовёт Смоки. Он и ещё этот дурацкий сноп. Декер-2 — не тот человек, которым был когда-то. Ему, вероятно, пришлось сильно измениться здесь, чтобы выжить. И нельзя винить его за это. Он делал то, что был вынужден делать. Конечно, Джейсон, он совсем непохож на того Декера, о котором ты мне рассказывал. Твой Декер не пытался приспосабливаться — ни к кому и ни к чему. Жил как хотел, и плевать ему было на то, как живут другие.

— Ты сказала «триада»? — спросил Шептун. — Если не ошибаюсь, это значит, «три»?

— Да, это значит «три».

— Но ведь их больше, чем три, — сказал Шептун. — Я считать умею. Их четверо.

— Четверо?

— Да, четверо. Ещё Попрыгунчик.

— Попрыгунчик. Это что, та штуковина, вроде осьминога, которая там все время прыгала?

— Да, это он. Он — часть Сноппи, и Декера, и пузыря.

— О Господи… — прошептал Теннисон. — Но откуда тебе это известно?

— Известно. Не знаю откуда, но известно. В общем, пузырь и Попрыгунчик очень тесно связаны друг с другом.

— Давайте попробуем подытожить, — предложил Теннисон. — Мы здесь. Мы нашли это место, и это не Рай. Нам нужно вернуться в Ватикан и рассказать, что это не Рай. Но как мы можем это доказать? Просто сказать — чепуха, нам никто не поверит. А у нас нет времени околачиваться тут, искать вещественные доказательства.

— Да, нам нужно уходить, — согласилась Джилл. — Шептун, можешь отнести нас домой?

— А как быть с кубоидами?

— За них волноваться не стоит. Они найдут дорогу обратно. Если захотят.

— Думаешь, не захотят? А-а-а… понимаю! Они томились в доме престарелых и в кои-то веки выбрались на свободу.

— Значит, мы должны думать только о себе, — резюмировал Теннисон. Меня беспокоит только

одно: сколько времени уйдёт на добывание доказательств и насколько опасно промедление. Как только пузыри воссоздадут другую Джилл и другого меня, они могут нас прикончить. А новыми нами могут воспользоваться, чтобы проложить себе дорожку в Ватикан.

— Но почему обязательно так? — спросила Джилл. — Мы тут сидим, дрожим, боимся пузырей. А может быть, все совсем не так обернётся. Ведь этот Центр и Ватикан заняты примерно одним и тем же. А вдруг они захотят объединиться с Ватиканом?

— Представляю, в каком восторге будет Ватикан от подобного альянса! — воскликнул Теннисон.

— Это я так, чтобы успокоиться немножко, — объяснила Джилл. — Ищу соломинку. А чувствую на самом деле то же самое, что и ты. Очень, очень может быть, что они недобрые.

— Во-первых, — сказал Теннисон, — я заметил, что Декер очень заинтересовался нашими Слушателями. Много вопросов о них задавал. Он, правда, разглагольствовал о том, что, дескать, методика сбора информации у Центра более совершенна, чем у Ватикана. Ерунда. Ватикан на много световых лет ушёл вперёд, и эта шайка пузырей с удовольствием наложила бы свои

грязные ру… не знаю что, но наложила бы — на Слушателей.

— Но, послушай, — вмешалась Джилл, — они ведь уже давным-давно должны были знать о существовании Ватикана! Задолго до нашего появления. Вспомни записи Феодосия. Там же чётко и ясно написано, что разведывательный отряд пузырей посетил Ватикан.

— Да, помню, — согласился Теннисон. — Я об этом думал. И ещё о том, что Декер-2 рассказал нам о методике сбора данных. Но разведывательных вылазок у пузырей великое множество. Они доставляют в Центр тонны информации. Они просто вынуждены относиться к собранным данным избирательно. Сразу изучают, видимо, только то, что представляется особенно важным. Так что, не исключено, что информация о Ватикане до сих пор покоится в файлах памяти нетронутой. Ватикан ведь внешне не слишком впечатляет. Если пузыри до тех пор ни разу не видели роботов, то и не задумывались о том, каковы их возможности и способности. Насколько мне известно, кроме людей в Галактике, ни одна цивилизация роботов не производит. Так что пузырям робот мог показаться просто машиной, грудой металла. Пробыли они на Харизме недолго, так что, скорее

всего, это был всего-навсего одноразовый облёт планеты. И ещё: вспомните, в записях Феодосия сказано, что тот, кто смотрел на него, выражал взглядом искреннее презрение.

— Но это не более чем личное впечатление Феодосия, — возразила Джилл. — Нельзя на это полагаться.

— А я так не думаю. Робот-кардинал должен быть точен и проницателен.

— Хотелось бы верить, что ты прав, — сказала Джилл.

— Ну так что? — спросил Шептун. — Вы хотите сейчас отправиться домой? Я готов перенести вас. Я и сам, честно говоря, не прочь вернуться.

— Мы не можем вернуться просто так, — ответил Теннисон. — Мы просто обязаны добыть доказательства. Иначе будет просто пустая трата времени. Нам нужно совершенно железное доказательство.

— Вы подвергаете себя опасности, — предупредил Шептун. — В этом месте я чувствую угрозу.

— Как бы хотелось, — сказал Теннисон, — получше разобраться в том, что здесь происходит. Декер утверждает, что здесь — исследовательский центр, и я склонен ему верить. Но главное — мотивы исследований. Большинство ис-

следовательских центров — тех, где работают люди, — добывают знания ради самих знаний. В Ватикане добывание знаний ведётся ради достижения веры, исходя из убеждения в том, что вера происходит из знаний. Но есть ведь и другой мотив: добывание знаний ради власти. Боюсь, что побудительный мотив деятельности здешнего Центра именно таков. Декер обмолвился, что они мечтают расширить масштабы исследований за пределы Галактики. Кто знает, может быть, это означает, что их интересуют знания не сами по себе, а только как средство к достижению власти и господства над миром.

— Может быть, — согласилась Джилл. — Но стремление к власти, как правило, предполагает наличие политической организации. Как ты думаешь, управляют ли здесь политическими методами?

— Узнать невозможно, — ответил Теннисон. — А времени выяснить у нас нет. Сама понимаешь.

— Понимаю, — сказала Джилл. — Все понимаю. Понимаю, что нам нужно вернуться с доказательством. И знаю, что именно можно взять с собой. Одну из сороконожек. Если мы принесём с собой сороконожку, богословы вынуждены будут признать, что это не Рай. В Раю сороконожки не

живут.

— Я сожалею, — вмешался Шептун, — но не смогу транспортировать сороконожку. Вес её превышает мои возможности. У меня сил не хватит.

— Ну, хорошо, если это отпадает, — сказала Джилл, — разве нельзя теперь, когда мы знаем, где находится это место, прислать сюда Слушателей? Они добудут доказательства: все будет запечатлено в кристаллах.

— Не пойдёт, — покачал головой Теннисон. — В первый раз пузыри упустили Мэри. Она попала сюда, была сражена тем, что увидела и вернулась ещё раз. В первый раз она все увидела мельком, не подробно. При повторном посещении она, вероятно, надеялась, как и мы теперь, добыть какое-нибудь доказательство. Но во второй раз её тут заметили, поэтому напугали и выгнали. Так что теперь они прекрасно умеют распознавать Слушателей и ни за что не позволят им ещё раз сюда проникнуть.

— Эх, если бы мы сами могли записать здесь кристалл…

— Пустой разговор. Мы же не Слушатели.

— Но нас они впустили, — задумчиво проговорила Джилл. — Как же так? Они наверняка впустили нас сами. Могли бы остановить, напу-

гать, выгнать, как Мэри.

— Ты ошибаешься, — сказал Шептун. — Обитатели математического мира внедряются в другие миры не так, как Слушатели. Кубоиды доставили нас сюда без ведома здешних обитателей. Нас заметили, когда мы уже были здесь. Один раз это получилось, но не уверен, что ещё раз удастся. Они поймут, что в системе их защиты существует брешь и предпримут меры.

— Ну, что ж… — проговорил Теннисон. — Итог таков: другой возможности попасть сюда не предвидится. В качестве доказательства нам взять с собой нечего. Наше слово — это все, что мы можем унести с собой, а слову нашему богословы не поверят. К тому же, что бы мы с собой ни принесли, они с пеной у рта будут орать, что мы это взяли не в Раю, а подобрали где-нибудь по дороге.

— Хочешь сказать, — спросила Джилл, — что мы зря сюда прибыли?

Что Теннисон мог ответить? «Что ответить?» — спрашивал он себя и не находил ответа. Мог ли их рассказ обо всем, что они тут успели увидеть, помочь Феодосию и его сторонникам продолжить борьбу и удержать богословов от решительных действий? Поможет ли это сохранить Ватикан и Поисковую Программу?

«Если шанс и есть, — думал он, — то очень маленький, слишком ненадёжный. И почему нам не пришло в голову продумать все заранее? Разве мы не понимали, что нужно обязательно вернуться с доказательствами? Будь у нас хоть немножко больше времени, мы бы что-нибудь придумали…»

Однако создавалось впечатление, что времени у них крайне мало. Здесь было опасно — почему именно, судить было трудно, но Теннисон ощущал опасность. И Шептун говорил об этом.

«Провал, — думал он. — Полный провал. Мы осуществили свою миссию и с блеском провалились».

Но что он мог сделать? Что могла сделать Джилл? Что могли сделать они все? Гораздо легче было ответить, чего они не могли, не имели права делать. Они не могли позорно, трусливо, поджав хвост, удрать отсюда — по крайней мере пока.

— Если бы мы могли послать хоть какую-то весточку Феодосию… — нарушила молчание Джилл. — Сообщить о том, что мы здесь и что это не Рай.

— Я могу доставить весточку, — предложил Шептун.

— Но кому ты её доставишь? Нет, ведь на Ха-

ризме не осталось никого, кто бы тебя услышал. Ни Феодосий, ни Экайер…

— Есть ещё глухоманы, — возразил Шептун. — С ними я могу разговаривать. А тот, что живёт повыше хижины Декера, может донести весточку Феодосию.

— Но ты нам нужен здесь.

— Я же быстро. Туда и обратно.

— Нет, — твёрдо сказал Теннисон. — Мы не хотим, чтобы ты уходил даже ненадолго. Ты нам тут можешь понадобиться.

— Ну, тогда… я могу попросить другого пыльника, одного из моих сородичей. Он сделают это для меня. Я забыл, говорил ли вам, что тут есть ещё пыльники?

— Да, говорил, — кивнула Джилл.

— Вот и хорошо. Значит, решено, я попрошу одного из них.

Глава 57

Когда явился монах и запинаясь сообщил, что по эспланаде поднимается глухоман, Феодосий поднялся и пошёл встретить его.

Выйдя к базилике, Феодосий увидел, что глухоман уже совсем близко. Он подкатился к подножию лестницы, перестал вращаться и опустился на мостовую. Тут же раздался гул, на фоне которого послышались слова:

— Я решил нанести тебе ответный визит, — сообщил он.

— Я вам крайне признателен, — ответил Феодосий. — Это очень любезно с вашей стороны. Нам вообще следует почаще видеться.

— И ещё я принёс тебе весть, — сказал глухоман. — Мне поручено передать тебе послание, которое мне доставил пыльник.

— Пыльник? Шептун Декера?

— Нет, не Шептун. Другой пыльник. Один из тех, кто давным-давно покинул это место, а теперь он счастливо вернулся домой. Мы уже отчаялись когда-нибудь увидеть хоть одного из них. Мы ведь, как ни странно, считали их своими

детьми. Теперь один из них вернулся домой. Мы надеемся, что и другие вернутся.

— Я искренне рад за вас, — сказал Феодосий. — Но вы сказали, что пыльник принёс известие.

— Это известие велено передать тебе, кардинал. Теннисон и Джилл добрались до Рая, но это не Рай.

— Хвала Всевышнему! — воскликнул кардинал.

— Тебе не хотелось, чтобы это был Рай?

— Мы, некоторые из нас, всей душой надеялись, что это не так.

— И ещё, — добавил глухоман. — Джилл и Теннисон скоро вернутся.

— Когда?

— Скоро, — ответил глухоман. — Они вернутся скоро.

— Прекрасно. Я буду ждать их здесь.

— Я позволил себе, — продолжал глухоман, — назначить место для их встречи. Встреча произойдёт здесь, на эспланаде.

— Но как они узнают, что мы будем ждать их именно здесь?

— Пыльник вернулся в это место, в этот не-Рай, чтобы сказать им об этом. Я решил, что мы с тобой будет ждать их здесь, чтобы приветствовать.

— Да. Будем ждать.

— У меня достаточно терпения для долгого ожидания.

— И у меня достаточно. И потом, нам нужно о многом поговорить. Я часами готов говорить с вами.

— Прими мои извинения, — сказал глухоман, — но долго говорить по-вашему мне трудно.

— Ну, что ж, в таком случае давайте вместе молчать. Может быть, мы сумеем понять друг друга и без слов.

— Прекрасная мысль, — согласился глухоман. — Давай попробуем.

— Если вы не против, — сказал кардинал, — мне хотелось бы сходить за табуретом. Глупо, конечно, что роботу нужен табурет. Но я привык сидеть на табурете. Просто когда я навещал Джилл в библиотеке, я всегда сидел на табурете. Я понимаю, привычка глупая, но…

— Я подожду. Иди за своим табуретом.

Он остался на эспланаде, а Феодосий отправился за табуретом.

Глава 58

Сноппи снова уснул. Он спал подолгу, а может, просто сидел с закрытыми глазами — всеми тринадцатью. Сноппи передвигался так мало и так редко, что, когда глаза его были закрыты, трудно было понять, спит он или просто отгородился от мира.

«Скучно ему», — подумал Смоки. Порой он чувствовал сильное искушение избавиться от Сноппи, но, поразмыслив, решил, что лучше оставить его при себе. Сноппи был зануда и брюзга, но в мудрости ему отказать было трудно. А уж найти второго такого, как он, и вовсе невозможно. И потом, если уж кто-то с кем-то объединялся в триаду, такую связь разорвать было практически невозможно. На создание безукоризненно сосуществующей триады уходило так много времени, а Сноппи был рядом так давно, что Смоки не мог вспомнить, когда они познакомились.

«Мы соединились друг с другом, — думал Смоки, — проросли друг в друга корнями. Но нет между нами чего-то, хотя бы отдалённо напоминающего настоящую, глубокую привязанность.

Мы неделимы потому, что Сноппи ни за что на свете не допустит, чтобы я прогнал его. Ему непременно нужен кто-то, к кому он прилепился бы, а один он не может, совсем не может. Он пропал бы один, вот и держится за меня. Он, конечно, может вечно ворчать, что, дескать, Попрыгунчик надоел ему до смерти своими скачками, он может грозить, что возьмёт да уйдёт из триады, но он никогда не пойдёт на это. Он отлично знает, что триада — главный залог безопасности и уверенности».

«Шмяк, шмяк, шмяк!» — скакал Попрыгунчик.

Сноппи спал, а Декера не было.

«Все время его нет, — жаловался Смоки самому себе, — а с ним интересно беседовать, у него такое богатое воображение, и всегда он так вежлив, обходителен. Но порой волей-неволей засомневаешься в том, что он предан главной идее триады. Оппортунист он, — думал Смоки, — хоть и притворяется. Он, конечно, останется здесь, деваться ему некуда. А если бы появилась возможность, только бы мы его и видели. Но такой возможности у него нет и не предвидится. Я — самый сильный пузырь в Центре, — с гордостью думал Смоки, — самый могущественный, а могущество моё основано на мудрости Сноппи и проныр-

ливости Декера. Я правильно и умно подобрал себе триаду. Но почему же, почему тогда порой меня так раздражают оба партнёра? Может быть, когда воссоздадут двух новичков, добавить их к триаде и создать квинтет? Решусь ли я на такое? Удастся ли мне? Это, конечно, будет откровенным нарушением традиции и здравого смысла, и меня будут беспощадно громить и критиковать на каждом углу, но плевать я хотел на критику. Только вот будет ли это мудро? Три Декера — не многовато ли? Но эти так называемые люди, похоже, сильные и умные, хоть и оппортунисты вроде Декера… Ну-ка, сложим: мудрость Сноппи да оппортунизм трех людей, это что же получится?

Надо хорошенько поразмыслить, — решил он. — Взвесить все «за» и «против».

«Шмяк, шмяк, шмяк!» — скакал Попрыгунчик.

«Собственно говоря — чего мне бояться? — продолжал размышлять Смоки. — Тетрада у меня фактически уже есть. Пока, по крайней мере, мне удаётся скрывать это, заявляя всем, что Попрыгунчик всего-навсего забавная игрушка, но, если дойдёт до дела, я скорее двух других прогоню, а Попрыгунчика себе оставлю. Пока все идёт хорошо. Никто ничего не подозревает, и ладно.

Но почему, — думал он, — я так ценю Попры-

гунчика? Он вовсе не так мудр, как Сноппи, не так смел, не такой фантазёр и изобретатель, как Декер, но именно он даёт мне силу и странное ощущение комфорта — такого, какого никто из моих сородичей никогда не знал».

Сноппи все ещё спал. Декер не приходил, все конусы ушли, а Смоки сидел один, то есть почти один. Попрыгунчик скакал и скакал, не ведая усталости. Дурацкие кубики, которые прибыли с двумя людьми и пыльником сам он пыльника, правда, не видел, но Декер сказал, что он здесь, — сбились в кружок на стоянке и вели между собой беззвучную беседу, яростно сверкая уравнениями и графиками.

«Как все-таки непредсказуемо многообразна Галактика! — думал Смоки. Сколько в ней форм жизни, и сколько ими выработано понятий! Одни из них совершенно бессмысленны, а в других таятся пугающие возможности. Но во всех этих понятиях можно отыскать логику, и стоит её только отыскать, каждое из них могло бы быть весьма, весьма полезно».

Центр и был тем самым местом, где можно разгадать смысл любых понятий. Это была цель работы Центра. Но когда загадки будут разгаданы, должен произойти следующий шаг, и заключался

он в том, чтобы употребить найденные разгадки на пользу.

«Кому на пользу? А себе! — мысленно хихикнул Смоки. — Лучше себе, чем никому. Я тут один понимаю, что к чему, и смогу сделать, как лучше. Со мной Сноппи, и Декер, и Попрыгунчик, который говорит мне, что я все делаю правильно, и я смогу верно применить все знания, которые накоплены в Центре за многие тысячелетия. Да, для себя. А что? Кто-то думает, что меня можно свергнуть, но нет, не выйдет. Только я сумею повернуть все перспективы себе на пользу. Воображаю, как они все будут ошарашены, когда узнают, что я задумал!

Сначала — Галактика. А потом — Вселенная. Сначала — Галактика, потом — Вселенная.

Пускай потом спохватятся, будут вопить, проклинать все на свете. Сами виноваты — упустили кое-что, так, самую малость. А я не упустил. Они слишком горды, слишком самонадеянны, а потому и не способны разглядеть простую истину, не способны даже мысли допустить, что могут ошибаться.

За долгие тысячелетия Центр обнаружил сотни — нет, тысячи религиозных систем. Как ни трудно было, их все-таки изучили. Мало того,

были проведены эксперименты, которые с треском провалились: все системы были признаны бессмысленными. Неопровержимо доказали не только то, что все божества ложны, но было сделано гораздо более жёсткое заключение: никаких богов не существует вообще — ни слабых, ни сильных, ни истинных, ни ложных. Все религиозные системы были классифицированы как элементарный самообман, самообман добровольный, которым тешили себя слабые цивилизации. Им необходимо было убежище, укрытие от горькой правды реальности, от бесстрастной, неопровержимой истины, которая заключалась в том, что во всей Вселенной никому нет дела до них».

Попрыгунчик шлёпнулся на пол прямо перед Смоки и вместо того, чтобы скакать туда-сюда, принялся подпрыгивать на одном месте. «Шмяк, шмяк, шмяк», — прыгал он невысоко и быстро-быстро.

Глядя на него, зачарованный равномерностью однообразного движения, Смоки оставил размышления и почувствовал, как им овладевает невиданное удивление. Удивление переросло в поклонение, подобострастие — все эти чувства соединились внутри него и придали ему силы. Охваченный порывом чувств, он подумал, что

все так и должно быть, что сила и власть должны идти рука об руку с поклонением и страстью. И это порадовало его, потому что власть была нужна ему больше всего на свете. Говорили, будто сила, власть — это зло и осуществлять власть — значит творить зло, но это было не так, и те, кто так говорил, жестоко ошибались. Ошибались, потому что думали, что богов нет. А он нашёл своё божество, и оно было его собственным божеством, и принадлежало только ему. Настанет день, пробьёт час, и его божество даст ему силы, чтобы он смог осуществить свои планы. Когда настанет час сделать решающий шаг, у него будет и сила, и могущество.

«Поклонись мне!» — потребовало божество.

И он поклонился своему божеству. Так был заключён их союз.

«Шмяк! Шмяк! Шмяк!» — запрыгал Попрыгунчик ещё резвее.

Глава 59

Смоки восседал на возвышении. Теперь Теннисон разглядел его более внимательно, чем в первый раз, и пришёл к выводу, что пузырь — совершенно замечательное существо. Смоки был по-своему красив. Очертаниями он скорее напоминал яйцо, чем идеальную сферу, и его наружная скорлупа если это была скорлупа — поблёскивала, как перламутр, отбрасывая радужные блики. Ямка на обращённой к ним поверхности была затуманена и походила на кусочек неба, которое заволокло дождевыми тучами — серыми, пушистыми, — а когда тучи рассеивались, за ними было видно лицо. Это было смешное, примитивное карикатурное лицо — так рисуют маленькие дети, которые впервые взяли в руки карандаш.

По одну сторону от Смоки сидел Сноппи, гораздо больше похожий на настоящий сноп, чем на живое существо. Порой среди кучи соломинок нехорошим блеском сверкали многочисленные глазки. По другую сторону стоял Декер-2. Приглядываясь к нему, Теннисон мучительно пытался

отыскать в его облике хоть что-то не напоминавшее с такой силой прежнего, настоящего Декера. Но отыскать не мог — это был оживший Томас Декер. Перед Смоки туда-сюда носился Попрыгунчик.

Вдоль стен комнаты стояли конусы — убийственно чёрные. «Что за птицы? — подумал Теннисон. — Явно какие-то прислужники. Охранники, наверное… Чушь! Кого охраняют и от кого?»

Внутри сознания Теннисона заговорил Шептун:

— Не оглядывайся. Только что вошли кубоиды.

— Ты хотя бы приблизительно представляешь себе, что происходит? — спросила Шептуна Джилл.

— Не очень, — признался Шептун. — Это аудиенция, но какова её цель, я пока не понял. У пузыря, похоже, ничего хорошего на уме нет. И ещё: следите повнимательней за Попрыгунчиком.

— За Попрыгунчиком? — удивилась Джилл.

— Попрыгунчик тут главный, вот увидите.

Декер обратился к Теннисону:

— Смоки приветствует вас и желает узнать, хорошо ли с вами обращались. Нет ли у вас ка-

ких-нибудь пожеланий?

— Обращались с нами хорошо, — ответил Теннисон. — А пожеланий у нас никаких нет.

Пузырь издал утробные, булькающие звуки.

Декер сказал:

— Он говорит, что пыльник должен покинуть помещение. Он не любит пыльников и не хочет, чтобы он тут находился.

— Скажите Смоки, что пыльник останется здесь.

— Позвольте предупредить вас, друг мой, — покачал головой Декер, — что это очень, очень неразумно.

— И тем не менее, прошу вас, переведите ему, что пыльник никуда не уйдёт. Он — один из нас.

Декер перевёл Смоки сказанное, и пузырь что-то пробурчал. Глаза его сверкнули как молнии, глядя на Теннисона в упор.

— Ему это не нравится, — перевёл Декер. — Но в надежде на согласие и плодотворную беседу он позволяет пыльнику остаться.

— Один-ноль в нашу пользу, — прошептала Джилл. — Не так уж он несговорчив и непоколебим.

— Не обольщайся, — посоветовал Теннисон. А вслух сказал: — Благодарю вас. Скажите Смоки,

что я его благодарю.

Смоки снова забулькал, и Декер перевёл:

— Мы рады, что вы прибыли к нам. Мы всегда рады встрече с новыми друзьями. Задача Центра — сотрудничество со всеми формами жизни в Галактике.

— Мы рады, что оказались здесь, — коротко ответил Теннисон.

Смоки забулькал, Декер перевёл:

— А теперь вручите свои верительные грамоты, где указана цель вашего любезного визита.

— У нас нет никаких верительных грамот, — ответил Теннисон. — Мы никого не представляем. Мы прибыли как независимые члены галактического сообщества. Мы обычные путешественники, туристы.

— Тогда, может быть, — перевёл Декер очередную серию бульканий, — вы не откажетесь любезно сообщить нам, как вы нас разыскали.

— Нет ничего проще, — улыбнулся Теннисон. — Кому в Галактике не известно могущество и великолепие Центра?

— Он смеётся над нами, — пробулькал Смоки Декеру. — Он над нами издевается, хочет нас подразнить!

— Сомневаюсь, — ответил Декер. — Он ведь

простой варвар. А у варваров принято так разговаривать.

— Тогда скажите, с какой целью вы прибыли? — спросил Смоки у Теннисона. — Должна же у вас быть какая-то цель.

— Мы просто путешествовали, где хотели. Я же сказал — мы туристы. А туристы — народ любознательный. Вот и все.

— Ты слишком резок, — прозвучал в сознании у Теннисона голос Джилл. — Успокойся, не нужно дерзить ему.

— Он хочет выудить информацию, — ответил Теннисон. — А я не собираюсь ему ничего выкладывать. Мне совершенно ясно: он не знает, кто мы, откуда прибыли, и лучше оставить его в неведении на сей счёт.

— Друг, — сказал Декер, — вы ведёте себя не совсем верно. В знак вежливости и взаимной приязни разумнее было бы давать нам прямые, откровенные ответы.

— Они ещё не закончили воссоздание ваших копий, — сообщил Шептун. — Если бы закончили — не задавали бы вам никаких вопросов. Они могли бы получить ответы у воссозданных людей. Однако, похоже, пузырь торопится. Он не хочет ждать результатов воссоздания.

— А я и даю вам совершенно честные и откровенные ответы, — сказал Теннисон. — Если ваш друг желает узнать, где находится наша родная планета, то посоветуйте ему отыскать её другими средствами, поскольку я ему об этом рассказывать не собираюсь. Если он желает узнать, как мы сюда попали, он сможет выяснить это позднее, побеседовав с нашими дублями, но от нас он ничего не добьётся. Если хочет, может потолковать с кубоидами. Может быть, они ему что-нибудь расскажут.

— Зачем вы так? — укорил Теннисона Декер. — Вы же отлично знаете, что мы не умеем разговаривать с этими существами.

— О чем вы там! — пробулькал Смоки. — Ну-ка, Декер, переводи немедленно!

— Тонкости семантики, — ответил Декер. — Не волнуйся, я просто подыскиваю наилучший вариант перевода. Я отвык от человеческой речи. Потерпи.

«Шмяк, шмяк, шмяк! — шлёпал по полу Попрыгунчик. — Шмяк, шмяк, шмяк!»

— Не нравится мне все это, — прошелестел Сноппи. — Декер, что, черт подери, происходит? Почему ты не переводишь? Спелся с ними, что ли?

— Заткнись, — отрезал Декер. — Закрой свой соломенный рот.

— Ну вот, — злобно прошипел Сноппи. — Говоришь вам всем, говоришь, а толку — чуть. Декер, — проговорил он заискивающе, — мы же с тобой разумные существа, правда? Надо подумать. Давай отложим пока это дело, успеем ещё вернуться к разговору.

— Не желаю ничего никуда откладывать! — вмешался Смоки. — Мне нужны ответы, и немедленно! И есть способы получить их!

— Я не совсем уловил, в чем суть, — сообщил Шептун, — но, похоже, дело осложняется.

— Ну и пусть осложняется, — упрямо проговорил Теннисон.

— Имейте в виду, в случае чего мы можем исчезнуть в любой момент.

— Рано ещё, — сказал Теннисон. — Посмотрим, как все обернётся… Отдыхай пока.

Попрыгунчик подскакал к Смоки и принялся подпрыгивать на одном месте — вверх-вниз, вверх-вниз, резко, стремительно.

«Шмяк, шмяк, шмяк, шмяк, шмяк, шмяк!»

— Нельзя уходить, — проговорила Джилл. — Нельзя! Рано. У нас нет доказательств. А они нам нужны как воздух!

— Я скажу вам, как мужчина мужчине, как человек человеку, — обратился Теннисон к Декеру. — Вы должны меня понять, ведь вы человек, а кроме человека, никто этого не поймёт, ни одно существо на свете. Мы дали слово, понимаете? Мы поклялись, что попадём сюда и доставим домой доказательство того, что мы здесь побывали. Дайте нам такое доказательство чтобы никто не смог усомниться, — и отпустите нас. Если вы сделаете это, мы вернёмся. Даём вам честное слово, что вернёмся и ответим на все ваши вопросы!

— Да вы с ума сошли! — закричал Декер. — Чтобы я в это поверил? И как вы смеете торговаться?

— Декер! — квакнул Смоки. — Переводи! Немедленно! Приказываю тебе, повелеваю! Переводи, а то…

— Они отказываются отвечать на вопросы сейчас, — сказал Декер. — Они предлагают сделку. Договор.

— Что? Что ты сказал? Договор? Кому предлагают? Мне? Со мной торговаться? Да я их…

— А что такого? — прошелестел Сноппи, и глазки его весело засверкали. — Почему бы разумным существам и не поторговаться немножко?

— Не выйдет! — возмущённо булькал Смоки. — Думают провести меня? Самоуверенные

варвары!

— Было бы разумно пойти на кое-какие уступки, — посоветовал Декер. Я знаю людей, потому что сам человек, и я требую, чтобы ты не смел кричать на них и оскорблять их, более того, я требую…

Попрыгунчик скакал все быстрее и стремительнее. Шлёпки слились в единый, непрерывный звук, заглушавший слова Декера. Все выше и выше скакал Попрыгунчик — вверх-вниз, вверх-вниз, не удаляясь от Смоки, — и вдруг Смоки сам стал подпрыгивать! Да-да, подпрыгивать! Не так высоко, не так легко, как Попрыгунчик, но тоже довольно быстро, все выше и выше. Смотреть на это было страшно и противно.

— Думаю, — решительно сказал Шептун, — теперь нам пора.

— Нет! — упрямо отозвался Теннисон. — Нам нужны доказательства. Нельзя возвращаться с пустыми руками!

— Но ты не сможешь добыть никаких доказательств у этих маньяков. В любое мгновение они могут взорваться у нас на глазах.

— Смоки! — кричал Декер, пытаясь перекричать Попрыгунчика. — Смоки, ты не прав! Ты…

— Анафема! — проревел Смоки. — Анафема

всем! Всех проклинаю!

— Пора, — ещё более твёрдо сказал Шептун.

Теннисон попытался возразить, но возражать было уже поздно.

Но пока эта дикая сцена ещё была у него перед глазами, он успел заметить взгляд, который бросил на него Попрыгунчик: вспышку света, огня — но не горючего, а мертвенно-ледяного…

Глава 60

Слух о том, что происходит нечто чрезвычайное, быстро распространился по Ватикану. «Что-то происходит или вот-вот произойдёт!» — говорили одни. «Кардинал Феодосий-то сидит с глухоманом у лестницы возле базилики и ждёт чего-то. А чего?» — недоумевали другие. «А это слышали, самое новенькое? Джилл и Теннисон в Раю побывали и, того гляди, вернутся! Они принесут добрую весть, весть о том, что это действительно Рай. Они скажут нам, что Мэри не ошиблась, что она говорила нам правду!» — ликовали третьи.

Были и такие, кто пытался урезонить чересчур зарвавшихся. «Вы ошибаетесь, — твердили они. — Верить, что кто-то может побывать в Раю во плоти — это же полное противоречие со всеми установками Ватикана! Рай — это великая тайна, Рай — не от мира сего, он лучше и выше мира». А некоторые утверждали, что Джилл и Теннисон — посыльные, лазутчики Феодосия и других кардиналов, которые не верят, что Рай существует, или не хотят верить. «Что делать? — спрашивали

они. — Поверить им — значит распрощаться с поисками знания. Если Рай есть, значит, всякие знания — чушь, чепуха, пыль под ногами, полная никчёмность. Найдётся Рай — и никаких знаний не надо будет никому. Нужна будет только вера».

Садовник Джон спустился по лестнице от базилики и встал перед кардиналом как вкопанный.

— Ваше Преосвященство, — процедил он, — вы имели честь беседовать с Его Святейшеством?

— Имел, имел, — добродушно согласился Феодосий. — У кого из нас больше прав на такую честь, Джон?

— И в разговоре с ним вы обвинили меня в предательстве Ватикана?

— Да, — невозмутимо ответил Феодосий, — я обвинил тебя во вмешательстве в дела, к твоей компетенции не относящиеся.

— Сохранение веры — дело каждого из нас! — крикнул Джон.

— Согласен. А вот кражу кристаллов и убийство ни в чем не повинного человека я бы делом каждого называть не стал, — жёстко проговорил Феодосий.

— Вы меня в этом обвиняете?! — взвизгнул Джон.

— И ты имеешь наглость и дерзость отрицать,

что был инициатором и лидером богословской смуты? Ты берёшься утверждать, что это не ты затеял кутерьму с канонизацией Мэри?

— Это была не смута! — вскричал Джон, мотая головой. — Это была искренняя, честная попытка вернуть Ватикан назад, на тот путь, что вырабатывался в течение стольких лет! Церкви была нужна святая, и я подарил её Церкви.

— Для меня это была смута, — сказал Феодосий, глядя в глаза Джону. Ты поднял на дороге соломинку и вознамерился пощекотать ей в носу у Церкви. Ты — самонадеянный тупица. Ты думал, что рассказ безумной женщины поможет тебе осуществить святотатственные замыслы!

— Я бы воспользовался чем угодно, — гордо сказал Джон, — чтобы вернуть Ватикан на путь истины.

Он развернулся и быстро пошёл вверх по лестнице, но почти сразу остановился, обернулся и спросил:

— Вы потребовали от Его Святейшества, чтобы меня понизили в должности и осудили на послушничество, если окажется, что это не Рай?

— Именно так, — подтвердил Феодосий. — И будь уверен, я лично прослежу, чтобы это было исполнено.

— Сначала докажите, что это не Рай! — выкрикнул Джон. — А не докажете — то же самое будет с вами!

— Полагаю, что ты поменял нас ролями, — спокойно ответил кардинал. — Полагаю, это тебе, а не мне придётся доказывать, что место, где побывала Мэри — Рай.

— Как же так вышло, Ваше Преосвященство, что Рай стал вам так ненавистен?

— Ненавистен? Почему — ненавистен? Вовсе нет. Искренне надеюсь, что Рай существует. Только не такой, о каком мечтал ты.

Джон резко повернулся и пошёл вверх по лестнице не оглядываясь.

А слухи ползли и ползли…

«Видали? Кардинал Феодосий сидит на табуретке! Где это видано, чтобы кардинал на табуретке сидел? Я слышал, что это наказание, епитимья, что Его Святейшество наказал Феодосия и теперь он все время будет у всех на глазах на табуретке сидеть, точно вам говорю, не сойти мне с этого места!»

«А глухоман? Глухомана-то зачем принесло? Тут ему делать нечего! Нет, вы посмотрите, сидят рядышком, как закадычные дружки! Подумать только: кардинал, Его Преосвященство и хищный

зверюга. Ох-ох, не так тут все просто, помяните моё слово…»

Другие возражали: «Не забывай, это же тот самый глухоман, что принёс Декера и Губерта домой, и никакой он не зверюга, он умеет разговаривать, я сам слышал. Он добрый».

«Принёс домой! — всплёскивали руками первые. — А что ему ещё оставалось, подумай! Он же сам их, поди, и прикончил, как того молодого доктора!»

Слухи, слухи, слухи…

Ватикан начинал медленно сходить с ума.

Остановились все работы. Вокруг эспланады собирались толпы народа, но центральная часть площади оставалась пустой — почему-то, повинуясь какому-то неясному, необъяснимому инстинкту, все решили, что если что-то и произойдёт, то именно здесь. Лестницу, спускавшуюся от базилики, заполнили роботы. Дровосеки, сборщики урожая, пастухи, стригали, операторы паровых котлов — все побросали работу и собрались здесь. Люди из посёлка оставили домашние дела и взобрались на колокольню. Кому-то взбрело в голову раскачать колокола, поднялся трезвон — неритмичный, безумный — он продолжался до тех пор, пока сам кардинал

Феодосий не встал с табуретки и не взбежал по лестнице, чтобы отдать приказ прекратить это безобразие. Пришли даже некоторые из Слушателей, которые крайне редко показывались на людях, но тут и они не выдержали. Поспешно сформированная бригада техников, лишённая всякого руководства, водрузила на фасад базилики громадный видеоэкран и подсоединила его к одной из тех комнат, где Папа давал аудиенции. Через несколько минут на экране появилось бесстрастное, неподвижное лицо Папы. Он молча присоединился к ожидавшим.

Ничего не происходило. Шли часы, а ничего не происходило.

Постепенно шумевшая, гудящая и перешёптывающаяся толпа умолкла. Все застыли в ожидании. Казалось, даже солнце в небе остановилось, прервав свой путь к закату. Напряжение росло с каждой минутой.

— Вы не могли ошибиться? — спросил Феодосий у глухомана. — Не было ли в послании ошибки?

— Я передал все, как было в послании, слово в слово, — ответил глухоман.

— Значит, что-то случилось, — встревожено проговорил Феодосий. — Я чувствую, случилось что-то нехорошее.

«Слишком уж я был уверен, — думал он, — что все будет хорошо. Что эти двое вернутся и принесут добрую весть, и в Ватикане все станет по-старому, и прекратится эта кутерьма со святыми и Раем…»

Думая так, он пытался успокоить себя, не поддаваться отчаянию.

«Если даже что-то не так, если произошло что-то плохое, это же не навсегда. Я сам и ещё кое-кто в Ватикане, пускай нас будет немного, поддержим огонь, который разгорится от искры надежды. Ватикан не погрузится в тёмную бездну, не погибнут в ней безвозвратно крупицы жизни. Когда-нибудь, через много веков, люди устанут от стерильной святости и вернутся к поискам знания, а это приведёт их, в конце концов, к истинной вере. Но если когда-нибудь, в далёком будущем, выяснится, что истинной веры на свете не существует, лучше узнать об этом и открыто принять, чем притворяться и двуличничать, утверждая, что такая вера должна быть обязательно».

Кардинал погрузился в раздумья, молитвенно, смиренно склонил голову и вдруг услышал нарастающий звук множества голосов. Резко подняв голову, он увидел то, что видели другие.

На эспланаде, не более чем в ста футах от кардинала, стояли Джилл и Теннисон. Над ними он разглядел мгновенно сверкнувшую и пропавшую вспышку алмазной пыли. «Уж не Шептун ли это?» — подумал кардинал.

Он приподнялся, но тут же снова опустился на табурет. Что-то было не так. Он увидел то, что не разглядел поначалу: перед Джилл и Теннисоном подпрыгивало странное чудище, похожее на маленького осьминога, перевёрнутого вверх ногами. Подпрыгивая, странное существо издавало противный чавкающий звук.

Теннисон обратился к Шептуну:

— Шептун, что стряслось? Ты что, притащил с собой Попрыгунчика?

— Понимаешь, я успел схватить его в последнее мгновение, — оправдываясь, ответил Шептун. — Когда он вздумал взорваться там, прямо перед нами, я ухитрился каким-то образом проникнуть к нему в сознание — до тех пор мне это не удавалось, хоть я очень старался. Я вовсе не собирался брать его с собой, но так уж вышло, что он тут.

— Там, в последний момент, — сказала Джилл, — он показался мне громадным и злобным.

— Ну, не знаю, — сказал Шептун, и было похо-

же, что сказать ему больше нечего.

— Ты знаешь хотя бы, что он такое? — спросил Теннисон.

— Не совсем уверен. Это не так просто объяснить. Смоки думает, что он — божество, которое может ему помочь, и готов платить за эту помощь поклонением. Ведь вы, люди, точно так же относитесь к своим божествам, только, может быть, не так цинично, как Смоки.

— Но он-то кто на самом деле? Действительно божество?

— Кто знает? Смоки так думает. Он считает, что ему удалось заполучить нечто такое, чего нет у других пузырей, и что Попрыгунчик может помочь ему в достижении цели. Он думает, что стоит только найти нужное божество, и можно достичь чего угодно. Насколько я успел разобраться, Попрыгунчика роль божества вполне устраивает. Значит, их уже двое — тех, кто так думает. Сколько нужно тех, кто поверил бы, что божество — это божество, чтобы это стало правдой? Я не знаю.

«Шмяк, шмяк, шмяк!» — скакал Попрыгунчик.

Феодосий встал с табурета и пошёл им навстречу. Следом, медленно вращаясь, двигался глухоман. А за ним толпились люди и роботы.

Они запрудили лестницу, взобрались на все свободные крыши, встали по обе стороны эспланады. А с фасада базилики на все происходящее взирало непроницаемое лицо Папы.

Феодосий пожал по очереди руки путешественникам: сначала Джилл, потом Теннисону.

— Добро пожаловать домой, — сказал он сердечно. — Рад вас видеть. Позвольте поблагодарить вас за путешествие, которое вы предприняли ради нас.

Попрыгунчик бешеным галопом проскакал вокруг Феодосия и глухомана.

— Позвольте представить вам моего друга глухомана. Вы, — обратился Феодосий к Теннисону, — уже имели удовольствие с ним познакомиться, а вот Джилл видит его впервые.

— Очень приятно, — поклонилась Джилл глухоману и улыбнулась.

Старик издал свою обычную басовую дробь и произнёс:

— Польщён. Рад познакомиться с вами и приветствовать ваше возвращение на Харизму.

Толпа, постепенно смыкаясь, образовала тесный полукруг около сцены, где разворачивались события.

— Позвольте поинтересоваться, — сказал Фе-

одосий, — что это за скачущий монстр, которого вы принесли с собой? Это важная особа?

— Ваше Преосвященство, — ответил Теннисон. — Я в этом смысле сильно сомневаюсь.

— Тогда зачем он здесь?

— Мы сами не знаем. Он затесался в нашу компанию в суматохе перед отбытием.

— Мы догадываемся, что вы нашли Рай Мэри.

— Нашли, — кивнул Теннисон. — И никакой это не Рай. Это — научный центр, наподобие Ватикана. Правда, у нас не было возможности и времени более подробно изучить его деятельность. Похоже, мы не слишком удачно вмешались в тамошнюю внутреннюю политику.

Неожиданно сквозь толпу, расталкивая людей и роботов, прорвался садовник Джон. Теннисон сразу узнал его.

— Доктор Теннисон, — сердито сказал Джон, — что вы можете представить в доказательство того, что место, где вы якобы побывали — не Рай?

— Доказательств никаких нет, — ответил Теннисон. — То есть никаких вещественных, документальных доказательств. Нашего слова вам не хватит? Я считал, что для вас должно быть достаточно честного слова человека.

— Ситуация слишком серьёзна, — сказал Джон, — чтобы хватило ничем не подтверждённого слова. Даже слова человека. Вы, люди, вообще скоры на слова…

— Джон, — оборвал его Феодосий. — Как ты разговариваешь? Где твоё уважение к людям?

— Ваше Преосвященство, уважение тут ни при чем. Мы тут все равны.

— Теннисон говорит правду, — прогудел глухоман, — он излучает правду.

— Вы, вероятно, думали, — продолжал Джон, не обращая внимание на глухомана, — что этот пляшущий уродец, которого вы приволокли с собой, может вам помочь, подтвердит достоверность вашего рассказа. Если уж на то пошло, потрудитесь доказать, что это существо — из Рая.

— Я вовсе не собирался ничего доказывать, — ответил Теннисон. — Я отлично понимаю, что, возьмись я доказывать, ты тут же обвинил бы меня во лжи и стал утверждать, что я подобрал его где-нибудь по дороге.

— Будьте уверены, не премину, — едко парировал Джон.

Тут толпа издала единый, дружный вопль и в страхе, продолжая кричать, отступила.

— Боже милосердный! — воскликнул Феодосий,

выпрямившись в полный рост.

Теннисон быстро обернулся и увидел Смоки, Сноппи и Декера-2, выстроившихся в ряд. По обе стороны стояли охранявшие их кубоиды, обитатели математического мира.

— Вот видите, какие они умные! — радостно воскликнул Шептун. — Я же вам говорил, что они ещё хоть куда! Они поняли, что у нас тут происходит. А я думал, понимают или не понимают? А ведь, может быть, это и есть то самое доказательство, о котором вы так мечтали?

По эспланаде, приближаясь к месту событий, шёл Декер-2.

— Но, позвольте! — воскликнул поражённый Феодосий. — Это же… Декер! Этого не может быть. Я лично отслужил по нему заупокойную мессу…

— Ваше Преосвященство, успокойтесь, — сказал Теннисон. — Позже я объясню вам, в чем тут дело. Это другой Декер. Не наш. Я понимаю, в это трудно поверить…

Все неподвижно стояли и ждали Декера-2. Теннисон сделал несколько шагов ему навстречу.

— Видимо, это Ватикан? — спросил Декер.

— Он самый, — ответил Теннисон, улыбаясь. — Я рад видеть вас, Томас.

— Не хотелось бы теперь говорить об этом, —

сказал Декер, опустив глаза, — но… там, перед вашим отбытием, стало очень плохо. Вы чуть было не погубили нас всех…

— Я?

— Вы имели дело с маньяком, — сказал Декер, — с чужаком-маньяком. Чужаки сами по себе — не большой подарок, а уж…

— Но вы были с ним заодно, на его стороне. Как это у вас называется — «триада»?

— Друг мой, — печально промолвил Декер-2, поднимая глаза на Теннисона. — Там, где я был все это время, главное — выжить. А чтобы выжить, приходилось делать, что попросят. Приходилось приспосабливаться.

— Понятно, — кивнул Теннисон.

— А теперь мне хотелось бы обратиться к самому главному здесь, — сказал Декер. — Вы тут не самый главный, по всей видимости?

— Нет, не главный, — согласился Теннисон. — Главный тут Его Святейшество — вон он, там на стене, высоко-высоко. Но я думаю, лучше всего вам поговорить с Его Преосвященством. Когда будете говорить, обращайтесь к нему «Ваше Преосвященство». Это не обязательно, но он так любит.

Он взял Декера под руку и подвёл к Феодосию.

— Ваше Преосвященство, — сказал он. — Это Томас Декер Второй. Он хочет говорить с вами.

— Декер Второй, — сказал кардинал, — вы прибыли к нам довольно бесцеремонно, без предупреждения, но я буду рад выслушать вас.

— Я прошу вас за чужака, бежавшего с родной планеты, — сказал Декер. — Ваше Преосвященство, я имею в виду этот пузырь, похожий на яйцо. Я зову его Смоки, хотя у него есть другое имя.

— Мне кажется, — сказал Феодосий, — что я уже видел этого Смоки, а может быть, не его, но одного из его собратьев, много лет назад… А теперь, пожалуйста, оставьте формальности и изложите суть дела.

— Смоки отдаёт себя на вашу милость, Преосвященный, — сказал Декер, — и просит у вас убежища. Он не может вернуться в Центр. Он совершенно бездомное существо и лишился очень высокого положения. Он в полной растерянности.

— Да, дела его, судя по всему, плохи…

— Очень плохи, Ваше Преосвященство. Он умоляет вас о милости…

— Довольно, — оборвал его Феодосий. — Лучше скажите: то место, откуда он родом, это не Рай?

— Насколько я знаю, нет. Я никогда не слышал,

чтобы его так называли.

— Вам известно, что одна из наших Слушательниц предпринимала попытку посетить ваш Центр — так вы его называете?

— Да, Ваше Преосвященство, мы так его называем — Центр галактических исследований. Да, нам известно, что кто-то, похожий по описанию Теннисона на одну из ваших Слушательниц, пытался проникнуть в Центр, но мы его, то есть её, отпугнули.

Теннисон посмотрел через плечо и заметил, что кубоиды немного расступились, а перед Смоки и Сноппи бешено скачет Попрыгунчик, приближаясь к Смоки.

Наконец, вплотную подобравшись к пузырю, Попрыгунчик принялся скакать перед ним — все выше и быстрее.

— О Господи! — простонал Теннисон в ужасе. — Только не это. — Он повернулся и бросился к Смоки и Попрыгунчику.

Позади слышались топот ног и крик Декера:

— Куда ты?! Вернись, безумец! Вернись, слышишь?

Теннисон бежал, не оглядываясь и ничего не слушая. Декер догнал его, на бегу протянул руку, схватил за плечо, рванул к себе. Теннисон попы-

тался удержаться на ногах, закачался на месте, отчаянно стараясь сохранить равновесие. Но это ему не удалось, и он неуклюже повалился на мостовую, больно ударившись плечом, покатился и ткнулся лицом в камень.

А Декер закричал на языке пузырей:

— Нет, Смоки! И не пытайся, слышишь?! Разве тебе мало? Все кончено, хватит! Тебе конец, перестань немедленно!

— Все ты и зверушка твоя проклятая! — зашипел Сноппи, обращаясь к пузырю. — Ты погубишь нас всех! — Выпучив все тринадцать глаз, он крикнул Декеру: — Не подходи к нему! Не подходи! Он с ума сошёл! Он хочет…

Декер резко остановился и попятился.

Попрыгунчик вспыхнул и превратился в круг яркого огня. Но пламя было холодным. Даже лежавший ничком на мостовой Теннисон ощутил его обжигающее касание.

И как только это произошло, наступила странная тишина, перекрывшая вопли обезумевшей от ужаса толпы. Тишина и темнота. Теннисон перевернулся на спину, посмотрел в сторону базилики и увидел, как опустившаяся завеса тьмы скрыла лицо Его Святейшества. Мрак покрыл лестницу и эспланаду, казалось, настала

глубокая ночь. Попрыгунчик вспыхнул вновь — и тьма рассеялась. Попрыгунчик больше не скакал и не светился. Он неподвижно валялся на ступенях. Сноппи лежал рядом на боку, а Смоки — лицом к земле. Наконец он пошевелился и пополз вверх по эспланаде — медленно, с трудом. Феодосий и глухоман, не двигаясь, смотрели на ползущий пузырь. Декер бросился к лестнице и поднял Сноппи. Попрыгунчик вяло пошевелился. Декер подскочил к нему, ловко схватил за одно из щупалец и пошёл вниз по эспланаде, волоча Попрыгунчика за собой.

Теннисон вскочил, выпрямился. Плечо, которым он ударился о мостовую, болело, пульсирующая боль разливалась по всей руке. Он неловко заковылял вслед за Декером и Сноппи.

— Этот ведь от своего не откажется, — сказал Декер, указывая пальцем на Смоки. — Один из тех фанатиков, которые упорно не желают признавать, что им конец. Валялся уже в грязи, и хоть бы что. Знаешь, какой у него девиз? «Сначала — Галактика, потом — Вселенная»!

— Он безумец, — морщась от боли, выговорил Теннисон.

— Несомненно, — подтвердил Декер.

— И ты был заодно с ним?

— Я же говорил тебе, друг: попытка выжить, только и всего.

Смоки подполз к Феодосию. Он по-прежнему не отрывал лица от земли.

Декер что-то сказал ему, и Смоки что-то вяло проквакал в ответ.

— Я говорил вам, Ваше Преосвященство, что он готов сдаться. Но я немного поторопился. Возьмите этого несчастного и заприте, да покрепче. Мой вам совет: постарайтесь побыстрее от него избавиться.

— Мы никого не лишаем жизни, — возразил Феодосий. — Для нас всякая жизнь священна. Но мы найдём для него место. А что делать с этим скачущим разбойником?

— Бросьте его туда же, куда и пузырь.

— А другой?

— Сноппи в порядке. Совершенно безопасен. Даже мил по-своему. За него ручаюсь.

— Ну, что ж, хорошо. Мы позаботимся о них. А теперь позвольте поблагодарить вас.

— Меня? За что, Ваше Преосвященство?

— За то, что вы сообщили нам, что одна из наших Слушательниц была изгнана из вашего Центра.

Толпа зароптала, шум голосов становился все

громче. Но тут, перекрывая шум, прогремел могучий голос Его Святейшества:

— Прошу всех разойтись. На сегодня все закончено. В своё время факты, имеющие отношение к данной ситуации, будут самым тщательным образом рассмотрены и изучены. Результаты будут незамедлительно обнародованы.

Глава 61

Все собрались у Теннисона и расселись в гостиной перед весело пылавшим камином. Теннисон встал, чтобы наполнить стакан Экайеру. Остановившись перед Феодосием, он сказал:

— Прошу простить меня, Ваше Преосвященство, вы, вероятно, сочтёте нас негостеприимными — мы вам ничего не предлагаем, а сами уплетаем сандвичи и поглощаем спиртное.

Кардинал поудобнее устроился на табуретке, которую специально для него Джилл принесла из кухни.

— Мне вполне достаточно того, что я здесь, — ответил Феодосий, — в кругу друзей, у огня. Я ведь не забыл тот вечер, когда я зашёл к вам, и вы попросили меня остаться.

— И я помню, — кивнул Теннисон. — Тогда вы не смогли задержаться, поскольку нас ожидал Его Святейшество.

— Да, верно, и представьте — с тех пор я ждал, когда вы меня снова пригласите.

— Вам не нужно ждать приглашения, — улыбнулась Джилл. — Мы всегда рады вам.

— Похоже, все окончилось благополучно, — сказал Экайер. — Теперь можно вернуться к работе. Слушатели могут приступить к своим обязанностям.

— Но Его Святейшество сказал всем, что официальное решение будет объявлено позднее, — проговорила Джилл. — Как вы думаете, есть ли возможность…

— Никакой, — твёрдо ответил Феодосий, поняв, о чем она хотела сказать. — Выслушав то, что рассказал Декер Второй, и зная, что Центр был информирован о посещениях Мэри, я склоняюсь к уверенности, что никаких вопросов нет и не будет. Его Святейшество, несомненно, принял бы и менее веские доказательства, чем те, которые мы ему предоставили. Он более всех нас был огорчён всей этой затеей с Раем и провозглашением Мэри святой. Вы не должны забывать, что он прежде всего компьютер, хоть и очень сложный. Ни у кого из нас не должно быть сомнений, куда простирается область его интересов.

— Но мне все-таки кажется, что, если бы дошло до дела, он мог бы распорядиться ситуацией не в нашу пользу.

— Нет. Он пошёл бы на все, чтобы спасти и сохранить Ватикан. Как и любой из нас. Но вот что

не перестаёт волновать меня… Так называемые пузыри несколько столетий назад обследовали нашу планету.

— Не стоит придавать этому слишком большого значения, — посоветовал Теннисон. — Декер уверил меня в том, что колоссальные массивы информации о множестве разведывательных вылазок подолгу лежат у них в файлах, а в Центр непрерывным потоком поступают все новые и новые данные, так что вероятность, что кому-то придёт в голову раскапывать архивы и разыскивать именно эту информацию, слишком мала. Вряд ли теперь они смогут вспомнить, что у них вообще есть отчёт о посещении этой планеты.

— Но там ведь остались ваши копии, — возразил кардинал. — Они могут проболтаться, что такая запись в файлах существует. Они могут рассказать им, где мы находимся. Это очень опасно. Просто удивительно, как они до сих пор нас не выследили. Но, увы, придётся с этим смириться. Кстати, мы не беззащитны. Мы, правда, никому не говорили об этом, но вы видели собственными глазами, как Его Святейшество усмирил Попрыгунчика. Демпинг-эффект. Обыкновенное человеческое оружие, давно разработанное. Уничтожает все на своём пути. Но у нас есть и

кое-что другое…

— Надо же! — удивлённо воскликнул Экайер. — А я об этом ничего не знал!

— И мало кто знает, — сказал Феодосий. — У нас существует установка на использование оружия только в самой чрезвычайной ситуации. Но, судя по тому, что рассказывает Декер, пузыри — чрезвычайно порочная и злобная раса. Прошу прощения, может быть, моё сравнение будет не слишком удачно, но я бы сказал, что каждый из них — маленький островок, мечтающий, как бы поскорее стать материком.

— У Смоки были планы захватить Галактику, а потом обрести власть над Вселенной, — сказал Теннисон. — Он, конечно, безумец. Придумал себе маленькое, ничтожное божество и собирался использовать его как секретное оружие.

— Но немножко поторопился, — добавила Джилл. — Джейсон, а ведь это ты его поторопил. Скажи честно, ты догадывался, к чему дело идёт?

— Совершенно не догадывался. Я просто хитрил. Чувствовал, что он хочет выудить у меня информацию. Видимо, я зашёл слишком далеко.

— И совершенно правильно сделал, — улыбнулся Экайер.

— «Маленькое божество» — вы сказали, — за-

думчиво проговорил Феодосий. — Но маленьких богов не существует. Есть только один Бог, один-единственный Главный Принцип, как его ни назови. Я в этом уверен. Таких вещей, как маленькие боги, не существует. И выдумывать их опасно.

«Не сотвори себе кумира», — так гласит великая мудрость.

— Непонятно, — сказала Джилл, — почему это маленькое божество так много значило для Смоки. То могущество, которое он приписывал Попрыгунчику, шло вразрез с бесповоротным убеждением Центра в том, что любая религия, любое вероисповедание бессмысленны и беспочвенны.

— Такие, кто так думает, находятся всегда, — сказал Феодосий. — Стоят перед величием Вселенной обнажённые и гордятся своей наготой. Даже тогда, когда мы в конце концов отыщем ту истинную веру, поискам которой посвятили себя, обязательно найдутся такие, кто станет и её отрицать. На самом деле их пугает не сама вера, а та дисциплина и самоограничение, которых она требует.

— А что с Декером Вторым? — спросил Экайер. — Что с ним будет?

— Он и Сноппи пока под домашним арестом, — сообщил Феодосий. — Они, похоже, совершенно неопасны, но нам нужно убедиться в этом. Единственный, кого стоит серьёзно опасаться, это Смоки, но оттуда, куда мы его поместили, ему непросто убежать.

— Да некуда ему бежать, — улыбнулся Теннисон. — Теперь другие пузыри прекрасно знают о том, что он замышлял, и в Центр он вернуться не осмелится. Просто гениально поступил Шептун, захватив с собой Попрыгунчика! Даже если бы кубоиды вызволили нас оттуда вместе с Декером и Сноппи, Смоки наверняка попытался бы разыскать Попрыгунчика. Не знаю… Непонятно все-таки. Может быть, Шептун все понимал с самого начала? Он, правда, клянётся, что у него и в мыслях не было брать с собой Попрыгунчика, но я почему-то не очень в этом уверен. Шептун — существо загадочное, непостижимое…

— Удивительно, — сказал Экайер, — что обитатели математического мира доставили сюда эту троицу. Как вы думаете, почему они это сделали?

— Кто может сказать? — пожала плечами Джилл. — Старички кубоиды оказались проворнее, чем мы думали. У меня такое чувство — не знаю, как сказать, — такое чувство…

— Ну, не тяни, говори, какое у тебя чувство, — поторопил её Экайер.

— Ну, в общем, мне почему-то кажется, что они способны заглядывать вперёд. Предвидеть.

— Нисколько в этом не сомневаюсь, — кивнул Теннисон. — Вот интересно, здесь ли они ещё или уже отбыли? Я их потерял.

— Они отбыли, — сказала Джилл. — Куда именно — не знаю. Но я уверена, что, если они нам ещё понадобятся, Шептун легко разыщет их.

— Знаете, мне кажется, — задумчиво сказал Феодосий, — что мы вернулись в прежний Ватикан. Мы можем снова начать и продолжать работу. Простите, Джейсон, не могли бы вы налить мне стаканчик того, что вы пьёте? Мне хотелось бы сказать тост.

— Но… Ваше Преосвященство…

— Я вылью напиток себе на подбородок, — сказал Феодосий, — и сделаю вид, что выпил.

Ошеломлённый Теннисон пошёл на кухню за чистым стаканом, принёс и налил в него виски до краёв.

Феодосий взял стакан, встал и высоко поднял его.

— За тех из вас, кто верил до конца!

Все встали и дружно выпили до дна.

Феодосий запрокинул голову и торжественно пролил виски на свой стальной подбородок…